

Виталий Полозов

СТРАННИК

я на земле...

Повесть

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 821.161.1(430)-31

ББК 84(4Нім=Рос)

П 52

Полозов В.

П 52 **Странник я на земле...** / Повесть. — Свет на Востоке, 2010. — 400 с., ил.

ISBN 978-966-2089-32-5 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-61-4 (Герм.)

Повесть основана на реальных событиях. С подобными людьми В. Полозов долгое время работал бок о бок в тайге. Автор нисколько не приукрашивает суровую действительность и глубины реального человеческого падения. Тем удивительнее, что сила Божья действует спасающе и преображающе и в таких людях.

УДК 821.161.1(430)-31

ББК 84(4Нім=Рос)

Ответственный редактор *В. Цорн*
Корректоры *Е. Пеннер, Н. Назарова*
Компьютерная верстка *Т. Крук*

Отпечатано в типографии *СРІ books*, Ульм, Германия
Издание первое

Изд. № 01.388

ISBN 978-966-2089-32-5 (Укр.)

ISBN 978-3-939887-61-4 (Герм.)

© В. Полозов, 2010

© «Свет на Востоке», 2010

*«Странник я на земле; не скрывай
от меня заповедей Твоих».*

Псалом 118:19

В ресторан гостиницы «Братск» вошли трое крепких мужиков и уселись за приготовленный для них столик у окна.

— В общем, так, — сказал Юрий, парень лет тридцати, явно лидер группы, — дело тут подвернулось. Есть КамАЗ воинский трехмостовый и трактор Т-170. Все новье.

Мужики присвистнули.

— Иди ты, — не поверил Миша по прозвищу Чучундра, приземистый тип с удивительно вытянутым вперед лицом, сильно похожим на крысиное. — Так уж и новье?

— Муха не сидела.

— Далеко? — спросил самый старший из них, Анатолий, высокий плечистый мужик с кулаками-кувалдами и вполне подходящей фамилией Глыбин. Попросту — Толик Глыба. Коротко и наглядно.

— Где-то триста км, я сейчас оттуда. Завтра ночью пойдем на своем КамАЗе, к полудню подгадаем туда. Забираем технику — и, опять же к ночи, на тракт. За Ульканом будет ждать покупатель. Вот задаток: по штуке на брата. Остальные на месте. Согласимся гнать за Байкал — еще по пятьсот.

— Ну, ты голова-а, Юрчик, — одобрительно крикнул Глыба. — А у кого... это, как ее... икс... эксприруем?

— Экспроприруем? У Гоги. Прямо на деяне.

— Ты что? — Чучундра вскинулся, будто его ошпарили. — Он же всех ментов в районе на уши поставит!

И осекся, подняв руки:

— Молчу, молчу.

— Времени уйти — за глаза, — пробуравил его взглядом Юрий. — Назар со своей шоблой в Усть-Илимск на свадьбу приятеля вчера еще свалил. На пятидневку — не меньше. Там одной водки из Саянска целую машину привезли. В другом загвоздка: сторожа он оставил на деляне — бомжа одного, Сашку-алкаша. Ну, что в начале зимы по пьяни в обрыв на КраЗе ушел где-то около Чуны. Его сваркой из кабины вырезали, чтобы схоронить, а он взял да и выжил. Правда, говорят, с ума иногда сшибает. Бога какого-то выдумал и молится. Крыша, в общем, поехала у чудика. А в теле пока больше железа, чем костей. Но Гога его при себе оставил. Пусть, мол, ущерб отрабатывает. Хотя тот КраЗ ломаного гроша не стоил. Так, рухлядь допотопная. Алкаш же этот теперь ему по гроб жизни раб. Ну, как же: дело замял, ментам не сообщил. Откуда ему знать, что всех делов-то — пара пузырей сержанту. Жаль мужика: такого крановщика еще поискать надо. Его у Гоги иногда даже леспромхоз арендовал. Все говорят: классно работает.

— Ну, а загвоздка-то в чем? — не утерпел Чучундра. — Один раз по тывке — и все дела. Кто его, бомжа, искать будет? Мало их в тайге гниет, что ли?

— Сначала надо КамАЗ найти. Он где-то там, но не на стане. Да и накручено — это уж к бабке не ходи, — не заведешь с наскоку. Помните, как в Родниках полдня бились, пока нашли секрет? Так что никаких «по тывке», пока не выясним у него: где, что и как. При помощи вот этой, родимой, — Юрий щелкнул ногтем по графину с водкой.

— И этой, — показал он упаковку таблеток. — Но это на крайняк. Одну такую в стакан — и будет дрыхнуть, как сурок. Может, правда, и крыша насовсем съехать. Но отойдет —

проверено. Дураком-то, конечно, может остаться, но он и без этого уже тронулся. Мужики смеются, что в тайгу, мол, уходит и там Библию читает. Ну, и заговариваться начал: молотит что ни попадя. Бог ему везде мерещится. Безнадега, в общем. Так что, если что, мы даже ему пользу принесем. Дуракам ведь оно легче, они хоть сознанием не маются. Ну, а так-то, если обойдется все чики-чики, — пусть живет мужик.

— Дак пусть, конечно...

По пустынным улицам небольшого таежного села, поминутно сигнала, не совсем уверенно разъезжал допотопный КраЗ с болтавшимся из стороны в сторону лесовозным прицепом. Вся эта халабуда лязгала цепями коников, чихала и надрывалась ревом мотора, оставляя на снегу сажевые пятна выхлопных газов. Время от времени, несмотря на мороз, из кабины высовывалась небритая физиономия водителя с осоловелыми глазами. Завидев у плетня возившуюся с дровами женщину, он притормозил в очередной раз и промышчал что-то невразумительное: не то искал дорогу, не то спрашивал, где раздобыть самогон. Кое-как она выяснила: и то, и другое. И самогона на дорожку, и дорогу на Усть-Кут.

— Тю-ю. Да куда же ты едешь-то, горе луковое? — всплеснула руками женщина. — Тебе ж в обратно надо. Вон, у почты, развертайся и прямо назад, — махнула она рукой в обе стороны.

Мужик долго и тупо смотрел на нее, соображая, как можно ехать сразу в две стороны, потом внятно ругнулся, «дал по газам», окутав сердобольную женщину облаком черного дыма, и загромыхал в первоначально указанном направлении.

— Чтоб ты перевернулся, ирод! — кулаком погрозила она ему вслед.

У почты машину и впрямь с разгону развернуло на укатанном и обледенелом снегу. Разорвав сцепку, как камень,

выпущенный из пращи, помчался прицеп и, чудом не зацепив почву, влетел в соседний огород. Там он смел заплот из штакетника, протаранил стайку¹ и упокоился в стогу сена. Машина же, устояв на колесах и крутнувшись еще раз, напрочь смела остатки аккуратного штакетника и красивые, с резьбой ворота, выскочила по наклону проулка за околицу и через несколько метров сорвалась с крутого яра на берег обледенелой речки.

— Господи, помилуй! — перекрестилась женщина и побежала через огород к яру.

Там уже толпились насмерть перепуганные люди, все видевшие с крыльца... Водителя вырезали из искореженной машины сваркой. Доставали, чтобы похоронить, но он еще дышал.

— Это Сашка-бомж, крановой из «воруйки», — сказал один лесовик. — Я с ним работал как-то. Надо бы их мужикам сообщить, только далековато они. Верст триста, однако.

Его отвезли в районную клинику. Хирург больницы собрал мужика по частям, скрутил «гайками и болтами» и через полгода поставил на ноги.

Всю бригаду лесовиков Гога на неделю увез на свадьбу своего партнера по бизнесу. На деляне же за сторожа — озоруют нынче в тайге, а у него какая-никакая, а техника! — оставил крановщика Говорова, или просто Сашку-бомжа, который по выходе из больницы пока ни на что большее не был способен. Да и уединению был рад. Хоть Библию почитать, не таясь от мужиков. А то ведь вовсе засмеяли. Поначалу-то просто по-доброму подтрунивали, а теперь вот уже и со злобой когда цепляются. Кого-то стало раздражать даже его стремление к уединенности. Да и сам он в последние дни часто досадовал на себя и ходил в каком-то тревожном ожидании. В таких случаях говорят: сам не свой.

«Ходит, как из-за угла мешком пришибленный», — не то жалели, не то осуждали мужики. Вот и сегодня, чем-то необъяснимо взволнованный, он закрыл Библию и вышел из вагончика. Солнце давно подсушило утреннюю росу, спрятался неуловимый мокрец², и докучливые комары уже не причиняли большого беспокойства. Накинув на пробой замок, он пошел на свое излюбленное место на опушке леса и удобно устроился на объемном, с приступком, пне. Отсюда открывался изумительный вид на горный луг, синевой колокольчиков и васильков, золотом одуванчиков и белизной ромашек сбегаящий по пологому спуску к спокойной, тихой речке.

И, если долго, не отрываясь, смотреть на это волшебство природы, трудно определить, где этот роскошный луговой ковер, вобравший в себя лазоревый отблеск небес, переходит в изумрудную водную гладь. Вдобавок это различие скрадывало яркое солнце, расцвечивая в заводях застоявшиеся крупные листья лопуха и кувшинки. При легком дуновении ветерка все это разнотравье переливалось мягкими волнами, и не понять: то ли луг заполнил реку, то ли река растеряла берега свои. Потому что так же незаметно начинался и противоположный берег. Только был он круче, и луг там быстро переходил в подлесок, заселенный молоденькими трепетными осинками да березками. Лес начинался лишь у подножия невысоких гор.

Здесь, понизу, из-за преобладания мохнатых елей выглядит он просто дремучим. Даже солнышко только местами просеивается сквозь густо переплетенные ветви. Оттого-то и выглядит он темным, особенно в пасмурную погоду. Зато выше по склону и насколько хватает глаз — половодье радостного света: рядом с белыми-пребелыми, «повзрослевшими», в зеленых кудряшках березками золотятся на солнце оголенные стволы сосен. И по самому хребту холма, от макушки в обе его стороны, выстроились они по ранжиру: каждая последующая ниже предыдущей. Где-то там и опробовала голос, закуковала надсадно вестница-самозванка, несколько нарушив гармонию лесной переключки.

— Ну-ну, — очнулся Александр, — погадай давай.

И приготовился считать в волнующем ожидании.

— Ку... — всхлипнула и захлебнулась кукушка.

То ли сама от тоски задохнулась, то ли смял ее соболь. И как он ни ждал, не отозвалась более.

— Вот так всегда, — расстроился Саша. — Все наполовину. Даже сдохнуть за раз не смог.

И тут же сник отрешенно. Что, в общем-то, и немудрено. Настроение его после перенесенных операций менялось быстро и без видимых причин. По несколько раз на день. Вот, стоило кукушку услышать — и лег на сердце тяжелый камень отчаяния, и одолела враз тоска безысходная.

Тоска... Теперь она все чаще преследовала его. А ведь был на душе его полный покой, был. Как ни странно, в самый критический момент его жизни. И не от лекарств обезболивающих. Он помнил это благословенное состояние. Этот покой вошел к нему в палату вместе с той странной старушкой, когда он лежал, спеленатый шинами и бинтами, и не мог даже говорить, но уже осознал: «Не жилец я больше на белом свете, не жилец». Непоправимое, к которому он так упорно стремился, произошло. Гробил-то себя целенаправленно уж сколько лет, да все как-то щадила его судьба. Но, видно, и ей надоело хранить его.

Все это он ясно осознавал и уже не сопротивлялся, а, наоборот, старался подавить в себе слабую, чуть тлеющую в уголках души надежду на жизнь, подменив ее надеждой на скорую смерть. «Только бы поскорей, нет сил моих терпеть эти боли», — шептал он в неведомое, когда приходил в сознание.

И вот вошла эта женщина. Он и сейчас будто ощущал ее ласковое прикосновение, когда она, склонившись, легонько вытерла ему слезы, плод его поминутных воспоминаний, и присела на табуретку. И стало стыдно за слезы, за слабость свою.

— Ты не стесняйся слез, Саша, — уловила она его мысли. — Это так твоя душа о Боге истосковалась. Видать, шибко ты ее от Него прятал. Вот она сама и зовет к Нему теперь, слезами очищается. Значит, слышит Он тебя. И исцеляет. Христос всех исцеляет, кто Его просит. И тебя исцелит.

Странное дело: ему почему-то не хотелось ее разубеждать, несмотря на свою твердую уверенность в неотвратимом

конце. Да нет, не уверенность — надежду, даже упование, чтобы побыстрее все кончилось. Тетя Маша, так ее звали, разговаривала с ним, словно не сомневалась, что он обязательно выздоровеет и придет к Богу.

— Как же было сомневаться? — говорила она потом. — Узнала, что один-одинешенек, живого места нет, а жизнь не уходит из него. Значит, Сам Господь призрел! А как же.

И больше месяца ухаживала за ним, как за ребенком: носила гостинцы, читала из Нового Завета, рассказывала о Христовом спасении. Благо лечащий врач распорядился пускать ее в любое время. И мало-помалу, несмотря на физические страдания, безоговорочно поверил он, что вернется к жизни. Спасенным. Каждый приход ее ждал уже с нетерпением. Была она в этих краях с какой-то миссией, и, аккурат перед тем, как его перевести в общую палату, пришла попрощаться, и принесла на память Библию. Он как раз пробовал стоять, держась за спинку койки, и, увидев ее, интуитивно шагнул навстречу. Тело его при этом содрогнулось, выдало каскад конвульсивных движений: еще шаг — и тетя Маша успела подхватить его и усадила на кровать. Он двигался! Саша молча плакал. Не от боли — к ней он привык. Здесь была и радость вновь обретенного движения, и благодарность незнакомому человеку за сердечное участие, и незримое присутствие великого Бога. А тетя Маша тихо гладила его по голове:

— Вот видишь, Саша, Господь хранит тебя. Поторопись покаяться перед Ним. Выйдешь из больницы, не укрывай от людей Того, Кто тебя к жизни вернул. Укроешь — опять душой томиться станешь. Оглянуться не успеешь, а тоска тут как тут. Люди ведь пока в страданиях, так молятся Ему, о милости просят. А выздоровели — и забыли, что каялись. Ты не допусти этого.

Она не торопила его с решением, не давила на сознание, но каждое ее слово тогда находило в его сердце благодарный отклик. И Александр понял, отчего так разволновался сегодня. От памяти. Оттого, что не хватило тогда одного шага до покаяния. А потом, выйдя из больницы, стал шаг этот откладывать со дня на день, стесняясь мужиков. Именно это и прочел он сегодня в Евангелии от Матфея (10:33): «А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным».

«Ах ты, мать честная! — дошло до сознания. — Да ведь она об этом и говорила! Выходит, я отрекся от Него. Прости меня, тетя Маша, прости меня...» Александр сполз с пня на колени; во рту у него вдруг пересохло, а язык отяжелел, словно налился свинцом, но он все же с трудом выдавил:

— Господи...

Впервые в жизни произнес он это необыкновенное по силе слово вслух. И упал камень с сердца, и засветило в душе солнышко, и язык обрел прежнюю легкость. Не удалось сатане в попытке своей последней сковать его призыв к Отцу Небесному.

— Господи, примешь ли меня, клятого да окаянного? Натерпелся я без Тебя, — в счастливом благоговении вопрошал он.

И слышалось ему в легком шуме листвы ходатайство тайги-свидетеля: «Прими его, прими, Господи! Натерпелся мужик за жизнь-то, ох и натерпелся...»

— Какое же это счастье — быть с Тобою, Господи! И как велико Твое долготерпение... Спасибо тебе, добрая женщина тетя Маша, что помогла найти дорогу еще одной заблудшей душе. Добрый Пастырь привел ее на Свой луг и не дал погибнуть в пьяном угаре.

Угар... Гарь... Саше вдруг вспомнилось, что на месте вот этого чудесного луга и такого нежного, ранимого подлеска

несколько лет назад была обуглившаяся гарь. Зола и пепел — выжженная буйным пожаром земля. А теперь Господь возродил здесь такое волшебство! Не так ли возрождает Он и его, обожженного и исковерканного жизнью, спалившего душу и тело алкоголем? Саша буквально погрузился в покаяние. Вся прожитая жизнь обернулась одним мгновением. И это мгновение он прожил вне себя, в некоем отсутствующем измерении. Наблюдая себя со стороны. Все наблевшее, изводившее душу годами скитаний, удерживаемое далеко в тайниках памяти, высветилось вдруг так отчетливо!

Сколько же это длилось? Боже мой, тринадцать лет! А будто один день. Только очень и очень длинный. Саша жил в этом видении, доставал себя из той необъятной памяти и чувствовал, как постепенно освобождается от тяготившего столько лет груза собственной вины. А главное, он впервые не испытал ни щемящего чувства горечи, ни обиды на тех, по чьей злой воле оказался человеком без... без всего. «Бомж без родины и флага» — так говорили о нем. Ушло оно, ушло все это как-то сразу и насовсем. Впервые не содрогнулся он, не заскрежетал зубами в пронзительно беспомощном желании отомстить. Как будто зачерпнул в том видении живой воды, и в трепетном благоговении пил ее с ладоней, и орошал ею лицо... И воскресали в нем те, прежние, замурованные им самим, надежды: «За что мне такая радость, Господи?»

Ах, как легко и свободно почувствовал он себя после того, как в покаянии отплакал перед Христом за все лишения, за все несбывшиеся сны! И понял, как-то очень спокойно и уверенно понял: вот теперь эти надежды сбудутся, потому что Сам Христос принял его таким, каков он есть. Только стать надо было другим. И прежде всего надо было вернуться домой. Где-то в далекой Якутии, может быть, живы еще его мать с отцом, от которых он уехал тринадцать лет назад.

Уехал с надеждой перевестись в Омский институт и вернуться-таки года через два дипломированным инженером. Да от начала заблудился в мутном водовороте людской подлости, коварства и безразличия. И, не умея правильно ступать по жизни, ступил мимо кочки, в болото. А ступив, увяз в нем по уши. И уже не вернулся ни инженером, ни даже бомжем, в которого преобразился за один всего год. (Да какой там год — в одночасье! В два-три дня, самых для него роковых.) Хотя собирался первое время. До каждой полочки. И после того, как она исчезала, снова собирался. Потом перестал и собираться. Смирился.

Прямо над головой застучал отбойный молоток дятла и нарушил ход мыслей. Саша долго возвращался в реальность, а когда вернулся, то услышал еще и кукушку и вдруг понял, что уже долгое время она ведет отсчет его годам. «Пой, вестница, гадай, милая, — прошептал он. — Только все одно неправда твоя. Не сможешь ты мне нагадать столько, сколько я теперь жить буду... Ну, не будешь же ты ковать вечно!»

И, счастливо засмеявшись, шагнул к стану. Шагнул навстречу судьбе, убежденный, что начинает новую жизнь. У вагончика он обнаружил сброшенные со стола и с самодельных полок кружки и ложки — плод поисков повадившейся в последнее время нежеланной гостьи — россомахи. Ну, никак не удастся ей проникнуть внутрь вагончика, где, по ее догадкам, лежит кое-что вкусненькое. Саша знал, что спугнул ее и сейчас она где-то рядом наблюдает за ним. Он вынес ружье и потряс им в воздухе.

— Ты совсем обнаглела, подруга! — прокричал он. — Еще раз сунешься — пальну. Вот увидишь, пальну! Та-та-та-та, — зачистил он и ударил прикладом в жестяной таз, подвешенный на суку березы.

Раздался приглушенный гул, и следом треск сухой ветки и внятный шорох от удиравшей россомахи подтвердили, что все это произвело на нее впечатление. Подействовало. Надо долго ли?

Он развел небольшой костерок в железной печке, поставил чайник и открыл банку тушенки — показатель высокого рейтинга их «воруйки». Не каждая бригада лесорубов может похвастать таким сухим пайком. Потом отошел и сел прямо на землю, притулившись спиной к березе с теневой стороны. Наблюдая за вырывавшимися из коротенькой трубы языками костерка и сизым дымом, производным от его горения, он скорее ощутил, чем увидел дрожащее марево между ними. Его вроде и не было, но оно мельтешило в глазах. И Саша Говоров — человек, переживший трагедию жизни, — хотел знать, кто он есть сейчас: вот это призрачное, но все еще питающее иллюзии не до конца сгореть марево или уже сгоревший синим дымом божж? Так когда же все-таки началось его восхождение по той лестнице, ведущей вниз?

Собираясь переводиться из Читинского института в Омский, он уехал, как оказалось, в долгосрочное небытие. Он и сам не мог объяснить, каким образом столь быстро и гладко, словно по кем-то подготовленной стежке-дорожке, скатился на самое дно. Вернее, не хотел признавать закономерности этой стройной цепочки преследовавших его бед. А дорожку эту между тем кто-то неведомый старательно подравнивал для него. Только так ли уж и неведомый? А если присмотреться внимательнее: с чего все началось? Да вот же: на втором уже курсе он впервые в жизни выпил так, что и сам диву дался.

Правда, раза три до этого он уже пытался перебороть врожденное отвращение к алкоголю и выпивал одну рюмку, чтобы поддержать студенческую компанию. Но ничего, кроме тошноты и головной боли, это ему не принесло, и он отказался от подобного занятия. В этот же раз ему вдруг «покатило»: он выпил пару раз подряд и... раскрепостился. Да так, что стал даже в меру развязным. Куда только подевался тот замкнутый,

молчаливый парень! Весь вечер он смеялся, отпускал остро- ты, а благодаря анекдотам из армейской жизни и брэнчанью на гитаре в момент преобразился в весельчака и балагура.

И хоть наутро и выворачивало наизнанку, было и тошно, и стыдно за некоторое хвастовство, но быть центром внима- ния оказалось приятно и заманчиво. Это так льстило само- любви: «Значит, я тоже могу, как все!» К тому же — и это тоже впервые — Катя, та девушка, с которой он боялся даже заговорить, а если и заговаривал, то заикался от волнения, сама теперь оказала ему внимание. И помогло вот это состо- яние разудалости... Но оно, состояние это, побыло и про- шло, и он снова замкнулся в себе. Снова «черные будни», а так хотелось того сумасшедшего, бесшабашного веселья. Ах, как они пели: «Эх, раз, еще раз!» Пьянящая свобода! С ка- ким огромным нетерпением ждал он очередной вечеринки, чтобы снова ощутить всеобщее внимание и, упиваясь соб- ственной лихостью, ловить восхищенные взгляды девушек.

Вот она где — жизнь! «Истина — в вине!» — сказал Омар Хайям. А он велик. Его рубаи Саша декламировал наизусть и в большом количестве, и всегда к месту. А главное, для жизни такой требовалось-то всего ничего: «раздавить» бу- тылочку-другую с компанией. И он «давил» от случая к случаю. Через какое-то время это стало нормой его поведе- ния. На учебе это пока не отражалось: благодаря прекрасной памяти учился хорошо, но вот от тренировок, а потом и от соревнований на первенство области по вольной борьбе вскоре пришлось отказаться. Хотя был основным кандидатом на побе- ду. И причина для тренера отыскалась куда как уважительная: все силы, мол, отдаю учебе. На поверку же все чаще стал пропускать лекции. Потом стал пропускать и семинары.

Когда приехал домой на каникулы и впервые не отказал- ся от понарошку предложенной отцом рюмки водки, мать

окаменела. Да и отец смутился — невиданное же дело, чтобы его сын согласился выпить. Сколько раз отец разыгрывал своих друзей спором, что не уговорят они его сына выпить с ними «за уважение».

— Да ты что, паря, шутишь? — сомневался очередной приятель. — Он же мужик, нито. Армию, вон, отслужил. Цас он у нас как миленький приголубит стакашку.

Но ничто не могло поколебать его стойкого отвращения к «этой проклятой», как называл ее отец. Не помогали ни укоры: «Ты нас не уважаешь?», ни уговоры: «Ну, одну рюмку-то не грех, одна — она не повредит», ни хитрые подначивания с издевкой, типа: «Да он, видать, еще молокосос! За мамину юбку держится».

— Ну что, съели? — хохотал отец, когда Саша уходил в свою комнату. И добавлял гордо: — Он у меня кремень!

И мать, не скрывая радости, вторила ему: «Христовый ребенок. С детства Христовый!»

И вот впервые Саша огорошил их. Отец неловко закашлялся, но быстро овладел собой. Мать же долго стояла истуканом, шепча про себя молитву. Спыхватился сын, что выдал себя с головой, и стал что-то мямлить в оправдание, чем еще больше утвердил мать в охватившем ее сомнении. И, словно предчувствуя беду, робко заметила, что, мол, лиха беда начало, недалеко и конец. И конец этот у сатаны в капкане. Саша со смехом, но уже и с едва уловимым раздражением отмахнулся: «Какой еще сатана! Я же за встречу, мама». Да и отец, по-своему понимая перемены в сыне, прикрикнул на нее: дескать, мужику уж двадцать пять, не ребенок. Я-то, мол, вон уже жизнь прожил и выпивал, чего уж там, а никакого сатаны твоего с капканом видеть не сподобился. И рукой махнул, мол, не слушай, Сашка, бабьи сказки. Пить можно, только с умом чтобы. Не пропить его, значит.

На том и согласились, с тем Саша и уехал на третий курс. Мать, конечно, заверил, что больше не притронется. Матери, они ведь преувеличивать горазды. Зачем их зря расстраивать? Однако выпивки участились, и он все чаще ублажал себя: «Ничего страшного. Я же так, для настроения. Хочу выпить — выпью, не хочу — никакой дьявол не заставит! Я же не алкоголик. Тому рюмки на день хватает, а тут и литра бывает мало, чтобы только настроение поднять». Ему и в голову не приходило, что другие замечают, как он изменился с некоторых пор. Но не замечал только он сам. Однажды староста потока, Валерий, предупредил, что его намерены вызвать «на ковер» в комитет комсомола. И причина — его поведение. С Валерием они сдружились еще на вступительных экзаменах, потом в стройотряде. Были они самыми «старыми» студентами, успевшими отслужить в армии, это их и сблизило.

Но с той поры, как Саша зачастил с выпивкой, все больше отдалялись они друг от друга. Как-то он появился на институтском вечере с посторонними парнями, и, будучи, как всегда, навеселе, устроил дебош, и даже схлопотал синяк под глаз. Всякому терпению приходит конец, и тот вечер только ускорила давно назревавшее решение. Его прямо обвинили в организации драки, припомнили все его похождения. Горой за него, как он втайне надеялся, за исключением Валеры, никто не встал, и через несколько дней его вызвали в деканат. Когда он явился туда с лиловым обрамлением глаза, декан только мельком взглянул на него, пробурчал что-то насчет нравов современной молодежи и вроде бы отпустил с миром.

Саша думал, что отделался легким испугом, но один преподаватель, очень жалевший его, посоветовал не сдавать зимней сессии и, пока не поздно, забрать документы и перевестись. «Экзамены ты не сдашь. Даже не пытайся», — прямо

сказал он. А сессия на носу. Это был холодный, отрезвляющий душ. Да только не принял он совета всерьез, а по-прежнему надеясь на память, стал готовиться к сессии, чередуя чтение учебников с посещениями пивной. И вот первый экзамен — и первый, несмотря ни на что, «неуд». Второй предмет — и снова «неуд»...

Лишь теперь он понял, что обречен на отчисление; что никакими знаниями он уже не восстановит бывшую репутацию скромного парня и что ярлык пропойцы и скандалиста приклеен к нему намертво. Тогда, хлопнув дверью деканата после разговора на повышенных тонах, не дожидаясь третьего экзамена, не сказав никому ни слова, он сбежал домой. Только девушке своей, Кате, уехавшей в это время на каникулы, оставил письмо у Валерия. В письме он довольно жизнерадостно обещал вернуться к ней на белом коне: то бишь, на заморском кабриолете, в заморском фраке и повести ее в загс под марш Мендельсона. Валере же ничего толком не сказал. Даже не простился.

Растерянный и подавленный, он не находил себе места и всю дорогу до дому только и делал, что мысленно прокручивал различные варианты объяснения с родными. Тем больше удивился сам себе, как ловко и безболезненно наврал родителям с три короба о якобы поступившем ему предложении перевестись в Омский институт: там, мол, и стипендия выше, и после окончания радужные горизонты трудовой деятельности, и еще много кое-чего. И ни слова о провале. Так гладко и складно врал, что чуть было сам в это не поверил. Что уж говорить о неграмотных родителях: они ловили каждое его слово.

Наверное, никогда еще в жизни не скрывал он чего-либо от матери с отцом. Просто надобности не было. Теперь же он врал им и еще больше себе, утешаясь мыслью, что обманывает их только потому, что не хочет огорчать. Однажды

повиновавшись дьяволу, человек сам по себе, один, уже не может противостоять ему, и тот на любой случай находит для него не просто отговорку или оправдание всякому проступку, но еще и возвышает его в его же глазах. А и впрямь, разве это не благородно: не хотел огорчать родителей правдой? Да еще как благородно! Это же чуть ли не жертвенно! Поэтому и загоняется человеком совесть ложным чувством собственной значимости в самые отдаленные уголки души. До востребования. И тогда на одну ложь уже более естественно наслаивается следующая, кажущаяся и вовсе невинной. Так что когда он сказал, что давно хотел пожить у маминого брата в Омске, то и сам этому поверил, и последние сомнения мамы развеял, если таковые вообще имели место быть.

Добился Саша желаемого результата, добился: в какой-то ожидательной радости светилась мама, собирая ему в дорогу вещички, а отец даже унты лосиные послал в подарок дяде Коле с женой да шкурки соболя «нужным» людям. Ну, знамо дело, на шапки-воротники, чтобы неувязки какой не случилось при зачислении в институт. А как же! Мы хоть люди и простые, но понимаем, что без этого нынче нельзя. Все выложил потомственный охотник: для сына разве жалко, если на грамотного учится? Он же — гордость его! Сам-то «рылом не вышел», всего и грамоты, что с грехом пополам расписываться научился, а мать вон и того не умеет. Так, может, хоть сын в люди выйдет...

Похоже, что вышел. В бомжи. Хоть и они, конечно, люди. Саша обхватил голову руками и замычал, раскачиваясь от горьких тех воспоминаний. Он не видел, как по тропинке, со стороны ручья, неслышно, зависая лапой на каждом шагу, к вагончику вновь кралась росомаха. Жалость к себе, своей загубленной жизни буквально захлестнула его. «Господи, — шептал он в пространство, — пошто Ты мне раньше не открылся, почему не предостерег?..»

— Не предостерегал разве?

— Кто здесь? — Сашу так и подбросило, и он оглянулся.

Ни души. Только чуть слышно шепчутся бледно-желтые листики березы, да ветер поверху волнами разносит музыку тайги: это сосны, повинувшись ему, машут величественными кронами, пропуская время к горизонту, за которым затаилась осень. Да росомаха, завидев его, с шумом-треском кинулась в чащу. Приманила-таки разбойницу широко распахнутая дверь вагончика: столь велик соблазн, что и человека не почуяла. Даже зяблик не преминул высмеять ее за это — раскатился бойко да звонко. Вот и весь шум, что слышен в той благословенной тишине. Но откуда же голос? И вздохнул облегченно: послышалось. Да нет, однако: это загнанная до востребования совесть, однажды проснувшись, уже не дает ему убаюкать себя слезливой жалостью. «Грех надо искать в себе, — слышит он ее голос. — Это тебя-то не предостерегали?»

А мама? А та девочка из Красноярска? Помнишь гимны Божьи, что она пела с ребятами на вокзале?»

Саша зажимает уши: «Господи, да как же не помнить! Конечно, помню. Лидочка. Жулева, кажется. Или нет, не Жулева. Брилева?» «Вот то-то и оно, что запамятовал, — продолжает голос. — А как от Савельича удрал, Еську недослушал... Да что там, несть числа примерам, как рука Божья пыталась от-вратить тебя от очередного порока. Только ты, как и эта росомаха, не внимал предостережениям, соблазняясь широко открытыми дверями мира».

Так обличал он себя и в который уж раз за сегодня склонился в прощении молитвенном: «Прости, Господи, что не там ищу оправдания». И снова в ответ, в который уж раз за сегодня, — радость сердца и волна благословения. И в который уж раз в памяти смутно ожил образ той юной девочки из Красноярска, Лиды Жулевой. Железнодорожный вокзал, кассирша, милиция, гудок приближающегося поезда и едва различимое сквозь гул толпы пение. Саше показалось, что он и сейчас слышит его, он даже напрягся весь, приподняв голову. Так и есть: откуда-то издалека доносилось натужное гудение машины.

Оживился Саша, стряхнул наваждение. Вывозка здесь одна — сплошные подъемы и спуски! — и больше дороги нет. Так что рано или поздно пройдет машина мимо их стана. Может, и заглянет кто по надобности какой. Леспромхозовские-то здесь сейчас не возят, да и выходной сегодня. Это, скорей всего, геологи к себе путь держат. Но главное — это люди, а ему так хотелось поделиться сейчас с кем-нибудь своей радостью, рассказать о Том, Кого он нашел сегодня. Ведь: «...Кто исповедует Меня перед людьми, того исповедую и Я пред Отцом Моим Небесным»*. Саша закрыл

---

* Библия. Евангелие от Матфея (10:32).

вагончик и заторопился к стоявшему на выезде со стана бортовому ГАЗ-53.

«Смотаюсь к ним на пару часов и назад. Здесь-то у меня все спокойно», — рассудил он. В кабине, свернувшись колечком, отдыхал Бяшка, прирученный мужиками уж. Саша погладил змею и переложил наверх, за спинку сиденья: на этой позиции тот обычно путешествовал. Перед тем как завести машину, он еще раз прислушался: похоже, гости проехали своротку на Ключи, а значит, едут сюда. Как бы там ни было, а минут двадцать-тридцать нужно подождать. Он вынес из вагончика кофе и сахар, нарезал хлеб и поставил все на стол. Сам сел на лавку, поджидая гостей, прикрыл глаза и снова унесся в тот прощальный день.

Вот и мы, дорогие читатели, оставим пока Александра на деляне и проследим некоторые моменты его жизни. И начнем с того самого дня, когда он прощался с родителями.

А день тот изначально оказался по-настоящему прощальным. Без предварительного сговора вдруг приехали из разных уголков Сибири и старший брат, и все три сестры, с которыми он не виделся уже два года. Всем было радостно от встречи. Созвали гостей, произносили речи, напутствовали: мол, смотри, не загордись. Только Саше почему-то казалось, будто на его похороны съехались — так угнетала его им же самим выбранная ложь. Хотелось быстрее напиться, чтобы заглушить чувство вины, но держался стойчески. Даже виду не подавал. И только ближе к ночи, когда мать ушла спать, буквально вылакал в сенях из горла бутылку вина. Вот тогда уж расслабился, расчувствовался, с родными разговорился, и лишь далеко за полночь все разошлись. Не угадали подвыпившие родные перемены в сыне и брате. А назавтра, ранним-ранешенько, распрощались, посадив его на поезд «Нерюнгри —

Москва». Мать всплакнула: учишься, мол, хорошо, письма пиши, а я молиться за тебя буду. И Саша в расстройстве: опять она с этими молитвами. А сильно они помогли, когда против него целый заговор в институте устроили? И жалко мать, и досада на нее берет: во что или в кого она верит? В Бога? А Он есть? Если есть, то что ж Он ему не помогает по ее молитвам?

Накатила волною злость, до хруста сжались кулаки: «Еще услышат обо мне, все услышат. С красным дипломом вернусь, на вычурном кабриолете... Спыхватятся, кого выгна-ли». Но еще настойчивее и призывнее стучит в мозг: «Да оно тебе нужно? Это ж опять сиднем сидеть, аки бука. Гулять надо, пока молодой, гулять! Плюнь ты на все!» И плюнуть хочется, сильно хочется. Нет на душе сопротивления этому соблазну: выхолащивается душа. «А, все еще успеется, только бы приняли». Все же матери улыбнуться сподобился, обнял всех по очереди и из купе уже никого не разглядел через льдистое стекло.

Проводник, рыжий, как ржавое железо, забирая билет, бросил как бы невзначай: «Водка нужна будет, обращайся». «Да как же не нужна, — радуется про себя Саша, — когда позарез нужна. Из дому-то не было возможности прихватить. Вот только с вещами разберусь, обращение и произойдет. И как же ты вовремя появился, друг разлюбезный! Хороший человек проводник, с понятием»... И выпил, и забылся тяжелым, с кошмарными видениями сном. А когда проснулся, в купе уже копошилась маленькая женщина средних лет, подсевшая только что в Тынде.

— Проснулась? — приветливо улыбнулась она и на правах хозяйки стала выставлять на столик банки разного калибра со всякой снедью. — Это мясо, это огурчики маринованные, капуста, — поясняла она вслух, явно имея в виду Александра.

Говорила она на смешном русском, путая род, падежи и окончания, оглушая звук «з» на «с».

— Чувашка я, Соя, — упредила она Сашин вопрос и, сконфуженно улыбнувшись, показала на верхнюю полку: — А там мужик мой. Мой рыпка солотой, Сашка.

И уточнила нараспев:

— Ша-аимбеков Са-афдарбек, во как!

И расхохоталась.

— Мой тезка, значит? — расплылся в улыбке и Александр. — А он что, болеет?

— Ой, болеет. На проводах нажралась. Теперь до самого Братска спать будет. Он только ляжет — сразу спит.

И словно в подтверждение сих слов ее «рыпка солотой» так всхрапнул, что Саша даже вздрогнул.

— Сурьезный у тебя мужик, однако, — пробормотал он, невольно подстраиваясь под ее говор. — Судя по храпу — могучий.

— Ага, — обрадовалась Зоя, — могучий. Только пьет шибко.

— Ну, это не беда, кто сейчас не пьет. Может, разбудишь его для знакомства? Я у проводника возьму бутылочку.

— Правда? — не поверила попутчица. — Ой, как хорошо! А то я думаю: молодой парень, культурный, не то, что мы. Да еще ученый, наверно, постесняется нас с нашими мешками. А ты свой. И к проводнику не ходи, у нас тут на знакомство есть.

Она выставила что-то в литровой молочной бутылке и гордо добавила:

— Сам делаю.

— Самогон, что ли? — вздрогнул Саша, и это не укрылось от Зои.

— А ты попробуй, попробуй сначала, потом за уши не оттянешь.

— Так уж и не оттянешь, — засомневался Саша. — Чемергес — он и в Африке чемергес.

Ну, в Африке — не в Африке, а после первой рюмки он и в самом деле оказался приятным во всех отношениях. Приятная истома разливалась по всему телу, а огурчики... Ах, ничего не хотелось, кроме этих маленьких тугих и пупырчатых огурчиков. Жизнь возвращалась в его истосковавшееся за несколько дней по такому вот состоянию блаженства тело. После двух неудачных попыток разбудить свою «солотой рыпка» Зоя махнула рукой и приказала Саше: «Налей и мне».

А через полчаса Саша уже знал все про ее житье-бытье: и что едут они в Братск навестить ее сына в тюрьме; и что попал он туда, конечно, по глупости, причем такой, что глупее нельзя и придумать. Передрались все пацаны, а два года впаяли ему одному, и только потому, что был он старше других на месяц-два и ему уже исполнилось восемнадцать. Парень мечтал об армии, а попал в тюрьму. Отец его погиб, когда ему не было еще и года, но вот этот таджик, ее «рыпка солотой», растил и воспитывал его, как своего собственного сына. Зоя всплакнула, и в этот момент с полки свесилась слегка одутловатая, заросшая густой щетиной до самых глаз физиономия с копной роскошных волнистых темно-синих волос.

— Мама родная, истый басмач! — содрогнулся Саша. — Не дай Бог, приснится — очучишься от страха. Вот уж Сафдарбек, так Сафдарбек!

«Басмач» повел мутновато-желтыми белками глаз и, угадывая лишь силуэт в сумраке купе, уставился на него.

— Ням-ням, — сказал басмач.

И было не понять, то ли это утверждение, то ли просьба. Потом, разобрав, что это не его жена, он заглянул глубже под свою полку, обнаружив ее там, обрадовался и повторил:

— Зойм! Ням-ням.

— У него все «ням-ням», — махнув рукой, пояснила Зоя Александру. — Что выпить, что поесть. Пока после не очухается. Слесай, рыпка солотой, снакомься, это Саша. Как и ты. Только он студент, а скоро будет инженером, не то что ты, дурак.

— Ага, — согласился неинженер, — дурак. Хорошо, хоть ты, Зойм, умный... как инженер, ашат булат.

Ее муж проговорил это с чудовищным акцентом и, довольный своей шуткой, коротко рассмеялся, запрокинув голову назад. Потом подал Саше руку:

— Сафдарбек. Сафдар. Саша по-вашему. Еще я ара, джани, басмач, — Саша улыбнулся своей догадливости, — аксакал, потом эту-у, как его, Зойм... бусурман, во! Все, кому не ленивый, всяком называет, ашат булат.

Приговорка «ашат булат», несмотря на свой кажущийся звучный запал, была у Сафдара, как потом выяснил Саша, не грозным ругательством, а чем-то вроде русского «елки-палки» или «е мое», в интонационных вариациях подходящей для любой ситуации. Это было не таджикское выражение, а просто однажды понравившееся ему созвучие, услышанное не то от армян, не то от грузин, оккупировавших гостиницы и рестораны таежных городов. Что ищут они в Сибири, в этой стране далекой? Ответ на этот вопрос знает любой — деньги. А вот как им, в отличие от большинства коренных сибиряков, удастся их находить, Саше довелось узнать через неожиданно короткое время.

Итак, знакомство состоялось, и время за разговорами полетело незаметно. Застолья чередовались с долгими задушевными беседами в коридоре вагона. Как часто бывает с людьми в дороге, они до того сдружились с Сафдаром, что, казалось, лучше и друзей-то не бывает. И когда утром следующего дня в Новом Уояне к ним в купе подсел не то узбек, не то киргиз, в общем, мужик восточной наружности, встретили его не слишком доброжелательно. «Спекуль», — однозначно идентифицировали они пришельца.

Для сибиряка любой азиат ассоциируется (и часто вполне оправданно) с торгашом-спекулянтом цветами, арбузами или еще какой прочей экзотикой. (Сафдар — редкое исключение!) И занимаются они здесь, по мнению этого самого сибиряка, исключительно «обдираловкой».

Азиаты хорошо знают отношение здешних людей к себе и не шибко обращают на это внимание, потому что называют они их так только за их спиной. В глаза же выказывают им уважение, даже льстят, потому что только у них сибиряк может купить настоящие южные фрукты, овощи, а не их гнилое подобие в овощном магазине. А о цветах лучше и не говорить: где ты их возьмешь на праздник, если не у азиата? Да и понимают люди, что не совсем это безопасное ремесло — за пять-шесть тысяч верст с таким товаром шастать. Понимают и отдают должное их оборотистости и, как ни

крути, смелости, то бишь готовности рисковать. Риск же сибиряки уважают.

Мужик был среднего роста и, как и полагается спекулянту, в дорогой дубленке и огромной ондатровой шапке, отчего его и без того узкое лицо казалось тонкой ножкой-клинышком под мясистой шапкой мухомора. Но самый шик был, конечно, у него внизу: ну просто шикарные унты ладно облегли его ноги до колен — чисто эскимос с Аляски.

В руках у него ничего, кроме небольшого симпатичного дипломата с золотистым цифровым замком по центру, не было, и он, поздоровавшись и сверив билет с местом, небрежно кинул его на нижнюю полку. Снял и положил тут же и дубленку с шапкой, оставшись в красивом теплом свитере, расписанном причудливыми орнаментами. Свитер, однако, был ему явно великоват и сидел на нем довольно мешковато. К тому же он почему-то не снял кашне, а только закинул один его конец за спину, предоставив другому болтаться на груди. В таком виде он и представился своим спутникам.

— Керим, — просто сказал он, подав руку каждому. — Следую с вами до Новосибирска.

— Ага! — сказал Сафдар. — Из какой страна сюда бежать, земляк? Узбек?

— Да почти что, — не обиделся и улыбнулся тот. — Напополам с казахом. И живу то в Чимкенте, то в Ташкенте. В общем, все пополам. Здесь, в Сибири, тоже живу, а вернее сказать, больше живу здесь, чем там. И ниоткуда не бежал: бегать — опасно для жизни.

Говорил по-русски он совершенно без акцента, отчетливо и без запинки.

— Здесь живешь? — удивился Сафдар. — Где здесь?

— В Братске. В основном в Братске. А так, по работе, всюду ездить приходится.

— А-а, дына, арбуз продавать... — понимающе закивал головой Сафдар. — Деньги считать...

— Сашка! — окрикнула Зоя. — Чего к человеку привясался? Про себя лучше скажи, сам-то кто...

— А я знаю, кто он, — продолжал улыбаться Керим. — Он — таджик, не так ли, брат?

— Кто? Я таджик? — Сафдар сделал вид, что удивился. — Я не таджик.

— Как не таджик? — невольно в голос воскликнули все трое: Зоя, Саша и Керим.

— Так, не таджик, — довольный произведенным эффектом, поджал губы и покрутил физиономией Сафдар. — Я памирец.

— Ну, таджик и есть. Кто ж там, кроме вас, жить-то будет, на Памире вашем? Ну, давай, скажи что-нибудь по-своему, я немного понимаю таджикский, — сказал Керим и сам залопотал вдруг на совсем незнакомом языке. Сафдар тут же ответил и что-то спросил в свою очередь. Керим заморгал глазами. Он явно не понимал вопроса. Ну а Зое с Александром вообще оставалось только пожимать плечами. Сафдар еще что-то говорил, на что Керим лишь согласно кивал головой.

— Теперь понял, да? — страшно довольный, перешел Сафдар наконец на русский. — Вот, им тоже скажи.

— Понял. Правду сказать, не знал я этого. — Керим повернулся к Саше: — У них язык чем-то отличается от таджикского. То есть он понимает меня, а я его нет. Вот он и говорит, что памирец. Хоть и таджик.

— Таджик — не таджик, таджик — не таджик, — «памирец» изобразил, что гадает на пальцах, и сделал вывод: — Без поллитры не разбирается. Зойм, у тебя там есть еще? Давай нам твой коньяк.

— Я, братцы, не буду, — упреждающе поднял руку Керим, увидев бутылку в руках у Зои. — У меня встреча в Северобайкальске.

— Нам больше достанется, — не огорчился Сафдар, будто другого и не ждал, и засмеялся: — Я это шуткам.

— Сашка! — застучала Зоя по столу костяшками пальцев. — Оставь себе свои глупые шутки. Человек подумает — правда. — И Кериму: — Вы не подумайте, у него всегда шутки такие. Мал-мал не хватает у мужика.

— Да нет, все нормально, что я с луны свалился, что ли. Все ладом. Если бы мог — обязательно поддержал бы компанию. Но — не могу. Дела.

После этого наступило неловкое молчание. Именно неловкое, потому что выпить без него теперь было и впрямь неловко. Керим это понял и, извинившись, пошел якобы разузнать у проводника о расписании поезда. Вышел, даже не взглянув на свои шмотки и чемоданчик, что не осталось незамеченным компанией.

— По-моему, он не спекуль, — засомневался Саша. — Больше на начальника смахивает. Из какого-нибудь коопторга. Шмотки, видали, на нем какие? У моего отца знакомый в такой шараге работает, так они сейчас с Японией договора заключили. Та-акие шмотки оттуда классные получают, закачаешься.

— А нам не надо ничего, правда, Сафдар? — сказала Зоя. — Нам лишь бы хлеб не дорожал — и ладно.

— И чемергес твой, — добавил муж. — Это самый главный.

И оба расхохотались. Чуть помолчав, Зоя осудила попутчика:

— Денег много, а свитер другой не может купить. Этот же болтается на нем, как балахон.

— Другой не надо, — глубокомысленно поводит перед ней пальцем Сафдар. — А то деньги будет видно.

— Что ты имеешь в виду? Какие деньги? — заинтриговало Сашу такое заключение. — С чего ты взял?

— Э, Саша, — улыбнулась Зоя, — это он все снает. Он же сколько лет в милиции, этим... как его, Сафдар? Угросыском работал. Там, на родине своей. Пока са пьянку не шуганули...

— Ать, ать! — запротестовал Сафдар. — Сколь тебе разом говорил, не за пьянку, а за драка с нашалником, ашат булат.

— Раз подрались, сначит сначала напильсь, — постановила Зоя. — Ладно, скажи, с чего всял про деньги?

— Я ничего не взял. У него один кошелек на шеем, другой на пояс.

— Да как тебе знать это? — изумился Саша.

— Эй, они все на одну лицо. Вон чумодан его, так это пустой. Спекуль полный не оставит, даже если рубль будет, — с собой возьмет. Посмотришь, что будет в Северобайкальске, — кивая головой, загадочно заключил он.

— А что будет, Сафдар?

— Смотри на чумодан — увидишь. Деньги ему привезут.

— Полный чемодан, что ли? — всплеснула руками Зоя. Было видно, что в его прогнозах она привыкла не сомневаться.

— Не знаем. Может, и полный. Зачем считать чужой денга?

— Точно! — поддержал Александр. — За это и выпьем. И за день грядущий!

И очередной «грядущий» день начался. Теперь уже «настоящему».

Керим пару раз заходил в купе, присаживался сбоку, но в разговор почти не вступал, да, собственно, сам разговор-то с его появлением и затухал. От Уояна до Северобайкальска поезд мчится полным ходом, делая в пути всего две остановки

минут по пять. И часа через четыре, перед самым Северо-байкальском, заметно заволновался Керим, то и дело курсируя из коридора в купе и обратно. Затем оделся, взял дипломат и присел в ожидании. Когда поезд стал замедлять ход и появились первые постройки города, побледневший Керим встал.

— Ни пуха, ни пера! — почему-то ляпнула Зоя.

— А? — встрепенулся Керим. — А, ну да. Спасибо. К черту посылать не буду.

Он попытался улыбнуться, но вышло довольно кисло:

— В общем, до скорого!

И вышел.

— Будет скучном — посылай денюга! — крикнул ему вдогонку Сафдар.

— Всенепременно! — ответил за Керима Саша.

Они тут же забыли о нем, потому что обсуждали, какой хороший, добрый и, главное, скромный человек был Владимир Ильич Ленин и как хорошо бы людям жилось при нем, не стрельни в него «какая-то контрреволюционная шалава», как ее обозначил Сафдар.

Тон в разговоре задавал, конечно, Саша (зря что ли научный коммунизм изучал), а интернациональная чета с неподдельным интересом внимала и соглашалась, изредка задавая животрепещущие вопросы. Но, когда после очередной порции самогона лектор перешел к Сталину, коего, в отличие от Ленина, назвал не хорошим и добрым, а совсем наоборот, случился конфуз. Сафдар сначала время от времени недоверчиво-вопросительно мычал: «Эм? Э-э?», потом и вовсе закирчигал³ зубами. Наконец не выдержал:

— Саша, тебе кто это все училь — институт, да?

— Ну, не только. Материалов теперь везде о культе личности хватает.

— Ага, хватает. Теперь хватает. Пошему, когда он живой биль, никто не говорил? Теперь все смелей. Шакали, ашат булат. Он отец всем биль, как родной. Каждым годом цена продуктам снижал? Снижал. Я помню, хоть маленьким биль. Десять лет мне биль.

— Ну да, правильно, тебе десять, — встряла Зоя. — И моему отцу тоже десять давали, царство ему небесное. На севере мантулил⁴, привесли чуть живого, а через год помер. Отец родной, — передразнила она мужа. — Может, тебе, таджику, отец, а чувашам — нет. Усатый черт.

— Цац, цац! — не вставая, подпрыгнул Сафдар. — Зоем, это женский разговором не идет. У глупый женщина волосы длиний, а ум не ум, он сильно короткий. Он же вожд! Ты бы молчал лючче.

— Сам молчи, — завелась Зоя. — Носишься со своим Сталином, как дурень со ступой. Во-ожд, — опять передразнила она. — Ну, ну, давай, доставай его патрет.

— Достанем, достанем, не беспокоемся. Где мой пинджак? — Сафдар привстал и, к великому изумлению Александра, действительно извлек из внутреннего кармана пиджака ретушированную, сильно приукрашенную фотографию молодого вождя всех народов.

— Он всегда со мной! — дрогнувшим голосом возвестил почитатель вождя и... прижал фотку к сердцу. Потом еще и поцеловал.

— Тьфу! — расвирипела Зоя. — Ну, не дурак ли? Скажи, Саша, не дурак? Ты его еще с другой стороны поцелуй. Ну-ну, сакрутил шарами.

— Зоем, — Сафдар угрожающе взялся руками за край столика и, вращая белками глаз, уставился на жену. — Еще раз таком скажешь... Это для меня бог! Понимаешь?

Зоя испуганно, не то от угрожающего вида мужа, не то от того, что он сравнил кого-то с Богом, часто-часто закрестилась:

— Господи, помилуй! Совсем мужик ум пропила. Да ладно, пусть он тебе будет хоть отцом, хоть дедом, хоть сватом-братом. Только Бога не поминай, алкаш несчастный.

Александр с тревогой наблюдал нешуточную перепалку супругов и совершенно не знал, как поступить. Теперь же появилась возможность повернуть разговор в другое, не столь опасное, русло. И самому не встать ни на чью сторону, чего ему совсем не хотелось делать. Поэтому он тут же ухватился за ее высказывание, как за спасательный круг:

— А ты что, Зоя, в Бога веришь? У меня мама верующая, всегда за меня молится.

— А кто ж не верит? — вздохнула она, сразу поутихнув. — В Него все верят, когда приспичит. И я верю, а как же!

— Угу, она верит, — насмешливо, но уже без угрозы, а скорее примирительно промычал Сафдар. — Особенном, когда самогон варит. Весь время крестится, чтобы хорошо варился. Потом спичкам поджигает. Если хорошо горит — благодарит. «Слава Богу, — говорит, — как хорошо получился. Это потому, что Бог мне помогаль».

— Ты что мелешь, ашат твой булат? — уже нарочито возмутилась Зоя. — Хочешь, чтобы больше не варила? Не буду. Поглядим, как сапоешь тогда.

— Не-не, так не надо, это нам дживой вода: выпьешь — и как будто свет видишь. Ты дальше вари, — разрешил Сафдар так, словно ссоры и не было вовсе.

— Ой, что-то мы стоим уже больше часа, — спохватилась Зоя. — И усбека вашего все нет. Как бы не опосдал.

— Куда ему торопиться? Поезд здесь столько и стоит. Больше часа по расписанию. И Керим это знает. Недаром

же встреча у него именно здесь назначена. За час-то можно сколько дел обделать!

— Ему тут деньги принесут, — убежденно, с плохо скрытой неприязнью произнес Сафдар. — Как раз один час хватит, чтобы считать успеваешь, ашат булат. И не опоздает. Всяким случаем на ходу догоняет. У него же нет столько багаж, как у нас. Один чумодан только. Теперь с деньгами.

— Да что ты привясался к его чумодану? — одернула его Зоя и вздохнула: — Ох, хоть быстрее бы доехать. С сыночком встретиться.

И, словно услышав ее пожелание, засвистел пронзительно паровоз, и, к вящей радости пассажиров, толкнулись плавно вагоны, и покатались тихо. Почему-то радость эта обязательно возникает во время очередного старта поезда, как бы ни коротка была его остановка. Может быть, потому, что оживает вынужденное замирать на остановках нетерпеливое ожидание будущего? На остановках как путей сообщения, так и жизненных. Вот ведь и знает человек, что не тронется поезд раньше назначенного времени, а все равно торопит его. Так вот и жизнь свою поторапливает. А куда? Ах, если бы знать все наперед, может, другой раз и не торопил бы человек события. Помнится, еще со времен школы повторялось то и дело, к месту и не к месту: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно»*. Кто-то в порыве вдохновения, а кто-то понаслышке только это и знал о поэте и просто повторял, потому что модно было. Так как же прознать, когда оно не внешняя мишура, а воистину прекрасно, чтобы попытаться остановить? Именно попытаться...

---

* И. В. Гёте. «Фауст».

Прошло уже около получаса, а Керим так и не появился. Не сказать, чтобы они уж так шибко его и ждали, но ведь больно интересно было проверить догадки бывшего работника угрозыска. Да и сам Сафдар уже засмутился: «Ти смотри, неужели я ошибка делал, ашат булат?» И только головой покачивал. Никто не посмеялся над его несостоявшимся прогнозом, не напомнил даже. Зоя забралась на верхнюю полку, а мужики сосредоточенно глазели на убегавший за окном неприкаянный пейзаж поскучевшей на зиму тайги. Нависшие прямо над лесом косматые, пепельно-серые с черным тучи-буруны только усиливали гнетущую скуку заснеженного пространства.

Разговоры как-то сами собой прекратились, и ушел каждый из них в свое собственное безмолвие. Это когда всплывают в памяти самые сокровенные, самые дорогие сердцу мгновения жизни твоей. И никому из них не хотелось больше нарушать эту убаюкивающую, размеренную на перестук колес тишину. Даже раздающийся время от времени протяжный вздох паровозного гудка не бередил, а органично вплетался в эту пасмурную одинокость. И думал Саша, что будет этой тишины теперь не меньше двух безостановочных часов. Аж до самого Улькана. Казалось, все вокруг погрузилось в тоску и дрему. Во всяком случае, так ему казалось.

И вдруг поезд, вздрогнув несколько раз подряд, стал заметно, ощутимыми толчками снижать ход. За окном одноликая

при беге сплошная масса леса постепенно приобретала очертания собственно деревьев: ели, березы да сосны; и видно уже, как за насыпью и до леса испещрили свежевывающий снег, пересекаясь по всем направлениям, следы зверья да птицы. И вот, заскрипев всеми тормозами, поезд остановился посреди тайги. Никто, однако, не выбежал в коридор, не бежал к проводнику за разъяснением, как можно было бы ожидать подобного в любом другом районе страны.

Сибиряк не будет допытываться о причине остановки, сколько бы она ни длилась. Мало ли что в пути может случиться... Он только будет догадываться про себя. И все же, если в этот отрезок времени к вам в купе войдет отставший (по вашему мнению) от поезда ваш же попутчик, вы непременно свяжете его явление с данным происшествием, то есть незапланированной остановкой.

Хотя как можно себе представить, что человек столько времени бежал по рельсам за поездом и лишь через полчаса догнал его, а кто-то, увидев это, сорвал стопкран? Маловероятно. Но как раз что-то похожее и подумал Александр, когда в купе вошел Керим со спортивной, на длинной лямке через плечо, сумкой и все тем же дипломатом.

— Саламат сыз ба!* Не ждали? — приветствовал он ошарашенных попутчиков.

И сразу же упредил все расспросы:

— Да нет, не бежал я за поездом. Земляка встретил в соседнем вагоне.

От его недавнего волнения не осталось и следа. Он был в прекрасном настроении и, попросив Сашу встать и приподнять полку, бережно поставил туда дипломат. Саша успел перехватить торжествующий взгляд Сафдара. Он как бы

---

* Среднеазиатское (казахское, узбекское, киргизское) приветствие.

говорил: «Ну, что теперь скажете?» Но вслух ограничился дежурным вопросом:

— Как встреч прошел, земляк? Удачным?

— Да, на уровне. Спасибо, — отозвался Керим, скинув сумку и так же осторожно ставя ее под столик. — Вон, полная балетка договоров. Все подписано, теперь осталось только работать.

— А-а, — двусмысленно протянул Сафдар. — Работать надом, надом... — немного помедлил и хохотнул: — А обмывать не надом? Ни один договорам не будет хорошо работать, если его не моешь.

И добавил что-то по-таджикски. Керим, усмехнувшись, добродушно-укоризненно покачал головой, почему-то посмотрел на Сашу, и вдруг они оба, не сговариваясь, засмеялись бесхитростному вымогательству Сафдара.

— Ну, что с тобой делать, таджикский твой душа, — подыграл Керим акцентом и интонацией Сафдару. — Придется обмываем.

Он нагнулся, вытащил из сумки большую затейливую бутылку (целое произведение искусства для советского обывателя), и поставил ее на столик:

— Ну, взрывай, банщик! Раз уж так мыть любишь.

— Банщик, банщик, — восхищенно завертел Сафдар заграничное чудо в руках и зацокал языком: — Где такой дерьмо доставаль?

— Где достал, там больше нету. Что, нравится?

С быстротой белки скатилась вниз и Зоя:

— Какая красивая! Вот что сначит, иностранная. А у наших только огнетушители. Чтобы по башке лупить. Вот так: бумс! — сымитировала она удар бутылкой по голове Сафдара. — Чур, пустой бутылка мой. Вы пейте, а бутылку мне на хозяйство.

— Самогон наливать, — поправил ее муж. — Потом будешь людям голова дурить армянский коньяком.

— Очень надо! Людей твоих и так за уши не оттянешь.
А это коньяк?

— Это виски, — уточнил Керим. — Тот же самогон, только шотландского розлива. Они его содовой разводят, что-то вроде нашей минералки, прежде чем пить. Будем разводить?

— Еще чего? — возмутился Сафдар. — Зачем переводить добро на дерьмо? Ну, давайте, пробуем, что это виски-писки будет!

Шло время, разговор становился все оживленнее. Поезд несколько раз трогался и набирал было ход, но тут же останавливался снова. Сафдар, потеряв возможность подтрунивать над Керимом, — теперь это расценилось бы уже, как неблагородно и неблагодарно, — переключился на транспортную проблему и в своей обычной манере, с претензией на шутку, стал вымещать недовольство на тихходном поезде.

— Каждым столба останавливается, ашат булат, — ворчал он. — Скорый называется. Наш ишак на Памир быстрее ходиль.

И, не удержавшись, все же подколот узбека, будто он был этому виной:

— Поэтому ты его и догналь. А он теперь совсем не хочет ехать.

Но были в разговоре и серьезные моменты. Как уже упоминал Керим, большую часть своей жизни он проводил в Братске, где у него было что-то вроде штаб-квартиры. И вот теперь, узнав, по какому делу интернациональная чета едет в Братск, он тут же принял вид благодетеля: расплылся в улыбке и сходу предложил свою помощь. Во-первых, надоумил их выйти в Братске не в Гидростроителе, как они планировали, а на станции Анзеби, откуда до тюрьмы добраться нет никаких проблем — рукой подать! Во-вторых, поскольку сам он сейчас следовал напрямик до Новосибирска и далее в Ташкент, черкнул записку на имя замначальника той тюрьмы в Анзеби, с которым давно был на

дружеской ноге. А это означало многое: во всяком случае, свидание с сыном у них состоится «при любой погоде» и в идеальных условиях. Это он обещал твердо: «Не будь я Керим!»

Радости Зои не было конца. О чем-нибудь подобном она не могла даже мечтать. Ее как подменили: она так и засуетилась перед Керимом, не зная, как ему получше угодить. И хоть вначале, после первого же и единственного глоточка, напрочь забраковала импортный напиток, который, конечно же, «в подметки не годится моему самогону», теперь, когда бутылка эта у них была пуста, утверждала, что «вообще-то это хороший виски, только мы сами деревня деревней, вот и не понимаем настоящего вкуса». Керим понимал причину ее лести и снисходительно соглашался, что, да, мол, к нему привыкнуть надо. Но и сам он — и это было хорошо видно! — уже разгорячился и «повелся».

Категорически воспротивившись желанию мужиков приобрести у проводника Гоши водку, чем вызвал у них подозрение в неуважении к компании, Керим пошел к нему на переговоры сам. И, вернувшись с переговоров, растворил последние крохи подозрений у Сафдара, если они у того еще оставались, и зародившиеся было сомнения Александра: мужик опытный и знающий, «что почем и как с этим бороться». Он объявил, что через каких-нибудь полчаса-час приглашает всех посетить ресторан, куда он послал Гошу заказать столик. За его, Керима, счет, разумеется.

Не приходится сомневаться, что с этого момента он стал для них «в доску свой». Прибавьте сюда чрезмерное, прямотаки заискивающее внимание, которое стал оказывать ему рыжий проводник, зачистивший к ним в купе, и вы поймете, что, еще ничего не успев сделать, Керим уже стал непререкаемым авторитетом в сей малочисленной, малознакомой, но уже спаянной компании.

Проводник Гоша в очередной раз заглянул в купе, спросил, не нужно ли чего, и сообщил, что это из-за какой-то аварии на перегоне у Улькана поезд выбился из расписания и порядком запаздывает. Керим и тут увидел пользу: в Братск они прибдут не ранним-преранним утром, а голимым днем, что существенно скрасит Зое с Сафдаром часы ожидания перед свиданкой. Намного лучше провести их с пользой для себя в теплой компании в поезде, чем на деревянных скамейках комнаты ожидания при тюрьме. А уже в следующий приход проводник сообщил, что все готово и, стало быть, им нисколько не повредит пораньше отметить в ресторане. Зоя, до смерти боявшаяся выходить даже в тамбур при движении поезда, наотрез отказалась путешествовать по шатким вагонам и осталась в купе.

Керима это обстоятельство несказанно обрадовало. Он сказал, что прекрасно разбирается в людях, коим может довериться, поэтому тут же переместил прихваченный было с собой дипломат в лавку, на которой сидела Зоя, сказав, что так будет надежнее, что там такие документы, без которых он — ноль. И хоть они, мол, никому, кроме него, не нужны, но за то, что она присмотрит, он в долгу не останется. А она и так для него была готова расшибиться в лепешку и охранять не то что документы, но и любые сокровища. Она уже жила свиданием с сыном, и большей награды ей не надо было. Так

что интернациональная троица налегке и с великим воодушевлением проследовала в заведение, само посещение которого возвышает человека в собственных глазах. Там ведь можно напустить на себя столько вида! Если, конечно, есть чем рассчитывать. Ну, а когда за все платит другой — собственная значимость вырастает уже прямо пропорционально количеству выпитого.

В ресторане было довольно уютно и тепло. Тепло настолько, что окна вагона были совершенно чистыми и только в уголках да по низу стекол сложилась кружевная наледь. Будто и не было за окном стужи начала февраля. Поезд летел с огромной скоростью, словно пытаясь наверстать упущенное время, а неяркое низкое солнце, сумевшее пробить брешь в неподатливых тучах, торопливыми бликами мельтешило сквозь запорошенные снегом верхушки деревьев, не особо досаждая своим печальным сиянием разогретым пассажирам элитного вагона.

Столик для наших героев был совсем неплохо приготовлен: водка в графинчике (чтобы не вызывать ненужного подозрения) и разнообразные закуски. Познакомившись с официантом, Керим пошептал ему на ухо, и через минуту на столе появился коньяк в таком же графинчике — опять же от любопытного глаза завеса. Не факт, что это коньяк, может быть, и сок. Так что оживленная, откровенная беседа была не за горами. И вот уже Керим натурально признался, что он действительно «крутит дела» с цветами, фруктами и прочая. И занимается этим около десяти лет, после того как досыта наработался агрономом в нищенском совхозе за нищенскую же зарплату. В то же самое время он учился на заочном отделении института. Правда, так и недоучился.

Мы здесь опустим повествование о том, как трудно было ему первое время на новом поприще, поскольку начало — оно

всегда и в любом деле риск и проблемы. Ну, начало, одним словом. Пропустим и становление, чтобы, удивляясь, не позавидовать, а где-то и не поверить столь неправдоподобной удачливости Керима. Но вот сейчас, когда у него уже все отлажено, нет проблем с доставками-перевозками, он вдруг задумал новый вариант добывания денег. Более честным путем, если хотите. А посему-поэтому хотел бы видеть у себя помощником такого вот настоящего сибиряка, как Саша. Молодого, энергичного и честного настолько, чтобы он ему мог во всем доверять. Ну, и грамотного, конечно, и, что немаловажно, спортсмена-силовика. Потому как здесь, в Сибири, аргумент кулака часто намного действенней длительных уговоров. Но самого дела не раскрыл. Просто поинтересовался, как Александр на это смотрит.

Тот обещал подумать, не особо, в общем-то, задумываясь над предложением на данный момент. Просто уверен был, что разговор тот «от фонаря»: какой же торгаш, даже интеллигентный с виду, променяет такой прибыльный фарт на какое-то новое дело, о котором и сам-то еще ни сном ни духом не ведаешь? Но судьбу, за то что она их свела, они уже благодарили. Благодарили наперебой и руки друг другу уже поминутно и подолгу пожимали, заверяя в верности. Ясно, что дружеские чувства заметно окрепли, не говоря уже о простом уважении друг к другу. Да что там уважение? Давно подмечено, что в такой ситуации откуда-то (правда, никто не знает, откуда именно) появляется пламенная любовь к своему собеседнику. И ее надо непременно высказать, чтобы у твоего визави не случилось сомнения. В твоей любви до гроба. Или, на худой конец, до расставания, что, в общем-то, значения не имеет.

На что уж третий калач Керим, но и он потерял бдительность с этой самой любовью. И дело тут, конечно, в Сафдаре.

Пей он только с русским Александром, ни в жисть бы не напился Керим, как ни уговаривай. Тут бы сам по себе сработал ограничитель, выработанный им за многие годы отношений с сибиряками: не пытаться пить с ними наравне. Вернее, не дать себя уговорить на такой подвиг.

Но перед ним был Сафдар со своим причудливым акцентом, такой же человек Востока по рождению, то есть потенциальный мусульманин, как и он (хотя ими они оба вряд ли были), и Керим потерял ориентир. Не успел он заметить той черты, за которой теряется контроль над собой. И, может быть, впервые в жизни его так «понесло». Никто из них не мог потом сказать, да он и сам не мог объяснить, откуда у него появилась эта разудалость, присущая разве что только русским купцам в цареве время.

А его собутыльники впервые в жизни узнали, сколько денег можно заработать не горбом. И не только узнали, но и увидели. Дело в том, что в какой-то момент — и, надо сказать, в самый что ни на есть подходящий к настроению момент! — в другом конце зала вагона-ресторана послышался гитарный перебор и приятный мужской баритон довольно красиво запел: «Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском! Удивительно вкусно, игристо и остро! Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском! Вдохновляюсь порывно! И сажусь за перо!»*

Песня рвала разгоряченные алкоголем души какой-то неизведанной, но очень желаемой ностальгией. Так и хотелось примерить ее на себя: увидеть себя каким-нибудь непризнанным гением, потайным банкиром времен нэпа или, на худой конец, мошенником-вором-меценатом, прожигающим жизнь.

---

* Песня на стихи талантливого поэта Серебряного века русской литературы Игоря Северянина.

Кто из нас не читал об овечьих ореолом романтики криминальных — но каких благородных! — похождениях того же Бени Крика, Ленки Пантелеева и иже с ними? Ах, какие это были широкие натуры! Как эффектно разбрасывались они огромными суммами денег, жертвуя их иногда даже на благотворительность! (Что приобретались они делами несправедливыми — не в счет: до выяснения ли жалких способов, когда налицо такое деяние!)

И Керим, туманно намекавший на более чем огромные свои последние доходы от продажи овощей и сухофруктов, именно таким себя сейчас и почувствовал. Он запустил вдруг руки под свитер и, порывшись там какое-то время, достал и небрежно бросил на стол пачку сторублевок — целая тысяча! То есть, разогнав туман намеков, удостоверил это уже явно. Так же небрежно надорвал бумагу и, вытащив одну купюру, зажал ее между двумя пальцами.

— Эй, друг! — подзвал он барским тоном официанта, то ли позабыв, что уже с ним познакомился, то ли нарочно не по имени, и откинулся на спинку, выпятив нижнюю губу. — Вот тебе столик: обнови наш столик и один графин коньяку отнеси тому, кто пел. Пусть споет про ананасы.

Мужики, обалдело созерцавшие эти немалые деньги, еще больше обалдели от этой его выходки. И не успели еще ничего сообразить, как официант, молодой, чуть выше среднего роста, светловолосый парень, ловким движением слямзил⁵ деньги, тут же исчезнувшие в нагрудном кармане не очень свежего белого френча. Затем не очень учтиво — не такое видали! — без видимой готовности и даже свысока произнес, чуть склонившись к Кериму:

— Не очень хорошая затея, паря. Ты не в городском ресторане. Но попробую поговорить с Олегом. Это тот, что поет. И, кстати, меня зовут Вадим, не забыл? Это тебе на всякий следующий случай, понял?

И отошел. Только не сразу к тому столику, где пели, а на кухню. Чем явно озадачил новоявленного покровителя муз. Ожидавший от официанта расшаркивания и резвого исполнения, Керим туповатым взглядом проводил его и так же тупо уставился на своих попугачиков. Первым пришел в себя Сафдар. Он сгрел деньги и подвинул их Кериму, подальше от постороннего взгляда:

— Положи на месту. Хочешь, чтобы за них твой башка оторвали? Они оторвут. Тут хороший человек не работает, поняль-нет?

Александр, сидевший рядом с Керимом, удержал его руку в попытке вернуть деньги на стол.

— Не дури, Керим, спрячь деньги, от них всего можно ждать, это уж точно. Насколько я понимаю, ты уже рассчитался, потому что этого с лихвой хватит на все про все, — Саша посмотрел на Сафдара, тот согласно кивнул головой, — а эти спрячь от греха. Вот и молодец!

Но Керим, хоть и убрал деньги, не успокоился: он заважничал, надулся, как индюк, и закуражился: почему, мол, этот мужик не поет? Сколько ему еще заплатить, чтобы он пел? Пусть скажет, и Керим даст еще. И замолел, что может купить весь этот ресторан со всеми потрохами, так что пусть несут все самое лучшее, что есть в закромах этого заведения. Керим гуляет! Ну, в общем, как в кино. И тут, словно по этому самому заказу, перед ними вырос Вадим с запотевшей бутылкой пятизвездочного армянского коньяка. Да и сам его вид теперь претерпел изменения и соответствовал тому, что ожидал Керим. Как будто слышал он их разговор или кто-то успел его надумать. Ловко перелив коньяк в графин, он уже другим, не пренебрежительным, тоном сообщил:

— Точно такой же коньяк я передал тем гостям, как вы просили. Прошу учесть, это из наших неприкосновенных

запасов. И только для своих людей, — учтиво улыбнулся он. — Ну, что, слышите песню?

Тот же голос снова запел про ананасы, и Керим попытался встать.

— Ж-ж-елаю познакомиться с ними.

— Ну, это необязательно, — придержал его Вадим. — Они сами обещали потом подойти к вам. Пардон, меня ждут клиенты. Но я скоро вернусь.

Где-то через полчаса он снова появился у столика:

— Что, еще принести? Вот это по-нашему! Другим бутылки на день хватает. К сожалению, Олег еще занят: там с ним деловые люди. Но через полчаса сможет подойти. Если вы пригласите его за свой столик. Тогда и коньячок еще принесу. Устроит вас?

Он выжидательно смотрел на Керима, но тот уже сменил ориентиры и все чаще обменивался взглядами с одной из дам за соседним столиком.

— Строит, строит, иди, — помахал рукой, как бы отпуская его, Сафдар. — Мы приглашаем.

— Да, приглашаем, — восторженно Керим и, явно играя на ту женщину, поправился: — Я приглашаю. Ананасы в шампанском. Держи, брат! — неожиданно ловко выхватил он из-под свитера и с отмашкой протянул ему еще одну сотню. Реакция официанта была мгновенной, но Сафдар успел перехватить купюру, сжав протянутую руку Вадима за запястье железной хваткой.

— Ты что, не видишь, у него соображай уже нету? — прорычал он. — Люди полмесяца за такой деньги работает. Хватает тебе уже, ашат булат.

— Керим, как это понимать? — зло выкрикнул официант, надеясь, что Керим прикажет отдать ему деньги. Он хоть и оценил огромную силу Сафдара, но не собирался

упускать лакомый кусок. — Ты же хотел, чтобы тебе спели, Керим?

— Сядь, Керим! — неожиданно грозно прикрикнул Сафдар на привставшего было узбека.

И, к удивлению Александра, тот послушно сел, виновато развел руками и снова повернулся к даме, послав ей воздушный поцелуй.

— Спервом сюда пусть идет и поет, — прошипел Сафдар, подтянув Вадима к себе, и пробурчал вполголоса: — Потом посмотрим. Может, мы сами лючче поем.

— Ладно, ладно, посмотрим, — кисло ухмыльнулся Вадим и потер запястье. — Са-ами. Ну-ну, — многозначительно покачал он головой и, явно недовольный, отошел.

В это время к дамам напротив подседа еще одна блондинка и, склонившись над столом, стала что-то быстро-быстро говорить, бросая частые взгляды в их сторону.

— Молодой человек! — услышал Саша, но не понял, что это относится к нему.

Сафдар толкнул его ногой под столом и глазами указал, что зовут именно его.

— Вас, вас. На минуточку, — поманила его дама, указывая на стул рядом с собой.

Он встал, получил ободряющий взгляд Сафдара и, обогнув враз помрачневшего Керима, приземлился около нее.

— Скажите, это ваши друзья? — без предисловий спросила она, испытующе глядя ему в глаза. — Или так, просто попутчики?

— Ну, как вам сказать. Попутчики, конечно, но мы больше, чем друзья. — Саше ведь именно так и думалось сейчас. — А в чем дело?

— Если друзья, — наклонилась через стол ее подруга, — то вам нужно срочно линять⁶ отсюда. Или через полчаса я

вам не буду завидовать. Я случайно слышала сейчас разговор двух парней Вадима. Они сидят в той половине...

— Те, что пели? — насторожился Саша. — За тем столиком?

— Нет, сразу за ними. Один с черной лентой на лбу. Видишь?

— Нет. Ага, теперь вижу, — Саша почувствовал противную дрожь в коленях, но виду не подал и спросил, как можно беспечнее: — А почему вы решили, что именно нам будет плохо? Может, речь не о нас?

— Потому что, кроме ваших друзей, «азербутов» в ресторане больше нету. И учти, через полчаса их будет не двое.

— Не хорохорься, парень, — вставила первая дама, — сматывайтесь, пока не поздно. А то ты сам не знаешь, какой спектакль они могут тут разыграть? Да за такие деньги... Нашли, где хвастаться.

— Да его сейчас не уговоришь отсюда уйти, — Саша кивнул головой в сторону Керима. — Вон он как на вас уставился.

— А ты ему скажи, что я к нему в купе приду, побежит как миленький, — весело улыбнулась женщина и подмигнула совсем осоловелому Кериму:

— Хочешь, я приду к тебе в купе? Тогда иди и жди меня там.

Керим недоверчиво выпрямился, потом попытался дотянуться до нее рукой:

— Пш-ш... пш-шли сразу.

— Сейчас не могу. А ты иди. Иначе не приду.

— Отправляй их сейчас же, вроде как в туалет, а сам задержись, чтобы те не сразу поняли, — посоветовала блондинка. — Тебя-то они, может быть, не тронут. Я слышала, как они говорили: «Вадим сказал, молодой — не помеха. Первого нужно грузить, басмач».

«Сафдара, — промелькнуло у Саши, — все правильно: Вадим почуял его силу. А Керим уже ни на что не способен. Ну, посмотрим».

Он вернулся к столику. Керим, пытаясь не упасть головой в тарелку, решал трудную задачу: идти — не идти. И если идти, то как?

Сафдар же все понял с полуслова.

— Я останусь, — сказал Саша. — Ты его отведи, а я задержу их.

— Хорошо. Возьми эту деньги, — протянул он конфискованную у официанта сотню. — Ты трезвым ище. Если что, здесь не связуйся с ними, а иди за ними сзадом. Пусть тогда пробуют соваться, ашат булат.

Он поднял вяло сопротивлявшегося узбека.

— Давай, Керим, девушка придет потом. Давай, поем тихоньком. Анана-асы шампаньскому, — чудовищно, непередаваемо заскулил Сафдар, и Керим, заслышав слова, расчувствовался и повис на его руке.

Так, поддерживая друг друга, они тронулись в нелегкий путь, поминутно останавливаясь, будто навстречу им и сбоку дул сильный штормовой ветер. Саша сразу увидел их, тех молодых крепышей. Лоб одного из них был поиндейски перехвачен лентой. Они появились из глубины вагона и ускоренным шагом направились за его друзьями. Саша встал из-за столика и в пьяной улыбке распахнул руки.

— Вот они — мои соколы! Ананасы в шампа-анском! Эх, рыбак рыбака видит издалека, — громко продекламировал он. — Ха-ха-ха. Прошу, братва, за стол. Чем богаты, тем и рады. Но...

— Некогда, брат, извини, — попытался отодвинуть его шедший впереди смуглый парень с той самой повязкой.

— Ни-ка-ких извини, — Саша ловко, не сильно, но с нажимом развернул его и, одновременно выдвинув ногой стул, усадил за стол. Не дав опомниться, подхватил второго левой рукой, правую выкинув в разудалом жесте, — пра-ашу! — и в зал: — Вадик!

Заартачившийся было второй, услышав имя официанта, немного смешался и вопросительно посмотрел на первого. Тот пожал плечами. А Саша, не упуская инициативу, наклонился и заговорщически зашептал: — Молодец, Вадик, не подвел. Сделал, как и обещал. Щас он обслужит нас по первому разряду.

— Что сделал, что обещал? Говори яснее, — нетерпеливо заерзал первый.

— Чш-ш, враг не дремлет, — смешливо приложил Саша палец к губам и стал разливать остатки коньяку. — Он нам все сказал. Все, что надо. Щас он подойдет. — Ва-адик! Ну, что ж, за встречу, однополчане!

— Ну, смотри, братан, если темнишь... — отставил рюмку смуглый. — Коля, сгоняй быстро за Вадиком.

— Пусть Коля сидит, — обиделся Александр и, краем глаза увидев приближающегося Вадима, вызвался: — Я сам за ним схожу. А вот и он. Легок на помине. А где гитара, Вадик? Мужики уже здесь, а гитары — нету! Непорядок.

Вадим просверлил его глазами:

— Какая гитара, чувак? Ты че путаешь?

Услышав это, парни вскочили, но Вадим упреждающе поднял руку.

— Это кто путает? — недоуменно уставился на него Саша. — Ты же только что обещал, что Олег будет петь с нами, — он показал на второго парня и, как бы приглашая, сам запел, расплывшись в благоговейной улыбке: — Ананасы в шампанском...

— Ты перепутал, паря, — зло процедил Вадим. — Олег сидит во-он там. А эти петь не умеют. Они вообще ничего не умеют. Дергайте, откуда пришли, — кивнул он парням, которые тут же подхватились и ринулись было в прежнем направлении.

— Да не туда вам надо, тупари безмозглые, — рявкнул официант и показал в обратную сторону: — Я же сказал, откуда пришли!

— Я че-то не пойму, Вадик, — качнулся Саша, — ты же сам обещал. И между прочим бабки получил.

— Получил, да не все. И Керима что-то не вижу. Они что, с азербуттом совсем слиняли, что ли?

— Как слиняли? — Саша по-идиотски осмотрелся вокруг, потом непонимающе уставился на официанта. — Правда, нету. А ты их не видел?

— Я их не видел. И ты мне не гони тут, — он стрельнул глазами и, что-то быстро смикитив, грозно процедил: — Вы не полностью рассчитались. Кто платить будет?

— Платить? Да не вопрос. Какой может быть базар, — Саше так же, как и Кериму, страшно захотелось порисоваться перед дамами. Он достал оставленную ассигнацию: — Только давай так: еще одну такую бутылочку принеси, и она твоя. Ладушки, а?

Вадим потянулся за деньгами.

— Э, нет, — радушно разулыбался Саша, — так не пойдет. Тащи еще одну армянского, тогда получишь.

— Ладно, жди, я сейчас.

— Только армянского чтобы, — куражливо прокричал ему вслед Саша и игриво подмигнул своим симпатичным соседкам.

Уходя, он на мгновение увидел профиль чуть развернувшегося к нему мужика с гитарой. «Вальяжный тип», — хмыкнул он и тут же забыл о нем.

Сафдара с Керимом он обнаружил в коридоре вагона, распевających у окна напротив дверей своего купе, и только тогда смог расслабиться. Только тогда и спало нервное напряжение. По правде сказать, весь путь от ресторана, а это пять вагонов, он ждал нападения Вадимовых парней. Теперь отлегло.

— Все путем? — спросил Сафдар.

— Да вроде как, — улыбнулся Саша и гордо покачал за горлышко бутылку с коньяком перед его носом.

— А где моя женщина? — вытянул шею Керим, стараясь заглянуть за спину Александра. — Ты сказал, приведешь ее.

— Придет! — кратко успокоил его Саша. — Чуть попозже.

— Скоро будет, — подтвердил Сафдар.

Они ввалились в купе, где Зоя уже давно просматривала широкоформатные сны. Недовольно побормотав, она полезла на верхнюю полку. Керим приумолк и, прокрутив что-то в воспаленном мозгу, проводил ее внимательным взглядом. Вид женщин действовал на него, как красная тряпка на быка. Едва добавив прихваченного коньяку, он снова вошел в раж. Просто не было удержу откуда-то взявшейся мании величия узбека.

Неистово размахивая руками, он рассказывал, как ему, Кериму, несмотря на огромные деньги, тяжело живется. Сколько там, в Ташкенте, Чимкенте, у него жен, которых он содержит, знаете? А-а, не знаете. А сколько милиционеров

живут за его счет и там, и здесь, в Сибири? Тоже не знаете? То-то. Всех кормит великодушный Керим! Увенчав свою биографию рассказом о том, с какими почестями его встречают во властных кругах Узбекистана и как на международных встречах ему приводят красавиц со всего мира, он выложил на столик портмоне и предложил Сафдару отдать ему на эту ночь Зою.

Лучше бы он этого никогда не делал, потому что тут же получил такой увесистый удар, что упокоился под столиком и какое-то время благоразумно помалкивал. Потом, очухавшись, стукнулся поочередно в обе нижние полки и в поисках выхода на четвереньках пополз между ними. Загородив собой и без того тусклый свет купе, уткнулся в дверь и, видимо, представил себе, что попал в какую-то западню. Он сел, лихорадочно ощупал себя под свитером и, не нащупав бумажника, завалился на спину и завыл так истошно, что переполошил весь вагон.

— Караул! Ограбили! — затарабанил он ногами по двери. И следом, без всякой причинной связи: — Ананасы в шампанском... Спасите!

И захлебнулся широкой ладонью Сафдара, зажавшей ему рот. Первым на крик прибежал рыжий проводник Гоша и, мгновенно оценив обстановку, — не впервой, однако! — под сказал, как именно следует спасти потерпевшего. «Хошь силком, да влейте ему стакашку в глотку, иначе никому спать не даст. Проверено!» И с ходу предложил имевшуюся по случаю бутылку водки, которую мужики и приняли. С переплаченной благодарностью, понятно. Керим, оставаясь на полу, бессмысленно переводил глаза с одного на другого.

— Коп сулейма*, ашат булат, — зашипел Сафдар, усаживая его на лавку и призывно стуча ногтем по бутылке, пытаясь привлечь внимание ошалевшего буяна.

---

* Замолчи; не говори много.

В скуповатом мерцании тусклых светильников купе идиллическое обличье торгаша постепенно стало приобретать осмысленные черты. Он часто-часто заморгал глазами, понял что-то, и губы его растянулись в подобие улыбки. Как младенец к соске, он потянулся к бутылке.

— Ага, бельмеймен, узбекский твой душа, — обрадовался Сафдар. — Соображает! — перевел он для Сашки и налил Кериму полстакана. — А ну-ка, давай, истребляем тихоньком. Ищ! Пей!

— Сашка, дурак, — тонко завопила сверху молчавшая до сих пор Зоя. — Убери стакан. Сгорит ведь. Он же не такой пропойца, как ты.

— Не сгорит, зачем сгорит? — отмахнулся тот.

Да и поздно было: Керим уже обхватил стакан обеими руками и, покачиваясь не в такт перестуку колес, тут же, как заправский пьяница, опрокинул содержимое стакана в рот и, переморщившись, мутно повел глазом на Сафдара:

— Сам ты узбекский душа... У-у, таджик... хитрый... Знаю все... — промычал он, погрозив пальцем, и через минуту-другую, клюнув пару раз своей буйной головушкой, повалился на заботливо подложенную подушку.

Успевшая соскочить с полки Зоя облегченно вздохнула и снова полезла наверх. Уже оттуда она на всякий случай еще раз обругала свою «золотую рыбку» за то, что тот напоил бедного мужика.

— Спойл усбека. Кого хошь уговорит напиться, обормот!

— Ага, обормот, — весело подтвердил муж и, показывая на столик, расхохотался: — Он лючче меня пьет, ашат булат. Смотри, сколько денег давал, чтобы с тобой спать! А, кто обормот теперь?

Зоя сверху равнодушно посмотрела на деньги и покачала головой:

— Совсем ты с ума пропился, Сашка: ему че, девать их некуда, что ли? Совсем дурак ты стал.

— Кто, я? Я дурак? — не согласился Сафдар и аж подскокил, шарахнувшись кудрявой башкой о полку. — Саша, скажи ей, скажи, кто дурак! Скажи, будь другом.

Александр, с добродушной улыбкой наблюдавший незлобивую перебранку супругов, неловко развел руками, что, мол, да ладно, не стоит о том говорить: человек-то сильно пьяный. Увидев, как он смутился, Зоя поняла, что муж не разыграл ее про деньги, и неожиданно взаправду осерчала на него и разразилась сибирским красноречием:

— Тогда и сасунь их ему... Пьешь, с кем попался, потом сам еще и ревновать будешь...

И далее в том же стиле. Сафдар, кивая головой, только успевал монотонно вставлять:

— О! О! Давай, давай. Силней. Понеслась Зоем по кочкам.

А она вдруг, без всякой логики подытожила:

— Все мужики одинаки: что таджик, что усбек. — И, как бы завершая диспут, добавила, отворачиваясь к стенке: — Исвини, Саша, это не про тебя касается. Все, тишина.

Поезд опаздывал уже почти на четыре часа, все больше простаивая на полустанках. Потом и вовсе затих больше чем на час на одном из них, и в полузамерзшие окна видны были только мятущиеся тени от качающегося фонаря, да скрипел снег под валенками обходчиков. Уже отяжелел и Сафдар и, мурлыкая какую-то заунывную мелодию, перемежаемую неизменным «ашат булат», залез наверх. Безрезультатно окликнув его пару раз, Саша заскучал и попробовал осмыслить сегодняшние события.

Поезд, к его великой радости, наконец-то тронулся с места и, набрав ход, вот уже долгое время мчался без остановок, словно наверстывая упущенное. Да и какие остановки, когда тайга кругом необъятная. Наверное, во всем поезде не спал он один. Потихоньку подкралось и обрело свой уголок в душе какое-то неясное предчувствие беды, и, сколько ни гнал он от себя сие наваждение, оно не покидало его. Но вот с быстрым ходом поезда сменились и его мысли и понеслись в философском направлении.

«Вот, живет на свете узбек Керим. Неплохо живет, шикарно. Нигде не работает (не назовешь же работой спекуляцию цветочками или фруктами), но денег — куча! Все нужные люди в кармане. Вон как все Зоины переживания насчет свиданки с сыном разрешил: одной запиской! И не надо ему никакого образования. Бросил институт на полдороге и не жалеет.

Он и без образования чувствует себя великолепно. Что оно даст мне, будущему инженеру, если все же закончу институт? Двести рэ в месяц, самое большее. Он же только за полдня ухлопал больше.

Пусть половину из всего, что тут наговорил сегодня, он соврал, но и этого достаточно, чтобы увидеть разницу между ним и, скажем, работягой Сафдаром. Или мной. Кто я на данный момент? Беглец. И если вдруг не примут в институт, что мне делать? А может, пока не поздно и правда попробовать пристроиться к такому вот ловкачу в помощники? Арбузы-цветочки на базаре охранять да подносить. И загребать деньги лопатой. Пусть по пьяной лавочке, но предлагал же. Ну, да. А если он вовсе никакой не торгаш, а мафиози? То есть не простой торгаш, а собирает дань с таковых?»

Словно подслушав его мысли, заворочался узбек, завертел головой, зашарил руками, разведывая незнакомую обстановку. Наконец нашел на столике минералку и, попробовав на вкус, присосался к горлышку, утишая пламень внутренний. Александра у окна напротив не видит. Снова полежал немного, отдышался, потом сел и, держась за голову, начал раскачиваться и стонать гудливо. В себя приходил человек: то ляжет на некоторое время, то вновь сядет, прислушиваясь к шуму поезда, — муторно бедолаге с непривычки. Долго так маялся. И вдруг вскочил, как пружиной подброшенный: полку приподнял и в багажном отсеке, как понимает Саша, свой дипломат ищет.

— Керим!

— А-а-а, — от неожиданности уронил крышку полки узбек и вскричал так, будто кто его ужалил.

Сам на пол брякнулся и дрожит с перепугу, как лист осинный. Похмелье, оно и не у таких нервы на пределе держит. Бывает, и из храбрых в мгновение ока трусов делает, не только что.

Саша в изголовье свет включил: «Че ищем-то, Керим?»

Пригляделся Керим, не совсем, но успокоился, встал и к столику напротив придвинулся:

— Саша? Хвала Аллаху! Я уж думал, где это я? Совсем потерялся, — и снова стон: — О голова моя!

— Может, похмелишься? — предложил Саша. — Легче станет.

Керим аж руками замахал:

— Убери с глаз эту пакость. Больше в жизни не притронусь.

— Ну, так уж и в жизни, — не поверил Саша и плеснул себе в стакан. — Ну, а я выпью. За твоё здоровье выпью, Керим.

— Спасибо, Саша. Ты пей, конечно. Ты сибиряк, что тебе делается, — и жалобно заскулил: — Слушай, не помнишь, куда я дипломат засунул? Тут же был. Документы там, анау мынау... О голова моя!

— Ты ж его сам сюда под Зоину лавку перекладывал, — привстал Саша и достал чемоданчик. — Держи.

Керим буквально выхватил дипломат и, отвернувшись, торопливо стал набирать шифр на номерном замке, да, видно, путался в темноте, все никак открыть не мог. Саша перегнулся через столик и включил светильник на его стороне.

— Не смотрю я, не прячься. Какое мне дело до твоих документов. Главное, чтобы все цело было.

Засопел Керим, плечами пожал, что, мол, не прячусь я от тебя, смотри, если охота есть. Щелкнул замком. Приоткрыв крышку, он взял что-то и тут же захлопнул. Видимо, все было в порядке.

— На, Саша, это тебе, — суетливо пробормотал Керим и как-то заискивающе сунул ему пачку трешек. — Спасибо тебе. Я сразу увидел, что ты честный парень.

И уже тверже, вытянутой рукой упредил всякое возражение.

— Оп-па! Это не задаром, Саша. Мне еще потребуется твоя помощь. Ну, и за то, что сохранил это, — кивнул он на чемоданчик. — Надеюсь, ты понял, что, кроме документов, тут огромные деньги.

Тертый калач Керим: даже в полумраке разглядел смятение чувств, отразившееся на лице Александра, и пресек инстинктивное побуждение протеста. Знает Керим цену деньгам. И как человека к ним приучить, знает.

И Саша не отказался. Не совсем чтобы против воли, но от денег не отказался. Только вдруг ясно ощутил какое-то противное нутру чувство. Он понял, что готов теперь выполнить любое поручение Керима. И даже будет ждать этих поручений. Кто-то в душе его приподнялся и встал на цыпочки перед этим спекулем. Тошно. «Надо вернуть эти чертовы бабки: на чужой каравай рот не разевай», — вяло подумал он, но тут же другой голос подшептал: «Да он-то, гнус этот, заработал их, что ли? Вон сколько их у торгаша, не обеднеет. И потом, мы ж действительно его уберегли от разбоя. Те, в ресторане, с официантом явно заодно. Еще не то могло бы быть». И вслух сказал успокоенно:

— Мне-то за что спасибо? Зоя тут охраняла, ей и говори.

— И им тоже спасибо. Но они уже скоро выходят, а нам с тобой до Новосибирска, а может быть, и дальше, вместе ехать. Так что я хочу на тебя и дальше рассчитывать. Мало ли что в дороге бывает. Не будешь же, скажем, в туалет с балеткой ходить. Ну, ты понял, да?

— Понял, Керим, можешь на меня рассчитывать.

— Вот и ладушки! И забыли об этом. — Керим откинулся к стенке и круто повернул разговор: — Саша, я ничего такого вчера не выкинул? Ну, неприличного. Не пойму, с чего я так

нажрался. Бывает, конечно, иногда перебор, но чтобы в дороге! Первый раз это. Ничего такого, а? Ну, прихвостнуть там, лапшу на уши повесить...

— Да особо-то ничего такого. Деньгами вот только в ресторане швырялся. Но Сафдар тебя укоротил. Потом мы с ним тех дельцов, что на твои деньги губу раскатали, ни с чем оставили. Увели тебя от греха подальше. Кстати, вот еще твои деньги. Здесь ты тоже ими швырялся.

Саша показал на портмоне и поймал себя на том, что теперь уже с готовностью демонстрирует Кериму свою честность; просто выпячивает ее. Но, что тот предлагал эти деньги за Зою, умолчал, чтобы не огорчать «хозяина». Да, именно в этот ранг Саша пока еще подсознательно, но уже возвел его. И еще так и подмывало проверить, помнит ли Керим о своем вчерашнем предложении. Вряд ли. Он и сейчас-то не совсем проспался еще. Поэтому и спросил с намеком, в котором, хоть и против его воли, уже проскальзывали нотки подобострастия:

— Извиняй, конечно, за любопытство, Керим, но как же ты один-то сподобился с такими деньжищами ехать? Ну, без напарника, то есть?

— Любопытство, Саша, не порок.

Керим чуял все. Он явно приходил в себя: перестал держаться за голову, да и голос его вместе с уверенностью обрел прежние покровительственные нотки...

— Потом все узнаешь. Короче, так надо было. Понял, да?

Он засунул дипломат под лавку и, к великому удивлению Александра, сам напомнил о том разговоре:

— Ну что, подумал насчет моего предложения?

— Ты о чем? — решил схитрить Александр.

— Что, забыл? Или заспал? Я думал, только я нажрался до чертиков. Пойдешь ко мне в напарники?

— А-а, ты вот о чем. Да не думал я еще. Думал, ты так, по пьяной лавочке буровишь⁷.

— Ну, подумай, подумай. Теперь на трезвую предлагаю. Что потеряешь? Да ничего. А бабки заработаешь — потом любое образование получишь. Какое захочешь! — Керим помолчал мгновение и вдруг тихо рассмеялся: — Если вообще захочешь. Оно тебе и не нужно будет, понял, да?

Наверху заворочался Сафдар, что-то пробормотал и снова затих. Зоя же не подавала признаков беспокойства. Керим понизил голос:

— Башка у тебя варит, я это сразу понял. А мне грамотный напарник во как нужен. Не только, чтобы деньги считать умел, с этим я справлюсь лучше всякого, а чтобы мог ездить и заключать договора здесь, в Сибири. Купи-продай — опасная штука, хоть и денежная, а мне нужен размах; такое дело, ну, без опаски чтобы. И я его нашел, и все подготовил. Займусь лесом. Если все пойдет как надо, это намного спокойнее. Да и платить не каждому стрелочнику придется, как сейчас: тому дай, этому дай. Надоело кормить этих оглоедов. А чуть не успел заплатить, того и гляди — грохнут. Хотя плачу им за то, чтобы другие не трогали. А тут все по закону будет, в районе я уже договорился: пришлю сюда для начала одну-две пары вагонов комбикорма, фруктов, анау-мынау, а отсюда пойдет лес в Узбекистан. Мой лес, понял, да?

— Так ты «воруйку» хочешь открыть? — изумился Саша. — Да это ж полгода, не меньше, надо только бумаги всякие согласовывать. А где потом людей будешь брать, технику, чтобы лес валить да вывозить? Тут наскоком...

— А кто тебе сказал, что я хочу его валить? — покровительственно усмехнувшись, перебил Керим. — Это давно уже не модно. Лесу в тайге навалено и без нас с тобой, Саша, успевай только отправлять.

«Без нас с тобой: он меня уже и на работу оформил. Ловко!» — отметил Саша про себя.

Керим наклонился над столиком, зашептал доверительно:

— И зачем люди? Люди — вот они, — показал он на дипломат под лавкой. — В тайге у любого начальника нижнего склада можно купить отборный лес по пятерке за куб. Наличкой, конечно. У кого и по тройку. А знаешь, сколько куб стоит в Узбекистане? — Он выкатил глаза: — Стольник, самая низкая цена за самое низкое качество. Оптом, в колхозы, совхозы. Это кто не умеет продавать. Керим — умеет. Один-два вагона — колхозам за комбикорма, остальное по частному делу. А по полгода такие дела согласовывают только эти... как их... сибирские валенки. — Он рассмеялся, довольный удачным сравнением: — Потому что согласовывают с пешками. Э-эх, Саша, у меня уже все согласовано-подписано, и они сами теперь ждут не дождутся, когда я лес начну отправлять. И району польза, а уж человечкам, которые мне помогают (а они не какие-то там пешки), пользы еще больше. Время идет людей хватких, рискованных — наше время, только не зевай, понял, да? Под лежачий камень вода не потечет.

— Ну, а я-то тебе на что? — пораженный таким откровением, пробормотал Александр. — Для охраны, что ли?

— Нет, не для охраны. Хотя и это тоже. Нам просто придется друг друга охранять. Ты мне нужен как местный, как сибиряк. Чтобы искать и договариваться с мужиками о вывозке леса на тупик. За наличные. Тебе это делать будет проще, и... нам намного дешевле обойдется. Для тебя, скажем, камазист вывезет лес по рублю за куб, а с меня, с узбека, затребует не меньше тройка. Ну, и дальше, на погрузке в вагоны, в таком же точно раскладе. Тут нужен надежный партнер, и в тебе я такого вижу. А из техники нам на данный момент

нужен только личный транспорт. И если ты готов гнать новенькую «Ниву» сейчас же из Чимкента сюда, в Братск, то и не будем откладывать в долгий ящик. Хочешь — на платформе, хочешь — своим ходом. Своим-то оно даже сподручнее и быстрее. Пока нам хватит одной машины, а там — «будем посмотреть», как говорит Сафдар.

У Александра голова кругом пошла от перспективы. Машина — мечта всей жизни — не просто замаячила, обрела осязаемые контуры. Нужно только согласиться. Все же нашел в себе силы засомневаться: «Неплохо, конечно. Только как же с учебой?»

— Да я тебе дипломов, каких твоя душа пожелает, столько куплю, сколько потребуется. Хочешь — синих, хочешь — красных, можно и вообще разноцветных каких-нибудь, международных. Разница в цене небольшая. Да и не в них дело. Главное — у тебя башка есть, которая варит. Заживешь, как кум королю. В общем, надумаешь — скажешь. Я лишний раз повторять не буду. За Братском скажешь, что надумал, а я посплю еще. Я теперь тебе все сказал и успокоился, теперь тихо спать буду.

И через мгновение действительно мирно засопел под перестук колес, оставив Александра ломать голову в предрастветной ночи. А думать было о чем. Где-то в глубине души Саша всегда мечтал — нет, не о красивой, — о добротной, стабильной жизни. И она всегда ассоциировалась у него с получением образования, потом с достойной должностью. Главное, конечно, попасть в номенклатуру, а там уже редко кто выпадает из обоймы. Бывает, что и перемещают с места на место, но это больше для проформы, так что живет человек спокойно до самой пенсии с приличествующим должности окладом. Было, конечно, в этих планах где-то место и для Кати, и для его будущей семьи. Потом... А потом —

все. Это была граница, стена, за которую он никогда не заглядывал.

И сегодня Керим проделал брешь в этой стене, в его выстроенном для себя будущем. Вид денежных купюр никогда раньше не волновал Александра, никогда он не завидовал своим друзьям-студентам, жившим на широкую ногу: просто знал, уверен был, что вскоре у него будет то же самое. Но такой суммы денег, да еще за раз, он не то что не видел — не мог себе даже представить. А увидев и ощутив себя, можно сказать, в присутствии настоящего богатства, сразу же страстно восхотел стать его сопричастником, обладать им; искушение разбогатеть вмиг обуяло его и помутило сознание, и он потерялся в нахлынувших чувствах.

«Деньги — зло, но без них жизнь — дерьмо», — так полухутия-полусерьезно любил повторять его отец. И большую часть своей жизни он прожил как раз без них. А Саша заимел шанс узнать, какова же жизнь с ними. И не терпелось теперь поскорее закончить разговор с Керимом. Он даже вышел в коридор и долго стоял там у окна, один-одинешенек, упершись разгоряченным лбом в льдистое стекло и отсутствующе уставившись в непроглядную темень ночи.

Жизнь, похоже, меняла свой курс. То, что узбек говорит все на полном серьезе, теперь не вызывало у Саши сомнения. Можно было бы, конечно, отнести это наваждение на счет разгульного дня, но как уже сказано было, не пьянел сегодня Александр. Так ничего и не решив, он вернулся в купе и сначала прикорнул за столиком, потом, поудобнее откинувшись на стенку, забылся тяжелым, кошмарным сном. А поезд все несся навстречу рассвету и грядущему дню.

Расставание с Сафдаром и Зоей на станции Анзеби города Братска было сердечным. Словно и не было пьяного вчерашнего разгула. Они обменялись адресами, причем Саша дал им адрес своего дяди в Омске, а Керим еще раз в деталях проинструктировал семейную пару насчет тюремного свидания:

— Нисколько не смущайтесь, по всем вопросам сразу требуйте начальника. Все будет чики-чики. — И долго в благодарности жал руку Сафдару.

Сразу же по отходу поезда Керим позвал проводника. Тот неправильно смекнул, что следует продолжение загула, и тут же явился с бутылкой водки, при виде которой узбек скривился, как от зубной боли.

— Э, слющай, — брезгливо и почему-то с кавказским акцентом отстранился он от бутылки рукой, — убери ее с глаз моих. С этим — все! Я к тебе по другому делу, Гоша. Сделай так, чтобы нам никого не подселили до самого Новосибирска. Можешь?

— Да ты что, Керим, вряд ли.

— А ты постарайся, — Керим выразительно похлопал себя по карману. — Получишь по высшему разряду.

Туповатые глазки проводника предательски забегали и даже как-то осмысленно заблестели. Видно было, что он в раздумье.

— Постараюсь, но обещать не буду. Вот после Тайшета точно сделаю, там многие у меня выйдут. А сейчас у меня, кроме вашего купе, мест нет. Так что если кто с билетом... Сам понимаешь.

— Ладно, ладно. Я это так, на всякий случай. Но после Тайшета сделай.

— Там да. Там сделаем точно. Так водочку убрать?

— Убери. Давай лучше чаю. Или ты, Саша, приголубишь маленько?

— Нет-нет, лучше чаю, — хоть и против собственного желания, но отказался Александр.

Отказался даже чересчур поспешно. Надо ведь завоевывать авторитет и доверие начальства. И Керим оценил:

— Правильно, Саша. Делу время — потехе час.

Гоша крутнулся и вскоре принес чай. Расставив подставки, осведомился с заботой в голосе:

— В ресторан не пойдете? Если че, быстро слетаю.

— Пока не надо, — вальяжно махнул рукой Керим. — Может, к вечеру.

— Ну, дашь знать.

Идея не принимать в купе других пассажиров сильно понравилась Саше. Нравилось и то, с какой легкостью Керим подчиняет себе людей при помощи денег. С каждой минутой он все больше убеждался в их неотразимой силе, и приятно было сознавать, что в скором времени он будет вот так же непринужденно заставлять людей выполнять свои собственные капризы.

Нравственные критерии казались теперь чем-то таким несущественным и незначительным, что и думать о них уже не хотелось. Уже через полчаса поезд подъезжал к Вихоревке, и Сашу охватило едва уловимое неосознанное беспокойство.

Он прильнул к окну и с каким-то непонятным даже ему самому облегчением констатировал, что перрон пуст и к их вагону в течение всей стоянки поезда не подошел ни один пассажир. И вот поезд уже тронулся. Значит, как минимум часа три никто не появится в их купе. Откуда у него взялась эта тревога? И даже не тревога, а ожидание несчастья? Ведь все идет как нельзя лучше. Немного поразмыслив, он отнес это на счет несостоявшегося похмелья. Но с самим похмельем решил поостеречься. До вечера потерпеть можно, а там, по всему раскладу, в ресторан придется махнуть. Сам шеф не исключил такой возможности. Главное, никого лишнего в купе. Все спокойно. Таких же мыслей, похоже, придерживался и Керим.

Тем неожиданнее стало появление в купе высокого импозантного мужчины и такой же высокой, дородной и красивой жгучей брюнетки в сопровождении Гоши. Проводник беспомощно развел руками, что, мол, никуда не денешься, принимайте попутчика. Аж до самой Москвы едет товарищ. Потому что и сам из Москвы.

Ну-у, москвич — это же совсем другое дело! Насторожившийся было Керим улыбнулся и одобрительно кивнул ожидавшему с виноватым видом Гоше. Ладно, мол, нормальный мужик, годится в попутчики. А увидев, что брюнетка не собирается составить тому компанию, засуетился.

— А как же мадам? — плотоядно облизнулся он. — Не с вами?

— Нет, мадам сама по себе, — обворожительно улыбнулась брюнетка и коснулась плеча мужчины. — Я рада, Борис Никитич, что у вас будет такая приятная компания. А вы откуда-то с юга, молодой человек?

— Да еще с какого! — привскочил Керим и галантно расшаркался. — Позвольте представиться: Керим, сын узбекского народа. Сибиряк по совместительству.

— Обожаю Узбекистан: виноград, арбузы, дыни, м-м-м, — томно закатила глаза дама. — Ну, а это Борис Никитич, ваш попутчик; а я Стелла, его вынужденный товарищ по несчастью. То есть по ожиданию опоздавшего поезда. Всю ночь провели в зале ожидания, кошмар. Ну, вы тут устраивайтесь, Борис Никитич, и сразу к нам. Мы с Милой вас ждем. Все, как и договаривались, да?

Она кинула недвусмысленный взгляд в сторону Керима:

— Разрешаю взять с собой сына узбекского народа. Обожаю южан.

— А я ценю ваш вкус, — снова облизнулся Керим, не сводя глаз с пышных форм брюнетки. — И непременно будем у вас с... э-э... как вас?

— Да не церемонься: просто Борис, — разрешил новый попутчик.

Все это время он с улыбкой наблюдал за диалогом так понравившейся друг другу пары.

— Или Никитич. В общем-то, меня так большинство знакомых и зовет: Ни-ки-тич. Коротко и ясно.

— Вот, с Никитичем и будем у вас, — обрадованно закончил Керим, и, будто только теперь он вспомнил что-то, лицо его, и без того узкое, еще больше вытянулось: — Пойдите, а где это — у вас?

— У нас, это значит через два вагона от вашего, — успокоила его Стелла. — Не пугайтесь.

— Да я не пугаюсь. Я к тому, что вы так заторопились. Почему бы вам не побыть у нас?

— Потому что там осталась моя подруга. Одна с незнакомыми людьми. Ну, то есть, еще не познакомились, как следует.

— Так и я к тому же. Зачем идти к незнакомым, когда здесь, у нас, уже, считайте, все знакомы. Сейчас мы попросим Гошу и...

— Нет-нет. Давайте соблюдать субординацию. Где это видано, чтобы дамы первыми шли к кавалерам? Или на вашем юге так принято?

— Молчу. Бессилен перед логикой. Надеюсь, разлука не будет долгой?

— Это теперь зависит от вашего попутчика. Мы вас ждем. Чао!

Она еще раз окинула Керима жарким, манящим взглядом и вышла. Керим тут же подступил с расспросами к новому попутчику, а Саша предложил ему свое место на нижней полке.

— Вот это будет славно, — просиял новенький, — вы даже не представляете, как это кстати. У меня, видите ли, проблемы с радикулитом. Опять разыгрался проклятый.

При этом он так комично изобразил разбитого недугом старца, пытающегося взобраться на верха, что мгновенно завоевал их симпатии. И даже Гоша, молчаливо ждавший распоряжений, расплылся в довольной улыбке.

— Чего-нибудь принести? — недвусмысленно щелкнул он себя по горлу.

Никитич поочередно взглянул на попутчиков, те отрицательно покачали головами.

— Пока не надо, — подытожил новоприбывший, повторив недавние слова Керима. — Дай оглядеться.

— Ну-ну, оглядывайтесь, — весело разрешил проводник. — Только смотрите, не опоздайте с заказом. У меня не продовольственный магазин. Запасы истощаются. Страждущих-то — ого! Цельный поезд.

— Учтем, учтем, — успокоил его Никитич. — Но на всякий случай придержи чего-нибудь покрепче. Только не марганцовку.

— Вот это разговор, — совсем ожил проводник. — Придержу. Как-никак — свои люди. — Подумал и, прежде

чем выйти из купе, добавил: — Пассажиры, имею в виду, свои.

— Хороший парень, услужливый, — добродушно заметил Никитич. — Такого подучить — и никаким хваленым заграницам наш сервис не уступит.

— Вы бываете за границей? — Саша произвольно подался вперед.

— Ну, в общем-то, чаще, чем здесь, в Сибири. Я в сфере внешней торговли работаю; так, считайте, постоянно там и нахожусь.

— Торгуем, значит? — проявил интерес теперь уже и Керим. — И чем, если не секрет?

— Ну, это уж не от меня зависит, — развел руками собеседник и добавил многозначительно: — В таких случаях говорят: всем помаленьку.

— В общем, работа — не бей лежачего, как я понимаю, — вздохнул Керим. — Но вы-то, конечно, скажете, что работаете не покладая рук. Так?

— Да вроде того. Не всегда же только мед.

— Это все так говорят, — подняв руку, понимающе ухмыльнулся Керим. — Чтобы другие сильно не завидовали. Но как бы вы там ни работали, вам все равно всегда завидовали, завидуют и будут завидовать. Уже только из-за того, что вообще можете бывать за границей. А как к нам-то, сюда, выбрались? Тоже дела?

— Как видите, иногда удается заглядывать и сюда. Но, слава Богу, не по делам.

— В Сибирь не по делам? — деланно удивился Керим. — А что, извините, можно делать в Сибири... не по делам?

И заулыбался, довольный своим каламбуром.

— Как это что? — так же улыбочиво переспросил Никитич. — Отдыхать! От заграники, от Москвы, от всей той

городской суеты, от всей чертовой цивилизации, где уже и дышать-то нечем.

И как будто именно сейчас ему стало трудно дышать, ослабил галстук и расстегнул ворот рубашки.

— А тут вон она, тайга-матушка, — облокотился он на столик ближе к окну. — Смотри, какая красота! Гуляй, дыши — не хочу!

— Ну, и как — погуляли? — зачем-то подмигнул Керим.

— Да уж отвел душу. Утолил, так сказать, страсть сполна.

— И что же это за страсть, Борис Никитич? — с улыбкой продолжал дознаваться Керим. — Некое эфемерное существо в юбке? Стелла?

— Ах, нет, — отмахнулся тот, — этого добра мне там хватает. Охота. Охота — страсть моя, мил человек. Я ведь родом из этих краев, и в детстве никем, кроме как охотником, и не мечтал стать. И отец охотником был. С малолетства с ним на займку ходил. Но что делать, судьба по-другому распорядилась. Закончил институт, оставили в Москве. Дальше — больше. Но как выдается свободное время, я — только сюда. На охоту. Аккурат пару дней назад удалось вот на вырубках сохатого подстеречь. Полночи выжидал, но выследил.

Саша тут же потерял интерес к рассказчику: ему стало ясно, что мужик попросту рисуетя. Глядя на его холеное, без единой морщинки лицо и пухлые ненагруженные руки с толстенькими пальчиками, даже несведущему человеку трудно было бы представить его выслеживающим такого почуткого⁸ зверя, как сохатый. Тем более на вырубках, где лось не подпустит тебя ближе, чем на полкилометра. Саша знал таких охотников. Многовато их развелось в последнее время, и «охотились» они в основном с КамАЗов. Скорее всего, и этот гонял за зверем с каким-нибудь председателем сельско-охотсоюза на машине. Бывает, и стрельнуть-то даже ни

разу не стрельнет, но уж разговоров потом на целый художественный фильм. Тем более что председатель тот или какой другой охотник-профессионал, которого пошлют с ним, добудет-таки зверя. Сам не добудет — так одолжит у более удачливого. А городскому фанфарону этот трофей на все времена. Если лось, то рога на стену да лосины на унты, а медведь — так шкура на пол и тысяча историй, одна страшнее другой.

Саша слушал теперь рассеянно и не ухватил момент, когда Никитич закончил с охотой на сохотого и уже рассказывал, как ему не повезло с медведем. В том смысле, что уже, мол, и падшей свининкой его «подманили», так что вот на грядущую ночь только и осталось, что подождать топтыгина. Он же, мол, обязательно на это место придет! И тут (ведь это ж надо: на самом интересном месте) — срочная телеграмма из Москвы. Пришлось несолоно хлебавши спешно из деревеньки в Братск возвращаться. А куда денешься — работа есть работа. Вид у неудавшегося медвежатника был до того расстроенный, что Керим только посочувствовал ему, но заодно и удивился:

— Надо уж было остаться, а потом бы самолетом...

— Да думал, но не сходитя. Самолет из Братска через Омск теперь только завтра, про другие уж не говорю. Да там и с билетами вообще чехарда, да как погода еще подгадает. Так что овчинка выделки не стоит. Не-ет, в этом смысле на поезде надежнее. Да оно и приятнее. И по тайге промчишься, да и попутчиков славных приобретешь — чего лучше!

Борис Никитич смолк в ожидании ответной реакции. Ну, ясно, что поддержки мнения такого. И Керим поддержал:

— В этом смысле — да. Полностью согласен.

Саша же почувствовал наступившую паузу и не очень удачно воспользовался ею. Сообразив, что Керим с чем-то

согласен, он тоже согласился с тем, чего не слышал, и, следуя ходу собственных мыслей, выразил свое отношение к охоте.

— Да уж, добыть лося — не всякому удача. Вот уж дома-то вашему трофею обрадуются. Не у каждого в Москве есть рога сохатого. Мой отец вон тоже охотник по профессии. Частенько приходится ему с приезжими охотиться. Морока, говорит, одна с ними.

Это было бестактно, но Саша не сразу осознал свою оплошность. Никитич же внимательно посмотрел на парня и понял, что тот не слушал его. А если и слушал, то не поверил ни одному его слову. Это было написано у него на лице. Они встретились глазами, и Саша в смущении отвел взгляд: ему также стало ясно, что работник торговли уловил его мысли. И он спросил только для того, чтобы что-то спросить и как-то сгладить неловкость:

— Вы ведь чуть не опоздали на поезд, да?

— Почему ты так решил? — в голосе Никитича искреннее недоумение и любопытство, в глазах же едва уловимое сторожкое беспокойство.

— Да это я просто так. Смотрю: перрон пустой и поезд уже отходит. А тут вы появляетесь. Вот и подумал, что вы на ходу подсесть успели.

— Вот это наблюдательность! Хвалю! — весело рассмеялся Никитич, но глаза его оставались холодными и колючими. — Вот уж действительно сын охотника.

— Наблюдательность ни при чем. Просто у нас уже в пути такое случилось. С Керимом вон. Мы уж думали: отстал мужик, а он взял да и объявился через полчаса. Оказалось, встретил друзей. А мы переживай за него. И с вами это как бы повтор.

— И вправду повтор. Один в один. Но что до меня, Александр, то я никогда в жизни не опаздывал: видишь ли, я сел

еще в Гидростроителе, ну, в Братске то бишь, и полчаса эти до Вихоревки провел с друзьями в другом вагоне. Как сами понимаете, Стелла — один из этих двух друзей. Между прочим, вторая, Мила, ничуть не хуже.

Никитич бросил быстрый взгляд в сторону Керима и удовлетворенно усмехнулся: на это «между прочим» узбек отреагировал мгновенно! Так и придвинулся к столику и заерзал на лавке. В общем, заглотал «наживку». И он подлил масла во все больше разгоравшийся огонь в узбекской душе.

— Две симпатичные дамы, у которых буквально все при себе, едут отдыхать к морю Черному. Как, стоит задуматься? Я с ними среди прочих в зале ожидания время коротал до прихода поезда. Познакомились, разговорились: кто, да что, да как. Они не прочь в Москве пару дней провести, но не знают, где остановиться. А у меня с этим проблем нет, жилищные условия позволяют. Ну, вы понимаете, да? В общем, где-то через полчаса я уже пытался поменять наши билеты. Ну, чтобы если не в одном купе, так хотя бы в одном вагоне ехать. К сожалению, не получилось. Не вышло и с проводником договориться. Вот я им сначала и помог разместиться, а уж потом притопал на свое место.

— Ну, так чего ж мы ждем? Пора уже и проведать ваших попутчиц, — нетерпеливо предложил Керим и, поймав укоризненный взгляд Никитича, поправился: — Э-э, пardon, никак не могу заставить себя перейти на ты, когда передо мной важная персона. Твоих, твоих попутчиц, Борис. Как вы, то есть ты... как ты на это? А то вдруг передумают насчет остановки в Москве. Да и грех ведь оставлять красивых женщин без внимания. Это вроде как бросить два беззащитных существа на произвол судьбы. Да еще в преддверии романтического отдыха на море. Грех, да и только!

— Большой грех, — рассмеялся Никитич. — Только я уже вышел из того возраста, когда бегают за этими существами. Я уже давно предпочитаю, чтобы они бегали за мной. Тем более что в данной ситуации они больше заинтересованы во мне, чем я в них. И если честно, то не очень бы и расстроился, если бы они передумали. Думаю, мы и без них неплохо проведем время.

Всем своим видом он показывал, что не так-то уж и заинтересован в общении с дамами. Наверное, поэтому и увел разговор в другую сторону.

— Ну, рассказывай, сын охотника, куда направляешь свои стопы? Не за невестой в дальние края собрался?

В глазах его теперь уже плясали искорки ироничного доброжелательного веселья. Во всяком случае, так показалось Саше, но то неосознанное беспокойство не отпускало его и не давало расслабиться:

— Да нет. В институт пере... — начал он, и вспомнил, и смешался на полуслове. Но, уловив краем глаза разрешительное движение руки Керима, закончил, — ...водиться. В Омский переводиться еду.

— Вон оно как! — оживился Никитич. — Грызешь гранит науки! Ну, ну, давай подробнее. Интересно, чем же тебя Омский соблазнил?

Подробнее Саша не хотел и ограничился той собственной выдумкой о лучшей перспективе после окончания института.

— В общем, пока ничего определенного. «Будем посмотреть», как говорит Керим, — закончил он.

— А Керим говорит так, — тут же вступил Керим. — Хоть это, быть может, и интересно — ну, там гранит науки и прочее, — но совершенно невесело. Потому что самое интересное в жизни — это женщины. А, Никитич?

— «Без женщин жить нельзя на свете, нет»*, — приятным баритоном пропел тот. — Ты это хочешь сказать?

— Именно так, — подтвердил Керим, подхватив последние три слова куплета. — Нет и не будет! Так что предлагаю, Борис Ни... Да-да, просто Борис. Сейчас же идем проведать твоих красавиц. Пока их не перехватили нехорошие, недружественные нам люди.

— Не перехватят, — успокоил его Борис. — А торопиться нельзя. Как там: «Чем меньше женщину мы любим... А?

— ... Тем легче нравимся мы ей...»** — щегольнул познаниями Керим. — Но для этого нужно, как минимум, показаться той женщине, то есть Миле, на глаза. Насколько я понял, ты глаз положил больше на Стеллу, да? А мне все равно: мне пусть будет Мила. Но не может же она вздыхать обо мне, не подозревая даже о моем существовании. А я — вот он! Еду в том же поезде. И, очень может быть, тоже на юга.

— Успокойся, Керим. Они знают, где нас искать, и, как только пауза затянется, придут сами.

— Да куда ж дальше-то затягивать?

— Ну, должны же и они выдержать паузу, чтобы не уронить свое достоинство, как ты думаешь? Тут этикет, понимаешь.

— Вот-вот. С нашей стороны этикет и будет в том, что мы не позволим им себя ронять. Все-таки женщине делать первый шаг...

— Зато насколько проще будет тогда с ними договориться, Керим! Ну, размысли. Выдержка, дорогой, выдержка нужна.

— Выдержка? Ты что, думаешь, во всем поезде нас только двое мужиков? А не получится, что после паузы придем к

---

* Слова из песенки Бони. (Оперетта И. Кальмана «Сильва».)

** А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».

шапочному разбору? Не-е, Никитич, так не пойдет. Если идти, то идти нужно сейчас. И они оценят это, клянусь Аллахом.

— Вот она — молодость, — притворно вздохнул Борис Никитич. — Беззаботная и бесшабашная. Подавай все и сразу!

— Ну, не такой-то уж я и молодой, — воспротивился Керим. — Поэтому и тороплюсь. А то не успеешь оглянуться, как зачерствеешь.

— Ты смотри-ка, он уже и зачерствел. Ладно, считай, уговорил старика на грешное деяние. Но все же не так скоро. Я все же сначала вздремну часок-другой после этой сумасшедшей ночи. Надеюсь, ты не против?

— Да ну-у, какой там часок-другой, Никитич, — запротестовал Керим. — На том свете отоспимся. Куй железо, пока горячо! А я у тебя в накладе не останусь. Давай, уважь узбека. В кои веки еще такого, как я, встретишь?

— Это правда, — улыбнулся Борис, — экземпляр ты редкостный.

— А я о чем? — самодовольно потянулся Керим. — Я о том самом и говорю. И о вещах не беспокойся, — придержал он Бориса за плечо, увидев, что тот нерешительно потянулся за своим чемоданом. — Саша здесь останется. Надежнее стража не придумаешь. Он мужик что надо: студент, спортсмен, самбист, и прочая, и прочая, и прочая...

— О! Славный послужной список. Но мне багаж нужен не за тем, чтобы его прятать, а... — Борис порылся в чемодане и извлек на свет поллитровую бутылку без этикетки, — чтобы достать вот это. Ну, и вот баночка шпрот не помешает. Саша, вскрой банку, ты помоложе. Извиняй, Керим, но это у меня с молодых лет: взбадривать себя рюмашкой горячительного перед свиданием с прекрасным полом. Годы ушли, а привычка осталась. Да это уже даже и не привычка, а как бы таинство приготовления себя к чему-то возвышенному. Что и

вам обоим советую. Но предупреждаю: данный напиток под названием «огненная вода» не для слабаков.

— Предупреждение не ко мне. Я — мусульманин, и меня это не кольшет, — усмехнулся Керим и подмигнул озадаченному, если не сказать ошарашенному Александру. — Вон Саша знает.

— Вот те раз! — непритворно удивился Никитич. — Так ты что, и не выпьешь со мной? Что, запрещает Коран*?

— Еще как! Мусульманину пить не положено.

— Ух, ты! — хитро прищурился Борис. — А как же женщины, Керим? Тем более чужие? Положено?

— Если положены и лежат, то отчего ж нельзя, — расхохотался Керим. — Про это в Коране вряд ли написано, я его не читал. А раз не читал, значит, можно.

— Тогда отложим наше мероприятие до лучших времен. Пить одному мне совсем не хочется.

— Да почему же одному-то, Никитич? Александр с удовольствием составит вам... тьфу ты, тебе, тебе компанию.

— Серьезно? — вскинул глаза Никитич. — Спортсмен подержит?

Саша, уже обменявшийся взглядом с Керимом, в улыбке развел руками.

— Почему бы и нет. Пять грамм здоровью не повредят.

— Тогда и отлично. Не будем заставлять правоверного нарушать законы шариата** и выпьем за его здоровье по рюмашечке, — он ловко разлил содержимое бутылки на два полных граненых стакана.

— Вот это рюмашечка! — присвистнул Керим. — Может, притоптать маленько? Оно тогда еще войдет, а?

— Не стоит. Тут, как изволил сказать Саша, аккуратно по пять грамм на каждый зуб. Так-нет, Сашок?

---

* Главная священная книга мусульман.

** Свод мусульманских правовых и теологических нормативов.

— Если по-сибирски, то так.

— По-морскому тоже. А ты, случаем, не дрейфишь?

— Да пошто ж я должен? В самый раз.

— Ну-ну, тогда делай, как я! — Никитич встал и осторожно, чтобы не расплескать, чуть приподнял стакан от столика, согнулся над ним и еще раз обвел глазами собеседников: — За тех, кто в море!

И, распрямляясь, махом опрокинул стакан в раскрытую глотку. Лишь единожды шевельнув кадыком, он шумно проглотил «огненную воду», долго нюхал собственный кулак, потом крякнул и подцепил ножом шпроту.

— Хороша-а. Ах, хороша. Ну, что медлишь, Сашок?

— Не хочу портить впечатления после вашего таинства. Мне в вашем присутствии теперь даже и пить-то неловко, — он не скрывал своего восхищения.

Странное дело: то, что, казалось бы, должно было еще больше усилить тревогу и насторожить его — все же культурный человек вряд ли будет так глотать спиртное! — наоборот, оказало успокоительное воздействие. Сработало расхожее мнение: пьет — стало быть, свой человек. Свой в доску. Что касается Керима, тот только удивленно покачивал головой и прищелкивал языком. Борис Никитич довольно, даже чуть высокомерно, усмехнулся:

— А ты, Саша, думал, я весь из себя вшивый интеллигентик, а? Думал, бывалого из себя корчу? Думал?

— Каюсь, было дело, — сознался Саша, выложил из Зоной банки на блюде оставшиеся огурчики и услужливо пододвинул вместе с тонко нарезанным мясом. — Вот, берите, закусывайте. В общем, виноват — исправлюсь.

— Исправляйся, исправляйся, какие твои годы.

— Правду говорят: встречай по одежке, провожай по уму, — Саше во всю хотелось польстить попутчику.

— Ну, чтобы таким образом хлобыснуть стакашку... На это как раз большого ума-то и не надо. А вот чтобы вмиг не окочуриться или не спьянеть — надо. То есть нужна ха-арошшая подготовка. И у тебя она, должно быть, имеется. А? Имеется? Тогда покажи.

— Да мне-то торопиться некуда, — Саша принялся к аромату настойки. — Хм, а запах приятный. Я, пожалуй, растяну удовольствие.

— Хозяин — барин, — развел руками Никитич.

Саша сделал несколько мелких глотков и задохнулся. Несколько мгновений он, как рыба, с выпученными глазами и раскрытым ртом, хватал воздух: настойка оказалась действительно «огненной». На глазах выступили слезы. Никитич залился счастливым смехом.

— Я же говорил: нужна подготовка. Это же целый процесс, Саша. Выдохнуть, сконцентрироваться и т.д. и т.п. А ты без подготовки, да еще мелкими шажками. Будто никогда спирт не пил.

— Да как не пил, пил, конечно. Но это ж, думал, настойка, от силы градусов тридцать, не больше. А тут голимый спирт. Только покрашенный, — немного придя в себя, оправдывался Саша. И польстил в очередной раз, теперь уже невольно: — Но, черт побери, оч-чень, просто очень приятный. Так по всему нутру и растеклось. Как говорил один знакомый моего отца: ровно ангел босиком по душе прошелся.

— Во, во! Правильный мужик был твой знакомый. С понятием, — похвалил мужика Никитич и повернулся к Кериму: — Ну, что, потомок Чингисхана, тронемся, благословясь?

— Да еще как тронемся! — с готовностью откликнулся тот, ободряюще похлопал Сашу по плечу и, показав большой

палец, тихо шепнул: — Полный ажур, не волнуйся за меня, — и громко, уже в дверях: — Не скучай тут. А заскучаешь, шли деньги, как говорил Сафдар.

— А это еще кто? — удивился Никитич.

— Наш общий знакомый. До Братска ехал с нами.

— Я уж думал: знаменитый воин Чингисхана.

— Да, в общем-то, так оно и есть. Современный воин. Из таджиков.

Так, балагурия и перебрасываясь ничего не значащими фразами, они покинули купе.

Саша несколько не преувеличил, когда сказал, что напиток произвел на него благотворное воздействие. Буквально через считанные минуты от его беспокойства и тревоги не осталось и следа; мир и покой наполнили его душу, а по жилам растеклась такая приятная истома, что было бы даже неприлично думать о чем-то нехорошем. Например, как мог он в чем-то заподозрить такого милого человека, как этот Борис Никитич? Ну, насчет лосиной охоты он, конечно, приукрасил, так что ж с того! Кто прихвастнуть не любит? А так, классный мужик, несмотря что важная персона! И в настойке толк имеет! Кстати, надо бы допить ее. Не откладывая в долгий ящик, Саша опрокинул внутрь остатки «огненной воды» уже по всем правилам питейного искусства.

И стало совсем хорошо. Он заложил подушку под голову и откинулся на стенку, потом и вовсе расположился на лавке, и мысли завертелись вокруг его будущего статуса. В глаза назойливо полезли денежные ассигнации. Много ассигнаций. Ровно так, как они и должны казаться человеку: россыпью и пачками. Они как бы плыли к нему, и навеки запечатленный там дедушка Ленин многозначительно подмигивал ему с каждой из них. Саша дотрагивался до тех, что покрупнее, и это прикосновение доставляло ему неизъяснимое наслаждение.

Ему рисовались дивные дивы: он видел себя возвратившимся в институт на белом коне, том самом кабриолете,

который он обещал Кате. То бишь на «Жигулях» последней модели. Но теперь уже не каким-нибудь вшивым инженером, что вот только что было его самой розовой мечтой, а самым настоящим предпринимателем, у которого есть свое собственное дело. И хвастался он уже перед друзьями и недругами не дипломом высшей квалификации, а туго набитым бумажником, говорившим без лишних слов о его благосостоянии.

И вдруг, впервые за все время пути, его обожгла мысль, что можно стать обладателем этого благосостояния прямо сейчас. Вот оно, это благосостояние, в дипломате под лавкой. И даже поезд вон, как бы нарочно, замедляет ход и подсказывает перестуком колес: «Возьми дипломат, возьми дипломат!» Что, мол, чемодан в руки — и ходу. Без оглядки. К чему ждать, когда тебе подадут то, что можно взять самому и немедленно. Как там: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!»*

Саша вскочил, как ужаленный, и прильнул к окну, за которым все медленнее проплывали привокзальные постройки. «Чуна», — прочитал он название станции, и поезд остановился. Студеное стекло охолодило разгоряченные эмоции, и он застыдилса самого себя. Никогда еще в жизни не приходила ему в голову мысль позариться на чужое. Саша помотал головой, стряхивая наваждение. Он не мог отделаться от ощущения, что кто-то наблюдает за ним. Наблюдает и с интересом ждет, что он предпримет.

Суеверно оглядевшись по сторонам, Саша негромко вымолвил: «Мужик ко мне со всей душой, а я чтобы пакость ему устроить? Ну, не-ет». И вроде как легче на душе стало, а следом пришло и разумное объяснение природе соблазна.

---

* Лозунг, выдвинутый «преобразователями» природы в первые десятилетия советской власти, ставший популярным в стране.

Так ведь ясно же, что это последствия вчерашней попойки и сегодняшнего недостаточного похмелья. Вот разум и коллобродит. Не-е, надо бы у Гоши пузырек заказать: клин клином вышибают. По всему видно, не придется сегодня с Керимом в кабаке посидеть. У него другое на уме.

Теперь, заручившись согласием Александра стать его надежным стражем, любвеобильный узбек вряд ли поторопится расстаться с дамами. Напрочь теряет мужик голову при одном только виде женщин, судя хотя бы по вчерашнему его выступлению. Так что придется самому о себе позаботиться, то бишь «затариться» у Гоши, пока не поздно.

Саша вышел в коридор и двинулся было уже к проводнику, но увидел двух парней у окна напротив соседнего купе и остановился во внезапной догадке. В душу тут же вкралось еще одно, доселе неведомое ему чувство. Чувство тотальной подозрительности, а с ней и страха за сохранность вверенного ему багажа. Дальше по коридору были еще люди, но зациклился он почему-то именно на этих двоих.

«Почему они стоят здесь? Это ведь не их купе. Их — в конце вагона», — тревожно забилося сердце, и он невольно кашлянул. Парни обернулись и в приветствии подняли руки.

— Ну, как там твой напарник, оклемался? — весело спросил тот, что повыше.

Саша натянуто улыбнулся и, пробормотав для приличия что-то вроде «да ничего, все в порядке», так и остался стоять в проеме дверей.

— Да он, по-моему, уже пошел опохмелятор включать, — с какой-то удивленной радостью в голосе откликнулся другой и засмеялся: — Надо же, первый раз вижу, чтобы азиат так нажрался.

И, достав пачку сигарет, дружелюбно предложил:

— Ну, подходи, чего ты. Покурим.

— Да я куревом не балуюсь. Благодарю, — отказался Саша и шмыгнул обратно в купе, но закрывать двери не стал, а присел около них на лавку.

«Дела, однако, — лихорадочно соображал он. — Вроде как следили за ним, что ли. Получается, что так. Черт, теперь никуда не выйдешь, пока Керим не вернется. Даже в туалет. М-да-а. Привязал он меня капитально».

Мысль о туалете явилась совсем некстати. Саша почувствовал, что именно туда ему сейчас и надо. Однако надо было дожидаться, когда парни хотя бы уйдут в свое купе. А они продолжали весело болтать и уходить явно не спешили. И если они знают про деньги и что-то замышляют, то увести дипломат им не составит труда. Взять его с собой в туалет? Но тогда уж точно все догадаются, что в нем находится. Да и что будет, если вдруг навстречу Керим? Что он подумает? Что же делать? Завернуть в одеяло и на верхнюю багажную полку за матрацы. Точно. Тогда так быстро они не успеют его обнаружить. Пока еще найдут... Он тихонько прикрыл двери, свернул свой матрац и засунул его на полку. Теперь нужно завернуть дипломат в одеяло и... И тут в купе, на его счастье, с шумом ввалился сам Керим со Стеллой.

— Александр, принимай гостей, — распорядился он и плюхнулся на лавку, увлекая за собой хохочущую женщину.

— Нет уж, принимай пока сам, — с облегчением вздохнул Саша, — а я вас вынужден оставить на время.

Стелла ухватила его за руку:

— Если у вас, молодой человек, появилась глупая мысль оставить нас вдвоем, то вы сильно торопитесь. Мы еще не созрели для интима, правда, Керим?

— Ну, это как про кого сказать, — хитро прищурившись, покрутил тот пальцем перед своим носом. — Я всегда зрелый, и, по-моему, Саша все делает правильно.

— Да нет, я не поэтому... — заикнулся Александр.

— Смотри, Керим, он покраснел, — воскликнула Стелла. — Какая прелесть. У тебя действительно надежный напарник.

— Других не держим, — то ли в шутку, то ли на полном серьезе подтвердил Керим. — Иди, иди, Саша, не слушай льстивых речей женщин. И никогда не верь им — облапошат.

— Да, такого, как ты, облапошишь, пожалуй, — фыркнула Стелла.

Они оба вели себя так, будто давным-давно знали друг друга. Выглядело это, конечно, довольно наигранно, но это их нисколько не смущало. Она придавила пальчиком его нос и со смехом добавила:

— Где прошел узбек, там уж нам, татарам, делать нечего.

Это была неприкрытая лесть, но Кериму она была явно по душе. Он довольно разувальбался: дескать, да, мы, узбеки, такие. И покровительственно махнул рукой Саше.

— Давай, давай, Саша, действуй-злодействуй. Но дверь не закрывай, чтобы distinguished Борис Никитич не перепутал и не заблудился. Сейчас он также изволит прибыть сюда. И знаешь, с кем? — с пафосом спросил он, выкинув руку. — О, если б ты видел! С Милой!

«Да хоть с самим чертом», — подумал Саша, чуть ли не бегом покидая развеселую парочку. Все же он успел с удивлением отметить, что Керим был совершенно трезвым. В отличие от своей зазнобы.

Когда он вернулся, в купе стоял визг и хохот. Судя по тому, что не смеялся один лишь Никитич, можно было догадаться, что именно он смешит их, рассказывая анекдоты. Стелла, уже ничего и никого не стесняясь, сидела на коленях Керима, поминутно называя его то туркменом, то турком, а то и вовсе «чертом нерусским». Но делала она это с таким

изяществом, что ничего, кроме ответной довольной улыбки, подобные определения у Керима не вызывали.

Стелла казалась уже достаточно навеселе. Ее же подруга, Мила, была куда сдержаннее, хотя и смеялась не менее заразительно. Но смеяться было над чем: Никитич сопровождал свои анекдоты о грузинах и армянах такой уморительной мимикой и соответствующим акцентом, что буквально через минуту не удержался от смеха и примкнувший к компании Александр.

Мила была полной противоположностью своей подруге. Ее движения были несколько угловаты, а в голосе не было того властного командного звучания, что так отличало Стеллу. К тому же она была хрупкой зеленоглазой блондинкой. «Русалка», — сразу же окрестил ее Саша, и в первое мгновение знакомства сердце его неожиданно екнуло от ее внешнего сходства с Катей. Только екнуло оно совсем чуть-чуть: столь нерешительно и без претензии быть принятым к сведению, что он постарался не расслышать его робкого напоминания о той совсем недавней и незабвенной поре влюбленности, когда каждую минуту общения с Катей он почитал за счастье.

Каким-то мимолетным просветленьем вспыхнул и тут же исчез из памяти образ той, которую он так искренне боготворил. Та досада, даже злость на людей, по вине которых, как он считал, ему пришлось удариться в бега, и раздражение против них странным образом перекинулись и на Катю. Чувство стыда за свою беспомощность перед всемогущим деканом он старательно упрятал за оболочку показного равнодушия. Он был унижен, и ему казалось, что все без исключения смеются над ним. В том числе и Катя. А может, и в первую очередь она. Потому и отгонял эти воспоминания всеми доступными способами. Вот и сейчас с готовностью принял предложение Стеллы «выпить за здоровье непьющего

мусульманина», потому что это был способ забыться. Готовность эта была настолько поспешной, что не ускользнула от ее внимания. Она обменялась многозначительным взглядом с Никитичем, и тот, кинув взгляд в окно, за которым уже замелькали вокзальные постройки, будто спохватился:

— Глядите, уже к Тайшету подъезжаем! Наверстываем, наверстываем, однако. Мчимся как угорелые. Так, кто со мной прогуляться по перрону? Здесь стоим около получаса, но и за это время можно увидеть то, чего не забудешь всю оставшуюся жизнь.

— Это почему же? — в голос воскликнули попутчики.

— Потому что это неофициальная столица бомжей всяя Руси, а не Сибири токмо.

— А что, есть официальная? — усмехнулся Керим.

— Конечно. Москва. Но там нет того колорита, там даже бомжи какие-то правильные, рафинированные. А здесь — ого! Кого только здесь не встретишь! От банального наследственного пропойцы до скатившегося на эту ступень бывшего ученого. Но мне они неинтересны. Я пойду, найду цыганку, чтоб кучу счастья нагадала. Есть еще желающие?

— А то как же, — высвободилась Стелла из рук Керима. — Пойдем, туркмен, пусть нам погадают.

— Ты мне позолоти ручку, я сам тебе такое нагадаю, — не согласился Керим и загнусавил, подлаживаясь под гадалку: — Ой, красавица, все вижу, все знаю: есть у тебя король сердца, рыцарь трефовый без страха и упрека, — тут он перешел на восточный выговор, — узбекский джин из тысячи и еще одной ночи*. И весь эту дэнь и ноц только о тебе и думает. Думает, что как бы ему ее это... того-этого... Позолоти ручку — скажу, чего.

---

* «Тысяча и одна ночь». Сборник арабских сказок.

— На, — некультурно сунула ему фигу под нос Стелла, — тут тебе и того, и этого. Пойдешь-нет, а то я одна с Никитичем уйду, и только ты меня и видел.

— Ну, нет, такой жертва я не согласен, — дурашливо коверкая слова, замахал руками узбекский джин. — Ты ж для mine луч света в темный царство-государство*. Ми без тебе не моджем.

— Ну, а вы с Александром что? — кивнул Никитич Миле, почему-то присовокупив к ней Сашу. — Идете, молодые люди?

— Я — нет, — торопливо открестился Саша и вновь заметно покраснел.

— Я тоже не пойду, — замялась и Мила. — Что за нужда нос морозить. Цыгане, алкоголики — фи! Мы вас здесь пождем.

— Вот и славно, — обрадовался Борис Никитич так, будто только этого и ждал. — Так будет надежнее. С вещами, имею в виду. Ну, не скучайте тут без нас, — широко улыбнулся он и украдкой подмигнул Саше, что, мол, не теряйся, друг милый.

И все втроем они дружно вывалились из купе.

Мила тут же пересела к окну и пригласила Сашу сесть рядом с собой. Тот же вдруг оробел и усиленно, с превеликим интересом стал слушать откровения Милы о какой-то интриге на ее работе. Рассказывая, она чуть подвинулась и прислонилась к его плечу. Тут Саша и вовсе обмер и застыл в позе «как аршин проглотил». Даже пошевелиться боялся. Практика общения с женщинами у него отсутствовала напрочь. Поэтому он так искренне обрадовался, когда увидел в окне прогуливавшихся по перрону своих попутчиков.

---

* Здесь обыгрывается название статьи Н. Добролюбова «Луч света в темном царстве», посвященной героине драмы А. Островского «Гроза».

— Смотри-ка, Стелла с Керимом, — радостно вскрикнул он, будто не видел их целую вечность. — Видать, не нашлось для них гадалки. А где же Никитич? — И будто для того, чтобы получше разглядеть, где это тот запропастился, скоренько юркнул на другую сторону столика, и прильнул к окну, и вздохнул с явным облегчением: — А не видно его. Ну, он-то знает, где что искать.

Мила растерянно и с некоторым недоумением смотрела на него. В диковинку, видимо, ей было, что парень таким вот образом пренебрег ею. Но и она, скорее всего, была еще не такой опытной и решительной соблазнительницей, как ее подруга, поэтому все оставшееся до прихода попутчиков время они так и просидели по разные стороны столика.

Появившийся первым Никитич цепким взглядом оценил обстановку:

— Э-э, да вы тут, как на похоронах. Не годится, не годится. Как говорил один мой закадычный друг, «что-то стало холодать...

— Не пора ли нам поддать, — весело подхватила Мила. — Не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?»

— Посылать не надо, он уже здесь и с той самой бутылочкой. Щас мы это дело нарисуем: оп-ля! — как фокусник он накрыл руку своей ондатровой шапкой и затем извлек из-под нее бутылку белоголовки: — Столичная!

— Ну, ты просто факир, Никитич, — похвалила его Мила. — Впрочем, достать «Столичную» в такой дыре даже факир не смог бы.

— Что правда, то правда, — расцвел он. — Ну, а ты, Саша, как, уважаешь «Столичную»?

— Честно признаться, после вашей «огненной воды» — вряд ли.

— О, польщен. Вообще-то, есть, есть у меня еще такая вода. Но мы оставим ее до Омска. Там на прощание и взор-
вем. Ты же до Омска?

— Да нет, — бездумно проговорился Саша. — Мы тут с Керимом немного переиграли. Так что выйдем оба в Ново-
сибирске.

— Вот так раз! — невольно удивилась Мила, а Никитич,
мельком взглянув в ее сторону, даже присвистнул:

— Что за чудеса в решете, то бишь в пути? Не посвя-
тишь?

— Да так, — смешался Саша, — обстоятельства такие...

— Ну, тогда за обстоятельства и выпьем, — постановил
Никитич, сразу сделав вид, что намерения попутчиков не вхо-
дят в сферу его интересов. — Вот и наши влюбленные не
против, так?

— О, какая прелесть! — энергично потерла ладошки во-
шедшая Стелла. — Нет, мы совсем не против. После такого
колотуна грех не разогреться.

— Большой грех, — подтвердил, как всегда, Керим.

— Да тебе-то что, — с иронией посмотрела она на него. —
Или тоже решил согрешить и принять для сугреву?

— Пока нет, но придет время, и я приму этот грех на
душу, — смиренно сложив руки у лица, закатил глаза Керим.

— И когда же оно придет, твое время?

— А когда рак на горе свистнет, — засмеялась Мила. —
Вот выйдет твой милый в Новосибирске, и поминай, как зва-
ли. Дорожный роман, он на то и дорожный, что только в
дороге действительный.

— Ну, уж нет, — засопровтивлялась Стелла. — Я своего
чукчу и на краю света найду.

— А я разве прячусь? — польщенный Керим расплылся в
улыбке. — Да вот он я, весь у тебя на виду.

Тут Саша подумал, что он, наверное, совсем тронулся умом от этой красавицы. Явная наигранность ее чувств была видна невооруженным глазом, но узбек, хоть и с долей юмора, а принимал их за чистую монету. Потому и продолжал с самодовольным видом:

— И искать меня не придется, потому что я тебя сам найду, о свет очей моих, несравненная Стелла. В первый же день после твоего возвращения с югов явлюсь пред очи твои. Боюсь только, как бы тебя там какой другой нерусь не перехватил. Знаю я их, оболыстителей.

— Ну, она на соблазны не поддается, Керим, — заверила Мила. — Правда, подружка?

— Ты еще сомневаешься! — и засмеялись обе непринужденно и весело.

— Сдается мне, что они вместе с Александром будут вас искать, — хитро проверил сведения Никитич. — Как, по-твоему, Керим?

Саше стало не по себе, но Керим подвоха в вопросе не видел и сам выложил свои планы.

— Скорей всего так и будет, — согласился он. — Саша теперь работает у меня. Пардон, лучше будет, наверное, сказать: мы договорились работать вместе. Да, именно так и скажем.

И тут его словно прорвало. Он поведал о своем грандиозном замысле по созданию собственного предприятия и о том, как оно будет функционировать. Попутно, как бы между прочим, намекнул на то обстоятельство, что везут, мол, они кучу документов: ну, договоры там, согласования, разрешения. И всего этого добра ни много, ни мало — полный дипломат. Потому-то, дескать, одному из них приходится заботиться об их сохранности.

Саша понял, что этой откровенностью Керим убил двух зайцев: возвысил себя в глазах попутчиков (не спекулянт, но

предприниматель) и в то же время отвел подозрения о наличии больших денег. Дальше он уже разглагольствовал про свои связи в верхах, небрежно жонглируя фамилиями известных в Иркутской области государственных чиновников и называя некоторые цифры: где, кому и сколько пришлось дать «на лапу».

В общем, повторил то же самое, о чем говорил предыдущим попутчикам, Зое с Сафдаром. С той лишь разницей, что сегодня он был трезв, как стеклышко. И Александр склонился к мысли, что все оно так и есть и ничего он не прикидывает. Нельзя ведь повторить слово в слово то, что говорил доселе в, скажем так, не совсем чтобы адекватном состоянии. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, так говорит народная мудрость. И, надо признать, впечатление на слушателей он произвел. Даже на бывалого Никитича, который время от времени комментировал его речь словами: «Дельно, дельно, класс!» А под конец так и вовсе порадовался за них.

— Вот это хватка! Да вы, ребята, настоящие бизнесмены! У вас еще кое-кому учиться да учиться надо будет, — похвалил он.

Кому именно надо будет учиться, он не уточнил, но то, что не отделил Сашу от Керима, благотворно подействовало на них обоих. Что значит лесть вовремя! Саша просто размяк от такой похвалы, а Керим тут же высказал пожелание встретиться им всем в скором будущем. Его, что называется, понесло, и пожелание в считанные секунды переросло в уверенность.

— В следующий раз мы встретимся для того, чтобы поехать к морю всей нашей компанией, — с пафосом закончил он. Быстро оценил, какое это произвело впечатление, и, немного дурачась, добавил: — Это говорю вам я, Керим ибн Омар. В просторечье: Керим-об-стол-рылом-бей.

— Чем бей? — прыснула Стелла. — Рылом? Это твое полное имя?

— Это инициалы, — важно поджав губы, подыграл ей Керим. — Если я попытаюсь выговорить полное имя, то закончу где-то у Красноярска. У нас чем длиннее имя, тем богаче человек.

— Я люблю тебя за это, Рылом-бей.

— За длинное имя? — опечалился Керим. — Но это значит за деньги. А где же романтика? Когда с милым рай и в шалаше?

Он достал из кармана висевшей дубленки фотографию.

— Кстати, сподобился я слепить такой шалашик и в этих краях. Вот он, в таежном Северобайкальске.

— Сколько тут комнат? — деловито осведомилась Стелла, разглядывая особняк, рядом с которым позировал Керим. — Восемь, не считая ванны?

— Только шесть, — горестно вздохнул Керим. — Мало?

— Надо подумать. А в других краях... тоже есть шалашики?

— Я позаботился, радость моя.

— И где это они?

— Одын в Ташкенте. Одын в Чимкенте.

— Уже лучше. Пожалуй, я смогу разделить с тобой твои заботы, Мустафа-оглы, — кривлялась Стелла.

— Керим ибн Омар, с вашего позволения...

— Да какая разница — омар ты, краб или креветка. Все равно я буду тобой закусывать. Вот всем бы ты был хорош, если бы еще и выпил с нами. Вы посмотрите, люди добрые: цельный день уговорить не могу. А-а, кажется, я начинаю понимать: ты ждешь, когда я сопьюсь? Не выйдет. Больше ни грамма не возьму. Или давай на брудершафт, оглы-буль-буль-моглы, или мы с Милой уходим. Что, слабо?

— Уговорила, — обреченно произнес вдруг Керим и встал: — Саша, Борис, вы мне свидетели, что я боролся до конца. Но разве можно устоять перед такой красавицей? Я потерял из-за нее голову, а по волосам кто ж без головы плачет? Наливай, Никитич! Кстати, пора бы нам и перекусить в ресторане, как я и предлагал с самого начала.

Оба эти известия вся компания, наблюдавшая за их шутивым диалогом, встретила шумным одобрением.

— Ура! — подвел итог Никитич. — Ура Стелле и Кериму за спектакль! Ну, что, по-моему, вы созданы друг для друга. За что и вздрогнем!

— Аминь, — почему-то ляпнул Саша, у которого наконец-то отлегло от сердца, а Стелла с Милой зааплодировали.

Через некоторое время вся компания, за исключением Саши, двинулась в ресторан. Оставили его без всяких расспросов, как бы сознавая его ответственную роль. Последней из купе выходила Мила, и, наклонившись к нему, она вполголоса шепнула:

— Хочешь, я быстро вернусь?

Саша от неожиданности вздрогнул и, прежде чем подумать, да и помимо воли, слишком поспешно кивнул головой. Она провела рукой по его щеке, улыбнулась и исчезла в полутемном коридоре. А он в смятении долгое время сидел истуканом, вглядываясь в кромешную темень ночи за окном. Только теперь он понял, что ему нужна Катя, а не эта, похожая на нее красотка, искательница приключений. И вновь вернулось то щемящее чувство тоскливой неполноценности, за что он готов был ненавидеть себя. Но оно же вызвало и жалость к самому себе, и очередной прилив бессильной ярости сдавил грудь.

Он суетливо закрыл дверь на щеколду, вернул дипломат на место и вылил остатки водки в стакан. Чуть помедлив,

залпом выпил, утишая разыгравшиеся нервы. Мысли вновь обрели стройность и гармонию. Еще в школьные годы он увлекался древнегреческой философией и вот незаметно для себя, ударился в эти самые философские размышления.

«Пусть будет так, как будет. Судьба безлика и пре-
дetermined. Это рок. Значит, тому должно было быть.
И может быть... да нет, не может, а явно кто-то управляет
моей судьбой, иначе бы не встретил я Керима в этот трудный
час. Я вовсе не проиграл от того, что пришлось бежать. Да
еще и неизвестно, как все обернулось бы в Омске. Теперь
же у меня есть будущее! Нет, определенно кто-то заботится
обо мне. Кто? — он снова суеверно огляделся и ответил сам
себе, выудив из памяти запомнившуюся однажды фразу из
учения о Нусе*: — Да, Нус. Высший разум. Нужно следо-
вать бесстрастию природы и любить свой „рок“. Пусть будет,
как будет».

В Бога он не верил, а мысль о сатане еще не приходила в
голову.

---

* Древнегреческое учение о духе, разуме, мысли как мироустроющем принципе.
Сформулировано Анаксагором.

Из забытья его вывел осторожный стук в дверь, а так не хотелось возвращаться из приятных воспоминаний. Сколько времени прошло, он не мог сказать. Он нехотя открыл дверь и увидел, как ему показалось, чем-то взволнованную Милу. Она беспокойно огляделась.

— А где Борис Никитич?

Саша пожал плечами.

— Разве он не приходил?

— Нет. А что случилось?

Мила порывисто прижалась к нему, и он ощутил ее прерывистое дыхание.

— Саша, — горячо зашептала она, — я должна сказать тебе... Только слушай меня внимательно. Этот Борис Никитич... — не договорив, она вдруг инстинктивно подалась к двери.

Там, в коридоре, послышался громкий говор и раскатистый смех Бориса. Скорее всего, он разговаривал с Гошей. Мила в страхе отпрянула от Саши и плюхнулась на нижнюю полку. В ее глазах отразился ужас, и Саша отчетливо увидел это. Так бояться женщина может только законного и чересчур ревнивого мужа. Во всяком случае, так он для себя прокомментировал ее поведение. Как бы ища защиты, Мила потянула его к себе за руку, и в ту же секунду в купе появился Никитич, за спиной которого маячил проводник. И Саша почувствовал себя в прескверном положении застигнутого

врасплох любовника. Он стоял, неловко пожимая плечами, готовый провалиться сквозь землю.

Но оказалось, что Никитич то ли сам попал в глупое положение, то ли действительно не заметил неординарной ситуации. Но вышел он из нее просто и без значения, в своей непринужденной манере.

— Простите великодушно за вторжение, — виновато приложил он руки к груди. — Мила, ты что, тоже покинула молодых? Ай-ай-ай, как нехорошо!

— Но ты первый нас бросил, — с дрожью в голосе пролепетала Мила.

— Ну, то — я, а то — ты. Ты ее подруга, а кто я? Старый хрыч, который буквально засыпает на ходу от усталости и выпитого вина. Что поделаешь: старость — не радость. А может, оно и к лучшему, что мы оставили их одних, а? По моим сведениям, они времени даром не теряют, так ведь, Георг?

Гоша расплылся в хитровой многозначительной улыбке.

— Эти не теряют. Эти знают, что делают, — подтвердил он и так по-свойски подмигнул Саше, что тот сразу успокоился. Он понял, что сам себе выдумал проблему ревнивого мужа. Похоже, и Мила успокоилась, что не успела сообщить Саше важную деталь, которая могла ей многого стоить. И все же ему не совсем был понятен многозначительный намек Гоши, и он вопросительно уставился на него.

— Не понимаешь? — усмехнулся тот и рассмеялся: — Я свое купе только что сдал в аренду твоему дружжк. Теперь понял, надеюсь? Так что я к вам надолго.

— Да, напарник у тебя, Саша, что надо, — одобрил Никитич. — Мужик, что называется, не промах. Не пропадет сам, и ты с ним не пропадешь. Собственно, вы друг другу под стать.

Это была неприкрытая лесть, и в другой раз она бы настожила Александра, но сегодня он находился под каким-то

странным обаянием Никитича, и такая оценка даже взбодрила его. Ему страсть как захотелось доказать свою состоятельность, что, мол, на самом-то деле и он тоже парень не промах. А заодно загладить вину перед Никитичем. И то правда: вот уж который раз он заподозрил попутчика в лужавстве, а на поверку опять вышло, что перестраховался.

— Есть предложение, — продолжал между тем Никитич. — Хоть мы и славно посидели в ресторане, а вот вроде как чего-то не хватает. И знаешь чего, Саша? С тобой-то мы толком так и не успели поговорить. Давай-ка еще раз по-нашему, по-мужицки подрумьянимся, да я завалюсь на боковую. Ну, а потом ты проводишь Милу. Или когда Стелла явится. Идет?

И, не дожидаясь согласия, обернулся к Гоше:

— Давай, выкладывай, что принес!

Гоша будто ждал этого приглашения, и тут же извлек из портфеля бутылку водки, и, развернув фольгу, разложил на столике ароматно пахнущую копченую рыбу.

— Выпить с вами не могу, так хоть омульком попотчуйсь, — примостился он тут же.

— Омуль-омулек! — торжественно объявил Никитич и тихо пропел: — «Сла-авное море, священный Байка-ал. Сла-авный корабль, омулевая бочка». Ах, хороша рыбка. Ну, Мила, Саша, что?

Мила отрицательно замотала головой, дескать, мне ничего не надо, а Саша, памятуя, что он «не промах», во всю старался напустить на себя как можно больше гонору. Положение обязывало.

— Пить — так бочками, а любить — так королеву, — небрежно, с видом прожженного выпивохи, махнул он рукой: — И если уж пить, так я бы предпочел вашу «огненную воду», Борис Никитич.

— Да нет проблем, — просиял тот. — Мою, так мою. Я и сам не прочь ее еще раз отведать. Вот она, родимая. Давай, подставляй посуду. О, нет, разводящий из меня уже никудышный. Я немного пьян. Гоша, командуй парадом.

Гоша перехватил бутылку:

— С удовольствием. Пожалуй, и я попробую вашего чемергеса. А то вы уж так его расхваливаете, завидки берут, — он ловко наполнил стаканы: — Только, чур, я чуть позднее выпью. Сейчас, как только Уяр проедем.

Под заливчатские речи-тосты-прибаутки Никитича они быстро опорожнили стаканы, но душа просила еще. Так что хочешь не хочешь, а настал черед водки. Гоша, не тронувший свой чемергес, снова ровнехонько разлил ее теперь на двоих, оставив в бутылке свою долю.

— Это мне после Красноярска, — пояснил он. — Когда вы уж точно дрыхнуть будете.

— Ну, для того чтобы дрыхнуть, надо еще бочку, — заважничал Саша.

Между тем Мила, никого больше не стесняясь, прижалась к его плечу и, взяв его руку в свою, несколько раз сильно сдавила пальцы, словно предупреждая о чем-то.

— Может, хватит? — услышал он ее чуть слышный шепот.

«Бойтся, что слечу с катушек», — по-своему истолковал это Александр и приосанился. Непонятно, откуда накатились на него безудержный вал хвастовства и желание оказаться героем. А Никитич своим сомнением только подлил масла в огонь:

— Ты смотри, Саша, не много тебе будет?

— Да мне пара бутылок водки, как зайцу стоп-сигнал, — презрительно усмехнулся он. — Это вроде разминки.

— А я и вижу. И не сомневаюсь, однако.

В это время за окном вагона замельтешили огоньки какого-то полустанка. Гоша, привстав, прильнул к окну и заслониł собой столик.

— Оп-па, кажись, уже к Уяру подкатываем, — как бы спохватился он и незаметно переставил Никитичу свой стакан с чемергесом. — А, нет, это, должно быть, Заозерная. Две минуты стоянка. Я дико извиняюсь. Побежал я, щас вернусь. Буквально айн момент.

— Смотри, долго будешь валандаться, уйдет твой стакан, — шутливо проводил его Никитич, приподняв стакан с чемергесом.

— Не-не, я мигом. Сказал же, после Уяра. Там до Красноярска пару часов поспать можно будет.

— Ну, как хочешь. А мы с Александром вздрогнем. Давай, Саша. Будем!

— Будем! — оптимистично поддержал Саша и, выждав, когда Никитич привычным жестом справился со своей долей, также осушил свой стакан.

Гоша, несколько замешкавшийся у дверей, одобрительно крякнул:

— Вот это по-нашему. Сразу видно — сибиряки! — и шмыгнул за дверь.

— Что-то водка больно крепкая, — еле отдышался Саша. — Смотри, как жжет внутри. Покрепче чемергеса будет.

— Ну, это тебе так показалось, — покровительственно изрек Никитич, утираясь рукавом. — А ты, Саша, закусывай, закусывай, не смотри на меня. Я ведь если закусывать буду, то мне и бочки мало. Как ты там сказал: пить — так бочками? Правильно. Но на это здоровье надо иметь.

У Саши непривычно сильно зашумело в голове, а жжение в желудке подкатило к самому горлу, и появилась изжога. Потом все это разом утихло, и только мысли пошли взрброд.

— Вот ведь знаю, что мы с вами никогда не встречались раньше, а все никак не могу отделаться от мысли, что видел вас где-то, Борис Никитич, — глубокомысленно почесал в затылке Саша. — И что за наваждение...

— Это бывает, Саша. Вот и мне кажется то же самое. Будто виделись мы с тобой уже где-то. А где, ума не приложу, — комично пожимая плечами, произнес Никитич, и Саше показалось, что уж больно внимательно он его разглядывает. — Как ты насчет еще по одной вдогонку? И на этом все. Или тебе хватит?

Мила снова сжала его руку, и Саша вдруг почувствовал сильное головокружение, а глаза застило мутноватой пеленой. Вагон стало бросать из стороны в сторону, и лицо Никитича, то приближаясь, то удаляясь, расплылось в широкой улыбке. Саша встряхнул головой и на секунду ухватил профиль наклонившегося к Миле Никитича. И страшная догадка пронзила его с ног до головы.

— Ананасы! — хотел крикнуть, но только сдавленно прошептал Саша. — Ананасы в шампанском! Ты же вчера... Ах, ты, сс... — и провалился в глубокую темную бездну.

— Ананасы, ананасы, — донесся издали голос Никитича. — Узнал, ублюдок. Лучше б ты этого не делал. Что стоишь, стерва, зови Гошку.

Минутное безмолвие, потом голос Милы:

— Не трогайте его! Арнольд, Гоша, подождите, пальто хоть на него надену. Человек ведь.

— Делай, что тебе говорят, пока узбек не появился, — рывкнул чей-то уже другой голос.

И снова Мила: «Щас, сапоги еще, а то куда он потом — в кедах...»

«О ком это они?» — отсутствующе подумал Саша. До слуха донесся сиротливый гудок паровоза, и проник в сердце, и заполнил его тоскою...

— Вон, вон, гляди, оклемался, кажись, — услышал Саша чей-то голос и обна- ружил себя стоящим у стола, за которым сидел милиционер.

Кто-то поддерживал его сзади и одновременно тряс и хлопал по щекам.

— Ну, ты, жмурик, отвечать можешь?

Саша, ничего не понимая, безумным взглядом обвел комнату. Где он находится? Откуда в купе такой стол и милиция?

— Да нет, в нулях он, сержант, — произнес тот, что сзади. — Бесполезно.

— Все полезно. Дай сюда протокол, — сказал милиционер и сунул какую-то бумагу под нос Александру. — Читай, алкаш. И подпиши. Да усади ты его!

Саша сел на стул и тупо посмотрел в бумагу. Все поплыло перед глазами, и его затошнило. Он едва успел отвернуться и вырвал прямо под стол. А как только снова поднял голову, милиционер через стол нанес ему хлесткий удар в лицо. Саша грохнулся со стула и недвижно вытянулся на полу.

— Вези в вытрезвитель. Да не забудь указать, что с возвратом. И приведи там другого алкаша. Уберет блевотину, отпустишь в награду.

В следующий раз очнулся Саша уже в каком-то светлом коридоре и увидел склонившуюся над ним женщину в белом халате. Рядом с ней, отвернувшись к свету и высоко подняв

руки, какой-то мужчина вытягивал шприцем из ампулы лекарство. Он был также в белом халате.

— Очнулся? — участливо спросила женщина. — Я врач скорой помощи. Где находишься, понимаешь?

Саша покачал головой.

— Я его должна забрать с собой, — обернулась она к другой женщине за перегородкой, видимо, продолжая разговор. — Не исключаю, что может быть инсульт. Давление зашкаливает, — она что-то добавила вполголоса.

— Но он с возвратом, — нерешительно запротестовала та. — Что делать?

— Думайте, — пожала плечами врач. — Вы ведь медик и видите его состояние.

— Да вижу, конечно.

— Документы, деньги какие-то были при нем?

— Шаром покати. Вот, студенческий билет только. Можете взять. Я на него карточку заполнила. Сообщим по месту учебы, куда денешься.

Саша непроизвольно дернулся.

— Сообразил! — усмехнулась врач, протягивая ему его студенческий. — Что, стыдно будет, да, Александр? Тебе сейчас не о стыде заботиться надо, а чтобы в ящик не сыграть, понял? А что у него в сопроводилке?

— Сняли с поезда, якобы за дебош. Хотя не пойму, какой из него дебошир, его же мертвого привезли. Если все обойдется, пусть едет на вокзал, пока дежурные не сменятся. Иначе потом уже ничего не найдешь у этих железнодорожников. Наверняка у него какой-то багаж был. Хотя, скорей всего, его опоили, обчистили в дороге и сдали. — И к Саше: — Ты куда ехал-то, милый?

Но Саша только раскачивался и нечленораздельно мычал. Его руки в очередной раз свело судорогой, подтянуло

ладонями к лицу, и он вцепился зубами в пальцы. Он понял, что умирает, и зашлось сердце, защемило в безысходном отчаянии: «Я не хочу умирать вот так, — кричало все его естество. — Пусть бы меня убили, зарезали, сожгли, но только не как алкоголик. Что обо мне подумают все мои родные и друзья?»

Почему это его волновало? Разве не будет ему потом все равно, какой смертью умрет? Этим вопросом он не задавался. Только в последней безумной надежде прошептал: «Как глупо. Бог, если Ты есть, не дай умереть такой постыдной смертью! — и не сдержал рвущегося из самого нутра сто-на: — Не дай!»

Так утопающий цепляется за соломинку.

— Сейчас я, сейчас, потерпи. Володя, давай сюда шприц, — засуетилась врач, обращаясь к стоявшему рядом медбрату, который уже наполнил шприц, и попросила: — Помогите ему штаны спустить.

Буквально через пару минут после укола мышцы расслабились, Саша обмяк всем телом и глубоко и облегченно вздохнул.

— Ох, горе ты мое, — покачала головой врач. — Идти-то сам хоть сможешь? Ну, поедем, может, откачают тебя...

По пути в больницу она стала задавать ему вопросы. Что с ним произошло? Почему он очутился в Красноярске? Но что он мог рассказать, если сам ни сном, ни духом не ведал, каким образом оказался вне вагона. Дрожа всем телом от страшного озноба, кое-как объяснил, что сидел в купе, выпивал с попутчиками. И — все! Он пытался восстановить события прошедшего вечера, но дальше мирной беседы за столиком в купе ничего в памяти не вырисовывалось. Несмотря на озноб, все внутри его пылало, а в голове гудело так, словно это была доменная печь и в ней варили сталь.

Самого же его от содроганий просто подкидывало на кушетке, и он никак не мог согреться. Он постоянно проваливался в кошмарные видения.

Собственно, все это казалось каким-то одним долгим кошмаром, который должен был кончиться, как только он откроет глаза. Но, открыв их, он снова видел себя в машине и рядом с собой ту же женщину-врача и того же медбрата. И эта действительность оказывалась куда страшнее кошмарных видений. Он в Красноярске... И его жизнь в опасности. Что может быть глупее! Сердце то начинало бешено колотиться, то вовсе замирало, и тогда его охватывал ужас. Он пытался подняться с кушетки, но врач удерживала его. Саша снова впадал в тихое отчаяние, и до него доносился лишь разговор двух сопровождавших людей.

— Дежурная права, — басил медбрат. — Как есть ободрали парня в поезде. На синюшника-то не похож. Лапоть, скорее, неопытный.

— Кажется, ты прав, Володя. Парень, видать, доверчивый. А время сейчас такое, что... — она не договорила.

— Что верить никому нельзя, — подхватил ее мысль Володя. — В том числе и милиции. А может, в первую очередь милиции. Нет, вы слышали, что эта пава выдала? Что, мол, у железнодорожных ментов концов не найдешь, слышали? Как будто в их вытрезвителе лучше. Это же надо! Может, и было еще что у парня, так здесь-то уж точно последнее выгребли.

— Да тебе-то откуда это знать, Володя? Ты ж у нас непьющий.

— Отец недавно попал. У него с сердцем плохо на улице стало, а они его в вытрезвитель. Ну, и по дороге вывернули все карманы. А те, что в вытрезвители, забрали все, что недоуввернули по дороге. Он их всех запомнил, да толку-то.

Думаете, хоть что-нибудь вернули? Ага, держи карман шире. — Володя помолчал и вдруг жестко заключил: — Я потом по-своему с двумя разобрался. Больше грабить не будут. Клялись, во всяком случае.

— Я что-то слышала об этом, Володя. И вот понимаю, что ты вроде как за справедливость боролся, но одобрить тебя не могу. Зло не побеждают злом.

— А я ваших принципов Божьих не разделяю, Марья Сергеевна. И разделять не собираюсь. Грабителей и хапуг, особенно в форме, надо выжигать каленым железом. Это самая последняя мразь. А вы с ними цацкаться призываете. Не пойму я вас, верующих. Да никто не поймет.

— Понять можно, Володя, если захотеть. Вот принять, да, принять такое нелегко и очень непросто, — вздохнула она. — Если хочешь, можем на эту тему потом поговорить. А сейчас вот думаю, как бы парню помочь.

— Мы же в интоксикацию его везем?

— Ну да.

— И сколько там его продержат, как вы думаете?

— Ну, вообще-то, до утра, не меньше. Но если все у него путем будет, часа через два можно бы отпустить. Ну, пока капельница там, то да се, смотришь — и придет в себя. Организм у парня могучий. Справится.

— Это значит, уже около трех утра будет, — посмотрел Володя на часы. — Если вы меня отпустите на полчаса, я его на своей машине на вокзал отвезу. Чем черт не шутит: вдруг да целы его вещи.

— Так отпущу, конечно, — в голосе Марьи Сергеевны неприкрытая радость. — Я сейчас и в интоксикации их там предупрежу, что заедет, мол, за ним наш сотрудник. Так, Володя?

— Да, конечно, Марья Сергеевна.

Невольно вслушиваясь в разговор, Саша понемногу успокаивался. Ах, как благотворно действовали на него слова его могучем организме: вмиг посеяли они в его душе надежду. И надежду теперь уже не только на выздоровление, но и на благополучный исход всей этой его одиссеи. А как же: ведь совсем незнакомые люди готовы помочь ему. И ровнее, ритмичнее забилося сердце. На доброе намерение добрых людей среагировало оно жизнеутверждающим откликом: «Будем жить, Саша! Есть на свете добрые люди!» Жаль, не задумался и не увидел, Кто стоит за этими людьми.

Наконец они приехали, и после коротких переговоров его занесли на носилках в приемный покой. К нему подходили люди в белых халатах, что-то спрашивали, записывали и уходили. Приходили другие, и опять повторялось то же самое. Тянулось это, как ему казалось, бесконечно долго, хотя прошло всего минут десять. В конце концов его раздели и увели в палату. Только теперь он сообразил, что одет он был не так, как в купе: то есть, кроме спортивного костюма, на нем было еще и его пальто с меховой отстегивающейся подкладкой и башлыком, а на ногах, вместо кроссовок, были теплые сапоги. Когда он надел все это? И значит ли это, что он сам вышел и отстал от поезда? Но та женщина говорила про какой-то дебош. Почему он ничего не помнит? Никогда в жизни еще он не терял памяти.

Ему снова сделали несколько уколов и поставили капельницу.

— Вот как все это прокапает, — показала ему милостивая девушка на две внушительные банки наверху штатива, — так будем считать, что кризис миновал. Ясно? Лежите тихо. Если что, позовете. Я тут рядом, в коридоре.

Палата была огромная, коек десять-двенадцать. Двое таких же, как и он, пациентов лежали под капельницей,

остальные храпели на все голоса. Особенно свирепствовал сосед на ближней кровати. Судя по громогласности выводимых им рулад, это был по меньшей мере Святогор-богатырь. Словно где-то рядом с пускача заводили трактор, но пускач, потарахтев, никак не мог завестись и захлебывался на самом взводе. Его храп заполнил всю палату. Он назойливо лез в уши, и от этого не было спасения. Саша не мог больше ни о чем думать, кроме как слушать эти громовые с прихлебками раскаты, и вскоре почувствовал, как в нем закипает самая настоящая злота. Чувство, которое он редко когда испытывал по отношению к кому бы то ни было.

— Мужик, эй, мужик, ты перевернулся бы на бок, что ли! — негромко попросил он.

Без ответа. Он повторил громче, да так, что приутихли другие голоса, но сосед и на этот раз не среагировал. Тогда он не выдержал, схватил стоявший у кровати свой сапог и метнул его в богатыря. Храп мгновенно прекратился, и из-под одеяла высунулась перепуганная и до того омерзительная, небритая, синюшная физиономия с колючими, бегающими глазками и едва угадывающейся вдавленной переносицей, которая завершалась широкими, немного вывернутыми ноздрями, что Саша тут же пожалел, что нарушил его покой. Если бы это был шимпанзе, то, наверное, вызвал бы умиление. Человек же не вызвал у Саши ничего, кроме брезгливости. Лучше бы, конечно, его не видеть.

— Ты чего? — прогнусавил «богатырь» и, скинув одеяло, свесил ноги с койки. Ростиком он оказался метр с кепкой.

— На бок, говорю, перевернись, — еле сдерживаясь, чтобы не обматерить соседа, бросил Саша. — А то храпишь, как табун лошадей.

— А че я виноватый, что у меня нос переломанный, — оправдался соседущка, стрельнул глазками и, увидев, что

нарушитель его покоя лежит под капельницей, ободрился: — И здесь тебе не курорт, чтобы указывать. А то раскричался, — вызывающе тявкнул он и благоразумно шмыгнул снова под одеяло. И уже оттуда донеслось приглушенное: — Да видали мы таких.

На шум в палату быстрым шагом вошла медсестра и, увидев валяющийся сапог, все поняла. Подняла его и молча поставила на место.

— Не надо трогать его. Это наш постоянный клиент. Раза два в месяц осчастлививает своим посещением. Пусть лучше храпит, а то на боку так стонет да визжит, что на посту не по себе становится. А к храпу привыкнешь, какие твои годы.

Она посмотрела на Сашу, их взгляды встретились, и он прочитал в ее глазах то, в чем сам еще не хотел себе признаться. В них как бы стоял вопрос: «А ты сам-то чем лучше?» Но вслух она лишь посоветовала ему:

— Попробуй отвлечься. Считай вон капли и думай о хорошем. Раз уж шум помешал, значит, не так и плохи твои дела.

Он последовал ее совету и сосредоточился на созерцании капель, сбегавших в вену по стенке прозрачной трубки. Но как издевательски медленно сбегали они! Сначала появлялась такая капля в верхнем отверстии трубки и надолго зависала там, на кончике иглы, дозревая до кондиции, и только потом, надувшись сытым пузырьком, нехотя отрывалась от подталкивающей ее последующей и скользила к вене.

Постепенно он увлекся и, мысленно поторапливая процедуру, совсем устранился от внешнего шума. Самочувствие его улучшалось с каждой минутой: голова перестала гудеть, ослабели, а потом и вовсе прекратились судороги мышц и спазмы в желудке. Теперь, когда в душе наступило относительное умиротворение и прошел страх за свою жизнь, четче обозначились насущные проблемы. О, если бы только нашелся

его чемодан! Ведь там все, без чего ему не ступить и шагу. И откуда-то пришла уверенность: да, так оно и будет. Ну, конечно: если его — пусть даже и за дело! — ссадили с поезда с милицией, то они и багаж его тоже должны были препроводить к себе в отделение.

В памяти всплыла картина: он стоит у стола перед каким-то милиционером. Была какая-то бумага, и вроде заставляли ее подписать. Потом удар в лицо. За что? Дальше — опять провал. Но вот это: милиционер, и бумага, и удар — это точно было. Значит, вещи его там. Пусть его оштрафуют, но он доберется до Омска. И больше ни за что в жизни не притронется к спиртному. Ни за что и никогда! От этой мысли стало совсем хорошо. Только быстрее бы закончилась эта тягомотина с капельницей. Ему уже настолько лучше, что можно бы и приостановить процедуру. О чем он тут же и попросил медсестру.

— Лежи, лежи, уже недолго осталось. Да и врачу решать, когда тебя отпустить, а не мне, — тихо сказала она.

Потом пришел и доктор, совсем молодой еще парень, и, в шутовой форме поинтересовавшись настроением, постучал, послушал, где надо, измерил давление и удовлетворенно вздохнул:

— Ну, вот, Александр батькович, пронесло. Да и сам, наверное, чувствуешь, что лучше стало. Вижу, вижу, что чувствуешь. К сожалению, пока не могу сказать, чем ты отравился. Это только завтра к обеду покажет анализ крови. Если просто «паленкой», то еще куда ни шло. А вот если тебе умышленно какого-нибудь клофилинчику подсыпали, — такое сейчас происходит сплошь да рядом! — то могут быть последствия. Для тебя, молодого и здорового парня, вовсе нежелательные, понял, да? Как прибудешь домой, обязательно обследуйся. Ты сам-то откуда? Ого! — он немного помолчал,

изучающе разглядывая Александра. — Ну, а Марию Сергеевну тогда откуда знаешь?

— Какую Марию Сергеевну? — переспросил Саша и тут же вспомнил: — Ах, да, та, что меня привезла? Нет, я ее не знаю.

— Я так и думал, — улыбнулся доктор. — И что она о вас, бедолагах, так печется? Больше всех надо, что ли? Нисколько не меняется человек. Она когда тут у нас работала, то алкашики, бывало, сами сюда являлись, как приспичит. Вот и за тебя беспокоилась, просила отпустить пораньше. Ну, понятное дело, если будет улучшение. Я тебя отпускаю, но должен предупредить: в ближайшее время никакого спиртного. Пока не выяснишь все.

— Да что вы, доктор, — вспыхнул Саша. — Да в жизни...

— Э-э, милый ты мой, не зарекайся, — махнул рукой доктор. — Я тебе не Мария Сергеевна, чтобы мне вешать лапшу на уши. Это только она может верить в такие чудеса. Иногда, правда, случается что-нибудь подобное. Но в основном... Знаешь, сколько за одно дежурство вашего брата приходится откачивать? То-то. Во-от так посмотрелся уже и послушался. Иной благим матом орет, что, помогите, мол, спасите, если выживу, никогда больше в рот не возьму. Возишься с ним, возишься, ну, вроде оклемался, ушел. Смотришь, через некоторое время явился, субчик, не запылится. И опять: спасите, помогите. Ты не обижайся. Ты пока еще не из той компании, но, если попустишься, быстро там окажешься. Это такой порок, что, не дай Бог, затянет и тебя. И глазом моргнуть не успеешь. Подумай над этим хорошенько. Ну, иди, одевайся, там за тобой подъехать должны. Счастливого, как говорят, пути. И не ввязывайся больше в подобные истории.

Ах, если б знать тогда, в какие еще истории придется ввязаться.

Саша оделся и в ожидании Володи примостился на стуле в коридоре.

Если он хорошо запомнил, тот сказал ему ждать до трех часов. По привычке он похлопал по всем карманам пальто и вдруг за подкладкой на груди нащупал что-то хрустящее. Он быстро расстегнул пару кнопок, сунул руку за подкладку и вытащил из внутреннего потайного кармана свой билет до Омска, завернутый в пятирублевку. Он радостно заерзал на стуле, как будто нашел целый клад. Во всяком случае, это добрый знак. Ну, правильно, с этой пятеркой он и намеревался идти в очередной раз к Гоше за пузырьком, аккуратно перед тем, как появился Керим. Стоп! Сашу будто ледяным душем окатило. Керим! Деньги в дипломате!словно какая-то адская пружина сбросила его со стула, и он метнулся к дежурной, мирно дремавшей за столиком:

— Девушка, далеко отсюда до вокзала? Сколько примерно будет стоить на такси?

— Какое тебе такси в три ночи? — недовольно пробормотала она. — Здесь днем-то его с огнем не сыщешь. Жди, обещали ведь заехать за тобой. Хотя, — она посмотрела на часы, — уже четверть четвертого. Навряд ли приедут. До утра ждать придется.

— Да не могу я ждать. Далеко до вокзала?

— Далеко. Не дури и даже не пытайся сейчас отсюда выбраться. Куда ты в такой одежде? Мороз-то под сорок. Утром вон уедешь с первым трамваем.

Но Саша не слушал. Страх за деньги в дипломате, а больше того жгучий стыд перед Керимом — лопух, в самом начале дела подвел партнера! — заглушил ту малую долю разума, что ожила в нем после процедуры. Он понимал только одно: рухнули все выстроенные им за эти сутки иллюзии. Рухнул карточный домик надежды на обладание богатством, казавшимся уже вполне реальным. Умчалось оно вместе с поездом в дальние дали. И, не помня себя от отчаяния, он бросился его догонять. Буркнув прощальное: «Спасибо вам за все», — Саша выскочил за дверь.

— Сразу направо за угол здания дорога. Там тоже направо... — последнее, что услышал он от медсестры.

То, что она была права насчет мороза, он понял в первую же секунду. Саше показалось, что его раздели на студеное ветру, настолько мгновенно заledenело все его тело. К тому же ночь была — глаз выколи. Свет в этой темени маячил только здесь, над крыльцом приемного покоя. И падал он от лампочки, сиротливо подглядывающей из разбитого плафона. Дальше крыльца ничего не проглядывалось. Самым разумным было бы вернуться, но все тот же страх и отчаяние плодили безумные надежды и толкали его на безрассудство: «Быстрее на вокзал. Получу вещи, и в аэропорт. Полечу до Омска и там успею встретить поезд. Только бы дипломат с деньгами был на месте. Да кто их может взять, если Керим там? Во всяком случае, Никитич там оставался, это точно. Теперь любой ценой на вокзал».

В голове сплошной сумбур. «Спасение в движении», — подстегнул он себя и, выждав, когда глаза стали различать окружающие предметы, размахивая руками и пританцовывая, двинулся за угол направо и вышел на широкую дорогу. По обе ее стороны безликие черные громады зданий и ни единого освещенного окна, только вдали на столбе горела

лампочка. Пробежав этот путь, он немного разогрелся и остановился у столба. Здесь был перекресток, а значит, и больше надежды, что кто-нибудь проедет. Однако ночь не подавала никаких признаков жизни. Неужели в таком большом городе не встретится ни одной машины? Как только он перестал двигаться, мороз тут же дал о себе знать. Кисти рук немели, несмотря на то что он их постоянно тер друг о друга. И сколько он ни прыгал вокруг столба, все равно начали коченеть и ноги, в первую очередь колени. Вскоре стало пощипывать нос и щеки, глаза стали слезиться, и даже брови заныли от холода. И только уши более или менее спасал башлык: накинутый на голову и туго затянутый под подбородком тесемками, он совсем неплохо заменил шапку. Все остальное постепенно превращалось в сосульку. И ни души кругом.

Стало ясно, что до рабочего утра никто на дороге не появится, а он может протянуть не больше получаса еще. Перспектива замерзнуть в чужом городе была для него такой же постыдной, как и прежняя — умереть от алкоголя. Теперь он стал корить себя за то, что не послушался медсестру и, обежав столб еще пару раз, помчался назад. Но найти именно то здание, оказалось невозможным. Он сворачивал то за один дом, то за другой, но нигде не было того подъезда с лампочкой в разбитом плафоне.

Нужно было срочно что-то предпринимать, чтобы хоть немного отогреться. Можно забраться в первый попавшийся подъезд и переждать там до утра. Все не такой колотун. Он уже торкнулся в двери ближайшего подъезда, как вдруг услышал шум мотора. В отчаянной надежде Саша метнулся на дорогу и попал прямо в прожектор фар. Москвиченок будто его и ждал. Тут же шустро подкатился и остановился прямо перед ним. Водитель, наклонившись, открыл дверцу с его стороны.

— Друг, выручи, до вокзала, а? — умоляюще прохрипел Саша, еле шевеля бесчувственными посиневшими губами. И, услышав в ответ: «Ну, давай, быстро садись», — поспешно скользнул в машину.

— Ну, ты и чукча, — покачал головой водитель, и Саша узнал в нем того самого медбрата Володю. — Сказано же было: жди. У вас в Чите что, все такие малохолдные? Чего поперся? И куда поперся? Предупредили же тебя, что отсюда только утром выбраться можно. Нет, брат, все-таки сдвиг по фазе у тебя произошел на почве отравления... и перепоя. А теперь вон еще и околел весь. Ну, ничего, до вокзала согреешься, дорога-то дальняя. Так что давай, пока суть да дело, расскажи, что у тебя в пути стряслось. Только все говори, как на духу. Глядишь, я чем и помогу. На, вот, глотни горячего чая из термоса. Сюда, прямо в крышку наливай.

— Щас я, щас, — содрогался Саша всем телом и, стуча зубами о край чашки, отпил несколько глотков. Живительная влага обожгла все внутри, и жизнь уж в который раз за эту ночь медленно, но верно возвратилась к нему. Вскоре он буквально оттаял от «ледникового периода» и более подробно и внятно рассказал о своих злоключениях. А также о своем намерении догнать Керима в Омске, втайне надеясь, что Володя отвезет его и в аэропорт.

— Ты догонять-то подожди, — остановил его Володя и подытожил: — Дело твое дрянь, хуже не придумаешь. Похоже, развели⁹ вас с узбеком, как двух последних фраеров. Да, да, че так вылупился? Этот твой Никитич такой же работник внешней торговли, как я — светило медицины. А те девки — его подельницы. Как правило, обыкновенные проститутки с артистическими задатками. Самая испытанная и надежная приманка для лохов, — он не сказал «таких, как ты», но Саша и сам это домыслил. — И работает безотказно.

Ты сейчас моли Бога, чтобы отыскались твои вещи. А про узбека забудь. Его если не грохнули, что для тебя было бы лучше, то уж он-то постарается найти тебя. Уверен, что все это списали на тебя. Ну, вот, опять варезку раскрыл. Не догадывался, что ли? Ты исчез вместе с его деньгами, понял? Что он должен думать? То-то. Одного не пойму: зачем они тебя сюда ментам сбагрили¹⁰? Пожалели? Или что?

— Ты че-е? — по спине Саши пробежал холодок теперь уже вовсе не от мороза. — Ты хочешь сказать... они могли бы...

— Ты что, парень, с луны свалился? Людей за трешку убивают, а тут такие бабки... Нет, у тебя пока явно не все дома. Да и раньше, подозреваю, не все были, иначе не стал бы пить с первым встречным. Впрочем, всему виной твой узбек. А раз виноват, сам пусть и расхлебывает. Ну что, надумал теперь?

Саша обреченно покачал головой.

— Н-не знаю. А как же Керим?

— За него не волнуйся. Нашел, за кого переживать. Да он эти же деньги вернет за пару ходок¹¹. А вот ты свои жалкие гроши вряд ли.

— Я должен его найти и все объяснить.

— Не советую. Если он умный: ну, хотя бы такой, как ты его описал, то и сам поймет, что тебя подставили. Если нет — лучше не попадаться ему на глаза. Его кентам¹², имею в виду. Сам же говорил, есть у него люди.

— Есть. Он Сафдару — ну, это еще в поезде до Братска было — в один момент проблему свиданки с сыном решил. Записочку им черкнул. Только, мол, передайте замначальнику тюрьмы привет, и все будет в ажуре.

— Тем более. Значит, и засадить тебя ему пара пустяков. Опять же: как он на это все посмотрит.

— Но мы ведь решили работать вместе. Все так здорово началось.

— Дело твое, конечно.

— А что бы ты сделал, Володя, будь ты на моем месте? — Саша с затаенной надеждой посмотрел на собеседника.

— Мало ли что бы я сделал. Но уж точно не лез бы на рожон.

— Ты говорил сегодня, что ты с милиционерами за отца разбирался.

— Не разбирался, а разобрался. Разницу чувствуешь?

— Поясни... Если можно.

— Да ерунда. Не зацикливайся на этом. Значит, вот что бы я на твоём месте сделал. Во-первых, надо бы получить свои шмутки, что тебе, опять же, вряд ли удастся.

— Почему?

— Потому что, как я понимаю, твой Гоша работает и с мошенниками, и с мусорами.

— Гоша? Проводник?

— Он самый. Это по твоему дремучему незнанию жизни все кажется сложным и запутанным, а на самом-то деле это старый обкатанный прием. Старый, но не устаревший, имей в виду.

— Можно вопрос, Володя?

— Не следователь ли я? — усмехнулся Володя. — Это ты хотел спросить? Нет, не следователь, а как ты уже видел, медбрат скорой помощи. Хотя следователем чуть не стал. Вовремя остановили. И не жалею, а даже благодарен кое-кому. Но это так, для сведения. Мне один вопрос не дает покоя: вернут тебе чемодан или нет? А времени выяснить это сейчас у меня нет. И все из-за твоей глупости. Ждал бы в больнице, я не потерял бы тот битый час, что шукал тебя по закоулкам. Значит, так: вон тебе вокзал.

Теперь чувствуешь, сколько бы ты времени топал пешком, даже если бы знал дорогу?

— Чую, Володя, спасибо тебе.

— К утру бы не дошел. Иди сразу к мусорам и жди их до посинения. Не отходи от их богадельни, она там внизу. Короче, требуй багаж. А там уж видно будет. И, если получишь вещи, вот тебе мой совет: сверься по расписанию, когда будет возвращаться этот поезд, и лови Гошу. Через него все и узнаешь. Если придавишь хорошо. Ну, как?

Саша встретился с ним глазами и твердо сказал:

— Кажется, так и сделаю. Похоже, ты прав во всем.

— Смотри, одному придавить его будет трудно. Вот тебе мой адрес. Читайте: Владимир Мареев. Держи, — Володя протянул ему листок из блокнота. — Если хочешь, помогут мои хлопцы. Предлагаю.

— Спасибо, Володя. Справлюсь сам. Я теперь ученый.

— Ну, что ж, сам так сам. Уважаю. Но, если будет нужда, меня найдешь?

— Найду.

— Ну, тогда давай. Ни пуха.

— Мне тебя к черту и посылать-то неловко.

— Так и не посылай, — улыбнулся Володя и, немного поколебавшись, добавил: — Там и Марьи Сергеевны адрес. Она тоже хочет тебе помочь, только у нас с ней методы разные. Антагонисты мы с ней. Человек должен рассчитывать только на себя, а она искренне надеется на молитвы к Богу. Но я ее уважаю, несмотря на эти ее причуды и заблуждения. И понимаю ей подобных. Бывает, и жалею. Слабому человеку нужен Бог. А сильный отстоит себя сам. Ты как на это?

— Я справлюсь, Володя, — повторил Саша и выразительно посмотрел на свои кулаки.

— Ты мне сразу понравился, — протянул руку для прощания новый знакомый. — И я не ошибся. До встречи. У меня уверенность, что мы еще встретимся.

— У меня тоже, — признался Саша. — Еще раз спасибо, Володя Мареев.

Он не стал ждать, пока «москвич» развернется, чтобы помахать ему рукой. Времени на сантименты не было: мороз, казалось, еще усилился. И Саша опрометью кинулся к вокзалу...

Двери в «опорный пункт милиции» были закрыты, и на стук никто не отзывался. Саша беспомощно потоптался у дверей: надо ждать. А сколько?

— Нету там никого, не жди, — услышал он сзади приятный грудной голос.

Саша обернулся и обрадовался, увидев пожилую женщину в сбившейся назад косынке с ведром и шваброй. Такие всегда все знают, и уж неформальное-то расписание работников милиции ей известно.

— Ой, не знаю я, когда оне появятся, — скороговоркой упредила она его вопрос. — Оне когда захотят, тогда и приходят. А ежели у тебя че сурьезное стряслось, иди наверх к дежурной. Может, и вызовет кого. Постой, постой, — всмотрелась она в него, — не тебя ли вечер суды мертвого при-ташили? — И радостно подтвердила: — Тебя. Вон пальто-то то же самое. Я его сразу приметила: красивое, с бляшками да тесемками. Да и сам вроде тот же. А?

— Да, наверное, меня, — чуть поразмыслив, признался Саша.

При дилемме, радоваться или огорчаться такой своей узнаваемости, он выбрал первое. Может быть, тетечка прольет какой-то свет на его привод сюда. А та продолжала возбужденно тараторить:

— Ишь ты, быстро ожихарился. А то ведь ни кровинки в лице не было. Как полотно, белый. Ну, а чего опять к ним?

— Чемодан у меня был, — смущенно улыбнулся Саша. — Вещи там, то да се. Вот хочу узнать, тут ли.

— Чемодан был, был, — уверенно сказала уборщица. — Я аккуратно туалеты убирать закончила, когда тебя минцинеры под руки приволокли. Башка набок, ноги по земле: ни дать, ни взять — покойник. А тот рыжий — ну, будто через сито загорал мужик: конопушка на конопушке, — он как раз чемодан нес. Тоже красивый чемодан. Твой, стало быть?

— Ага, мой, — возликовал Саша. — Ой, какое же вам спасибо.

— Да мне что, мне не жалко, — отмахнулась она. — Главное, ты ожил. Вчерась я бы этого ни за что не сказала. А раз так, значит, теперь долго жить будешь. Смотри, вон там, по ту сторону лестницы у паликмахтерской лавка стоит. Иди, может, прикорнешь маненько. Оне раньше шести-то уж не придут. А придут, так я тебе шумну. С краю там примостись, я и шумну. Да, ежели чего, меня Михеевнóй кличут, понял? Вот и хорошо. Ну, ладно, мне работать надо.

И принялась отжимать тряпку. Окрыленный обнадеживающим известием, Саша прошел через зал к «паликмахтерской» напротив, сел на низкую деревянную скамью и устало закрыл глаза. Негромкий монотонный гул вокзала успокаивающе подействовал на него, и он так и растворился в забытьи. И все мало-помалу воротилось в нормальное русло. Вот он наконец-то снова уселся за столик в своем удобном купе, достал дипломат и под drobный перестук колес с видимым наслаждением стал выкладывать на стол его содержимое. В купе один за другим входили разные люди, что-то искали, противно хихикали, показывая на пачки денег, и лезли друг через друга, пытаясь дотянуться до них. Но Саша, не обращая на них внимания, продолжал скрупулезно пересчитывать деньги и складывать их обратно в дипломат.

— Ну что? — спросил Керим откуда-то сверху. — Все на месте?

Саша поднял голову, но нигде его не обнаружил: ни на полке, ни на потолке. Он открыл окно: Керим, свесив голову с крыши вагона, подмигнул ему и повторил вопрос.

— Да вроде все на месте, — пожал плечами Саша и подал ему дипломат. — На, вот, сам пересчитай. А то эти идиоты не дают сосредоточиться. Налетели тут, как саранча. А деньги счет любят!

— Кыш, кыш, залетные, — зашикал Керим на толпу, и она тут же растворилась. — Уметь надо людьми управлять, — похвастался узбек.

— Да уж ты-то на это мастер, — поддакнул ему Саша. — Ну, залазь давай, чего ты там потерял?

— Погоди, я щас вернусь, — сказал кому-то на верх крыши Керим и, кряхтя, полез в окно. Но просунуть смог только голову. — Саш, открой чуть пошире, не влезаю.

— А кто там с тобой? — спросил Александр. — Ты че, кого-то еще берешь на работу?

— Да нет, это Стелла не отпускает, — поморщился Керим. — Щас я ее ногой дрыгну. Отвяжись, говорю, тут дела поважнее твоих нежностей. Не-е, бесполезно. Не отпустит она. У нас же с ней любовь. А где Никитич?

— Сам не знаю. Только что здесь был, — удивился Саша. — Ах, да, вот же он. Как сидел, так и сидит.

— Это не он, — покачал просунутой головой Керим. — Это Володя, медбрат твой. По совместительству предводитель местных воров. А вон и мать твоя. Смотри, будто на похороны явилась.

Саша пригляделся — точно. Мама убирала со столика стаканы и показала ему на ту недопитую бутылку водки.

— Я ж говорила, сынок, что на дне бутылки завсегда

сатана обретається, а ти смеявся. Вон он, смотри. Теперь-то поверил — нет?

— Ну, что ты, мама? Опять ты за свое. И че это ты во все черное вырядилась? Никак в гости с печалью собралась куда?

— Собралась, сынок. Там у тебя где-то адресок есть. Ты посмотри.

— Этот, что ли, — протянул Саша ей Володин листок.

— Нет, другой.

— А-а, — разулыбался он. — Ты уже и про Марью Сергеевну знаешь. Ну, вот ее адрес. А на что тебе она?

— Не мне. Ты бы сам к ней ходил. Проведал бы, да от меня привет благодарный передал. Так, мол, и так, мама вам спасибо за помощь говорит. Она, Саша, Бога еще попросит помочь тебе. И Он поможет.

— Я, мама, лучше к Володе зайду. Там помощь понадежнее будет.

Тогда мама схватила его и давай трясти:

— Не ходи туда, Сашенька. Христом Богом прошу, не ходи.

— Да не пойду, не пойду, — стал он ее ублажать, пытаясь освободиться, но она не отпускала его. — Ну, сказал же, не пойду. Да отвязись же!

Последние слова он выкрикнул, уже открыв глаза, и очумело уставился на ту самую пожилую тетку. Только была она без швабры и настойчиво будила его.

— Че орешь-то? — простодушно сказала Михеевна и тут же поставила диагноз: — А-а, милоч, никак ты «гусей погнал»? Ну, не хочешь — не ходи.

Саша никак не мог вернуться в реальность. Снова, как и ночью, в голове гудело, звенело и взрывалось с неистовой силой, а внутри пекло раскаленной лавой. Ко всему еще прибавился нестерпимый зуд во всем теле.

— Это вы? — кое-как сориентировался он. — А куда — ходи, не ходи?

— Вон, вишь, минцинер пришел, торопись. А то прежних-то я проворонила, а ты проспал. Энтото, правда, вечер не было. А может, и был, кто их разберет в форме-то ихней.

И вернулась реальность. Все наваждения как рукой сняло, и он, с чугунной головой и свинцовыми ногами, забыв даже поблагодарить ее, как мог скоро потащился через зал к опорному пункту. Развязный сержант, повадками больше похожий на блатаря, чем на милиционера, свысока взглянул на него. Но козырнул на всякий случай.

— Сержант Анюткин. Ну, что там у тебя?

— Я тут это... Меня вчера вечером сюда приводили.

— Вот и приходи вчера. Чего ты сегодня-то приперся? Я только что заступил. Все, что было вчера, — это к сержанту Кокореву. А он уже сменился.

Саша схватился за голову:

— То есть как сменился?

— Молча. Время вышло, и сменился. Иди, иди, некогда мне тут с тобой рассусоливать, — милиционер встал из-за стола и взял Сашу за локоть с намерением выпроводить нежеланного посетителя.

А тот машинально перехватил и отвел его руку, не спуская с него тяжелого взгляда:

— Если сменился, то где и когда я могу получить свои вещи? Вы обязаны мне помочь.

Поведение Анюткина странным образом сразу изменилось. Видимо, подспудно он понял, что парень в отчаянии и способен «навести шороху». А силу его он уже почувствовал.

— Ничего я тебе обязан, — примирительно сказал он. — Я за чужую смену не отвечаю. Все, что могу для тебя сделать, это сообщить... — Он стал водить пальцем по какой-то

схеме на столе: — Да, вот сегодня в четыре вечера Кокорев будет здесь. Так что повезло тебе. Жди до вечера. А я — пас. Да и никто его делами заниматься не будет. Мой тебе совет: отдохай до вечера и не мозоль нам лишний раз глаза. Без тебя дел невпроворот.

Тут совсем кстати зазвонил телефон, он схватил трубку и сразу же рукой показал Саше подождать. По мере разговора лицо его вытягивалось, он несколько раз взглянул на Александра.

— Да. Представь себе, здесь. Э, нет, он мне тут не нужен. Ну, ладно, так и передам, — закончил он, сел и подпер рукой подбородок:

— Вот как раз Кокорев и звонил. Не знаю, что ты натворил, но сказал, чтобы ты его ждал. По его мнению, тебя нужно закрыть. Но я этого делать не буду, понял? Пусть сам с тобой валандается. Да и куда ты денешься? Когда будет — не сказал, но к четырем точно будет.

— А как же мои вещи?

— Ну, откуда мне знать? Да и были ли они вообще? Про это только он может тебе сказать. Ну, ладно, цени мою доброту, — он показал на рифленую арматуру, отгораживающую крохотную комнатку с одной-единственной лавкой. — Другой бы закрыл тебя вон туда, и Вася не чешись. А я тебя свободой балую, понял? Цени и не забывай, если что.

Что означало это «если что», Саша так и не догадался. Он встретил лишь одну сочувствующую ему душу: Михеевна ждала его там же, у лестницы:

— Ну, че, милоч, нашлось что?

Саша покачал головой.

— Да я и так вижу, — вздохнула она. — И че теперь делать будешь?

— Сказал ждать какого-то Кокорева.

— Кокоря?! — почему-то испуганно заозиралась уборщица. — Тебя как зовут-то? Саша? Давай-ка, Саша, отойдем в сторонку.

Они снова зашли за лестницу.

— Ты садись, садись, — усадила она его на скамейку, а сама склонилась над ним. — Я тебе че расскажу, только ты не говори им про меня, ладно? Если про меня упомянешь, то себе же хуже и сделаешь, а меня еще и с работы сразу выгонят. На птичьих правах я тут. Не скажешь?

— Не скажу.

— Я тебе верю. Слушай: этот Кокорь, даром что сержантик паршивый, а никто с ним связываться не хочет. Его даже офицеры побаиваются. У него поговорка любимая есть: что, мол, с возу упало, то пропало. Бандюга, а не минцинер. Ребятишек молодых, которы сюды в вокзал другой раз приходят духовные песни петь, нипочем не пускат. А бомжей наших так вобче хлещет, почем зря, и если что отберет, то уже от него не возвернешь. Другие как-то входят в положение, разговаривают. Ну, не сразу на улису на холод выгонят. При шибком морозе и ночевать оставляют. А этот — не-ет, этот сразу в морду. Зверина мужик. Много на него всяких жалоб, а с него как с гуся вода. Ты лейтенанта Пахомова дождись, молоденький да белобрысенький такой, и подойди к нему. Может быть, он разберется. А Кокорь — нет, у них тут с его кралей целая шайка.

Михеевна боязливо оглянулась, не подслушивает ли кто, и тут же озаботилась:

— А ты чего так чешешься? Ну-ка, заголи руку.

Саша послушно загнул рукава пальто и свитера-олимпийки: на внутренней стороне руки кожа пылала малиновыми, как от ожога, разводами. Он в ужасе вскочил. На другой руке было то же самое.

— Что это, Михеевна? — прошептал он, с затаенной надеждой глядя на нее, как будто простая неграмотная уборщица могла что-то определить. И она определила.

— Ну-у, это мне знакомо. Ты сильно не пужайся, у меня от этой хвори таблетки есть. И аккурат сиди со мной. Да и всегда со мной, мало ли че. — Она запустила руку за рабочий фартук, достала и развернула белую тряпицу: — Бывает, как только че непотребное съем, тут же всю и обсыплет. На-ка, вот, возьми, тут три штучки. «Тавегил» называется. Щас прямо одну выпей. Бери, бери, не обеднею. У меня дома ишо есть, — успокоила она его, видя, что Саше неловко брать таблетки.

— Иди, вон, в туалете, умывальник, там водой и запьешь. Минут через пять и полегчает.

— Спасибо, Михеевна, — Саша благодарно прижал руки к груди. — Вы подождете меня, я быстро?

Ему не хотелось оставаться одному.

— Иди, иди, я подожду здесь, — поняла она и подбодрила его. И тихо добавила уже вслед с какой-то тоской в глазах: — Может, не зря ты мне встретя. Может, и зачтет мне Господь то доброе, что успела сделать для тебя, и хоть немного сбавит от грехов моих. Вот бы славно это было.

А когда он вернулся, напомнила:

— Так ты уж им обо мне не говори. Худо это будет. Ну, оставайся, жди. А мне пора.

Тот день тянулся столь медленно, что Саша думал: вечер никогда не наступит. Изнывая от безделья, он бесцельно слонялся по вокзалу и раз за разом навещал опорный пункт, но ни сержант Кокорев, ни лейтенант Пахомов там все не появлялись. Он взял в буфете заскорузлый пирожок и одно яйцо по цене доброй курицы, но, едва отведав, выбросил в урну и то, и другое, утешаясь, что хватило ума не взять вдвое больше. В полученной сдаче среди мелочи он обнаружил два тройка и тут же направился наверх, к двум автоматам газированной воды. Пока он раздумывал, с каким сиропом выбрать первый стакан, туда же подошли два живописных бомжа. Их принадлежность к этому сословию не могла вызвать сомнений.

— Друг, посуду не задерживай, — хрипло попросил один из них. — Вся внутренность горит.

Саша протянул стакан. Оглянувшись по сторонам и не заподозрив опасности в нем, они шустро разлили по стаканам бутылку вина и потом залили пожар души бесплатной газводой. А добыли они ее совершенно незатейливым образом. Просто мужик, что покрупнее, дал кулаком автомату «под дых», и тот, издав недовольное урчание, плеснул в стакан живительной влаги с сиропом. Повторив процедуру еще пару раз, бомжи удовлетворенно икнули и смерили наблюдавшего за ними Александра изучающим взглядом. Потом один из

них, распахнув полы видавшего виды осеннего пальто, засунул пустую бутылку в карман таких же засаленных, протертых брюк, подпоясанных белой бечевкой, и лукаво подмигнул ему.

— С перебуху, что ли? — и показал на автомат, сымитировав удар по нему. Дескать, попробуй и ты водички на халяву.

Саша, ухмыльнувшись, покачал головой. Мужик сильно удивился и вытянул правую руку с двумя оттопыренными пальцами:

— Сообразим?

Саша снова молча покачал головой.

— Ну, как хочешь. Было бы предложено.

Бомж пожал плечами, и, уже изрядно завеселевшие, оба направились к выходу. Как только они скрылись из виду, Саша скопировал их действия. Получилось с первого раза. И еще, и еще. Освежающая влага благотворно подействовала на желудок. Теперь он подходил сюда каждые пятнадцать минут. Он даже придумал себе расписание: спуститься вниз к милиции, выйти по подземке к платформам, чуть-чуть замерзнуть и вернуться таким же путем назад. Всего четыре раза так проделать — и часа как не бывало! Но стрелки настенных часов вокзала, казалось, совершенно не двигались.

Он как мог долго мерз на улице, чтобы еще дольше потом отогреться в зале ожидания, рассказал себе все стихи, которые знал, и наизусть выучил табло с расписанием поездов. Они, как и люди, прибывали и убывали, вокзал то затихал, то гудел, как растревоженный улей, и никому ни до кого не было дела. Впервые в жизни в таком многолюдье Саше было одиноко. И крайне тоскливо.

Наконец, возвращаясь с очередной прогулки по платформе, где на этот раз промерз до костей, он заметил не примелькавшегося еще ему милиционера и, несмотря на дрожь во всем теле, мигом поспешил к нему. Молоденький

лейтенант как раз открыл двери, и Саша, заметно волнуясь, быстро вошел вслед за ним в отделение.

— Лейтенант Пахомов, — представился милиционер и, мельком взглянув на вошедшего, вежливо осведомился: — Вы что-то хотели?

Внешность лейтенанта и его приятный голос располагали к нему, и Саша немного успокоился. Но как только начал объяснять, его отчего-то снова затрясло, как в лихорадке, и, чтобы не выдать свое состояние, он спрятал руки за спину.

— Видите ли... Я уже обо всем говорил вашим ребятам.

— Так. О чем конкретно?

— Так это... Меня с поезда сняли. Я в...

— Сняли? — в глазах младшего лейтенанта удивление и неподдельный интерес. — За что?

— Сам не знаю. Я в беспамятстве был. Отравили меня. А все подумали, что пьяный.

— Ну, кто ж так мог подумать, если такого не было, — снисходительно улыбнулся Пахомов. — Подумали, наверное, то, что и было на самом деле. Что сейчас-то вы хотите?

— Вещи... Я хотел бы вернуть чемодан. Там документы и все. Если нужно, я уплачу штраф. И это... ну, мне нужно немедленно ехать дальше. Вот, у меня билет сохранился.

— Чемодан? У вас был чемодан?

— Ну да, чемодан. Желтовато-коричневый такой, с ремнями. Два замка по бокам. Да я опишу все содержимое.

— Сейчас посмотрим протоколы, — неопределенно пожал плечами лейтенант, но продолжал внимательно смотреть на Александра. — Хотя, даже если он есть, я вам не смогу его отдать. Будете ждать старшего сержанта Кокорева.

— Да, я в курсе. Подожду, раз надо. Мне сказали: он к вечеру будет.

— Так точно. Но посмотреть я могу. Фамилия ваша?

Саша сказал. В конце концов, днем раньше, днем позже, лишь бы вещи нашлись. А там... Дрожь в руках постепенно унялась, и он с надеждой следил за пальцем лейтенанта, скользившим по бумаге.

— Есть такой, — довольно ухмыльнулся наконец Пахомов.

— Ну, слава Богу, — произвольно вырвалось и окончательно отлегло у Саши от сердца. — Может, все-таки отдадите мне его, товарищ лейтенант? Там и зачетка, и паспорт: сравните, и сразу все ясно станет.

— Так чемодана-то как раз и нету, — немного озадаченно проронил милиционер и подозрительно взглянул на Сашу. — Нарушитель есть, а чемодана, увы, нет.

— Да как же это нет! — вспыхнул Саша. — Шутите, что ли? Раз нарушителя снимали с поезда, значит, и вещи сняли. Это же как дважды два. То же мне нарушителя нашли. Меня же отравили, да я же и виноват оказался. Ловко!

— Не кипятитесь, — сухо сказал лейтенант. — Я констатирую то, что вижу в протоколе. И я ведь вам поверил на первый взгляд.

— Так поверьте и на второй, — загорячился Саша. — Я ничего такого не мог сделать. Я уверен, что меня отравили.

— Хм, отравили. Как же вы в отравленном состоянии умудрились столько натворить: устроили погром в купе — раз, чуть не убили проводника — два, да еще набросились на сотрудников милиции.

Тут он присвистнул:

— Ого, дальше-то что: вас же в вытрезвитель отправили с возвратом. Получается, я должен вас еще и задержать, гражданин. До выяснения.

Все оборвалось внутри Александра. Он без всякого приглашения опустил на стул.

— Валяйте, — вдруг с полным безразличием пробормотал он. — Задерживайте. Мне теперь все равно дороги отсюда нет. Вы у меня все отобрали.

— Я у вас ничего не отбирал, — вспыхнул лейтенант. — И вот этого всего не писал. Но что написано пером, да? Поймите, ваши утверждения против этих показаний ничего не стоят. Даже если бы я и хотел вам поверить.

И Саша вспомнил. И догадался:

— Скажите, моя подпись там имеется?

— Вот она.

— Это не моя подпись, — Саша вытащил студенческий. — Я вспомнил, как меня здесь заставляли расписаться, но я был не в состоянии. Вот моя подпись. Сравните, товарищ лейтенант, вы же видите, меня подставили.

— Кто тут кого и куда подставил? — раздался насмешливый голос. В комнату быстро вошла и села рядом с милиционером симпатичная брюнетка средних лет в ладно сидящем на ней железнодорожном кителе. — А-а, старый знакомый! Ну, что, ожил, значит? Дай-ка сюда его бумаги. Ну да, Кокорев и говорил, что с возвратом. Ладно, я так думаю, Пахомов, что его надо побыстрее отпустить. Его вещи снимут по Мариинску. Пусть догоняет, пока и вправду не затерялись.

— Мои вещи в Мариинске? Мой чемодан? — Саша уже ничего не мог понять. — Но мой чемодан здесь. Я сегодня говорил с людьми, которые видели, как меня тащили сюда вместе с чемоданом. И чемодан нес наш проводник.

— Вот как нес, так и назад унес, — засмеялась женщина. — И с кем это ты говорил? Уж не с Михеевной ли? Так эта много чего наговорит. Ты сейчас к ней подойди, она тебе совсем другое скажет. Хоть стой, хоть падай. И обижаться на нее нельзя: бывшая алкоголичка, больной человек...

«с приветом». В общем, мое дело предложить, а твое — решать, милый ты мой алкоголик. Мне просто жалко, что ты такой молоденький, да еще и студент. Давай, я тебе сейчас выпишу билет до Мариинска. Через... — она посмотрела на часы, — через три часа сядешь на Челябинский и догонишь свои шмутки.

— У меня сохранился мой билет до Омска, — зачем-то сообщил Саша.

— Тем лучше. Пойдем, я его прокомпостирую, а в Мариинске пересядешь до своего Омска. Ты как, Пахомов, не против?

Пахомов не был против.

— Только сделаем так, — с готовностью подытожил он и вздохнул с облегчением: — Я никаких мер предпринимать не буду. Кокорев его задерживал, он пусть с ним и разбирается. А раз вы его берете под свою ответственность, то и распишитесь вот здесь, что, мол, дежурный по вокзалу и т.д.

— А ты, оказывается, бюрократ, Пахомов, — слегка пожурила его дежурная, но роспись свою поставила. — Пойдем, красавчик, наверх.

Саша, словно под гипнозом, поднимался вслед за ней по ступенькам и в мыслях чувствовал такой раздрай, что вообще не понимал, что происходит. Как ни пытался, но оценить ситуацию адекватно он не мог. Михеевна видела его чемодан и что нес его рыжий проводник. И это теперь никто не будет отрицать. Но она не видела, что он его и унес назад. Но зачем уносить, если хозяин чемодана остается тут? И зачем кому-то понадобилось расписываться вместо него в протоколе?

Нутром он чуял, что идет на поводу у этой женщины, но сил сопротивляться не было. Была одна полнейшая апатия ко всему происходящему: будь что будет! Как будто речь шла вовсе не о нем, а о каком-то постороннем человеке. А он как

бы наблюдал со стороны, гадая, чем все это закончится. И еще было сильное желание верить этой дежурной. Не собственнно ей, а в то, что не все еще потеряно и вещи его действительно найдутся в Мариинске. А вот если их там не будет — тогда... А что тогда? Тогда придется возвратиться сюда и разобраться уже по полной программе. За это время он восстановится и — ах, благие намерения! — разговаривать уже будет с ними совсем по-другому. Да, но у него не будет даже на обратную дорогу...

И, будто подслушав его мысли, она на ходу повернулась к нему.

— У тебя на буфет-то хоть есть деньги?

Он пропустил вопрос и спросил озабоченно:

— Сколько до Мариинска?

— Да ерунда, около шести часов. Заберешь там вещи и на Омский пересядешь. Часа через два, не больше. Щас расписание у меня посмотрим.

— А если вещей там не будет?

— Такого не бывает, — строго посмотрела она на него. — Мы отвечаем за свои слова. Давай сюда билет и жди вот у этого окна.

Вскоре она открыла окошко изнутри и протянула ему билет. Но чуть придержала, когда он уже протянул за ним руку.

— У тебя там что-нибудь, кроме документов-то, есть? А то, может, на дорогу немного денег дать? Ну, взаймы, как бы. Жалко мне тебя.

Саша вскинул глаза, и ему показалось, что она врет. Она жалела его с насмешливо-презрительным прищуром в глазах. Что-то подтолкнуло его проверить свою догадку.

— Спасибо, — с напускным безразличием обронил он. — Мне бы только чемодан вернуть. У меня там одних шкурок тысячи на полторы будет.

Дежурная вздрогнула и так и подалась вперед. И Саша отметил, что презрение в ее глазах сменилось гневным блеском. Догадка подтверждалась. Он воровато осмотрелся и склонился к самому окошечку:

— Да и денег хватит. Тыщи две рублей деньгами.

— Вот скотина! — вырвалось у дежурной.

— Кто? — с силой схватил он ее за руку с билетом.

— Ты что, очумел, алкаш несчастный! — взвизгнула она от боли. — А ну, отпусти!

— Извините, я нечаянно, — опомнился Саша. — Так кто скотина-то?

— Кто, кто... Проводник твой, кто ж еще!

Если она и врал, то вывернулась довольно искусно:

— Зачем было чемодан забирать? Сказал, что твой напарник там, в купе.

— Все правильно, — пробормотал снова сбитый с толку Саша и спрятал билет в карман. — Так я поеду?

— Поезжай, поезжай, а как же! — продолжала трясти рукой женщина. — Нет, это ж надо, чуть руки не лишил. Что, сила есть, ума не надо? Значит, правда дебоширил в вагоне. Вот и додебоширился. Ладно, догоняй свои шмутки да больше так не напивайся.

— Я попробую, — сказал Саша.

Но стоило ему отойти, как тут же вернулись сомнения в ее честности. «Попробую подождать Кокорева», — поправил он самого себя.

На этот раз ждать долго не пришлось. Саша опорожнил очередной дармовой стакан газводы, когда мимо него к окошку дежурной по вокзалу быстро прошагал худощавый, чуть выше среднего роста, парень. Он заметил его еще там внизу, у опорного пункта, а теперь, когда чуть не столкнулся с ним лицом к лицу, память вдруг выхватила из своего запасника отчетливую бланкартинку: сержант за столом сует ему бумагу.

— Читай, алкаш! И подпиши.

Это он — Кокорев. Только в гражданском. Теперь Саша отчетливо вспомнил и его удар в лицо. И вернулась в ноги и руки предательская дрожь. Только на этот раз уже от памяти. Он же его, беспомощного, нокаутировал! Саша бросился назад к автомату, выпил подряд два стакана воды. Дрожь унялась. Через минут пять красный, как рак, Кокорев чуть ли не вприпрыжку промчался вниз по ступенькам, а следом простучала каблучками и дежурная мадам. Чуть выждав, стараясь не торопиться, спустился вниз и Саша. Сердце его бешено колотилось и готово было выскочить из груди. От этого снова загудело в голове, но он уже зациклился на одном: рассчитаться за вчерашнее. Где-то далеко с задворков души беспомощно взывал к разуму чуть слышный внутренний голос: «Не лезь на рожон! Сначала выясни, где чемодан. Ведь люди же они, войдут в твое положение». Но другой голос забивал своей непреклонностью: «Умей постоять за себя.

Отомсти, а там — будь что будет!» И он, этот второй голос, подстегивал разбушевавшиеся нервы.

У дверей он столкнулся с тем, первым сержантом, Анюткиным.

— Э, парень, ты куда? — загородил было тот дорогу, но, взглянув на Александра, отступил в сторону: — Ну, иди, иди на свою шею.

— Какие деньги? Ничего там не было, — услышал он Кокорева. — И я его щас найду и упрячу в отделение.

— Идиот, как до тебя не доходит? — взвизгнул голос дежурной.

Она стояла к Саше спиной и ожесточенно жестикулировала перед носом Кокорева. Причем вид у ее визави был, как у провинившегося школьника.

— Убирай его, куда хочешь, но чтобы его тут не было. Погоди, я еще с тобой разберусь. А шкурки куда дел?

— Не мои ли вещи делите, господа? — дрожащим, вмиг охрипшим от возбуждения голосом встрял Саша. — В долю не возьмете?

Кокорев будто только и ждал его появления и тут же вылил свой гнев на как нельзя кстати погодившегося¹³ пришельца.

— А-а, герой. Сам пришел. А ну, ныряй сюда! — толкнул он ногой дверь карцера.

— Что ж ты, служивый, так сразу и «ныряй», — шагнул к нему Александр. — Я тебе должок хочу вернуть за вчерашнее. Как ты меня...

— Ты еще твякать, гнида! — рявкнул сержант и попытался нанести резкий удар рукой, целясь в физиономию наглеца. Но промахнулся и от страшного встречного удара шахрахнулся спиной об арматуру карцера. И сел, тупо уставившись на противника. Лицо его выражало крайнее недоумение,

а перепуганная дежурная, тонко взвизгнув, выскочила из комнаты.

— Вот теперь мы с тобой квиты, — наклонился к нему Саша, подавая руку, но кто-то сзади профессионально вышиб из него дух. Он охнул и осел всем телом, хватая воздух ртом. В ту же секунду на него посыпались удары ногами, и он упал на пол, тщетно пытаясь увернуться от побоев, рассыпавшихся по всему телу. Он закрыл голову руками и затих.

— Что тут происходит? — послышался чей-то негодующий окрик. — Отставить!

Саше тут же заломили руки за спину и с силой втолкнули в открытую дверь карцера. На единственной лавочке он и пришел кое-как в себя, стараясь разобраться, о чем спорят сотрудники милиции в другой комнате. И, хоть разговор шел на повышенных тонах, так и не уловил, что они собираются делать с ним дальше. Наконец милиционеры один за одним вышли из помещения (Саша насчитал четыре человека), и к карцеру подошел Пахомов:

— А, это ты лейтенант, — криво усмехнулся Саша. — Вовремя ты зашел, не то запинали бы до смерти. Хоть один человек нашелся.

— А ты — человек? — лейтенант смотрел прямо в глаза Александру. — Ты что себе позволяешь? Ты зачем на сержанта напал?

— Я-то защищался. А вот он меня чуть живого вчера тут точно так же уложил. Да двое еще меня за руки держали, чтобы ему ловчее бить было. Все это видели. Я ему долг вернул, лейтенант.

— А я тебя теперь на всю катушку засажу.

— Не надо, — за спиной офицера появился Кокорев с дежурной. — Я сам с ним разберусь, Коля. Он у меня сапоги лизать будет.

— Ну, так запусти его ко мне, лейтенант, — хмыкнул Саша. — Может, и правда разберемся, а, сержант Кокорев? Один на один. Заходи, потолкуем.

Сержант сделал какое-то неопределенное движение.

— Отставить! — рявкнул Пахомов. — Герои нашлись. Насмотрелись фильмов и рисуется тут. Давай, звони в отделение, пусть забирают.

— Не надо, — уже тверже сказал Кокорев. — Не надо звонить.

— Отпусти его, — вступилась и дежурная. — Пусть едет. Он же думает, что его здесь обобрали, вот и взбесился мужик.

Саша вдруг почувствовал, как земля уходит из-под его ног. Мелко-мелко задрожал он и зашелся диким хохотом:

— Обобрали! Не обобрали, а ободрали. Это же вы, гады, ободрали меня. Ты и ты, ведьма. Да подавитесь вы всеми моими шмутками. Верните хотя бы зачетку и паспорт, я ведь в институт переводиться еду. Куда же я теперь без документов? — и со страшной силой вцепился в арматуру, дергая ее всем корпусом. Потом бессильно сполз на пол и затих. А когда очнулся, за столом сидел только Пахомов.

— Ну что, аника-воин, — без эмоций спросил он. — Что будем делать с тобой?

— Что хочешь, то и делай. Только я и после отсидки твоего сержанта найду. Тесно нам теперь на земле будет. Обязательно найду.

— Тебе это надо?

— А что теперь прикажешь мне делать?

— Поезжай в Мариинск. Дежурная же говорит, что там вещи снимут.

— Да нет там никаких вещей. Она же сама себя выдала. Они ж давно в паре работают. Людей грабят.

Брови лейтенанта удивленно поползли вверх.

— Это откуда у тебя такие сведения?

— Про это, лейтенант, все знают. Кроме, наверное, только тебя.

— Ну, не тебе об этом судить. Ты вот что: поезжай-ка домой. Может, к тому времени и подкинут документы. А нет — восстановишь дома и переведешься. Жизнь-то не стоит на месте. Билет утром сдашь, и тебе обратный оформят. Я договорюсь... И справку тебе сделаем. Идет?

Саше что-то пришло в голову. Он услышал какую-то умную мысль, и она тут же сконцентрировала всю его волю и заторопила его.

— Идет. А сейчас отпусти, а? Не могу я тут находиться.

— Если слово дашь, что завтра к вечеру тебя тут не будет. Пойми, это для твоей же пользы я говорю. Нельзя тебе долго тут задерживаться.

— Из-за Кокорева?

— Ну, думай, что хочешь. Будем считать, что я тебе ничего не говорил. Но завтра вечером он заступает на смену. И у него к тебе взаимная любовь. Понимаешь?

— Понимаю.

— А я тебе обещаю разобраться в твоём деле и сообщить. Давай свои координаты: ну, адрес домашний, телефон, если есть. Или родителей.

И как ни торопила главная мысль, а Саша раздвоился: ему ужас как не хотелось, чтобы родные узнали о постигшей его беде. И затеплилась надежда, что вот этот лейтенантик докопается до истины, и тогда не так стыдно будет родным за него. Одно дело: попасть в беду просто из-за пьянки, и совсем другое — если тебя в этой пьянке отравили. Это вроде как уважительная причина получается. Только для него это уже не будет играть роли. Для себя он что-то уже решил.

— Сообщи в институт. Все равно туда напишут из вытрезвителя. А родителям не надо. Не перенесут они.

Пахомов записал.

— Так что, поедешь?

— Поеду. Мир не без добрых людей, — сказал Саша, хотя думал совсем иначе и как раз не об этом.

Лейтенант снял замок и выпустил его. Они пожали друг другу руки. Саша был уже у двери, когда лейтенант окликнул его.

— Слышь! Давно это у тебя? — сочувственно спросил он.

— Что? — отсутствующе отозвался Александр.

— Ну, припадки эти, истерика?

— А-а. Нет. Первый раз в жизни. А что?

— Да хотел тебе предложить работать у нас. Рекомендацию я дам. Пойдешь? Вмиг тогда все найдется. Как ты на это?

Саша удивленно посмотрел на него и покачал головой:

— Не-а. С тобой бы — да, стал работать. Но не в милиции. Меня здесь ногами били. И это тоже впервые в жизни...

Все в этой его последующей жизни будет впервые. В этот самый миг он перешагнул ту светлую жизненную границу, за которой осталась беззаботная юность и молодость с ее дерзновенными мечтами. На смену им торопилось бессмысленное в своем беспросветном пьянстве будущее. Во время разговора с лейтенантом Саша понял, что не видать ему ни документов, ни института. Пахомов ведь тоже понял уже, что Сашу обобрали здесь, но помочь пока ничем не мог. Разве что только справкой о том, что Саша не верблюд. Тогда-то он и услышал в себе самый совет: «Жизнь — скверная штука, брат. Почему бы не свести с ней счеты? Вот он, вокзал — это же идеальное место для разрешения проблемы. Все равно ты уже бесславно сгинул. Так будь же мужчиной. Не оставил след в жизни, так оставь его хотя бы на рельсах».

И то ли наяву ему послышался приглушенный стенами вокзала гудок подходящего поезда, то ли возник он в его разгоряченном мозгу, но, как загипнотизированная сомнамбула, двинулся Саша в направлении подземного перехода к платформам. Решение окончательное и сомнению не подлежит. Он уже видел себя раскромсанным колесами на железнодорожных путях и со злорадством идиота предвкушал горькое сожаление окружающих по поводу его молодой цветущей жизни. А неведомый голос только поторапливал его: «Быстрее и не дрейфь!» Известно ведь, что попутный ветер с особым усердием начинает дуть именно в минуту отчаяния...

Еще шаг — и он уже никогда бы не услышал тот, другой, пленительный и чистый, берущий за душу голос. Вернее, голоса. Он уже ступил на лестницу, ведущую в подземку, когда до его сознания — не слуха! — дошли наконец эти мелодичные переборы гитары и чистое, будто ангельское, пение. И по лицам встречных пассажиров понял, что это ему не чудится. Они так же прямо на ходу заинтригованно посматривали наверх, откуда и доносились эти чарующие звуки. Саша напрягал слух, и, хотя слов разобрать было невозможно, сама мелодия разобрала его душу.

Он круто развернулся и поспешил туда, наверх, в зал ожидания. И, миновав автоматы газводы, уже у первых скамей увидел группу молоденьких ребят: посредине две девочки в белых вязаных кофточках и с краев два паренька в таких же под свитерами белых рубашках и с гитарами. Чуть поодаль, на передней продольной скамье, в зале ожидания была сложена их верхняя одежда, около которой сидела невероятно миловидная девочка лет пятнадцати. Саша встал в проеме арки и, прислонившись к стене, невольно залюбовался ею. Пассажирский поток схлынул, и в зале установилась

относительная тишина. «Христос — это имя мне дорого»*, — расслышал он слова, и сердце его отчего-то сладостно защемило. Такого слаженного, проникновенного пения он еще не слышал и даже не подозревал, что духовные песни могут быть такими красивыми. И, если бы он не видел исполнителей, наверняка подумал бы, что поют настоящие артисты. Песня, вспорхнув в самом своем начале синей птицей, чуть угасала в конце куплета: «Христос, Ты не хочешь ни одного оставить не знающим Тебя».

Не спуская глаз с девочки, он заслушался мелодией и растворился в ней. Она наполнила его душу светом и унесла в родной дом. И слова ее журчащей родничковой водой, капля за каплей, просачивались в самое его сердце, вытесняя из него накопившуюся за последнее время неизбежную тоску: «Христос, Ты не хочешь ни одного оставить не знающим Тебя!»

---

* Строка из христианского гимна («Песнь возрождения», М., 2005).

Песня кончилась, и Саша с сожалением вернулся из неземного мира. Многие нечаянные слушатели подходили к ребятам, о чем-то расспрашивали их или просили спеть еще, на что те охотно соглашались и пели снова. После одной-двух песен девочки подменяли друг друга: одна приходила сторожить одежду, другая присоединялась к группе. Потом сторожила следующая. И Саше казалось, что каждая песня звучала лучше предыдущей. Его так и подмывало подойти к ним, но у него не было ни вопроса, ни повода. И вдруг он вспомнил: Михеевна! Она же явно имела в виду этих ребят, которым, по ее словам, Кокорев не разрешал здесь петь. Саша облегченно вздохнул и подошел к той девочке.

— Можно мне около тебя посидеть? — смущенно улыбнулся он.

— Да, пожалуйста, пожалуйста, — теснее придвинулась она к вороху одежды, взглянула на него и почему-то стыдливо зарделась.

— Я о вас от Михеевны слышал, — ляпнул он, злясь на себя за то, что не умеет начать нормальный разговор: прямо детский лепет, ни больше, ни меньше.

Но она вдруг несказанно обрадовалась такому началу:

— Правда? — и тут же сделала успокаивающий жест своим друзьям, вопросительно поглядывавшим в их сторону.

— Он знает тетю Дашу, — приставив руки рупором, выкрикнула она.

И, похоже, этого оказалось достаточно, чтобы те приветливо улыбнулись Александру.

— А откуда вы Михеевну знаете? Вы ведь явно не здешний?

От Саши не укрылось, что ее заинтриговал его довольно странный для зимы внешний вид.

— Нездешний. Но она мне сегодня очень помогла. И про вас, и про ваши песни рассказывала. И про то, что с милицией, с Кокорем каким-то, у вас не все тут ладно.

Он сказал это для того, чтобы она поверила ему. Но вряд ли это ей надо было. Ведь ясно было видно, что ему поверили и так. Поэтому и отважился на комплимент:

— Вы все так красиво поете.

— Правда? — вновь обрадовалась она. — Вам нравится? — и, получив подтверждение, поспешно уточнила: — Вам нравится, как мы славим Бога?

— Ну, как сказать, — замялся он, — я раньше не слышал таких песен. И не думал, что они такие душевные. С такими прекрасными словами. Особенно первая, но я ее не сначала услышал.

— Мы называем их гимнами во славу Господню, — серьезно сказала она. — Скажите, какой, и мы повторим. Если хотите.

— Хочу, — сознался он. — Только не называй меня на «вы». Я Александр. Или просто Саша. Когда мне говорят «вы», я дряхлею.

— Хорошо, Александр. А я Лида. Лида Жулева. А вон там Коля, Валек, Света и Нина. Мы все из одной церкви. А ты верующий, Саша?

— У меня мама верующая, — уклонился он. — Отец нет.

— Как и у меня, — вздохнула Лида. — Другой раз так рассердится на нас, что страшно становится. Но у нас есть бабушка, его мама, и при ней он всегда смирный. Так какой гимн ты хотел бы?

— Тот первый, про Христа.

— Они все о Христе, — улынулась она такой обезоруживающей и лучезарной улыбкой, что Саша еле сдержался, чтобы не обнять ее. Не потому, что она ему так уж понравилась, а потому что после всей грязи, в которой он барахтался последние сутки, ее вдохновенное личико было таким прекрасно невинным! И, глядя на нее, он словно очищался от скверны. В его глазах было столько признательности и нежности, что она потупилась: — Слова помнишь?

— Да. Там говорится, что Христос не оставит никого.

— Ага! Понятно. Сейчас мы, — подхватила она. — Ты покараулишь тут за меня? А то нас один раз уже обчистили.

— Конечно, — облегченно вздохнул Саша. — Иди, не беспокойся. Пойте вместе, пока не закончите. Мне торопиться некуда.

И снова он наслаждался этой прекрасной песней, потому что слова ее находили благодарный отклик в его душе. Он совсем расслабился, откинулся на спинку скамьи и даже вытянул перед собой ноги. А ребята стали петь с еще большим подъемом. Так, во всяком случае, ему показалось. Может быть, потому что теперь они были впятером? Откуда ему было знать, что как раз такие слушатели и вдохновляют их более всего. Когда они видят, что слово о Господе находит отклик в сердце грешника. Кто-то вдруг споткнулся об его сапоги. Он машинально подобрал ноги и поднял глаза.

— Ты, фуцан¹⁴, сделай вид, что тебя ищут, — зловеще прошипел какой-то тип небольшого роста в такой огромной меховой шапке, что все лицо его под ней представлялось крохотным

кулачком, из которого, словно фи́га, выдавался нос. Он стоял боком, чуть выставив вперед согнутую в колене правую ногу, руки слегка засунуты в боковые карманы добротного пальто с шалевым воротником. Вообще его профиль порази́л Сашу. Это был четкий профиль крысы. И нос, и губы, и челюсть были слишком вытянуты вперед, что придавало лицу поразительное сходство с этим грызуном. Говорил он прямо перед собой, чуточку скосив глаз на Сашу: — Ты че, не врубился?

— Ты это мне? — показал на себя пальцем Саша.

— Тебе, тебе, — все так же, не поворачиваясь (конспирация), но уже чуть громче прошипел тип. — Дерга́й отсюда по холодку, если жить еще хочешь. Я два раза не повторяю, понял? Как только девка вернется, сразу линя́й. Все! Ко́нец связи.

И как ни в чем не бывало двинулся дальше. А навстречу ему уже шла вся группа ребят. Они подошли к Саше, и, взяв его в круг, все по очереди познакомились с ним, и стали наперебой спрашивать. Но он, не напуганный, но ошарашенный загадочной угрозой «крысятника», как он назвал для себя того типа, только извинился перед ними, сказав, что сейчас же вернется, и чуть ли не бегом выскочил в вестибюль.

Там, около одного из буфетных столиков, он и увидел того грозного типа. Он стоял к Саше спиной и разливал по стаканам «бормотуху», а еще трое мужиков, склонившись над столиком, ловили каждое его слово. Двое из них были те утренние бомжи, а третий... Саша передернулся от омерзения. Третьим был его старый знакомый по ночной палате, тот самый «амбал» с перебитым носом. Саша подошел и встал сзади них за соседний столик. Тип в лохматой шапке достаточно громко, не таясь, отдавал распоряжения.

— Значит, так: как только забренчу на гитаре, ты, Гном, хватай дубленку и делай пропуль¹⁵ Бяшке. Сам оставайся на месте и помогай мешать, если спохватятся, понял?

— Пусть лучше Бяшка мне спулит¹⁶, Миш, — жалобно заскулил Сашин знакомый. — Оно ж надежнее будет, а, Мишаня? Вдруг у меня не получится?

— А бормотуху жрать получается, — прикрикнул босс. — Ты не темни. Любишь кататься, люби и саночки возить. Сколько тебя поить задарма? Пора и отрабатывать, — и взглянул насмешливо: — Постой, а может, ты и выпить не хочешь?

— Ну, че ты сразу, Мишаня, — испугался Гном. — Я тебе че, телеграфный столб, не пить? Сделаю. Только боязно мне, непривычно.

— Да не бойсь ты, — похлопал его по плечу другой мужик, по-видимому тот самый Бяшка. — Чучундра так все обтяпает, комар носа не подточит! Все пацаны на него рот раззявят, а тебе останется только не в хипеж шубу мне спулить. Твое дело мазевое, — и, натянув ему на глаза его задрипанную солдатскую шапку, со смехом в голосе добавил: — Да если и попадешься, тебя же через полчаса любой мусор выпустит. Кому ты там нужен, хорек вониючий. Все же ладную тебе фамилию родители присмотрели — Хорьков.

И все общество, включая и самого Гнома, дружно заулыбалось чему-то смешному, ведомому только им.

— Да смотри, со страху не прихвати чего лишнего, — назидательно произнес босс, как теперь выяснилось — Мишаня, по прозвищу Чучундра. — Нужна только дубленка. Борода, ты наш оплот, ты, как всегда, на стреме. Да? Ну, давайте по махонькой.

Он перекрестил свой стакан:

— Выйди, нечистый дух, останься чистый спирт.

— Дай Бог не последняя, — поддержали сотоварищи и, прежде чем выпить, тоже перекрестили свои стаканы. Ну, так понятное дело: люди-то «верующие». Что ж вы хотите...

Саша так же тихо отошел от компании к автоматам газировки. Он заметно повеселел: первоначальная версия, что этого типа натравил на него сержант, не подтвердилась, а бояться такую шушеру он не привык. Да и о чем у них шла речь, долго гадать не приходилось: поверх всей одежды у девочек лежала красивая коричневая дубленка — немислимый дефицит! За нее в любой момент можно было взять очень хорошие деньги.

Кто из ребят додумался прийти на вокзал в такой роскоши? Тем более один раз их уже обчистили. Надо быстро предупредить их. Но он тут же передумал. Пусть поют. Нужно просто помешать Гному подойти к вещам — и все. И надо же было ему уже второй раз за такое короткое время схлестнуться с этим бомжем. Кстати, кличка тому как раз подходила. Как, впрочем, и имя крысы Чучундры его боссу. И тут у Саши в предчувствии возможной стычки вновь появилась противная мелкая дрожь в коленях, а в горле все пересохло.

«Неужели я стал бояться каких-то гномов? — обеспокоенно прислушался он к себе. — Если так, то дело — дрянь. Правду сказал доктор про нервы». Нароботанным за день приемом он выбил из автомата стакан газировки и, отпивая мелкими глоточками, взглянул в сторону зала. И, недопив, быстро метнулся к ребятам, около которых уже стоял и разглагольствовал «крысятник». Пока Саша рассуждал сам с собой, этот Чучундра не терял времени зря.

— Христос говорит, чтобы люди делились друг с другом*, так ведь? — с видом знатока и с поучительными нотками в голосе допытывался он у них.

---

* Это и следующие утверждения базируются на Нагорной проповеди Христа. См. Евангелие от Матфея (5:40, 42).

— Так, конечно, — согласно кивали ребята.

— Говорил: «Если че, то отдай рубашку ближнему». Говорил?

— Ну, приблизительно, — радовались они осведомленности слушателя.

За спиной у Лиды, по другую сторону скамьи, замаячила тщедушная фигурка Гнома. Девочке страсть как хотелось услышать, о чем там беседуют ребята с подошедшим женщиной, и она вся подалась вперед, стараясь разобрать разговор. Стоит ей еще чуть-чуть отклониться, и Гному не составит труда незаметно умыкнуть дубленку. Это Саше было хорошо видно.

— Ну, тогда я прошу вас пожертвовать мне одну гитару, — нагло подытожил между тем знаток Евангелия. — Вот ты — свою. Или жалко?

Ребята в недоумении воззрились на него.

— Я не могу отдать вам гитару, — смущенно пролепетал наконец паренек. — Я славлю Бога с ее помощью.

— Но я же твой ближний! Или нет?

— А ты, дружище, кого собираешься славить с ее помощью? — не сводя глаз с Гнома, взял его Саша за локоть.

Тот небрежно отмахнулся, но, рассмотрев Александра, побагровел.

— А ну, отвали! — угрожающим шепотом процедил он. — Сгинь, паскуда!

И, думая, что вопрос улажен, снова повернулся к ребятам:

— Ну, дайте, я хотя бы попробую сыграть.

И тут произошло то, чего и боялся Саша. Лида, заметившая его стычку с незнакомцем, почуяла недоброе и взволнованно вскочила со скамейки, оставив вещи без присмотра. Гном сразу уловил этот момент и, не дожидаясь условного сигнала, шустро подскочил, сдернул дубленку и махнул ее через плечо.

Его поделщик Бяшка не ожидал такого незапланированного оборота и к пропую не успел. Зато успел в три прыжка подскочить Александр: он перехватил взмывшую на плечо вора дубленку за полу и с такой силой рванул на себя, что Гном, инстинктивно не пожелавший расстаться с почти уже состоявшимся богатством, шарахнулся вместе с ней о скамью. Оттуда Саша и перекинул его за шиворот на свою сторону, да так, что у того только ноги сбрыкали о скамью.

— Ты чего-о? — загнул вор, разыгрывая возмущение. — Я же только пощупать хотел. Че, вальты в разлете¹⁷, ли че ли?

— Вальты, ага, вальты, — дрожа от возбуждения и злости, выдавил Саша. — Щас я дружка еще твоего прихвачу, чтоб тебе не скучно было.

Но ни Бяшки, ни Чучундры уже не было и в помине. Зато вокруг них тут же собрались люди. Все прекрасно видели попытку воровства и на все лады выражали свое негодование:

— От этого сброда уже житья нет. Куда смотрит милиция?

— Так ей мелкими воришками заниматься недосуг.

— Мелкими? У меня в Ачинске бумажник с документами сперли, так три дня там пришлось околачиваться. Вот вам и мелкие.

— То воры, а это бродяги. С вора милиционеру прибыль есть, а с этих что возьмешь? Гольий вассер... Не до бродяг им.

— Ну, этого-то надо им сдать. Дубленка тебе не гольий вассер. Молодец, парень, не побоялся. Веди его в милицию.

— Какая может быть милиция для этого несчастного? — раздался вдруг властный женский голос, и все обернулись на него. На том месте, где только что играли и пели ребята,

стояла дородная женщина в пышной коричневой шубе и такого же цвета шапке. Лицо ее было покрыто толстым слоем пудры, и это было видно, что называется, невооруженным глазом. Завладев вниманием, она театрально вскинула руки: — Где она, наша милиция? Она должна пресекать вот эту разнузданную пропаганду мракобесия. Вы что, не слышали, кого воспевают эти подонки, а?

Толпа на мгновение застыла в замешательстве, а две или три женщины трусливо попятились назад.

— А вы, са-аветские люди, — укоризненно покачала она головой, — вместо того чтобы гнать их взащей, уши развесили. Я все видела. Этому несчастному надо еще медаль дать, что он занял место милиции. Где наше милосердие?

— Да заткнись ты, лохудра! — заорал какой-то мужик. — Ну-ка, скинь вон шубу, да подари ему из своего милосердия. Ну? Чего ж ты?

Толпа одобрительно загудела. На Руси не жалуют воров, но еще больше не любят лицемеров, особенно когда они богаты. Мадам стусевалась и быстро ретировалась в глубь зала, негодуяще бормоча что-то себе под нос.

— Не обращай внимания, парень, — подбодрил Сашу тот же мужчина. — Волоки эту мразь в милицию. Там разберутся. Кстати, вот и она сама.

К толпе с грозным видом подошел сержант милиции, но, увидев, из-за кого шум, остановился в нерешительности. Сей бомж был явно ему не нужен.

— Не надо, не надо милиции, — ухватила Сашу за руку Лида. И повернулась к сержанту: — Мы... мы сами разберемся.

Она только-только пришла в себя. И не столько от неудавшейся попытки воровства, сколько от выступления мадам. То же можно было сказать и об остальной ее группе.

Жалкий вид бродяжки уже заставил ее забыть то, что она могла остаться в этот мороз без дубленки. И что тогда ожидало бы ее дома? Перед ней был только несчастный, с трусливо бегающими глазками мужичошка.

— Вот и ладушки, — обрадовался милиционер. — А то с этим дерьмом уже надоело возиться. Значит, сами его и уведите отсюда.

И пошел себе дальше наблюдать за порядком.

— Гли-ко, — присвистнул кто-то. — Ее же обокрасть хотели, а она же его и жалкует. Во дура, дак дура. Сдай его, пока не поздно.

Глаза Гнома перестали блукать, и он с надеждой уставился на Лиду:

— Дочка, я только пощупать шубку хотел. Она такая красивая. Прямо, как и ты. Я и не удержался. Вот те крест! Слышишь?

Саша от неожиданности даже рот раскрыл. Этот паршивец, кроме вранья, еще и на комплименты горазд! Каково теперь девчужке? Он мельком взглянул на Лиду, но она, скорее всего, или не расслышала лести, или не захотела ее услышать. Вероятно, она уже решила для себя, что делать, и вместо ответа повернулась к своим ребятам за поддержкой. Он вдруг отчетливо понял, что она сделает сейчас великую глупость, и поэтому, легонько подтолкнув бомжа, тихо командовал ему:

— Дергай отсюда. Быстро! Ну, сделай вид, что тебя здесь нету.

Бомж оторопело смотрел на него и не двигался. Скорей всего, природное чутье, что ему не стоит торопиться, удерживало его. И не ошибся. Ребята завершили обсуждение, и Лида, повернувшись, объявила решение совета:

— Мы отведем его к нашему пресвитеру. Пойдешь с нами?

Гном с готовностью закивал головой. Его хитрые глазки заблестели неожиданным интересом.

— Ага, пойдет, — Саша развел руками и усмехнулся: — От вокзала с вами отойдет, а там вы только его и видели.

— А может, и не убежит, — пожала плечами Лида. — А убежит — значит, так угодно Богу. Ему виднее.

Саша ошеломленно смотрел на нее: понимает ли она сама, что говорит? Как это беспроблемно у них получается: и так хорошо, и этак неплохо! Он, конечно, никогда бы не поддержал мнения о мракобесах, только что высказанного расфуфыренной «лохудрой», но то, что спасти надо не Гнома, а самих этих ребят от их заблуждений, — знал наверняка. Он видел, как они в каком-то радостном возбуждении суетились вокруг этого бомжа, и его взяла досада. С чего радоваться-то, никак не мог он взять в толк. И в душе зарождалась обида: он, стало быть, чудом успел предотвратить кражу такой ценной вещи, а они на все это ноль внимания. Вон, как бросили дубленку на скамью, так она и лежит там. Да и самого Саши будто не существует. Зато этому хлюсту предлагают какое-то мифическое спасение! Ну, дела-а.

Между тем пассажиры один за другим стали отходить подальше от воришки, зажимая носы. Почуял зловоние и Саша, и тоже отшатнулся.

— Ну, и дух от тебя. Ни дать, ни взять, хорек вонючий. Тьфу! — сплюнула под ноги ближняя к нему женщина. Насчет прозвища она, сама того не зная, попала в точку. — Наскрозь проспиртовался, воришка несчастный.

— Ничего я не спиртовался, — плаксиво заверещал Хорьков. — Это этот бугай мне шейный чирь раздавил! Вам бы так... А мне теперь перевязать надоть.

— Ну, и куда ж вы его, такого вонючего? — сделал последнюю попытку Саша. — Слышишь, Лида, не связывайтесь

вы с ними. Здесь у них целая шайка: и Бяшка, и Борода, и Чучундра, и сам он Хорек — целый выводок звериный. Кого вы хотите перековать? Они ж вас в первом переулке ограбят, попомните мое слово.

И как непонимающе только что следил за ребятами сам Саша, точно так же растерянно смотрела на него теперь Лида.

— Ой, я ж тебя уже за здешнего приняла, Саша, — пролепетала она.

До нее только сейчас дошло, что он не может идти с ними.

— Ну, что ты наш и пойдешь с нами. А ты... можешь? — в грусти вопроса он услышал робкую надежду.

И у него отлегло от сердца: нет, они не забыли про него. Больше того — приняли за своего. Он покачал головой и улыбнулся:

— Хватит вам одного бродяги. Два — это слишком много, — и, чтобы не усложнять процедуру прощания, соврал: — Да и поезд у меня скоро.

— Тогда возьми вот это, — достала она из кармана дубленки аккуратно завернутую в лощеную бумагу книжку. — На память.

— Что это?

— Новый Завет. Там, на обложке, мой адрес. Может быть, напишешь мне, и мы встретимся еще раз.

— Лида, я не могу взять твой подарок.

— Почему? — вспыхнула она.

— Потому что у меня другой бог.

— Другого Бога нет, Саша. И ты это знаешь. Я видела, как ты слушал песни о Нем. Он стучит в твое сердце. Разве ты не слышишь?

— Я слышу только стук колес того вагона, в котором меня ограбили. И пока не найду того гада, вряд ли услышу что-нибудь другое. Вот когда найду, может, и подумаю о Боге.

— Возьми, Саша. Если будешь читать Библию, ты быстрее найдешь то, что ищешь, — она заглянула ему в глаза, и он сдался:

— А вдруг потеряю?

— Не-е, не теряй. Я... мы все будем молиться за тебя. Спасибо тебе за то, что ты сделал для меня. Я не знаю, что бы я сказала дома. Папа с таким трудом достал эту дубленку где-то в командировке.

— А зачем ты такую дорогую вещь надеваешь сюда?

— Чтобы папа не догадался, куда я иду. Он думает, раз я в дубленке, то иду в техникум на вечер. Сегодня Господь показал мне, что даже такая маленькая ложь может обернуться большой бедой. Ведь мне бы пришлось что-то еще придумывать, чтобы оправдаться.

В ее глазах было столько раскаяния, что Саша вновь едва сдержался, чтобы не обнять ее. И снова, как и в первый раз, она увидела это и, потупившись, стала быстро-быстро поправлять воротничок кофточки.

— Лидок, ты скоро? — поторопили ее подруги. Ребята уже зачехлили инструменты, и, пожав всем руки (кроме Гнома, разумеется), Саша остался один на один с людным вокзалом. Он еще раздумывал, правильно или нет он поступил, что отказался идти с Лидой, — ведь до утра-то так и так надо было где-то коротать время, — а судьба уже готовила ему новые встречи.

И вновь началось бесцельное блуждание по вокзалу. И томительное ожидание утра. Было только около девяти вечера, а впереди — целая ночь.

Несколько раз Саша попадался на глаза то одному, то другому милиционеру, и всякий раз он непроизвольно насто-
раживался. Но они равнодушно проходили мимо него. И только одно обстоятельство несомненно радовало его: исчезли, наконец, последние отголоски вчерашнего отравления. Только каждый раз при встречах с милиционерами появлялась и долго не унималась чуть заметная дрожь, но это он отнес на счет условного рефлекса. А раз так, то, значит, и чувство юмора было восстановлено.

Оставалось дожидаться утра и уехать отсюда. Только не домой: это он решил твердо. Перво-наперво нужно отыскать Гошу и приехать с ним в Нерюнгри. О, там-то все станет на свои места.

Почему-то казалось, что это самая легкая проблема. Он даже вычислил уже, когда этот поезд будет возвращаться из Москвы. И подождет он его не здесь, в Красноярске, а где-нибудь подальше. Это на тот случай, если Гоша примет меры предосторожности. Да, лишь бы Пахомов помог с билетом, а там видно будет.

— Садись, братишка, отдохни. Ты, наверное, на сто раз уж вокзал измерил.

Со скамьи Саше улыбался тот самый здоровенный мужик, что советовал даме пожертвовать шубу бомжу. Из-под распахнутого на груди полупальто виднелась тельняшка.

— Швартуйся. В ногах правды нет.

Саша улыбнулся в ответ и присел рядом.

— А где есть?

— Да, по-моему, везде, если хорошо поискать. Далеко путь держишь?

— Пока не знаю, — хмыкнул Саша. — Мне бы эту правду где-то найти.

— Э-э, брат, такую вещь нынче без бутылки не найдешь. Кто ж ее на трезвую голову ищет? А? Как ты на это смотришь? — моряк показал на свой вещмешок, где, по-видимому, находился его путеводитель.

— А никак. Мне сейчас без нее весело. Так весело, что хуже некуда.

— Что так?

Саша махнул рукой. Пустое, дескать.

— Может, я чем помогу? — озаботился новый знакомый. — Ты скажи.

— Да нет, все путем. Ты что, моряк? — кивнул Саша на тельняшку.

— Был. Два года уж на пенсии.

Саша изумленно воззрился на него. Да какой там пенсионер — мужик так и пышет здоровьем, и ни единой морщинки в лице.

— Что, не веришь? — довольно разулыбался моряк и четко отрапортовал: — Матвей Дмитрич Кодухов, капитан второго ранга. Да ты не думай, что я по старости. По выслуге лет я пенсионер. Да еще контузия была, вот и списали. А так-то бы еще — ого! Служил бы да служил. Ну, не судьба. И ничего ты тут не попищешь. Вот от сына возвращаюсь.

Ездил внука повидать. Ничего бутуз — нормальный ход. Сноха — гадюка. Не понравилась.

— Так вы уже дома теперь? — перешел Саша на «вы», уклоняясь от семейных разборок. — Имею в виду, прибыли на место?

— Почти. Утром на электричку сяду — и к себе. Вот тогда уже дома. А ты, как тебя? Саша? Ты разве не с теми ребятами, что пели тут?

— С какими? А, нет. Это же местные.

— А я сначала подумал, ты ихний как бы руководитель. Ну, вроде за ними приехал. Смотрю, налегке так парень, будто из машины только. Что ж тогда ввязался за них?

— А вы бы не ввязались? — кинул Саша на него быстрый взгляд.

— Не знаю. Не буду утверждать. Тут надо очутиться в твоей ситуации, чтобы ответить. Но одобряю однозначно. Потом смотрю, болтаешься, как неприкаянный, значит, думаю, неладно у тебя что-то. Неладно?

Саша опять махнул рукой. Но, взглянув еще раз на моряка, понял, что этот человек интересуется не из праздного любопытства. Такие люди всегда готовы принять посильное участие в твоей судьбе. И, поскольку знакомство их состоялось, он, не вдаваясь в подробности, рассказал, что, мол, в поезде выпил, вот и очутился здесь без документов и чемодана.

— М-да-а, — задумался моряк, — положение — не позавидуешь. Ну что ж, действительно, тебе остается только ждать. Вдруг, да и поможет тебе этот лейтенант. Хотя правду скажу: ох, и не люблю я эту братию.

— Да я бы ничего уже от них не хотел, Матвей Дмитрич. Только бы он мне билет сделал. Или справку какую-то, как обещал.

— Ну, сделает не сделает, а самому тоже мозгами шевелить надо, — как-то непонятно выразился Матвей: то ли ему надо это делать, то ли Саше. — Пока предлагаю тебе поехать со мной в мою деревню. Я — один, сколько надо, столько и проживешь, пока поиски начнешь. Так-то оно надежнее. Осмотришься, в себя придешь. Как?

— Спасибо вам. Но я почему-то уверен, что завтра все уладится.

— Ну, как хочешь. А на всякий случай я тебе вот сумку хоть дам, — достал он из мешка спортивную сумку. — Она тебе вальяжности прибавит. А то ты как студент прохладной жизни тут фланируешь: в пальто, сапогах и... в спортивном трико. У старых людей подозрение вызывает: как бы, мол, чего не спер.

— Это уж точно. Да и не только у старых, — согласился Саша, и оба рассмеялись.

— Тут вот еще брюки у меня есть, Саня. Они еще, как новые. Поверх трико-то как раз пойдут тебе, пока не отморозил ничего.

— Да я же утону в них, Матвей Дмитрич.

— Не утонешь, они малы мне. Я их только с сапогами да пимами пару раз и надевал. Бери, бери. Можешь прямо сейчас примерить. Ну-ка, с сумкой-то покажись. Во, совсем другой коленик. Ты куда?

— Брюки пойду надену. В туалете вон или внизу в под-земке. Там сейчас ни души.

— Да надевал бы прямо здесь. Ну, ладно, иди. Я подожду.

Саша взял сумку и пошел вниз. Туалет был закрыт, и он спустился в подземку. Еще на лестнице он услышал за собой чьи-то шаги. А в пустынном переходе они стали еще отчетли-вее. Кто-то — и не один — шел за ним. Не доходя до первой

колонны, он оглянулся, неожиданно запнулся за собственную ногу и с размаху растянулся на бетонном полу. В эту же самую секунду над его головой просвистел какой-то предмет и, глухо звякнув о колонну, отскочил прямо к нему. Саша, чуть приподнявшись, схватил его с пола, но выпрямиться не успел и получил удар ногой по подбородку. Не столько от удара, сколько по собственной инерции он отлетел на несколько метров с зажатым в кулаке самым обыкновенным, увесистым подшипником. На ногах он устоял и сразу же разглядел нападавших. Двое, как он и полагал, были старые знакомые бомжи, третьего, долговязого, который ударил его, увидел впервые. Саша подбросил подшипник в руке, и этот третий приостановился в движении.

— На ловца и зверь бежит, — ослабилась он. — Мы тебя там искали, а ты сам сюды пришел. Вишь, как хорошо.

И вновь противная дрожь исподволь подкралась и обволокла все его тело, парализуя волю. Саша мотнул головой, словно отгоняя наваждение.

— Че вам надо? — сорвавшимся голосом выкрикнул он.

— Не ори, никто тебя не услышит. Будешь орать — хуже будет. Ну, где он там? — через плечо бросил бомжам долговязый.

— Иду, иду, — послышался хриловатый голос, и с бокового выхода вынырнул Чучундра.

— Оба-на, — отбил он руками чечетку по груди и бедрам и притопнул ногой: — Ты тут, гнилой мой фраер? Отойди, Дрозд, я сам с ним потолкую. Ну что, козлиная морда, я тебя разве не предупреждал по-людски?

Саша справился наконец с дрожью. Теперь внутри закипала ярость. Еще раз подбросив подшипник в правой руке, левую он, как бы прицеливаясь, вытянул в сторону бомжей.

— Эй, чуть тронетесь с места, и я одного из вас отправлю на тот свет, — крикнул он им. — А ты, давай, хады сюды, вождь краснокожих.

Мужики инстинктивно попятились, но долговязый остался на месте и достал нож. Замедлился на секунду и Чучундра, но только на секунду. Презрительно хмыкнув, он тоже раскрыл складной нож и процедил сквозь зубы:

— Отправишь, отправишь. Только прежде я тебя раком поставлю. Бросай свою игрушку, падла. Тогда не так сильно побьем. Так, для порядку, чтобы знал, куда можно соваться, а куда нет.

И, увидев, что Саша не собирается сдаваться, щелкнул пальцами и позвал, не оборачиваясь: — Дрозд, ты слышал, что петух пропел? Ну-ка, помоги.

С лестницы быстро сбегал мужик и как бы в нерешительности остановился, увидев происходящее. Саша узнал Матвея и закусил губу.

— Проходи, проходи, мужик, не задерживайся, — командовал ему Дрозд. И подпугнул, притопнув ногой: — Ну, лаптежник, геть!

— А че, я ниче, я щас, — пугливо озираясь, пошел мужик мимо него и, поравнявшись, оплел рукой его шею.

Дрозд захрипел и выронил «перо». Оба бомжа рванули со всех ног к лестнице, а Чучундра, услышав звон финки о бетон, невольно оглянулся. Этого было достаточно, чтобы Саша одним ударом сшиб его и, заломив руки, сел сверху. Взвыв от боли, «вождь» заелозил мордой по бетонному полу.

— Тебе помочь, Саня? — подбежал Матвей.

— Не-а, не надо. Думаю, хватит с него.

— Претензий нет? — склонился над Чучундрой моряк и поднял его голову за волосы.

— К вам нет, — ответил за него Саша. — Он на меня обиделся.

— А что так? — Матвей подобрал валявшийся нож и при-
свистнул. — Ого! Серьезный мужик. Тот вон помельче.
Может, в милицию их сдадим?

— Не стоит. Он с ними уже скорешился¹⁸. А мне от них
одни заботы.

— Ну и то ладно. Пойдем, Саня. Ты так и не успел пере-
одеться? А ты полежи, поразмышляй над смыслом жизни, —
ткнул он носом в бетон Чучундру. — Глядишь, и поумнеешь
когда.

Они осторожно обошли сидевшего у колонны долговязо-
го. Тот обеими руками судорожно массировал шею и горло.

— Ниче, ниче, до следующей отсидки заживет, — успоко-
ил его Матвей.

Уже на верху лестницы до них донесся гнусавый вопль
Чучундры:

— Я с тобой еще встречусь, падла. Шарик круглый, сой-
дутся еще пути-дорожки наши. Тесно нам теперь.

— Пошел ты, — махнул рукой Саша и вдруг, пораженный
неожиданной мыслью, остановился.

Только что эти же самые слова он говорил лейтенанту
Пахомову. И ужасная та мысль просверлила мозг: «Не мо-
жет быть! Я и этот Чучундра — одного поля ягоды? Куда же
меня несет?»

— Ты чего, Саша? — озаботился его видом Матвей. —
Шибко досталось?

— Есть маленько. Как вы догадались, что они там?

— Да увидел, как бомжи за тобой увязались. А других-то
двух сам не ждал, что там будут. Потому и не так скоро при-
бежал.

— Спасибо вам. Тяжко бы мне пришлось без вас.

— Да какое там!

— Не скажите. Тот долговязый хорошо успел мне сапогом поддать.

Саша потрогал подбородок и, заметив удивленный взгляд Матвея, показал подшипник:

— Один из бомжей мне его сзади в голову запустил. Получается, если бы я не упал, они б мне черепушку раскроили... М-да-а, я, конечно, не думал, что за всю жизнь меня ни разу не побьют, но что так часто меня станут пинать кому не лень... Как-то даже не бодрит. Не привыкнуть бы.

— Да какие твои годы, — рассмеялся моряк, — еще привыкнешь.

Они снова прошли в зал.

— Может, все-таки поедешь со мной? — снова спросил Матвей.

Саша не успел ответить, так как перед ним неожиданно вырос сержант Анюткин.

— Вот ты где. А я тебя ищу, — довольно громко сказал он, оглянулся и понизил голос: — Давай, паря, мотай отсюда как можно быстро. Там на тебя телега из Новосибирска пришла. Вроде узбека какого-то ты на бабки кинул. Так вот Кокорев говорит, мол, пока сосунка-лейтенанта нет, надо тебя в крытку¹⁹ упрятать. А там, сам знаешь, без церемониев. Смотри: я сказал, а твое дело решать. Не смоешься через пять минут, потом всю жизнь жалеть будешь. И помни мою доброту!

Он крутнулся и исчез.

— Похоже, правду говорит, — засуетился Матвей. — Не дожидаться тебе от лейтенанта ни билета, ни справки. Рви, Саша, отсюда. Если эта братия успеет засадить тебя за решетку, будет очень трудно доказать, что ты не верблюд. Что надумал?

— Не знаю, — обреченно прошептал Саша. — Но что и он, и вы правы, нет сомнения. Тикать надо.

— Пойдем на перрон. Только что какой-то пассажирский объявляли. Хорошо, если до Тайшета. А в общем-то, разницы нет: лишь бы отсюда убраться. Держи, Саша, потом считаешься, — сунул Матвей смятые трешки. — Тебе этого хватит до дому добраться. Оттуда уже действуй. Дома, братишка, и стены помогают, слышал? А один — ты и есть один. Бери, бери. В твоём положении стесняться не приходится. Не бог весть какие деньги, но больше у меня нет. Может, когда еще встретимся.

Он вдруг присвистнул.

— Побежали, Саша. Кажись, те два красавца в погонах тебя высматривают. Хоронись за меня.

Через пару минут, сунув проводнику трешку, Матвей буквально подбросил Сашу в вагон, и поезд тронулся. Он выглянул поверх головы стоявшего на подножке проводника и махнул рукой.

— Саша, — донеслось до него. — Только домой сначала...

«Домой... Не будет больше дома. Не успокоится сердце, пока не прибью ту рыжую тварь». Все тело Александра сжалось тугой пружиной, он сцепил зубы, и из груди произвольно вырвалось звериное мычание. Проводник, опуская крышку подножки, мельком взглянул на него:

— Тебе докуда, парень?

— А поезд докуда?

— До Северобайкальска. За трешку не доедешь.

— Я в Тайшете сойду.

— Да уж сойди, не забудь. Если раньше не сойдят. Если че, я тебя не видел, понял?

— Понял. Не беспокойся.

Дежурный милиционер появился в дверях казармы приемника-распределителя и двинулся по проходу, разглядывая в полумраке застывшие в ожидании лица его обитателей. Наконец остановился около скукурзинившегося²⁰ на койке Александра, склонился к нему и скомандовал:

— Говоров, на выход! — Чуть обождав, поторопил: — Да ты, ты. Что, уже и фамилию свою забыл? — И миролюбиво: — Да пошевеливайся, чудо гороховое, приехали за тобой. Свобода мужику, а он лежит, как в штаны наложил.

— Как? Кто приехал? — Саша так и подскочил на койке. Назавтра должен был уже состояться плановый суд-распределение, результат которого был вполне предсказуем, и он мысленно приготовил себя уже к двум годам ЛТП. После двух недель пребывания в затхлых, пропитавшихся перегаром стенах «распределителя» лечебно-трудовой профилакторий уже казался ему желанным исцелением.

— Пошли, там увидишь.

— Саша, если что, а? — просительно, но без всякой надежды проронил сидевший рядом на кровати арестант.

Саша кивнул, взмахом руки попрощался с остальными обитателями и шагнул вслед за милиционером на вторую половину барака, где размещалась администрация в образе тупой и свирепой бабы, по какой-то немислимой насмешке над здравым смыслом являвшейся капитаном милиции, и врач-

нарколог приемника. Там, уже за этой стеной, с другого входа барака, разместился наркологический диспансер, еще одна мечта бродяг, готовящихся к суду. Ведь если оставят в этом диспансере, то срок не больше шести месяцев. Да и, кроме лечения, на работу водят. Говорят, даже деньги платят, и к концу лечения можно что-то скопить для новой жизни.

Саша шагал за дежурным, а мысли, обгоняя одна другую, нагромодили уже полный сумбур в его и так-то уже ничего не соображавшей голове: «Кто может за мной приехать? Не больной же отец или мать, которая за всю жизнь дальше села выезжала раза два. Сестры? Но они за тридевять земель отсюда. Кто тогда? Впрочем, не все ли равно. То, что кто-то приехал, не факт, что не будут судить. Отпустят или нет — вот в чем вопрос? Все зависит от того, с какой ноги встал сегодня этот фельдфебель в юбке».

Такое рассуждение не совсем соответствовало истине. Все клиенты «приемника» знали, что настроение «шефини» зависит не столько от исходного поутру положения ее «огромной» лапищи, сколько от суммы подношения на ту лапу — то бишь выкупа, каковой ей, хоть и не всегда, но предлагали родственники бродяг. Это не означает, что в приемнике все поголовно были бомжами. Отнюдь. Саша познакомился здесь с двумя вполне приличными, но запойными поэтами, у одного из которых уже был издан сборник стихов, да и сам он работал в редакции районки. Другой — просто любитель, но и его стихи уже публиковались в некоторых газетах. И жили они здесь: Иосиф в Тайшете, другой, Коля, поблизости в селе. И оба со страхом ожидали своей участи, потому как мадам не скрывала своего презрительного отношения к «злым пропойцам». Напротив, подчеркивала это при каждой встрече-беседе-допросе. Ей доставляло прямо-таки видимое физическое наслаждение учить их уму-разуму, а

попросту говоря, унижать. И если у Николая еще была какая-то надежда на друзей, потому что был он холостой, то у Иосифа — никакой. Его посадили по заявлению собственной жены после того, как он пропил весомый аванс за свою еще не вышедшую вторую книжку. Чтобы не подвергать той же участи остальную, основную, часть гонорара, жена и спрятала муженька подальше от греха.

— Все хорошие поэты по тюрьмам сидели, — невозмутимо напутствовала она его при свидании. — Вот и ты: пострадаешь малость, пострадаешь, зато за эти два года такое выдашь — все обзавидуются. А главное — не пропьешь, потому что под надзором будешь. Только ты пиши, Еська, не ленись. Дочке скоро в школу — не забыл?

И как ни умолял ее из-за решетчатого окна барака Иосиф, какие обещания ни давал — ни-ка-кого прогресса! От отчаяния перешел мужик к угрозам, что, дескать, вообще писать не буду, запоешь тогда. Но суженая только глубоко вздохнула и словно точку поставила:

— Будешь, Еся. Это тебе только так кажется, что не будешь. Будешь! Сам же мне про Бродского рассказывал. Ты хоть и не Бродский, но тоже Иосиф, и тоже поэт. Видишь, посидел мужик, посидел, теперь в Америке чимчикует²¹. Премии всякие Нобелевские пропивает. Так то ж в Америке! Там и я тебе ничего не скажу.

Вот так вот логично и последовательно. А кроме нее, кто же горемычного выкупит? Пришел однажды какой-то его друг, который сильно помогал ему пропивать тот злополучный аванс. И так этот друг обличьем своим с обитателями приемника схожий, что это даже удивительно, как «шефиня», завидев такого гостя, тут же не укатала его по другую сторону решетчатого окна. Ну, Еська ему: мол, сгношите с друзьями на взятку «фельдфебелю» — у меня, мол, следующая

книжка уже на подходе. Выйду, сразу возьму аванс и рассчитаюсь сторицей.

— А сколько надо? — на всякий случай спросил друг, хоть и видно было, что даже сам ни на что не надеется.

Тем не менее ухватился Еська за забрезжившую надежду. Как тот утопающий за соломинку.

— Да она за четвертак любого выпустит. Сходи к Марковичу, к редактору, обскажи, пусть займет тебе.

— Так у нас гонорар же теперь только десятого будущего месяца, — опечалился друг. — А занять — ты что: кто ж мне займет. Сам знаешь! — но пообещал для видимости: — Попробую. Попытка — не пытка.

И ушел, весь скукожившись от мысли, что наврал: не пойдет он просить, бесполезно это. Но Иосиф захорохорился, забегал по проходу.

— Найдет! — убеждал он Сашу с Колей. — Вот увидите. Только к Вадику ходит, тот разом ему выложит. А че: он знает, что только у него буду публиковаться. Что ему, плохо, что ли? Если успею, я и вас обоих от этой образины вызволю.

— За четвертак, что ли? — засмеялся Саша.

— А ты думал! — вскинулся Иосиф. — Да она за четвертак... — и такое выдал в стихотворной форме, что у Саши уши завяли. Коля же, напротив, восхищенно зацокал языком:

— Слушай, Еська, да ты истинный поэт! Такой экспромт. Ни дать, ни взять — Пушкин. Только не тешь себя попусту. Не придет твой кореш.

— А вот посмотрим, — без всякой уверенности сказал Еська и замолк.

Четвертака действительно хватило. Только не за Иосифа. Приехала из района пара мужиков, двое крепких на вид ребята, и Колю только и видели. Забежал он, правда, за

курткой, так только и брякнул, что, мол, за четвертак. Ну, так то ж из района: там все друг дружку знают. Это вам не город, где сосед соседа годами не встретит. И от радости даже рукой забыл в окно помахать на прощание. Из района, словом, мужик. Хоть и поэт. Тогда совсем загрустил Иосиф: была у него надежда на Колю, была, чего уж там говорить. Для того и заверял, что если его самого выпустят, то он для них постарается. Но не оценил Коля подвижничества собрата по перу. Ну, а на Сашу какая может быть надежда, если совсем не местный, да и безденежный. И все же попросил напоследок: «Саша, если что, а?»

В кабинете сидела и что-то записывала «шефиня».

— Пришел, путешественник? — не подымая глаз, бросила она и указала авторучкой на лавку: — Сядь вон там пока.

И отпустила конвоира:

— А ты иди, Сережа. Его заберут сейчас.

— Как заберут? — упавшим голосом выдохнул Саша.

Все треволения разом охватили его, и ноги сделались ватными. «Всплыл все же Красноярск... А я губу раскатал: кто приехал, кто приехал?»

— А ты как хотел? — оторвалась от стола мадам и откинулась на спинку кресла.

Падающий наискосок от окна свет затенял верхнюю часть лица, и оттого подбородок и скулы ее казались еще массивнее. Саше еще при первой встрече она напомнила известный вариант портрета Собакевича. «Ей бы еще бакенбарды», — подумал он тогда.

— Ну, что молчишь? Язык проглотил? Как, говорю, хотел: сразу или постепенно? Да ладно, не с... тут и так скользко, — она громко расхохоталась своей шутке. — А ты, я вижу, не из храбрых. Наверняка, где-нибудь наследил, вот и трясешься, — она сняла трубку телефона. — Мария, гость

еще у вас? Пусть заходит. Да нет, тебе необязательно. Все путем.

И без того ватные ноги Александра теперь приросли к полу, едва он увидел вошедшего парня. Никогда в жизни он не мог бы предположить, что увидит здесь Валеру. Да, того самого однокурсника Валеру, дружба с которым постепенно сходила на нет, а потом и вовсе прервалась. Это был единственный человек в институте, перед которым он чувствовал себя виноватым. И которого меньше всего хотел бы видеть. Вернее, чтобы тот видел его. А если и хотел, то не в таком унижительном положении, а как всегда ему представлялось в его назойливых видениях: в безукоризненном костюме, галстуке и обязательно в новенькой машине.

Наяву же он являл собой жалкое зрелище: обросший, худалый, с нездоровым румянцем на щеках и лихорадочным блеском в глазах. А главное... в обремкавшейся²² напроочь одежде: оборванец оборванцем. Он инстинктивно поджал рваные, «просившие каши» ботинки под лавку и не поспешил навстречу Валерии. Благо тот и сам это почувствовал и выразился без всяких эмоций, односложно:

— Здравствуй, Саша, — и сразу же к «шефине»: — Мы можем идти? Я там все заполнил, как вы говорили.

— Да, можете. Только не потеряй его по дороге. А то у них есть такая привычка — теряться. В следующий раз уже просто так не отделаешься, путешественник. Загремишь на всю катушку, поняла? Идите.

— Счастливо тебе, Саня, — послышался голос Иосифа, когда они проходили мимо приемника. Саша остановился и помахал ему рукой.

— Друг? — спросил Валера, спросил только для того, чтобы не молчать. — Или просто так, знакомый?

— Товарищ по несчастью, — после некоторого раздумья сказал Саша. И зачем-то уточнил: — Он поэт. Хороший поэт.

— Сейчас много хороших людей, не только поэтов, или сидят вот так же, или работают в кочегарках да дворницких, — так же задумчиво сказал Валера. — В том смысле, что там им пить никто не мешает. Где они свободно могут излагать свои мысли.

Саша изумленно уставился на бывшего друга. Откуда примерному студенту из добропорядочной семьи это известно? Откуда ему знать, какие мысли излагают люди, добровольно пошедшие в сторожа, в слесари и заточившие себя в кочегарки? Откуда ему известно то, о чем можно узнать, только самому столкнувшись с этим, что Саше и довелось испытать на своей собственной шкуре?

Ведь именно таким и было его последнее прибежище — кочегарка недалеко от вокзала. Где кочегаром числился бывший преподаватель иркутского вуза, бывший ученый, а теперь ответственный работник котельной, алкоголик Густав с мудреным прозвищем Доцент. Именно что числился, потому что работал за него теперь Саша, за что и мог ночевать в тепличных условиях. И слушать нескончаемые монологи ученого мужа, и спорить с ним по любому поводу и без. А все почему? Да потому, что обстановка располагала к дискуссии: тепло, светло и мухи не кусают, как любил повторять Густав, под мухами подразумевая всякого рода цензуру.

— Только здесь я могу выразить все, о чем думаю, только здесь можно открыть неожиданный смысл бытия, — пафосно оправдывал он свое пребывание на посту кочегара и тут же ерничал: — Например, вчера, стирая свою рубашку, я вдруг понял, что стираю грани между физическим и умственным трудом. Эврика? Несомненно! И не только это!

Подтвердился и закон сохранения энергии: несколько ослабев в результате стирки физически, я окреп производительностью ума. Где еще в нашем тухлом обществе есть такие возможности для столь смелого научного анализа? Нигде. А так как здесь я сам себе хозяин, — добавил он с гордостью, — то даже всю проявляю социальную заботу о работнике по найму. В данном конкретном случае о тебе, Саша. Все это и есть то, что мы называем «ростки коммунизма». Свое служебное положение я использую во благо, как-то: даю другому человеку возможность полноценного культурного отдыха.

Использовал Густав, надо сказать, не только служебное положение, но еще и отдельную служебную комнатку, выделенную ему управдомом в двухэтажном доме недалеко от кочегарки. А работником для домоуправления он был действительно ценным: совмещал профессию кочегара с обязанностями дворника, и нареканий на этот счет не имел. То есть с работой справлялся. Чьими силами — другой вопрос, но знать это начальству было неинтересно. Главное, от жильцов на него ни одной жалобы. А уж каких только вольнодумцев не видели стены этой насквозь прокуренной каморки! Сколько критики прозвучало тут в адрес власти, не одно научное копье было сломано в жарких диспутах непризнанных гениев. В общем, собиралась у него, по определению местных властей, «вшивая интеллигенция». Бывал тут и Саша, но все же больше времени он проводил с Густавом в котельной.

И, надо сказать, не один бомж завидовал Саше из-за этой возможности. Ночевать в колодцах на трубах отопления в условиях Сибири — удовольствие не из приятных. Кочегарки — не всем доступная роскошь! От этой-то кочегарки и отправлялся он на поиски проводника Гоши, своего злейшего обидчика. Это когда разрыв между сменами у

Доцента составлял двое суток. Между Сашей и его сменщиком были не такие доверительные отношения. Не был тот ни ученым, ни даже грамотным и уголь в топку любил подкидывать самостоятельно. Но выпить тоже был не дурак, посему-поэтому Сашу с бутылкой тоже принимал охотно. Но с ним было скучно, и Саша, подгадав поезд «Нерюнгри — Москва», отправлялся в ту или другую сторону от Тайшета: либо до Решот, либо до Новочунки. Уже после первой такой поездки ему пришла в голову мысль, что эта его затея обречена, но он упрямо, с упорством, достойным идиота, продолжал поиски в течение почти двух месяцев. И именно тогда, когда решил оставить эту затею, его и сцапали на возврате в Тайшет. Видимо, успел примелькаться проводникам или какой другой железнодорожной службе. Но странное дело: от ареста своего испытал облегчение. Ведь если по первости, шныряя по вагонам, распалял свое воображение предстоящей мстью и жил надеждой встретить Гошку, то под этот вот конец вдруг обнаружил, что боится этой встречи. Что не нужна она ему.

Так что же произошло? Он, конечно же, догадывался, но признаться самому себе боялся. Просто выдохся, силы воли лишился. Алкоголь убил даже жажду мести, и на первом плане была теперь другая забота. Удачно подработать с такими же бомжами на разгрузке вагонов в тупике, чтобы потом дня два-три пить с Доцентом. И вот финал. Прямо на вокзале: кто таков? Документы? Нету документов. А и не надо. С обличьем-то полная ясность — бродяга. Уволокли в катажку, там нашли студенческий билет, но домашнего адреса Саша так и не сказал. Скорее готов был пойти по статье за бродяжничество, чем дать родителям узнать о своем полном фиаско. Мысль, что кому-то в институте будет до него дело, даже не возникала в его голове.

— Почему ты приехал сюда, Валера? — задал он наконец вопрос, который не мог не задать. — Вообще, как узнал обо мне?

— В институт пришла сначала бумага из Красноярского вытрезвителя, — сказал Валерий. — Мне ее в секретариате отдали, чтобы по линии комсомола разобраться. Все же ты еще числился студентом. Ну, сам понимаешь, что после этого собрания было. Решили-постановили... Да? А вот потом оттуда же кое-что поинтереснее пришло...

— Знаю, — глухо перебил Саша. — Что я обворовал человека?

— Знаешь, разве? — Валера остановился и достал из кармана пиджака конверт, — тут письмо тамошнего лейтенанта милиции. Из него явствует, что ты этого не делал. Вот нам и непонятно, чего ты в бега ударился. Хочешь, почитай, — протянул он конверт.

— Пахомов? — дрожащим голосом выдохнул Саша. Взял конверт и сунул его в карман.

— Кажется, так. Да ты читай, читай. Торопиться некуда. До поезда еще три часа.

— Какого поезда?

— До Иркутска. Там пересядем на Читу. Поживешь немного у меня, пока с мыслями да с документами все уладим. Ну, и видок твой подправим, перед тем как матери с отцом показаться.

— Они что — все знают? — обреченно прошептал Саша и присел на бордюр. Валера приземлился рядом:

— А ты хотел, чтобы они думали, что ты погиб? Как Овод у Войнич? Ты что, Саша! Они там извелись все, а он в без вести пропавшего играет! Мать, может быть, последние деньги тебе тут собрала. На, держи, — он сунул в руки Александра кошелек. — Что, не знаешь, как они с отцом тебя ждут?

— Я им сказал, что не приеду, пока не закончу институт.

— Ну, будем надеяться, что горьковские университеты на этом для тебя закончились, — невесело пошутил Валера. — Пришла пора писать мемуары. Где тут найдем что-нибудь перекусить? Да и поедем. Вставай!

— Валера!

— Ну?

— Я никуда не поеду. Я дал себе зарок сначала найти того хлыща, что обобрал меня. Потом я должен заработать денег, чтобы приехать домой достойно: на свои, а не на деньги родителей. Прошу тебя, объясни им...

— Ты в своем уме? — Валерий внимательно посмотрел на друга и увидел в его глазах полное безразличие к своим словам. И понял, что никуда тот не поедет. Поколебавшись какое-то мгновение, он все же решил сказать то, чего явно не собирался говорить:

— А Катя? Ей ты что обещал?

— Не помню. По-моему, у нас до такого разговора не дошло.

— Я мог бы напомнить, Саша, но не буду этого делать. Скажу только, что она очень ждет тебя.

— Я никуда не поеду, Валера. Повторяю: пока не найду и не рассчитаюсь с теми жлобами, не будет мне покоя.

— Дело твое, я не настаиваю. Кто я тебе — учить да настаивать. Но если бы ты видел, как Катя просила меня не приезжать без тебя, может быть, ты и поменял бы свое решение.

— Нет, Валера, не поменял бы.

— Даже если бы узнал, что она ждет от тебя ребенка?

— Даже если бы уз... — автоматически прокопировал Саша и смолк на полуслове. — Ш-ш-што ты сказал?

— Что слышал. У вас будет ребенок. Так она просила передать тебе.

Алкоголь толкает даже хорошего, честного человека на подлые действия, подсовывая готовое к случаю вполне приличное оправдание, что, мол, в данной ситуации у него не было выбора. Что уж говорить о человеке, поработанном алкоголем, чья воля разрушена? «Кто кем побежден, тот тому и раб!»* Та буря чувств, что взбушевала в душе Александра, четко отразилась на его исхудалом лице, покрывшемся бледными пятнами. И екнуло-застучало сердце робкой, светлой радостью. Всколыхнулась память забытыми стихами: «Счастье жизни в искрах алых, просветленьях мимолетных. В грезах ярких, но... — в глубине его глаз блеснул живительный огонек, но тут же сам собой и потух. От страха, что может разгореться, потух. — Но бесплотных...»**

И сник бывший студент, и сменилась радость раздражением. «Зачем она это? Какой из меня отец? Мы же... Она же еще совсем юная. А институт? Он пусть уже не для меня, но для нее-то...» Но разве этим убедишь Валеру? Найдется тысяча правильных доводов, что это и есть счастье. И Саша прекрасно это сам знает. Да, счастье... Но только до тех пор, пока это происходит не с тобой. И тут же гаденькая-прегаденькая мыслишка откуда-то из подворотни души на ум торкнулась. Несмело так примерилась: не прогонит ли... Не прогнал. Это ведь хоть и пошлый, но выход. Только для того, чтобы Валера оставил его в покое. Нет, конечно, Саша так не думает, но иного выхода нет в наличии, чтобы отвязаться от друга. А мыслишка осмелела, что ко двору пришлась, так и рвется наружу, на язык просится. И уже не слышит Саша голоса разума: «Не озвучивай такие слова — век потом за них каяться будешь».

---

* Библия. Второе послание Петра (2:19).

** И. Северянин. «Стансы».

Не послушался, озвучил. Сначала глухо, неразборчиво, а когда Валера переспросил, уже отчетливо. В глаза только другу не глядя.

— Откуда, говорю, ей известно, что это именно мой ребенок?

И глаза поднял, ожидая увидеть презрение во взгляде друга, но увидел лишь недоумение и жалость. Жалость такую явную, что впору бы тут же раскаяться. Но реакция была совсем другой: в душе уже нарастала досада на друга за свое унижительное положение. Спасибо, конечно, ему, что вызволил из каталажки, но дальше он сам как-нибудь разберется.

А Валера уже оправился от недоумения:

— За что ж ты так на весь мир-то обозлился, Саша? А если даже есть за что, причем здесь Катя? Как ты можешь говорить так о ней? Поедем, там во всем разберешься.

«Поезжай. Еще не поздно согласиться и все исправить», — стучится, слабо вопиет один голос, но тут же его с презрением заглушает другой, сильный и значительный: «Это чтобы на тебя, как на сосунка неразумного, пальцем показывали? Вот, мол, гордец паршивый, доказать хотел, что умнее всех. Да в самом дерьме и оказался. Да ни за что! Мужик ты или рохля, чтобы зависеть от обстоятельств?» А то невдомек, что давно уже под каблуком у этих самых обстоятельств. И совсем раздраженно бросил:

— Меня три месяца уже около нее не было, мало ли что...

— Понял, — вздохнул Валера. — И оставляю тебя с легкой душой. Я ведь ехал за другом своим, а приехал за подлецом. Быстро ты скурвился, однако. А ведь я этой вашей надзирательнице не поверил, что ты алкоголик. И, помо-ему, даже убедил ее в обратном. А оказывается, даже она, такое безмозглое существо, понимает в людях больше, чем

я. Ты больше, чем подлец, Саша. И это даже хорошо, что ты сразу отказался от Кати и ребенка. Хуже было бы, если бы ты ее потом бросил. Прощай.

— Валера, — заторопился Саша и засеменял чуть позади него. — Меня растоптали. Мне никто не подал руку помощи. Сначала в институте, потом в милиции. Хотя я ни в чем не был виноват. Я должен разобраться. Я разберусь. Прошу тебя, не говори пока ей ничего обо мне.

— Не скажу, — обернулся Валера. — Придет время, сам скажешь и прощения просить у нее будешь. Только будет слишком поздно. И вообще, лучше будет, если ты никогда больше не появишься в ее жизни, — он гневно сверкнул глазами. — Родителям что, тоже ни слова?

Саша остановился. Саша отстал. Потом сел на бордюр, понуро свесив голову на грудь, и зачем-то достал из конверта письмо лейтенанта Пахомова. Видимо, подспудно ища ободрения и поддержки. Но вдруг понял, что не может разобрать букв. Они не плясали, что можно было бы объяснить переживанием, а просто сливались перед глазами. Саша оторвался от письма и посмотрел вдаль: все нормально. Снова взглянул на письмо: глаза застило легкой паутинкой. Что такое, никогда в жизни не жаловался на глаза. Заныло и беспокойно сдавило сердце: как же никогда? А после отравления? И тот знакомый липкий страх пополз мурашками по всему телу. И спасение от него есть только одно: быстрее в магазин. Саша с благодарностью пересчитал деньги: почти сто рублей! Целое состояние. Но чего-то все-таки не хватает. Чего? Тут в голове что-то щелкнуло, перед глазами появился Иосиф и его беспомощное: «Саша, если че, а?» Он вскочил на ноги, отделил от суммы двадцать пять рублей, зажал их в кулак и, более не раздумывая, направился... обратно в распределитель.

Короткие переговоры с конвоиром закончились тем, что через полчаса, во время вывода в туалет, Иосиф смог «сбежать». А еще через полчаса они уже сидели в котельной с Доцентом и под бульканье вермута обсуждали дальнейший план действий. Сержант предупредил, что, если беглец попадетя в ближайшую неделю, его тут же осудят. Поэтому порекомендовал хотя бы на месяц удрать из города. Подальше от соблазна. Ну, а уж потом, может быть, и договорится со своей суженой. Все зависит только от нее, и ни от кого больше.

— Хотя, — подмигнул сержант на прощание, — ты уже пару недель не пьешь, так мог бы, наверное, и сразу уговорить ее. Подкатись под бочок — и все дела! Но будь осторожен. Второй раз я тебе не помощник.

Эх, лучше бы он не намекал на возросшие мужские способности Еськи. Изрядно подвыпив и в сотый раз поклявшись друг другу в любви до гроба, друзья обнаружили, что запасы вермута истощились. Доцент уже давно своим храпом на топчане усиливал гудение топок, поэтому Саше оставить место работы нельзя было. Не только потому, что кто-то мог проверить работу истопника, а больше по причине возможности проникновения в кочегарку нежелательных элементов, сильно желающих погреться в оной. Бомжей то бишь.

Оттого-то входные двери и были изнутри всегда закрыты на засов, и если уж приходил нужный гость, то выводил по

двери условный стук, потом подходил к подвальному окну для удостоверения личности. И только после того, как Саша или Доцент убеждались, что это действительно «свой», гостя выпускали во внутренние покои. Но такой чести удостоивались немногие: ну, например, предводитель бомжей Митя Коршун да еще двое-трое привилегированных из его командного окружения.

В общем, Еська вызвался сбежать к сторожу. А че, где наша не пропадала, время ночное, кто его увидит-узнает? Дело привычное, да и знакомое настолько, насколько всем сторожам Тайшета знаком и сам подающий надежды поэт Иосиф К. Повторил поэт на память условный стук и, зажав в кулак пятерку, отбыл на поиски трех бутылок вермута без сдачи. Это их цена с учетом временного коэффициента. О чем не преминул высказаться Александр, адресуя свое сетование в сторону спящего Доцента.

— У-у, лежебока. Днем бы на четыре хватило, да еще на пару сырков плавленых. Говорил же, что сразу надо было больше брать, так нет: хватит, хватит! — передразнил он лежебоку. — Вот и хватило.

Ушел Иосиф в эту мартовскую ночь в первом часу и не появился до самого утреннего часа, заставив переволноваться как Александра, так и успевшего проспаться Доцента.

— Ну, ты и нашел кого послать! — сразу же догадался он, едва Саша посетовал ему на долгое отсутствие Иосифа. — Слинял твой поэт. Не иначе, пузырек оприходовал и свалился где-нибудь. Ищи-свищи теперь. Лапоть ты, Саша, из города Читы. Сколько ни учу, а положительных сдвигов в твоём разуме не могу обнаружить. Три пузыря — подумать только! Не-е, много ты горя хлебнешь, если вовремя не умрешь, — вздохнул он опечаленно. — Ладно, слезами горю не поможешь. Давай, я сбегаю, если что у тебя осталось.

— А может, случилось с ним что? — Саша покорно протянул ему очередную пятерку. — Не мог он так вот обмануть.

Густав посмотрел на часы. Было полседьмого, полтора часа до открытия магазина. Немного поколебавшись, он решил в пользу госторговли. Как уже было сказано, это выгоднее в количестве.

— Подождем до восьми. Что ты там про обман-то?

— Не мог, говорю, Еська обмануть.

— Вот в том-то твоя и беда, Сашок, что тебе хочется так думать. Ты его знаешь без году неделя, а уже готов поручиться. А людям верить нельзя. Никому нельзя.

— Даже вам? — улыбнулся Саша.

— Мне в первую очередь. Потому что я каждый раз борюсь с искусом опорожнить бутылочку уже по дороге. И чувствует ретивое, что когда-нибудь поддамся соблазну. Саша, это же все от дьявола. Вот он-то реален. И мы с тобой это прекрасно понимаем. Почему же тогда пьем? Ну-ка, твой ответ.

— Чтобы легче на душе стало. Веселее. Забыться хоть немного.

— Вот! И знаем, что это обман, а все равно тянет. Это у верующих и называется дьявол. Им оттого и легче на свете живется, что они мир на две части поделили: вот тут — сатана, а тут — Бог. Они с Богом, и им хорошо.

— Почему же тогда вы не с Богом? И вам было бы хорошо.

— Я, знаешь ли, слишком много вижу противовесов их учению. Если даже предположить, что Бог есть, то какая-то у Него, у Бога то есть, избирательная тактика получается. Вот они говорят: мне Бог открылся. Да? И в то же время утверждают, что Бога никто не может видеть. Нонсенс? Конечно. И потом: если Он открылся тебе, то почему бы не проделать то же самое со мной, с другим, третьим? Чтобы я, другой, третий не мучились, а? То-то и оно. Не открыва-а-ется.

В общем, я давно уже пришел к выводу, что это человеку для самоуспокоения надо. Недаром говорят: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете»*. Человеку хочется, чтобы так было, понимаешь? Вот он и рисует себе обман.

— А дьявол? Вы только что сказали, что дьявол реален...

— А-а, это совсем другой коленкор. Этот прощельяга реальнее всех реальностей, Саша. Вот, когда допьешься до белой горячки, увидишь, насколько он реален. Не дай Бог, конечно. Но твой новый друг, по-моему, это уже испытал. Или где-то уже совсем близко около этого видения. Впечатлительные натуры спиваются намного быстрее, Саша. А он — поэт. Правда, их развелось сегодня больше, чем нерезанных собак, но он не из тех, проходных. В том, что он нам читал, есть дерзновение за грань, сверхчувственная интуиция. Он владеет тайною чувства. Такие поэты не от мира сего. У него огромный потенциал, но он сопьется. Судя хотя бы по тому, что проделал сегодня с тобой. Соблазн дьявола пересилил благодарное чувство за спасение, которое ты ему оказал. Как видишь, все мы идем к одному концу.

— Густав, а почему вы пьете, если все так хорошо знаете?

— Ну, ты только что сам исключительно исчерпывающе ответил на этот вопрос. Чтобы забыться. Я вижу всю несправедливость этого мира, но не могу бороться с ним. Видят многие, не я один. Но одни могут подладиться и, в ущерб своей натуре, изображать довольного человека. И им хорошо. Другие пытаются подать голос против и тут же попадают в психушки. И им плохо. Зачем они это делают? Наверное, потому что надеются изменить этот мир к лучшему. Но это — борьба с ветряными мельницами: пустая затея, утопия, если хотите. Я не хочу бороться с ветряными мельницами, но все равно попаду в

---

* А. С. Грибоедов. «Горе от ума».

ту же психушку. Правда, по причине пьянства. В этом разница между мной и ратоборцами. Беда в том, что там не лечат душу. Ни им, ни мне это заведение не принесет исцеления. А тут у нас свой целитель! Еще какой-то час, и я принесу бальзам, избавляющий от любого душевного недуга. Пусть на время, но избавляет. Оп-па, что такое? В такую рань! Слышал?

Условный стук повторился. Пренебрегая следующим условием конспирации, они оба кинулись к двери и впустили в кочегарку пропавшего посыльного. В сумке, которую он в первую очередь бережно, словно индульгенцию от содеянного греха, протянул Саше, звякнули долгожданные три бутылки, и суровые лица обитателей кочегарки смягчились и просветлели. Чего не скажешь о лице Иосифа. Только усевшись за столик, они разглядели, что оно было одним сплошным синяком с фиолетовыми кровоподтеками под заплывшими глазами. Орлиный нос и губы распухли, а курчавые, как у эфиопа, волосы спеклись на голове грязным кровавым клубком.

Из его сбивчивого печального рассказа следовало, что на него напали два бомжа и избili до полусмерти, чтобы отобрать вино. Чудом он вырвался от них и спасся бегством, умудрившись не выпустить из рук драгоценную ношу. Залетел в какую-то канаву и долго оттуда не высовывался, чтобы снова не попасть им в руки. Потом, убедившись в снятии блокады, выполз из убежища, но заблукал в темноте и смог сориентироваться, только когда чуть рассвело.

Компаньоны посочувствовали бедолаге, негодуя на нехороших бомжей. Они были едины в мнении, что это были «залетные», не «свои» бомжи. Местные так не поступают. Иосиф по мере принятия на грудь отходил понемногу, и детали его ночного похождения принимали все более неоднозначный характер. В итоге получилось, что нападавших было не меньше пяти, и выходило так, что не они его, а он их всех

расшвырял, да размазал по стенкам погодившихся домов. Неизменной осталась только канава, из которой он потом выбирался, боясь на этот раз уже не бомжей, но милиции, которая могла ему приписать жестокое избиение оных. Иосиф напоследок даже ругнул себя, настолько жалко ему их стало.

Ну что ж, и с этим согласились Густав с Сашей: бывает, чего там. И утешили бойца, что, главное, мол, сам ты добрался живой. А бомжи — так пусть их. Сами виноваты. Еська утешился, но после очередного возлияния, пару раз клюнув носом, вскинул осовевшие глаза и вдруг жалобно всхлипнул:

— Стерва! Ну и стер-рва! Муж за порог, хахаль на полоч. Я тебе покажу гонорар! Ты у меня получишь... фиг без масла. Гады! Все гады, — и заплакал безутешно, и нисколько не противился тому, что его тут же унесли на топчан, где забылся там в одночасье тяжелым сном, повизгивая и вздрагивая время от времени.

Теперь все стало на свои места. Догадаться, что же произошло на самом деле, не составляло труда. Стало быть, поторопился поэт последовать совету сержанта примириться с супругой. Да не в добрый час заявился. Не понравилось это ни ей, ни тем более временному заместителю Еськи по любовным утехам. Да и временному ли?

И сейчас оба кочегара именно это и домысливали. Каждый на свой манер. Саша был намного трезвее напарника — все же молодость и крепкий организм давали ему определенное преимущество в соперничестве «по истреблению подлого змия». Так любил повторять Доцент. Он был уже сильно пьян, но не балагурил, как обычно, а сидел с каменным лицом, уставившись в одну точку. Это было так непохоже на него, что Саша решил внести в разговор оптимистичную ноту.

— Вот видите, Густав Яковлевич, вернулся ведь все же он. А вы говорите: нельзя верить людям, — вступился он за

Еську, имея в виду недавние подозрения Доцента. — Оказывается, можно.

— Да, Саша, да, наверное, — неожиданно трезво ответил Густав. — Если только забыть, что изначально-то он все же хотел «кинуть» тебя. Будь там другая ситуация, вряд ли ты бы с ним когда еще встретился. Ну, разве что в очередной раз в распределителе, куда вы так упрямо стремитесь. Те-те-те, сейчас поймешь, почему я не говорю о себе, — упредил он Сашин протест и достал записную книжку. — Этот твой поэт, Саша, разбудил меня раньше времени. А может, и как раз ко времени. Смотри, — он показал вклеенную в книжку фотокарточку миловидной женщины с ребенком, — это могли бы быть моя жена, и моя дочка. Не получилось. Я сильно был умный на тот момент и посчитал ее недостойной моего высокого положения. Хотя добиться его без нее я бы не смог. Она была моей материальной базой. Опорой, пока я не встал на ноги. А встав, плюнул ей в душу и женился на другой, моему положению подходящей. А подходящая меня — р-раз! — он сделал неприличный жест, — и я в глубокой... яме. Я очень жалею об этом, но так есть. Где-то моя первая любовь и дочурка?! — он вдруг вскинулся в ярости то ли на себя, то ли на кого-то неведомого, — идиот! Враки, что можно безнаказанно творить зло. Да, враки! Но враки и то, что Бог прощает человеку грехи. Только покайся, мол, и все простится. Ну уж нет! Который уж год я не нахожу себе места при одной только мысли о ней и о дочке! Хоть бы один день, один час прожить без этой думки, — он огладил бока бутылки, — только вот в этой, родимой, пусть временное, но спасение. Все! Больше об этом ни слова.

Он испытующе посмотрел на Александра и продолжил:

— Теперь я тебе скажу то, что не смогу сказать в трезвом виде. Беги, Саша, отсюда как можно быстрее. Прямо сегодня или завтра. От меня беги. Пока совсем не засосала тебя

эта трясина, чему я способствую в огромной мере, — и горько вздохнул, не спуская глаз с фотографии, — да, разбудил меня поэт. И недолго мне осталось коптить небо кочегаркой своей жизни. Свою цистерну я выпил. Здесь у меня всего было понемногу: надежды, восторга, богатства, славы, подлости, измены. И вдоволь — нищеты. Чего из перечисленного будет больше там? Да, уж очень сильно мне интересно, что находится там, в мире ином. Помнишь, у Омара Хайяма*?

Густав выпрямился, напрягая память. Вспомнил и тихо, монотонно, без обычного присущего ему артистизма, продекламировал:

*«Как там в жизни иной?» — я спросил старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.*

*«Пей! — ответил, — дорога туда далека:
Из ушедших никто не вернулся пока».*

Он чуть помолчал и продолжил рассуждение в пространстве:

— Жаль, очень жаль. Ни один не вернулся, а так хотелось бы про-кон... про-кон-суль-тиро... тироваться, — справился он наконец и поднял глаза. И такое запредельно-отчетливое смертное желание отразилось в них, что Саша вздрогнул и непроизвольно сделал к нему движение. Но Густав отстранился:

— Все путем, Саша. Поэтому прошу тебя: уходи, чтобы не затаскали тебя еще и по этому поводу. Ты и так уже порядком хлебнул от жизни. Саша, я уже на рогах, но прими мои слова всерьез. Редко я бываю так честен и откровенен, как сейчас. Возьми поэта с собою. Он нуждается в защите, а ты по натуре покровитель. Тебе всех жалко, поэтому вам будет легко вдвоем. Поезжайте в тайгу, там вы не так быстро сопьетесь, как здесь. А может, и вовсе завяжете. Останетесь здесь —

---

* Омар Хайям — персидский и таджикский поэт, математик и философ. Здесь приводится одно из его четверостиший, собранных в книге «Рубай».

погибнете. Его грохнут ее любовники, или, скорее всего, они сдадут его нашей доблестной продажной милиции. Как только он у нее появится, а появится он там обязательно! Ну, а ты свой финал уже видел. Он не состоялся только благодаря твоему искреннему другу. Которого, как я понял из твоего рассказа, ты теперь потерял навсегда. Налей мне последний раз, и помолчим. И, Саша, если сможешь, поработай еще сегодня, пока я просохну. И это тоже в последний раз.

Густав отставил пустой стакан, встал и неверной походкой поплелся в подсобку. «Из ушедших никто не вернулся пока», — разобрал Саша его бормотание.

Дорогой мой читатель, ты счастлив тем, что живешь со Христом. Не проходи мимо таких вот обездоленных, какими бы мерзкими они ни казались тебе. Христос пришел, чтобы спасти погибшее. И кто знает, может быть, твое слово о любви Христовой заронит в душе изгоя зерно надежды на Его любовь и к нему. И отогреется душа, и восплачет ко Христу, заслышав эти слова неизреченной любви. Ведь вера от слышания. Да будут благословенны миссионеры, не гнушающиеся работой с «отбросами общества». Скольких людей направили они на путь спасения?! Хорошо и отрадно будет им у Христова престола!

Доценту такой миссионер не повстречался. Через два дня его до неузнаваемости обгоревший труп ранним утром вынесли из кочегарки. Перед тем как совершить самоубийство, он попросил подпереть дверь кочегарки снаружи. Якобы для того, чтобы никто не попросился там переночевать. А оказалось — чтобы он сам не смог выбежать. Подозревал, значит, что будет искать спасения. Вот так вот просто: облился бензином, а огонька в котлах кочегарки достаточно...

Но Саши в Тайшете уже не было. Вместе с Иосифом укатили они еще в тот самый памятный день на «вольные хлеба». С одним паспортом на двоих.

Еще в первые дни пребывания в Тайшете Саша, благодаря Густаву, прибил к мужикам, разгружавшим вагоны на станции за наличные деньги. Среди этой разношерстной публики были и студенты, и временно безработные, и бродяги, не забывшие еще, что такое труд. Единственным штатным работником станции тут был бригадир, который и заправлял всеми делами: то есть набирал людей и рассчитывался с ними. Сколько при этом он клал в свой карман, для наймитов всегда оставалось тайной за семью печатями. Но как бы то ни было, а попасть к ним было непросто. И Саша оценил авторитет Доктора, по ходатайству которого его приняли в «штат». Для бродяг главным достоинством работы было то, что ходить на нее можно было исключительно по собственному желанию, то есть по схеме: пришел-заработал-попил. Очухался — снова пришел...

Да и документов никто не требовал. Разгружали за тройак, максимум за пятерку все что ни попадя. Но изредка находилась работа, которой хотели все, но не каждый мог ее осилить. Это разгрузка цемента. Тяжелая и изнурительная, она была по плечу только физически сильным, выносливым мужикам. Да и из них бригадир брал только избранных. Во-первых, не каждый мог выдержать этот адский труд в респираторе, во-вторых, платили здесь намного больше. Нормально платили: вагон цемента сто тридцать рублей. Работали, как правило,

вчетвером. И очень скоро Саша вошел в число избранных. Уже хотя бы потому, что чаще других появлялся на тупике и бригадир всегда мог на него рассчитывать. Еще больше на него рассчитывал в такой день Густав и с нетерпением ожидал его с работы. На двадцать восемь полученных рублей — пять вычитали на какой-то хитрый налог — гужевали они с невесть откуда бравшимися друзьями на всю катушку. Саша не противился такому раскладу: общение в эти два, от силы три дня доставляло ему огромное удовольствие. Он был уважаем, почитаем, а сам Доцент был неисчерпаемым источником интереснейших рассказов.

Однажды утром на месте сбора появился мужик азиатской наружности и, притопывая от мороза и постоянно кутая лицо в воротник полушубка: скажет слово — и морду в воротник, обратился к рабочим с речью:

— Мужики, кто-нибудь на автокране работал когда?

Молчание.

— Хорошо заплачу. Выручайте, кто, а? Ну, кто работал?

Тогда Саша и признался, что навык-то, мол, имеется, да больно давно это было. Азиат не дал и договорить, схватил за рукав и увез на деляну в тайгу. Километров двадцать с гаком. Не сказать, чтобы сразу наловчился Саша грузить бревна на лесовозы, но уже задолго до конца дня ни чикеровщики, ни верховик не матерились по поводу его подачи.

А вечером Курбан повез его назад и прямо предложил работать у него. И если, мол, согласен, то прямо сейчас заберешь свои шмутки и айда к нам, в деревню. Домов пустых полно — платить не надо. Потому что, мол, на своего кранового рассчитывать не приходится: если запьет, то уже надолго. И часто в самый неподходящий момент. Курбану вагоны выделяют, а крановому тому до лампочки. Не-е, пьют-то, конечно, все, но их можно легко заменить: того же верховика

можно найти, не говоря уж о чикеровщиках или вальщиках. Но кранового — увы! Другой раз Курбана даже леспромхоз просит своего прислать. Это же какой шанс что-нибудь выторговать! Хорошо, если он в это время в форме. Но это такой редкий случай, что и говорить не приходится.

Не отклонил Саша предложение, но и не согласился. Пару раз еще заезжал за ним Курбан, чтобы грузил Саша лес также и в вагоны, и выходило так ладно, что уже и мужики той бригады просили его остаться. Но он все не решался. Все-таки на первом месте у него был поиск Гоши. Несколько раз передавал ему Курбан приглашение через бригадира. Потом замолчал. И вот теперь Саша с Иосифом направился именно к нему. Ни сил, ни желания шастать по поездам у него не осталось. Эпопея с розыском проводника Гоши и чемодана бесславно закончилась. Началась новая жизнь в глухой сибирской деревушке.

Собственно, для Саши тут ничего нового не было, даже встряхнулся, духом воспрял парень, да и встретили его с распростертыми объятиями. Но для Иосифа это был крах жизненного уклада. Если каждодневное пьянство можно считать таковым. Курбан предоставил им пустующий дом из двух «меблированных» комнат, в котором время от времени квартировали рабочие предприятия «воруй-лес» его имени: курбановская воруйка. В понятие «мебель» входили колченогий стол, способный стоять лишь прислоненным к стене, шкаф в сенях, пара массивных табуреток да пара колод вместо стульев и две железные койки. Во дворе полуразрушенная стайка и повдоль ее огромная поленница дров. Дом особняком стоял в сотне метров от разъезда железной дороги, где четыре раза в сутки останавливалась электричка, следующая из Тайшета в Чуну и обратно. А уже поодаль располагалась и сама деревня. Александра Курбан тут же увез в тайгу, на работу,

наказав Иосифу к вечеру благоустроить апартаменты. Ну, затопить печь там, полы помыть, то да се. Чтобы к вечеру, мол, жилой вид был, так как вся бригада придет приветствовать своих новых членов. А заодно, мол, и новоселье справить.

Тут-то Еську и подстерегали неприятности. Чтобы помыть полы в стылом доме, нужно было сперва затопить печь: ледяной-то водой в выстуженном доме много ли намоешь? Но сколько он ни бился, дрова не загорались. За всю свою сознательную жизнь Иосиф раза два видел, как растапливают печки. Но то было на даче, где было много бумаги. Здесь ее не было вовсе. Промучившись часок-другой, он отправился в деревню на поиски бумаги на растопку, ну и в тайной надежде, что кто-нибудь ему поможет в сложном деле добывания огня в печи.

Удивительно точная народная поговорка: «Свинья грязь найдет» — в очередной раз доказала свою актуальность. Единственным человеком, встретившимся Еське в деревне, оказался местный алкоголик и дармоед Сеня Гмыря, выползший на воздух для распознавания времени. И аккурат, когда он удивился, что уже приблизительно полдень, а он все еще трезвый, к нему и обратился Еська. Мгновенно сориентировавшись в проблеме приезжего чудика и убедившись в наличии трешки у оного, Сеня с ходу предложил свои бескорыстные услуги.

И уже через полчаса из трубы заброшенного дома повалил густой черный дым. Черный потому, что разжег печку Сеня толью, полрулончика которой по пути стянул со стайки сильно скупой тетки Степаниды: у нее они разжились самогоном. Почему скупая? А как не скупая, если продала самогон, не дав его даже отведать? Мыслимое ли это дело! Сеня ей и так, и эдак, что, мол, брать самогон без пробы — все равно

что kota в мешке покупать. А ну, мол, как окочуришься или, хуже того, слабый градусом окажется, а? Тогда че? А она ему: «Ты уже который год этого kota берешь, и ниче — не сдох ишо!» Вот он и стянул толь в отместку за то, что Стешка больно много содрала с них за свой чемергес.

Но как бы там ни было, а вскоре внутри как избы, так и новых приятелей стало намного теплее. Тепло настолько, что Еська сначала рассказал Сене, что он сильно известный поэт, приехавший изучать местные нравы. Это нужно, мол, для того, чтобы проникнуться духом провинциальной деревни. И что для этого даже хочет поработать в тайге в качестве лесоруба. Не-е, не ради денег — ради вдохновения, которое он надеялся обрести здесь, в тайге. Потом он стал читать Сене свои стихи. Тот их прямо с лету оценил выше всяких там Пушкиных и Некрасовых и предложил тост за будущего великого поэта Сибири. Потому что только здесь может родиться настоящий поэт. Тост хороший, и Иосиф сильно растрогался и расцеловал ценителя истинной поэзии. Но после того как они выпили за него стоя, сам поэт больше не поднялся, а, наоборот, улегся прямо на полу. Который он так и не вымыл.

Сеня с грустью осмотрел пустые стаканы, поднял сиротливо приютившуюся под столом бутылку и выжал из нее оставшиеся капли. Потом он заботливо перенес поэта на койку, подложив ему под голову всю в разводах, бывшую когда-то белой подушку, и не менее заботливо освободил его от импортных сапожек. Но не поставил их в опочивальне поэта, а, примерив, со вздохом оставил ему свои выдавшие виды тяжеленные рабочие ботинки с противоударными носами. При этом он бормотал что-то вроде того, что в них Еське будет сподручнее вникать в образ лесоруба. На прощание Сеня подбросил в печь пару солидных полешек, еще одним подпер

заслонку и, преодолевая земное притяжение, неверными шагами направился в сторону деревни, к скупой тетке Степаниде.

Вечером к дому подъехала пара КамАЗов и автокран. Прибывшие на них Александр со товарищи обнаружили поэта мирно почивающим на койке, и Саша сразу же обратил внимание на отсутствие обуви друга. А стоявшие у койки чужие ботинки вызвали определенное подозрение, коим он поспешил поделиться с новыми друзьями по работе. Один из них, шофер КамАЗа Михаил, хлопотавший у стола с консервами, тут же признал обувку местного дармоеда.

— Да это Сеньки Гмыри лобуты. Гляди-ка, этот пострел уже и тут побывать успел.

— Славно отметили, видать, первое знакомство, — огляделся в поисках доказательства славности другой шофер и одобрительно крикнул, подняв с пола «огнетушитель». — Чую по запаху: самогон марки «Привет от Степаниды», — с видом знатока определил он.

— Ну, раз от Стешки, то и будить твоего друга, Саша, бесполезно, — махнул рукой Курбан. — Да, в общем-то, и нужды нет. Вон он, весь на виду. На подушке уместился богатырь. Знакомьтесь, мужики, это и есть поэт кислых щей Иосиф!

Крендельком съезжившийся поэт занимал столь мало места на койке, что она была наполовину свободна. Понятно, что жизненного восторга его вид ни у кого не вызвал. Но и нареканий в его сторону не последовало. Само пьянство у лесовиков пороком не считается. (Тут все же нужна оговорка: не вообще лесовик, а именно что из «воруйки».) Это как бы сопутствующая профессии черта. Тут важно, чтобы мог человек работать даже в таком виде. Вот верх доблести рабочего искусства: «Во, Толян (Колян, Вован и т. д.) — шофер так шофер! Подъехал к дому с работы, а выйти сам уже не смог — вывалился! В драбадан! И как только доехал?!»

Но если со способностью пить у Еськи все было нормально, то уж больно хлипкий его вид посеял сомнение в душе бригадира Головатого.

— М-да-а, куды ж мы его? — разглядев тощего поэта, покачал он головой. — Им разве что гвозди забивать.

— Придумай, придумай что-нибудь, — вступился Курбан. — Где-нибудь все равно сгодится. Разница тебе какая. Я ж ему платить буду.

— Бензопилу-то не удержит, это к бабке не ходи. Может, сучкорубом?

— Можно и сучкорубом. Или на винкол поставь.

— Во, точно, — бригадир, похоже, обрадовался. — Пусть потихоньку жерди заготовливает. Ты бери его утром, Саша, с собой. Иначе Гмыря его завтра голым по миру пустит. А я его в пару с одним тут приبلудным геологом поставлю. Нехай пашутъ, смотришь, и заработают детишкам на молочишко.

— Да там, если кто поспоровистей, можно не только на молочишко, — возразил Курбан. — Вспомни, какой куш братчане отхватили. То-то. Они и сейчас просятся на заготовку, да только я повременю. Заказа пока стоящего нет.

— Может, поутру попробовать забежать к этому вашему алкашу, как его... Гмыре? — с тайной надеждой в голосе спросил Саша. — А то у Еськи же ничего нет, а здоровьем... Сами видите, каков здоровяк. Не блещет, в общем. Когда еще заработаем ему на ноги. Может, не успеет еще этот козел пропить сапоги-то, а? Или все уже?

— Про это можно забыть, — твердо заверил Головатый. — Но для друга твоего что-нибудь придумаем. Да, а лобуты-то свои Сенька ему оставил? Оставил. Вот и пусть пока в них работает, — и завершил дискуссию: — Ну, давайте все к столу. Мишка все уже приготовил.

В общем, определили ничего не подозревающего Иосифа на заготовку жердей. И он в первый же день зашиб себе ногу, не совладав с непривычно длинной ручкой топора. Да он и с короткой-то не сильно знаком был. Вот и скользнул топор от небрежного удара по осинке аккурат на его собственный, а вернее, Сенькин, ботинок. Спружинил от носка топор да обухом по самой передней кости и срикошетил. Рухнул Еська, как подкошенный, и закатался по снегу, оглашая мелколесье дикими воплями. Так что пришлось его срочно в леспрохозовский медпункт, а оттуда и домой эвакуировать. Ногу перебинтовали и велели примочки всякие делать. А в общем-то, конечно, повезло парню. Ведь если бы не старенькие, но еще добротные ботинки с их «противоударными» носами, раскроил бы он себе стопу или оттяпал как минимум пару пальцев.

Ну, насчет примочек бригадир распорядился и уехал. Так что к вечеру Еська уже ни боли не чувствовал, ни света белого не видел. Примочки из самогона Степаниды, принимаемые внутрь, сильно ранам помогают заживать, что уж там говорить. Опять же Сеня, прознав про беду нового друга, прибыл со своей собственной «примочкой», вырученной за сапожки Еськи. И, когда узнал, что только благодаря его дерьмодавам друг не лишился ноги, загордился шибко. Выходит, мол, что он спас его от увечья.

И прихватил поэтому при уходе куртку Еськи, оставив взамен свою телогрейку. Но в этот раз далеко не ушел: аккурат в сенях с бригадиром столкнулся. И сколько ни уверял Сеня, что куртку прихватил чисто из чувства практического гуманизма, дескать, чтобы быстрее привыкал мужик к рабочей обстановке, — сам, мол, посуди, на кой ляд лесорубу в тайге меховая куртка, если фуфайка удобнее? — а не внял бригадир его словам. Фуфайку, мол, ему уже выдали, и не чета твоему заношенному старью. И куртку отобрал, да

еще и наподдал как следует. Несправедливость, конечно, в Сенькином понятии. Забегая вперед, сообщим, что через некоторое-таки время заполучил Сеня эту куртку. Это уже по просьбе самого Еськи выменяли они ее на самогон.

Когда нога поджила, поставил его бригадир сучкорубом, но и отстранил тут же: того и гляди, что-нибудь себе отрубит. Попробовал его и чикеровщиком, ну то есть цеплять кругляк стропами (чикерами) автокрана. Но и от этой затеи вскоре пришлось отказаться: никак не мог он толком закрепить крюки, и, после того как чуть не зашибло Еську бревном, отправил его Головатый к Курбану. Делай, мол, с ним, что хочешь, а мне этот самоубийца в бригаде не нужен.

Но вот узрел же верховик Леша Соловей в работе Еськи то, чего не заметил ни бугор, ни Саша. Да вообще никто не заметил. То, что при команде подавать то или иное бревно, какой бы диаметр он ни назвал, Еська мгновенно, «на глазок», находил нужное, несмотря на свое слабое зрение. Если бы не это самое зрение — быть бы ему первоклассным верховиком. Вот, мол, и пусть тогда точкует лес, чем постоянно вызывать маркировщицу из леспромхоза. Проверили — так и есть. Стопроцентно точно определял Еська на глаз диаметр ствола и тут же выводил его кубатуру. А ведь раза два все-го-то и видел ту таблицу. Ну, феномен и только!

Пошли на лад дела Еськи. Даже пить меньше стал. Все больше стал он с Курбаном и Сашей на нижние леспромхозовские склады в тайге наведываться. Именно оттуда в основном и грузил Курбан лес и вывозил на КамАЗах на тупик. Здесь-то Саша и увидел ту самую технологию закупки леса, о которой они в поезде договаривались с Керимом. Буквально все, ими тогда планируемое, здесь воплощалось в реальность. Только Курбан был не Керимом и помощником у него был не Саша, а другой сибиряк — тот самый Головатый.

А бригада была у них лишь для отвода глаз: заготовят лесу на вагон — и гуляй себе. Курбан их и не утруждает. Зачем? Когда лес за наличные по пятерке, а то и по трешке за куб можно готовый грузить. Пропьются мужики — опять придут. Не придут — не беда: охотники расписаться за кого-то в ведомости и тут же получить за это на пузырь «налом» всегда найдутся. А лес — что? Да его у любого начальника нижнего склада неучтенных кубов — тысячи! Тайга большая: Курбанам ли, Керимам ли — всем хватит.

С наступлением же нынешней распутицы распустил Курбан и ту немногочисленную бригаду, что была. До лучших времен. Только и оставил, что самого Головатого, Сашу да Еську. Причем последнего опять же исключительно по просьбе Александра. Но, когда он заартачился завышать при отправке диаметр бревен, а соответственно и кубатуру леса, турнул и его.

Ну, что, казалось бы, легче: слушайся и выполняй указания начальника. Принимаешь лес в тайге — ставишь диаметр без учета коры. Отгружаешь получателю за тридевять земель — в какой-то далекий Казахстан, — замеряй с корой. Выпадает в замере диаметра нечет — округляй с минусом при принятии. При отгрузке, наоборот, плюсуй единичку — всего и делов-то. Ну, накапает так лишка кубов десять-двенадцать на вагон, так кому это интересно? Вот то-то и оно, что Курбану. А значит, что? Значит, и он тебе на лишний бутылброд подкинет. Будешь и сыт, и пьян, и нос в табаке. И главное, никакой ответственности твоей тут нету. Ан, нет, Еська, оказывается, какой-то совестью дорожил. Вот и додорожился. Один раз сказал ему Курбан, два — все нейметяся. Ну, и турнул куда подальше. Несговорчивые, мол, не в моде.

Иосиф сначала не растерялся: какой-никакой, а запас денег, впервые в жизни заработанных собственным горбом,

а не умом, имелся. Но деньги, как он правильно заметил в одном своем стихотворении, имеют свойство улетучиваться и не возрождаться просто так из ничего. И как спустил все до последней копейки с честной компанией в составе геолога Вени с друзьями и вольного гражданина Сени с соседом, так и заозирался окрест. А там никого: ни Вени, ни Сени со товарищи. Покряхтел-покряхтел поэт с дикого похмелья, помыкался по деревне и, как подвернулся случай — маркировщица приболела, — снова на поклон к Курбану явился. Возьми, дескать, милый мой, дорогой благодетель, назад, потому как все я усвоил и согласный работать, как ты велишь. Взял. Ну и что? Да справился, конечно. Приписать сантиметр-другой — много ведь ума не требуется. И физических затрат действие сие не требует. Так что пошло дело ладом.

Вот только глушить Еська стал после этого так яростно и самозабвенно, и не только самогон, но и вообще все, что горит, — по-черному запил, как говорят мужики, — что даже Саша встревожился за него. Мужичок-то — еле-еле душа в теле, не сгорел бы часом. А у Еськи на все увещевания один ответ: не могу, дескать, совесть заедает. И вообще, кругом тоска смертная. А выпьешь, мол, так хоть белый свет видно. Но не белый свет он видел: хорошо заметно было, что ни при чем тут ни тоска, ни совесть, а просто без допинга уже не мог мужик и пальцем шевельнуть: пока не опохмелится, такая дрожь в руках, что карандаш удержать не в состоянии.

О том, чтобы стихи творить, не было и речи. Он уже забыл, когда вдохновение последний раз посещало его. Даже несмотря на усиленное «взбадривание», не шло на ум творчество. Одна забота осталась: заработать, чтобы выпить. Вернее, напиться. И Саша заподозрил, что уже не сможет Еська вернуться к нормальной жизни: слишком велика была тяга к спиртному, и он плелся в ее фарватере, не пытаясь даже

сопротивляться. Да и сам Александр удерживался от буйных запоев только за счет того, что чаще других приходилось ему работать в опасных условиях и что чувство самосохранения пока было живо в нем. Именно, что пока.

А в общем, дела обстояли так: отгрузив в Казахстан восемь-десять вагонов, как правило, в течение полутора, а то и двух месяцев — это уж как план вагонов позволяет, — в те же места назначения отправлялся и Курбан. Недели на две, не меньше, уезжал. Утрясал там все дела с совхозом, главным получателем леса, согласовывал кубатуру, где-то немного уступал — больше для форсу: дескать, знай нашу доброту! — и возвращался в тайгу с одним-двумя представителями от объединения совхозов, да еще и их кассиром. Ну, во-первых, чтобы выдать зарплату официально оформленным рабочим, во-вторых, показать условия, в которых живут и трудятся на их благо сибиряки.

Вот на тот момент Головатый и должен был представить им полноценную бригаду, которая «в поте лица» валит, возит, грузит и еще много чего делает в тайге с лесом. Тогда и собирал он люд из окрестных селений, готовых расписаться в ведомости. Кому придет в голову проверять личности рабочих, да и кому оно надо?! Но на всякий случай в день такой, неведомо откуда, появлялись в свите Курбана пара туповатых и немногословных, но крепких молодчиков-шкафов во всем кожаном и с плохо скрытыми от глаз кинжалами на поясах под этой кожей. Но это больше для того, чтобы у расписавшихся в ведомости не возникло соблазна протянуть руку за суммой, указанной в ней.

А так-то все путем: проведет Головатый представителей к вагончику: вот, дескать, глядите, в каких условиях жить приходится, а, несмотря на это, стараемся для общего блага. Потом свозит их на один из леспромхозовских складов в

тайге: вот сколько леса, мол, уже заготовлено. Громадьё! Так что дело за вами — подбросьте леспромхозу зерна да комбикормов, будет вам и план вагонов посOLIDнее. А то возьмет да и пригласит их обозреть ещё и тупик, мол, и там уже готов лес для отправки. А того представителя с кассиром так уже допекут комары да гнус летом, а зимой — мороз лютой, что им уже ничего не надо.

И они, как любили говорить в ту пору, усталые, но довольные, торопились убраться восвояси. С весомой суммой наличных в кармане от фирмы Курбана и искренним стремлением возвысить его в глазах объединения. Так и докладывали, что нет, мол, надежнее партнера, чем Курбан. Доложить старались так, чтобы правильно подать и свою собственную значимость. Дескать, хоть и трудно было там, но и на следующий раз именно им следует ехать туда с инспекцией. А как же? Опыт уже есть и знание: где, что и как. Да и к трудностям вроде как привыкли уже, и все такое. Ну, понятно, не скажешь же, что в качестве дара получишь там от благодетеля два-три совхозных месячных оклада. Ерунда может произойти: кому же в таком разе не захочется преодолеть трудности таежного бытия?

За те две недели мужики — Еська в их числе, если не в первых рядах, — пропивались до конца и успевали еще под роспись назаниматься у Головатого. Давал тот взаймы охотно и тем пристегивал к себе жаждущих продолжения предыдущего веселья. Которое, однако, сменялось печалью при расчете. Занимаешь чужие, а отдаешь свои — эта аксиома почему-то приходит на ум только в день зарплаты. Да еще сумма долга оказывалась подозрительно большей, чем то думал или предполагал занимавший. Но перечить никто не пытался. Во-первых, у Головатого твоя роспись, а во-вторых, все равно сдерет. И, в-третьих (самое главное), еще и пригрозит, что только попробуй, мол, в следующий раз попросить! А это уже опасно и чревато нежелательными последствиями.

— Охламон! — любил он говорить в таком случае, немного склонив бычью свою шею вместе с туловищем. — Ему ишо назустричу идешь, а вин вон што. Ты ж, дурна голова, ничего не помнишь, а вон што! Ты ж как што, так сразу до бригадира, а зараз вон што, га? — Это «вон што» было у него на все случаи жизни, менялась только интонация. — Ото ж спытай ишо раз попросить: увидишь, как тебя бригадир выручит. Издыхать будешь — не дам. Вон што надумал, варнак этакий!

И не даст. Раза два. Потом сжалится. Только, мол, смотри у меня!

Считай, все работяги прошли через эту процедуру, но не зря же говорится в пословице: «Видит око, да зуб неймет», — так и продолжали влезать к нему в долги. Вот и Еська влип. Дело уж к осени было, когда решил он с получки наведаться-таки к жене. Может, и сладится что, кто его знает. Ну, нет, так хоть бы дочурку посмотреть. Он даже с выпивкой притормозился, костюм в промтоварном в деревне приглядел, штилеты на выход. Куплю, мол, еще что по мелочи — и в путь.

Саша его не отговаривал: хорошее дело, нужное. Только смотри, мол, как бы она тебя по новой в распределитель не распределила. Лишь тогда признался Еська, что оговорил собственную жену. Никаких любовников у нее он не видел. А что поколотили его, так это ее отец постарался, когда Еська грозиться ей стал. Это уж потом он побежал за бормотухой, чтобы перед Сашей оправдаться. На ходу и историю о бомжах выдумал. Ты уж, мол, прости меня за тот раз.

А Саша даже обрадовался такому раскладу:

— Еська, так это ж здорово! Ты не зли ее больше. Посадит.

— Да не должна бы вроде, — волновался Еська. — Че ей: я же и для нее подарки присмотрел. С подарками и заявлюсь. Если ей это не надо будет, немного побуду — и назад. Меня теперь голыми руками не возьмешь! И милицией не напугаешь. Я теперь есть рабочий класс и всех ментов видел в гробу в белых тапочках! Хочешь, я про это стихи сложу?

— Хочу, — согласился Саша. — Только про тапочки не переборщи.

— Почему?

— Милиционеров в сапогах хоронят. При всем параде что-бы, и на все пуговицы. Иначе их в ад не пустят.

— Сапоги — ладно. А пуговицы причем?

— Так они ж любого мента от распада сохраняют. Отстегни хоть одну — и разложился мент. Пуговица для них — первое дело.

— Не любишь ты всенародно любимую милицию, Саша, не любишь, — констатировал Еська. — От этого, наверное, и все твои беды.

И, не получив подтверждения, добавил:

— Ну, и мои немножко. Ну, а вообще, как тебе идея?

— Со стихами?

— Да нет. Нужны они мне. Я — чтобы к жене?

— Еся, — проникновенно сказал Александр. — Если ты серьезно собрался поговорить с ней, не пей хотя бы эти последние дни. Как ты ей скажешь, что уже не пьешь, когда весь, как на витрине, — он щелкнул пальцем друга по носу. — Вот она — твоя визитка. Краше и нагляднее всех заверений.

— М-да, — Еська покрутил перед лицом маленьким зеркальцем. — Как сказал один необласканный властью поэт: «Не стыдись, братуха, носа своего. Он ведь с красным знаменем цвета одного»*. Все, Саша, завязываю. Чем я хуже тебя? Ты же, вон, хочешь — пьешь, не хочешь...

— Все равно пьешь, — докончил за него Саша. — Но если ты сможешь и завяжешь, я — первый, кто возьмет с тебя пример.

— Пионер — всем ребятам пример, — развеселился Еська. — Получу бабки и... — он надулся, выкатив глаза, — ни грамма. Представляешь?

— Не-а, — Саша совершенно искренне покачал головой, потом ухмыльнулся и постучал по ней. — Вот тут не укладывается.

---

* Переиначенные строки на основе стихотворения С. Щипачева «Пионерский галстук».

В общем, нагрел бугор Еську на деньги. Уж сколько там приписал — неведомо, но с тем, что у него осталось, не только к жене — до ближайшего магазина не стоит бегать. И, как водится, еще и санкциями пригрозил Головатый.

— На дурняка пить вас много найдется. Только не на того напали. Любишь кататься, люби и саночки возить, — подытожил он, пряча деньги в карман. — А то, как пить, я хороший для вас: «Займи, займи, добрая твоя Голова». А отдавать — так я же и козел? Не пройдет такой номер. Будешь еще вякать, скажу Курбану, чтобы избавлялся от тебя. Морока одна с тобой. И куды пойдешь тоди? Кому ты такой недоделанный нужен? Скажи спасибо, что вообще держим.

Вот такой вот реалистический расклад встал перед Иосифом. Благодарить за это он, конечно, не стал, а сел бедолага у вагончика и глаз с похудевшей пачки денег не сводит. Тут тебе и игрушки для дочурки, и жене подарок, и костюм для мирных переговоров. Плакали денежки! Рассыпалась мечта поэта, как карточный домик. Нет больше мечты. Долго так сидел, потом поплелся понуро в сторону деревни. За утешением к тетке Степаниде поплелся. Груз-то на сердце гнетом давит, надо бы снять.

И только-только из распадка²³ на вывозку вышел, как догнал его Александр на своем кране. Дошло до него известие о Еськиной беде, он и бросил работу. С самим-то Александром такого не могло случиться, потому что в любое время сам Курбан или Головатый горячительное ему для сугрева души подвозили. Только изъяви желание. И без всякого намека на оплату: что ты, что ты, Сашок, ты только знай работай.

Но вот что же делать с убитым горем другом? Тут одними словами горю не поможешь. И Саша решился. С какой-то безотчетной радостью решился. Она, радость эта, пришла сразу, как узнал он, что может помочь Еське. То есть, выручить

деньгами. Пусть даже и без надежды на их возврат. И решился на это с такой готовностью и внутренним душевным облегчением, будто только и ждал удобного случая.

На самом деле ему было нужно оправдание для самого себя. Да, да, ему нужен был повод, чтобы не поехать домой. Повод серьезный, чтобы он мог сказать себе: ну, как же я поеду, когда друг в беде? Так он говорил не себе, а как бы оправдывался перед своей матерью. Ведь если бы она знала, то поняла бы его. Как, впрочем, и отец. О возвращении в Читу у него не возникало даже и мысли. Какой там институт, какая учеба! Одно упоминание о них горькой досадой захлестывало все его существо. И тут же такая злоба и ненависть волной нарастали в сердце, что лучше об этом не вспоминать. Без памяти много спокойнее на душе. Что было, то былем поросло. Он буквально загрузил слабо сопротивлявшегося друга в кабину. Еська, конечно, знал, что Саша готов поделиться с ним последним, что у него было. Но не до такой же степени.

— Сашок, а как же ты сам? Тебе не меньше моего нужно вернуться домой. Ты же сам бредил возвращением. Не возьму я твоих денег. Брошу пить, заработаю.

— Не дури, — оборвал его Саша. — Бросишь не бросишь — это еще большой вопрос. Сказать легко, выполнить трудно. Я хочу, чтобы ты использовал этот шанс, пока у тебя вообще еще есть это желание. Вдруг да замиришься. Вот тогда, может быть, бросишь. Понял? А щас отвезу тебя домой.

— А ты? — не сдался Еська. — У тебя что — нет желания вернуться домой?

— Нету, — немного помолчав, вздохнул Саша. — Пока нету, Еся. Пока у меня один стыд в душе. С какой рожей я бы заявился сейчас перед мамой? Не-ет, попозжа, чуток

позпозжа. Когда не так больно будет. Я, конечно, виноват в случившемся, но и передо мною много виноватых.

И, чтобы сменить разговор, показал рукой на тайгу:

— Смотри, Еся, красота-то какая! Лови мгновение. Рисуй стихи, а? Можешь?

Ах, и действительно, такой нарядной тайге столь мало отводится времени, что так и хочется запечатлеть каждое мгновение.

— Читай Некрасова и Пушкина, Саша. Так, как они, осень не вырисуешь. Какое-нибудь дерьмовое состояние души — еще можно попытаться, природу — нет.

У самой деревни их обогнал и остановился уазик Курбана, и он сам, виновато разводя руками, подошел к Александру.

— Саша, выручай. Там из леспромхоза сам директор просит. Срочно разгрузить станки какие-то на территории, а у них мостовой как раз встал. А? Ты как?

Саша повернулся к Еське и выпалил скороговоркой:

— Сумка моя знаешь, где? Вот, возьмешь там деньги и дуё в свой промтоварный за костюмом и игрушками. А вечером все остальное обсудим. Через недельку погрузку кончим и рванем вместе в Тайшет.

Потом уже из кабины свесился головой над Курбаном:

— Да мы вот в сельмаг собрались. Если сам его подбросишь...

— Да не вопрос, — расплылся в улыбке Курбан и, шутиливо подмигнув Александру, распорядился: — Полезай, поэт, в мою тачку. А то привык по своим делам автокран гонять. Начальник нашелся.

— Слышь, Курбан, — серьезно сказал Саша. — Скажи Головатому, чтобы не слишком много на себя брал. А то, чуть что, грозит Еську турнуть. Мало того, что обобрал мужика, так еще и пугает.

— Я ему пугну, я ему пугну, — Курбан, насколько смог, сделал вид, что искренне возмущился. — Так пугну, что забудет, как пугать. Не бойся, поэт, как работал, так и будешь работать. Ну, а насчет того, что ободрал, так я тут ни при чем. Это уж вы разбирайтесь сами. Я пас.

— Да это понятно, — согласился Саша.

То, что ничего он Головатому не сделает, было ясно как день. Но что пообещал сам Еську не трогать, уже что-то да значило.

— Так я поехал?

— Ага, Саша. Давай, дарагой. Я в долгу не останусь. Сам знаешь, как нам это нужно. Вовремя подмазать. А я тут все дела поэта утрясу.

— Ладно. Свои люди — сочтемся.

— Во, правильно, сочтемся.

Ни в какой сельмаг, конечно, он Еську не повез. Ограничился домом Степаниды, а потом оставил поэта в его временной обители один на один с внушительной бутылкой самогона.

З адержался Саша в леспромхозе до-поздна. Да домой-то не очень и торопился, потому что Курбан поспешил сообщить ему: предпочел Еська сельмагу более надежное средство от грусть-тоски неизбежной. Тем больше удивился он, заметив в освещенном окне одинокую фигуру друга. А когда зашел в дом, то и вовсе растерялся. На столе, за которым он сидел, стояла нетронутая бутылка самогона, а сам Еська был совершенно трезв. Причем при виде Александра поспешно сунул руки под стол. «Кошмар», — подумал Саша и протер глаза. Но ни то, ни другое видение не исчезли. «Неужели меня дожидался? — посетила приятная мысль. — О, тогда это уже что-то!»

Но уже в следующий момент он насторожился. Еська больше никак не реагировал на его появление, а продолжал шептать в пространство какие-то слова. Он видел Александра и в то же время как бы не видел. Во всяком случае, об этом говорил его отсутствующий взгляд.

— Есь, что с тобой? — Саша тронул его за рукав рубашки.

Тот чуть поколебался, потом медленно выложил руки на стол, и Саша увидел... свой Новый Завет. Тот самый, что подарила ему девочка Лида на вокзале и который он давно считал утерянным. Мистика. Саша остолбенел.

— Ты... Где ты его взял, Еська? — спросил он наконец.

Тот молча показал на его сумку. Теперь и в его глазах явно читалось недоумение. И какая-то тихая светлая радость.

— Но, Еся, его там не было! Сколько раз я перетряхивал шмутки — и ничего похожего. Я его давно потерял! Откуда он мог взяться? Ну-ка, расскажи подробнее, — затормошил он друга.

— Я освободил сумку, как ты и велел, да еще думаю, продуктов возьму. И там, на дне, за картонной прокладкой случайно нащупал его. Я думал, там деньги, а это книжка. И я так понял, что... — Еська запнулся и посмотрел на Александра. — Я подумал, ты прячешь ее от постороннего глаза. А ты потерял. Правда?

— Ну, и дела-а, — вместо ответа Саша присел на табуретку, удивленно покачивая головой. — Я уж думал — наваждение какое-то. Но как бы там ни было, Есь, а это мне облегчение, что нашелся он. Хоть в этом слово перед девчонкой сдержал.

Он действительно обрадовался находке, а главное, что никакой мистики: просто книга надежно спряталась за прокладкой. Саша потянулся к бутылке:

— За такое дело нам не грех будет выпить.

— Мне не наливай, — решительно убрал один стакан Иосиф.

— Ты чего? — опешил Александр. — Как это — не наливай?

— Не хочу я, Саша. Не буду. Во всяком случае пока не разберусь, что со мной произошло.

— Да уж произошло, это факт. Смотрю: бутылка на столе, а ты трезвый, как дурак. И что же могло с тобой произойти?

— Кажется, я нашел то, что искал всю жизнь. Сейчас не могу тебе объяснить, но я нашел.

— Тебе плохо? — Саша потрогал лоб Еськи. — Слушай, да ты горюшь весь. Давай, я тебе с перцем щас намешаю, а?

Укутаешься, прогреешься — и к утру как огурчик, а? Давай!

— Мне не плохо, Саша. Мне так хорошо, как никогда еще в жизни не было. Поверь мне. И... — голос его дрогнул и приобрел жалобные нотки, — и не заставляй меня. Пожалуйста. Я хочу удостовериться, правильно ли я читал. Саша, это *моя* книга. Это *мое* видение мира, понимаешь, *мое*. Грех преследует меня повсюду, и я не знаю, куда от него деваться. А в другой раз сам бегу к нему. Я хочу делать добро — и не могу. Но если удастся сделать что-то доброе — ого! Радости моей тогда нет конца. Но вот что происходит помимо моей воли: и не хочу, но тут же расправляю плечи в затаенной надежде дожидаться похвалы за свой такой поступок. Я думал, что это у меня от моей ущербности. А нет! Смотрите что: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас; иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного... — Еська продолжил чтение и закончил шестым стихом. — Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно!»*

Последние слова он прошептал дрожащим от волнения голосом:

— Вот оно! Это моя история! Саша, откуда я знал это? Я первый раз держу в руках Новый Завет, а все эти слова жили во мне. Они мне не давали покоя. Кругом обман и лицемерие, которых я не переношу. Но я не умел это выразить. А тут — вот оно: «...Когда творишь милостыню, не труби перед собою... чтобы прославляли люди... А молясь, не говорите лишнего, как язычники...»** Вот она, поэзия, Саша.

---

* Библия. Евангелие от Матфея (6:1, 6).

** Там же (6:2, 7).

Воистину Божественная! Такая высокая, какой она только и может быть!

Саше не впервой было видеть Еську в таком душевном волнении. Подобное бывало с ним, когда он находил удачное сравнение или рифму, сочиняя свои очередные стихи. Но тогда радость его была взрывной и мимолетной. Он быстро остывал. Теперь же глаза его светились тихой неизбывной благостью и смирением перед чем-то... Или — перед Кем-то? Он торопился высказаться, и его невозможно было остановить. Не обращая внимания на более чем скептические замечания Александра, он захлеб цитировал один стих за другим, раз за разом обращаясь к Новому Завету: «А тут — смотри... Смотри тут что!» — предлагал он Саше взглянуть в книгу, но не давал читать, а сам вновь и вновь повторял поразившие его слова.

Саша попытался проникнуться такой его восторженностью, но ничего, кроме раздражения, это у него не вызвало. В другой раз он, с присущей ему снисходительностью ко всему, что касается Еськи, отнес бы это к очередной его причуде. Поэты — они ведь все чуточку ненормальные. Эти библейские стихи Саша уже слышал и какого-то особого чувства к ним не испытывал. Напротив, они вызывали у него неприятие. Особенно тот, где нужно любить своих врагов. Бред! Почему же Еська так среагировал на них? Тем более трезвый. Мало того что просто был трезв, так еще и не прикоснулся к заветной бутылке.

Это наводило на размышления, и Саше стало не до снисходительности. По мере того как все больше возбуждался Иосиф, им все больше овладевало беспокойство. И показалось, что он понял, откуда такой восторженный пыл друга. В те дни уже и в тайге стали появляться люди, совершенно равнодушные к алкоголю, но поднимающие жизненный тонус при помощи наркотиков. Кто-то покуривал анашу, кто-то

уже пробовал шприц. Впервые в деревнях стали замечать нападение шпаны на огородные заросли мака. Обрывали или надрезали и тут же выбрасывали еще зеленые его головки. Сначала недоумевали хозяева огородов, с чего такое повальное нападение на это, в общем-то, не шибко ценное, безобидное растение. Это уж потом прояснилось, когда все больше молодежи стало попадаться на наркотиках. Не миновала тайгу, хоть и с большим опозданием, сия чума «цивилизации». Так неужели Еська?

От такой мысли аж передернуло. Одно дело — пить, другое — сидеть на наркоте. О последствиях Саша был наслышан. Он жестом остановил монолог Еськи и пытливо посмотрел ему в глаза:

— Есь, ты случаем не того, а? Ничего не принял?

Иосиф прервался и непонимающе уставился на него:

— Ты о чем, Сашок?

Саша облегченно вздохнул: «Да нет, конечно. Дурака я свалял».

— Мысль тут одна на ум пала, — вслух сказал он. — Мужики сейчас не прочь травкой побаловаться. Покурить там или уколоться. Им, говорят, и водка не нужна. Ты как на это?

— Да ты что, Саша?! Не-е, мне этого добра и раньше на дух не надо было, а теперь и подавно. Я нынче что-то понял.

— Ну, понял, так понял, — полностью расслабился Саша, — а я пока что нет. Я пока на сон грядущий свои положенные фронтовые приголублю, — он выпил и тут же отправился спать. Дневная усталость брала свое, да и выслушивать дальнейший Еськин бред не имело смысла. А то ведь над его словами и задуматься можно. А оно надо?

Всю ночь он догонял и никак не мог догнать уходящий поезд, который то подпускал его на совсем близкое расстояние —

вот-вот можно будет уцепиться за поручень, — то, тревожно прогудев, набирал скорость и удалялся. Но сколько он ни бежал, а все оказывался на рельсах у перрона Красноярского вокзала. И вот очередной тревожный гудок, постепенно затихая вдали, вернулся слабым отголоском и трансформировался в чудное пение. Саша уже когда-то слышал его, и силился, и не мог вспомнить, когда и где. «Христос, ты не хочешь ни одного оставить не знающим Тебя!»* Неведомый исполнитель выводил так трогательно, что Саша не удержался и заплакал. Но с удивлением обнаружил, что плачет кто-то другой, а сам он только тужится и никак не может заплакать. Нет слез. А голос тот все нашептывал и нашептывал: «Христос, Христос!»

«Да это же Лида!» — вскинулся Саша от догадки и сел на койке. И сначала услышал приглушенные, старательно сдерживаемые рыдания Еськи, потом уже различил в полумраке ночи его согбенную фигуру. Уронив голову на сложенные на табуретке руки, он стоял на коленях и повторял, как заклинание, то самое слово, разбудившее Александра: «Христос! Христос! — и дальше выстраданное, идущее из самой глубины души: — Не оставь меня милостью Своею, Господи!»

Слова разбудили, но не пробудили к осознанию момента. Еська частенько при «переборе» оплакивал жизнь, себя жалеючи, так что первым делом подумалось, что он и теперь просто-напросто наверстал упущенное. В смысле, потревожил бутыль.

«Лишь бы „гусей не погнал“!» — обеспокоился Саша и включил свет:

— Есь, ты че? Ты не ложился еще?

Иосиф поднял голову и молча сел на табуретку, вытирая слезы.

---

* См. сноску на с. 149.

— Саша, мне Христос открылся, — сказал он после недолгого молчания. Просто и обыденно, будто так и должно было быть.

— Что сделал? — подался Саша вперед всем телом. — Открылся?

— Да. Я Его чувствую. Он слышал меня и ответил мне. Он только что говорил со мной.

— Ты слышишь голоса? — всполошился Саша, и его словно ветром сдуло с койки. Он сразу же схватился за бутылку. В ней сколько было, столько и осталось. Тогда, в еще большем недоумении, он присел около Еськи и снова попытался пощупать его лоб.

— Зря ты, — усмехнулся Еська. — Я в полном здравии.

— Как же в полном, Есь, если слышишь голоса? Выпей холодной воды, а рано утром я отвезу тебя в больницу. С этим не шутят.

— Ты не хочешь меня услышать, Саша. Никуда меня возить не надо. Пойми, мне открылся Христос. Ах, тебе это трудно постичь сразу.

— Ну, да. Где уж нам уж, — враз успокоился Саша, и в его голосе послышались привычные покровительственные, даже чуть насмешливые нотки: — Только Христос открылся? Больше никто? Давай это дело все же до утра оставим. Пару часиков у нас еще осталось. Все равно я сейчас не соображу, кого ты там увидел. Да и ты поостынешь. Ложись, Еська. Утро вечера мудренее. Это не я выдумал — сказочки. Вроде тебя.

— А это и есть сказка, Саша. Сказка наяву.

— Пусть так. Ничего удивительного, учитывая, что «мы рождены, чтоб сказку сделать былью»*. Вот утром и

---

* Песня композитора Юрия Хайта на слова Павла Германа.

посмотрим, останется ли она наяву или была лишь плодом твоего поэтического воображения. А то ведь как: проснешься — и нет ее. Тогда что?

Иосиф молча улыбался, и по его улыбке Саша вдруг понял, что это Еська жалеет его, а не наоборот. Что это Саша выглядит сейчас в его глазах неразумным. Он рассердился.

— Если тебе действительно что-то открылось — садись и записывай, пока вдохновение не ушло! — в сердцах брякнул он и услышал в ответ торопливое:

— А как же...

— Свет можешь не гасить. Мне не мешает, — разрешил Саша и отвернулся к стене.

Выждав пару минут, он нарочито громко всхрипнул пару раз и затих. Спать дальше он, конечно же, не мог. За эти месяцы он настолько привык к Иосифу, что тот был как бы неотъемлемой частицей его жизни. Видя физическую немощь друга, он бережно опекал его и даже не оставлял ему хлопот по дому. Дело в том, что Еська часто жаловался на какие-то боли в правом боку. Которые, однако, быстро проходили после принятия «на грудь». Но обращаться к врачам он категорически отказывался. А когда Саша на этом настаивал, повторял одно и то же: «Само пройдет и заживет, как на собаке, потому как я насквозь проспиртованный, никакая хворь мне нипочем! Да и к кому тут обращаться? К этим коновалам?»

Последний аргумент выбивал почву из-под ног Александра. Таким нелестным эпитетом он сам однажды наградил местного эскулапа районной поликлиники. Случилось это после того, как тот поставил ему диагноз — «аппендицит», тогда как он был удален Саше еще в шестнадцать лет. А сей врач предложил немедленно отправить его на операцию. Ну, не разглядел медицинский мужик с великого бодуна операционный шов пациента. Бывает. Бывает и того хуже.

В общем, переносил боли Еська довольно стойко. И в свою очередь, как мог, старался угодить Саше по мелочам. Не имея физической возможности, он всячески поддерживал его морально, что другой раз выражалось прямо-таки в комической форме. Стоило, например, Александру пожаловаться на головную боль, величину, в общем-то, постоянную и неотъемлемую при их режиме, как и наличие самой головы, как Иосиф тут же хватался за свою «бестолковку».

— Чувак, — страдальчески стонал он, — а у меня? У тебя, может, еще куда ни шло, а тут шлепок по «тыкве» — стадо слонов спешит на водопой!

Случись приболеть спине после длительного сидения в будке крана, у Еськи и тут намного страшнее. Он моментально сгибался буквой «Г»:

— Да я, чувачок, третий день разогнуться не могу, не только что. Глянь, вон и ногу волоку за собой. Радикулит. Это у меня давно. Так что крепись.

Выходило так, что раз он такой стойкий, то и другу ныть резона нет. Саша добродушно относился к такой бесхитростной «моральной» поддержке и не показывал виду, что понимает всю ее нелепость. Так как, скажем, не только вчера, но и сегодня, и вот только что Еська был вполне себе... ну, если не восклицательным знаком, то украинской «і» с точкой — точно.

Главное же, за что Саша любил Еську, — были его стихи: такие же простые и бесхитростные, как он сам. Но тут он проявлял характер: безжалостно сжигал стихотворение, если сам находил его слабым. Пусть даже Саша протестовал, пусть ему и нравилось то или иное. А такая участь постигла большинство из его очень и очень редких творений на данный период. Если не было работы, то с утра он не писал, потому что не было вдохновения. Когда же разживался средством для стимуляции оного, — как правило, у местных самогонщиц, — то

устремлялся за очередной порцией. Потом было уже не до писания. При наличии же работы — ну, сами посудите, какие могут быть стихи не в творческой обстановке?! Правда, Саша вскоре открыл секрет Еськиной принципиальности: он помнил абсолютно все свои вирши наизусть, и надобности в хранении их на бумаге для него попросту не было. Мало того, он мог часами читать стихи великих поэтов, доставая их из своей феноменальной памяти. Поэтов, о которых Саша имел весьма смутное представление и кои в школе были вскользь упомянуты как поэты «искусства для искусства». Помните? Куцые абзацы мелким таким шрифтом: Майков, Тютчев, Фет... Знал он и читал современников, о которых Саша и не слышал. От Еськи он узнал и о книге Солженицына «Архипелаг ГУЛаг». Не сказать, чтобы уж очень он интересовался самими произведениями этих современников, но познания Иосифа в недоступной для простого «совка» области искусства заставляли уважать так и не состоявшегося поэта и даже благоговеть перед ним.

Так и пролежал Саша до рассвета с открытыми глазами, вслушиваясь в неясное бормотание друга. Это означало, что Еська «в ударе». Он так и заснул за столом перед самым утром. Тихонько, чтобы не разбудить его, Саша уехал на работу. К обеду, отказавшись от выставленного Курбаном бригаде «фуршета» в честь окончания рабочего дня, он вернулся домой. Из головы не выходил их ночной разговор, и не терпелось убедиться в искренности намерений Иосифа. Тот был уже на ногах, и, похоже, все еще находился в том розовом мире, и не передумал насчет своего решения. Бутыль лишилась своего привилегированного места на столе и сиротливо дождалась своего часа в углу комнаты. Пренебрег ею на этот раз и Саша, и на кране они поехали в сельмаг райцентра. Ну, раз так договорено было.

Заведующая магазином, смуглая нагловатая красавица лет тридцати, прознав, для чего Еське понадобился костюм, с ходу предложила им не тратить здесь время попусту, а подъехать этак часика через два к ней домой. Это, конечно, при условии соблюдения строгой конспирации и готовности заплатить «нормальную» цену. Ну, то бишь, не ту, что нарисована на этикетке. «Ну, так это кто бы спорил...» — заверили друзья и, получив ее адрес и инструкции (не вздумайте на кране туда припереться), в назначенное время явились пред ее очи. Еще раз окинув цепким взглядом тощую фигуру поэта, Кира, так ее звали, удалилась в другую комнату и вынырнула вскоре с пакетом в руках.

— Это то, что тебе надо, — уверенно сказала она. — Будет сидеть, как влитый. Гэдээровский костюм.

Она назвала фирму и цену, от которой у Еськи потемнело в глазах и он беспомощно оглянулся на Александра.

— Берем, Есь, это же фирма! — улыбнулся тот, даже глазом не моргнув. Чем, похоже, и привлек к себе внимание хозяйки. Она впервые посмотрела на него не как на потенциального покупателя-лопуха, для которого полуботинки марки «Скорород» — предел мечтаний, а как на серьезного покупателя со вкусом. Да и не только...

— А что же себе не подбираешь? — спросила она его.

— А мне не перед кем вырядаться, — простодушно ответил Саша.

— Так уж и не перед кем, — ириво не поверила она. — Смотри, сколько девок тут у нас холостых.

— Да что ж на них смотреть. Девки имеют свойство перевоплощаться в ведьм, когда становятся женами. Я вот на одного тут уже насмотрелся, и никакой охоты больше нет.

— Моя не ведьма, — запротестовал Еська. — Это я сам дурак.

— Не о тебе речь, — успокоил его Саша. — Думаешь, ты один вяпался?

— А кто тебя заставляет жениться? — продолжала играть глазами Кира. — Гуляй, пока молодой.

— Именно это я и делаю, — развел руками Саша.

— Да слышала я про вас обоих, слышала. Молодые, мол, да грамотные, а пьют почему зря. Ох, смотрю, нет на тебя хорошей узды, — притворно вздохнула хозяйка. — Попался бы ты мне чуть раньше, я б тебя так охомутала, забыл бы, как пить.

— Потому он, наверное, никому и не попался, — встрял наконец и Еська в разговор. — Пока. Но это ведь дело такое, что никогда не поздно.

— Ух ты, — изумилась Кира, — философ, ни дать ни взять. Ну что ж, я приму к сведению твою мысль.

И уже по-свойски, как старого знакомого, взяла Александра за руку:

— Так на чем мы остановились?

— Как бы нам Еську полностью приодеть, — все еще не придавал значения ее действиям Саша. — Найди уж ему заодно и на ноги что-нибудь.

— Нет проблем! Найдем и рубашку с галстуком к костюму. Только примерочную будете устраивать у себя дома. Туфли — те можно и здесь.

Через минуту буквально ошарашенный Еська примерил туфли на платформе и, кажется, вместе с лишними сантиметрами вырос не только в собственных глазах.

— Ну вот, — с удовлетворением подытожил Саша и передал Кире деньги, — теперь бы еще костюм подошел и тогда — полный вперед!

— Подойдет, не сомневайтесь, — заверила она, не забыв тщательно пересчитать деньги. — Кстати, подбросьте-ка меня в вашу деревню. Давно у подруги не была.

И весело расхохоталась:

— На чем, на чем, а вот на кране не доводилось еще кататься. Так что попробуем. Убедимся заодно с костюмом. Если что — заменим.

— Что, еще есть? Откуда же столько де... — заикнулся было Еська по поводу дефицита и тут же осекся: вопрос был явно не по существу и не к месту.

— Много будешь знать, быстрее сыграешь в ящик, — грубо оборвала хозяйка. — Дают — бери, а бьют — беги. Тоже мне, прокурор выискался. Так че, берете меня с собой?

— Да какой разговор...

— Еська, да ты выглядишь, как настоящий поэт! — восхитился Саша, разглядывая переодевшегося дома друга.

Костюм и рубашка с галстуком действительно очень ладно сидели на нем, и вкупе с высокими каблуками фигура его казалась стройной и не такой уж и субтильной.

— Ну, и зачем тебе возвращаться к жене? — подыграла Кира, довольная произведенным эффектом и своей личной значимостью.

Она давно убедилась: будь то деревенский неуч-лапоть, будь то образованный интеллигент — все хотят и любят красиво одеваться. И тут она для них есть благодетель. Ни больше, ни меньше.

— Ну что, обмоем удачную покупку, господа холостяки? — немного насмешливо предложила Кира. Несколько смущенный таким оборотом, Саша потянулся к бутылке в углу, но она остановила его. — О-о, только не чемергес. Вот это уха-жеры! Вы что, и правда, думаете, что я буду пить эту сивуху?

— Так кто ж знал, — растерянно промямлил Саша.

— Да-а, — Кира приняла задумчивый вид: — Долгонько придется с тобой поработать, чтобы вернуть к нормальной жизни. Ну, начну с этого.

Она вынула из своей сумки бутылку водки, ловко крутнула ее в воздухе, поймала за горлышко и со стуком поставила на стол:

— Стаканы, надеюсь, есть?

— Щас я помою, — Еська опрометью выскочил в сени, загремел ведрами и ковшом и тут же вернулся.

— А чего только два? — подозрительно уставилась она на него. — Что, я уже не в счет?

— Это Еська не в счет, — торопливо вмешался Саша, испугавшись, что тот начнет объяснять ей свое духовное состояние.

— И в чем же дело?

— Да вот он так решил: пока с женой все не образуется — ни грамма.

— Ух ты! — снова удивилась Кира и повернулась к Еське. — Че, правда?

Еська неопределенно пожал плечами.

— Ну, молодец, — похвалила она. — Слово держать не каждый может. Слушай, как тебя, Еся. А хочешь, я свою подружку щас сюда приведу? Не хочешь? А вот это уже зря. Хотя кому как, конечно. Хозяин-барин. Ну, кавалер, давай!

Кира подставила Саше свой стакан и зачастила на цыганский манер:

— Наливай-подешевело-расхватили-не берут.

Уже после первой порции раскрасневшаяся Кира устроилась на коленях у Александра, после второй они пили на брудершафт, а после третьей ей взбрело в голову покататься по тайге. И, не принимая никаких возражений, потащила Сашу к машине.

— А ты, поэт ср...ый, — погрозила она пальчиком, — не мешай нам веселиться. Не хотел мою подругу — сиди, как сыч на суку. Блюди невинность, во! Жена оценит.

— Да мы скоро вернемся, — попробовал оправдаться Саша, но, увидев грустные глаза Еськи, поспешно отвел свои. Он

понял, что теряет друга, но противиться напору взбалмошной девицы у него не было никакого желания. Кира дурашливо подтолкнула его в спину, и он послушно переступил порог. Саша сделал свой выбор.

Понял это и Иосиф и нисколько не обиделся. Только взяла его страшная досада на Киру. И на самого себя. Надо же было им ехать за этими шмутками к этой наглой бабе. Еська вдруг поймал себя на том, что этой досады и даже зла он не испытывал к ней, когда увидел эти дорогие шмутки. О, тогда он сразу же залезил перед ней, лишь бы они ему достались. Не смутила даже двойная цена. И дело не в том, что платил Саша, — это деньги взаймы, и все равно в итоге будет расплачиваться он, Еська. Дело в том, что это тотчас соблазнило его. Он и глазом не успел моргнуть, как стал рабом этих вещей. Да, слов нет, красивых, но вещей. А теперь — досада. Да что там кривить душой: ведь он ее возненавидел. Только что питал, ну, пусть не уважение, но подобострастие, это точно, и сразу — ненависть! Как же так?

Еська схватился за Новый Завет. Где эти слова? Да вот они: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?»*

Прочитанные слова всколыхнули рой мыслей. «Почему еще вчера мне все здесь было ясно и вызывало умиление, а теперь полное неприятие? Потому что это коснулось меня? Значит, когда это абстрактный враг, то я могу любить его и охать и ахать, какое это прекрасное учение, а как коснется дела, ни о какой любви не может быть и речи? Я ведь отлично

---

* Библия. Евангелие от Матфея (5:44, 46).

понимаю, что никогда не смогу нормально относиться к любому рвачу-спекулянту, не говоря уже о том, чтобы молиться о... В данном случае, о Кире. Постой. А может, в молитве и заложен весь смысл?

Ведь если человек будет прощать человеку, то и им обоим простит Отец Небесный. „И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим“*. Вот оно! Главное — простить, тогда и я буду прощен Отцом Небесным. Да, я понял. Только это ведет к совершенству. „Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный“**. Видимо... да нет, не видимо, а ясно, что для этого нужно пройти тот тернистый путь, о котором Он предупреждает. А я только-только встал на этот путь любви и всепрощения и уже претендую на что-то».

Сделав такой вывод, Еська тут же почувствовал облегчение. Словно освободился от некоего груза, и даже дышать стало свободнее. Он углубился в чтение Нового Завета, проходя по несколько раз одно и то же место. И, когда постигал смысл стиха, ощущал себя первоклашкой, впервые составившим слово по слогам и понявшим, о чем идет речь. Он чувствовал, как полнится душа благоговением перед Господом Иисусом Христом, и встал на колени, и молитва его полилась свободно и беззвучно. Воистину: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»***.

Еське Он воздал сторицей. Никогда в жизни он не был так счастлив, как в эту тихую ночь. И как-то совсем неожиданно для себя вспомнил он одного мужичка с пилорамы, Савельича. Он и видел-то его всего один раз, но вспомнил,

---

* Библия. Евангелие от Матфея (6:12).

** Там же (5:48).

*** Там же (6:6).

как над ним посмеивались остальные рабочие. Кто добродушно, а кто и не очень. «Баптист он, — охотно пояснила тогда работавшая с Еськой маркировщица. — Везде у него Бог. Вот и хохочут над ним все кому не лень. Потому что не обращает на них внимания. Оборвал бы раз-другой, смотришь, и заглохли бы. Работает-то так, что дай Бог каждому. Только больно уж много молится», — не удержалась женщина от собственной критики.

«Вот что мне надо! Завтра же встречусь с ним, — умиротворенно подумал Еська. — Это Господь мне напомнил о нем». С этой мыслью он и заснул. Проснулся он уже на рассвете от той, ставшей уже привычной, тупой боли в правом боку. «Поболит и перестанет», — успокоил он себя и стал искать удобное положение на койке. Обычно он скручивался комочком, и боль проходила. Не сразу, постепенно, но стихала. На этот раз — нет. Он встал, походил по комнате — боль не проходит, а при ходьбе только разрастается. Такого еще не было. Взгляд автоматически отыскал спасительную бутылку: сколько уж раз он лечился подобным образом. Может, и сейчас? И сам себе твердо сказал: «Нет».

Сказал, потому что понял: это только отсрочка. Нужно идти в больницу. И, как ни боялся Иосиф этого заведения, было ясно: на этот раз без него не обойтись. Саша, конечно, вряд ли появится до вечера, если вообще появится. Значит, нужно топтать в медпункт в деревню. Но как пойдешь, если терпеть можно, только согнувшись на койке на корточках, подтянув колени к животу: в таком положении боль как-то стихала. Стоило разогнуться, и она возобновлялась.

— Господи, мне бы выжить на этот раз, — слова эти вырвались у него независимо от его воли, и он сам прислушался к ним и повторил. — На этот раз. Только бы увидеть дочурку. Помоги мне, Господи. Пошли ко мне кого-нибудь.

И вновь, как и вечером, почувствовал облегчение. Теперь уже физическое. А в сенях скрипнула дверь и послышалось приглушенное покашливание. Неужели это был ответ на молитву? От неожиданности Еська даже распрямился: невероятно! В комнату без стука просунулся и воровато огляделся не кто иной, как Сеня Гмыря. Разглядев в рассветных сумерках сусликом стоявшего на койке Иосифа, он снова кашлянул:

— Не спишь? — и, не получив ответа, продолжил, как бы оправдываясь за раннее вторжение: — Я тут со станции бегу. Шуряка из Тайшета на электричку садил. Дай, думаю, зайду, а то давно уж не был. — Он прошел к столу, понохал стаканы и завистливо крикнул: — Водяру глушили! Ясно, Логуниха самогонку жрать не будет.

— Какая Логуниха? — Еська от удивления раскрыл рот, а боль в боку стала еще тише.

— А где щас твой Сашка, та и есть Логуниха. Да Кира, Кира, че придуряешься, будто не знаешь, кто?

— Ну, теперь понял, — пробормотал Иосиф.

Хотя понятного-то как раз и было мало: приехали темно, уехали того темнее — откуда знать бы людям? Вот деревня так деревня: ничего не скроешь.

— Ну, а тебе-то что?

— Да мне оно-то что есть, что нету. Просто из интересу я. Через год-два один из ее мужиков освободится — не знаю точно, какой, не буду врать — Игорь ли, Витька ли. Они по очереди с ней живут. Вот тогда интересно будет. Они оба, что один, что другой, — оторви да брось. Жиганы²⁴!

— То есть, как по очереди? Не пойму, чего ты буровишь, — Иосиф высвободил ноги и сел на кровати.

— Ну, братья это Кравцовы, погодки. Первый на ней женился Игорь, старший. А как через месяц-другой в каталажку

попал (они больше полгода на свободе не гуляют), Витька к ней присоседился. Витька сел, Игорь вышел. Игорь сел, Витька вышел. Так вот у них и идет уж сколько лет. В последний раз оба почти в одно время очутились там, и, кто первый выйдет, даже она, наверное, не знает. Щас уж не поймешь, кто из них ее законный. Но добра от них Сашке ждать не придется. Они оба чуть что — за финку. Без финки не ходят, у-у, что ты...

Гмыря произнес это со значением и, по-видимому, посчитав такое вступление достаточным, чтобы перейти к делу, без всякой последовательности спросил:

— Ну, у тебя что-нибудь там осталось со вчера? А то горит все нутро.

Он давно уже разглядел бутыль в углу, но недостаток света не позволял определить в ней наличие средства для тушения пожара. Поэтому, не дожидаясь ответа, он включил свет и радостно вскрикнул:

— О! Мать честная! — И уже оглаживая бока бутылки: — Хохол глазам не верит, дай пощупать. Ты будешь? — на всякий случай спросил он, бросив взгляд на Еську. И чуть не выронил бутыль. — Е... Еська, что с тобой? На тебе лица нет... Ты же... Ты же желтее желтого... Желтуха!

Мимолетное облегчение уже прошло, и Еська вновь скрючился на койке. Ко всему еще стало не хватать воздуха. Семен, стуча бутылкой по стакану, налил немного самогону:

— Есь, давай ахни. Как рукой сымет. На!

Тот, скривившись от боли, замотал головой:

— Убери! Можешь сбегать к медичке? Ну, к Вере.

— Щас я, щас, Еся, — Семен дрожащей рукой поднес стакан ко рту и отстранил его. Какой бы ни был алкоголик, а страх заразиться желтухой на мгновение приостановил желание опохмелиться. — Есь, ты не пил с него?

— Пей, не бойся, — простонал Еська. — Только смотайся за Верой.

— Я совсем чуть-чуть, — пробормотал Гмыря. — Щас я — одна нога здесь, другая там. Ах ты, мать честная. Побежал я, Есь...

— Пстой! Сеня, ты знаешь Савельича? Ну, того, что с пилорамы.

— Придурка того, шептуна? Да знаю, конечно. Он же недалеко от меня живет.

— Как? Он здесь живет? — смог удивиться Еська, и в возгласе его Семен расслышал радость надежды.

— Ну да. На работу же их возят отсюда. Каждый день десять км. Зачем он тебе?

— Если встретишь, скажи ему обо мне.

— Да ты ж его не знаешь. Ни он тебя. Что я ему скажу?

— Скажи, что я Бога нашел.

— Кого? — Семен даже присел и снова, как и при появлении здесь, воровато огляделся по сторонам: — Бога? Ты че, Еська. Так и сказать?

— Так и сказать, Сеня.

— И все?

— Все. Это моя самая большая к тебе просьба.

— Да ладно, передам. Может, даже еще не уехали, дак прямо щас передам. Мне долго ли, че ли. Ты жди Веру, — Гмыря вылетел в сени и там боязливо перекрестился: — Пронеси меня от напасти, Господи, если Ты есть. Лучше сдохнуть от пьянки, чем так пожелтеть. Аминь.

Меньше чем через час к дому подкатил автобус «коробочка», и увезли Еську без промедления в районную больницу. Перед тем как ему запереть дверь, прибежал Гмыря.

— Передал я твоему шептуну. Сказал, что найдет тебя после работы. А щас, мол, молиться за тебя будет. И-эх! —

мотнул он головой в недоуменной усмешке. — И чего только себе люд не напридумывает!

Он заскочил внутрь, упрятал бутылъ в припасенную холщовую сумку и помог закинуть пробой.

— Ты, Есь, духом не падай. Ежли че, мы с тобой. Понял?

А уже вечером изумленная медсестра больницы и двое пациентов палаты, в которую определили Еську, наблюдали, как он и его пожилой гость стояли, никого не стесняясь, на коленях и... благодарили Бога за их счастливую встречу. Ни больше, ни меньше... Человек, похоже, одной ногой в могиле, а... Вот уж, правда, Гмыри: напридумывают же люди себе...

Загулял Саша с красавицей завмагом, загулял. До одури, как в омут головой, бесшабашно и безоглядно загулял. К вечеру придет с работы, подождет за околицей и на всю ночь с ней обратно в тайгу. Про Еську и думать забыл: ну да, договаривались ведь, что через недельку поедут в Тайшет. Чего ж воду в ступе толочь. Подойдет время — и поедут. Да и Еське теперь вон задел есть: с Богом, вишь, у него разговоры пошли, что уж вмешиваться.

В общем, кругом все хорошо, все ландыши. Нормальный ход. Он даже природой вот сейчас залюбовался, подружку ожидаючи. Благо, любоваться есть чем. Прямо за околицей села перелески таким томным очарованием осени завлекают — без причины грустить хочется. Отгорает природа перед затяжной зимней спячкой, облетает с деревьев лист и пышным разноцветным ковром устилает землю. Утепляет, значит, ее. Тоже ведь забота, а как же!

Они едут по накатанной дороге между полем с одной стороны и чахлыми перелесками с другой. Перелески постепенно тучнеют, и вскоре они сворачивают в тайгу.

— Слушай, может, поедем сегодня к тебе? — неожиданно прижимается Кира к его плечу. — Может, хватит меня по тайге таскать?

— Вот те раз! — Саша от удивления так тормознул, что, не уцепись Кира за своего возлюбленного, вышибла бы собой лобовое стекло. Но не испугалась, а расхохоталась звонко.

— Ты чего так тормозишь? Надоела тебе, что ли?

— Затормозишь тут. То уши все прожужжала, что, кроме тайги, для нас нет места на земле, то вдруг «хватит таскать по тайге». Ну, хватит, так хватит. Разворачивать?

— Да ладно, не сегодня. Но завтра уж точно поедем в твою деревню.

— Вот видишь, какой ты непостоянный человек, — пошутил он. — Сама же говорила: не любишь лишний раз на люди казаться. У нас же тайна.

— Ох, какой же ты еще глупый, Саша. Это же деревня. Тут шагу без огласки не ступишь. Да люди в первый же вечер про нас с тобой разрезвонили. Так что какая теперь разница: видели не видели?

— Но там же Еська, — не сдавался Саша.

Ему было неловко показываться с ней перед другом. Пусть думает, что ночует в тайге в бригадном вагончике, как это часто случается, когда много работы.

— Ты что? — удивилась теперь уже она. — Ты что, ничего не знаешь?

— Что я должен знать?

— Да что твой друг в больнице. Уже четвертый день как.

Теперь Саша остановил кран уже насовсем.

— Как в больнице? — в глазах у него затаенное предчувствие беды.

— Очень просто. Как люди попадают в больницу? Вот так и он попал. Гепатит у твоего поэта. А может, уже и рак печени. А теперь еще и инсульт долбанул. Тяжелый он, Саша.

— Кира, ты что, знала и молчала?

— У-у, какие мы сердитые. Послушай, он твой друг или мой, а? Мне до него как-то дела нет. Не сердись, я тоже вот только что узнала. И то лишь потому, что ваша Верка-

медсестра забегала ко мне сегодня. Ну, а если тебе неизвестно, то помирает твой Еська.

— Почему же на работе у меня никто об этом даже не заикнулся? Вон и маркировщица ваша из леспромхоза на прогулке была. И машины ваши.

— Еще раз глупый ты, мой миленький. Кому интересно знать про какого-то заболевшего Еську, если есть вести поважнее?

— О чем ты?

— Ну, ты даешь! — искренне изумилась Кира. — Да вся округа сейчас только тем и занята, что строит догадки, чем закончатся мои с тобой шашни. Понял? Э-эй, ты что, аршин проглотил?

— Ничего себе! Все всё знают? Ты это серьезно? — Саша развернул ее к себе за плечи.

— А ты уже и перепугался? Герой, однако.

— Да нет. Если перепугался, то только за тебя.

— За меня не надо бояться, Саша, — прижалась она к нему. — Я сама, кого хошь, напугаю. Потому-то всем и интересно, чего это у меня такой молоденький ухажер объявился. А главное, — Кира помедлила, — главное, что не из начальников, понял? Так что бойся за себя. Договорились?

— Как скажете, — поклонился он. — А причем тут начальники?

— Подрастешь — узнаешь. И больше об этом ни слова. Об этом и без нас есть кому судачить.

— Может, поедем к Еське? Узнаю хоть, как он там.

— От него ты ничего не узнаешь. К нему не пускают. Кроме одного тут мужика нашего да еще жены самого Еськи.

— Жены? Она здесь? А как она узнала?

— Савельич ее привез вместе с ребенком. Мужик наш, может, видел, на пилораме работает. Они и дежурят с ней у

Еськи по очереди. Да ты видел его: набожный такой, затюканный мужичошка.

— Видел, — Саша помрачнел. — Ничего он не затюканный. Тихий просто. Да-а, выходит, он сделал то, что должен был сделать я.

— Никому ничего ты не должен. Каждый хорош на своем месте. Савельич, говорят, молился вместе с твоим Еськой, и тому это была большая поддержка. Что, ты бы тоже молился? — в голосе Киры ирония. — То-то. Ну, а уж о жене с дочкой и говорить не надо. Вера говорит: друг твой на седьмом небе был от счастья. Только, мол, у него уже ум за разум стал заходить: все повторял, что от Бога ему это счастье привалило. Я видела его жену: прехорошенькая. И убивается девка по нему страшно.

— Убивается... — эхом откликнулся Саша. — Как же так? Она ж его все в ЛТП пыталась упрятать. Я думал, она избавиться от него мечтает...

— Эк, как ты скор на выводы. А если она таким путем только и могла его спасти, а? Мало вас дохнет-горит от водки? Ты думаешь, Гмыря, вон, всегда алкашом был? Э-э, еще какой парень был! Уж сколько боролась его жена, сколько сил положила, чтобы откачнулся от выпивки. Все прахом. А посидел бы в той кутузке, может, и очухался бы. Не пытайся, милый ты мой, понять женщину, — вздохнула Кира. — Все одно не поймешь.

— Что не пойму, то не пойму, это я понял, — скалambuрил Саша.

— И правильно сделал. Вот отгадай, куда я хочу сейчас поехать?

— Ко мне домой, — неуверенно сказал Саша. — Куда ж еще?

— Не-е, — засмеялась она. — Быть рядом с вагончиком и развернуться, чтобы плестись уже раз пройденный путь! Ох,

и глупый ты, глупый, молодой человек. Гони быстрее к вагончику. Все остальное, кроме этого, — завтра.

А назавтра Саша первым делом с работы заскочил в больницу. Но там его ждало разочарование: еще в полдень увезли Еську в Тайшет.

— А как же он все-таки... Ну, почему его туда? — растерялся Саша.

— Ты не Александр ли? — спросила дежурная сестра. И, получив утвердительный ответ, сказала: — Тебе с Савельичем бы поговорить. Знаешь его? Ну, вот, лучше его тебе никто про этого больного не обскажет. И что он, и как он. Тем более что он и просил тебе это передать. И Иосиф просил об этом же.

К Савельичу в тот вечер дороги не оказалось. В другой — тоже. Ну, и в третий. Все находились какие-нибудь помехи, будь они неладны. Вот уже и с Кирой перестали по тайге шастать, все больше дома да у подруг ее, то у одной, то у другой, время проводить стали и не таились уже ни от кого, а... Ну никак не выкроить, чтобы сходить к тому мужику. И вышло так, что он сам к нему явился. Пришел вечером и нашел Александра не в самом хорошем расположении духа. Киры не было: все дела свои торговые улаживала девка. Да и вообще не каждый теперь день они встречались, а только по ее зову. Запуталась она в делах, из-за любви неожиданной контроль за магазином ослабила — результат и не замедлил сказаться.

Ревизия нагрянула, а в магазине недостача. А все ведь всегда было чики-чики, тютелька в тютельку. Кто подстроил — поди догадайся. Впрочем, Кире над вопросом голову ломать не надо было. Галька-продавщица, вроде бы и подруга ее, но и давняя соискательница титула завмага, гоголем вон ходит, должность вожденную не во сне, в руках собственных ощущает. Так прямо и заявила ревизору, что, мол, неплохо бы обыск в доме завмага устроить. Тут и взвилась красавица Кира.

Ах, вам обыск! Говорите, что подруге моей разлюбезной должность моя привиделась? Ну что ж, мечтать не вредно. Только она ее не увидит. Пусть теперь пеняет сама на себя! Собрала, что надо, Кира, поехала куда надо, поотсутствовала на работе пару дней, и... отозвали ревизора из райцентра назад, в область. Другой мужик приехал: походил, понюхал, попил водочки с пелядкой да с икоркой разноцветной и разнокалиберной, и оказалось, что все у Киры в полном ажуре.

Куда там Гальке супротив красавицы Киры! Форс-то ее ни связями нужными, ни внешностью броской не подкрепленный. Ну, какой приличный, уважающий себя аппаратчик соблазнится ее тощей фигурой, да еще и при живом муже? Так что, прежде чем козни подруге строить, неплохо бы семь раз отмерить. «Думать надо, соображать!» — как говаривал незабвенный персонаж Аркадия Райкина. Вот этот результат и вызвал у Саши нарушение душевного равновесия. Вернее, то, каким образом Кира тот результат простимулировала.

Теперь он понял, «причем тут начальники» и что имела в виду его возлюбленная, когда говорила, что он не из той когорты. А он, между прочим, даже письмо домой написал — в кои-то веки решился! — и пообещал к весне прибыть с деньгами, вещами и едва удержался, чтобы не сообщить о красавице жене. А так и подмывало похвастаться перед родителями. Вот ведь удержало что-то. Любовь-то ее, Киры то бишь, он за чистую монету принимал. Да как не принимать, если сама же твердила, что каждый день, каждую минуту ждет не дождется, когда увидит его. А оно вон как обернулось.

Обмишулился²⁵ Саша в очередной раз. Как есть обмишулился. И из самых отдаленных закоулков души тоскливо пронзительный крик: где-то ведь есть у тебя Катя. Что ж ты над собой измываешься? Но для такого крика есть у него давно и надежно выверенное, сами понимаете, какое, средство.

Вот аккурат перед принятием этого средства и застал его Савельич, пожилой мужчина с кроткими, чуть раскосыми карими глазами и очень доброй, заранее все прощающей улыбкой.

Он поздоровался, прошел к столу, за которым сидел Саша, и молча протянул ему Новый Завет.

— Еська! — догадался Саша, и дрогнул его голос.

Гость кивнул головой:

— Да. Сегодня. Я только что оттуда.

— Отмаялся, значит, — Александр старался не смотреть на гостя.

— Он не маялся, Саша, — тихо сказал Савельич. — Он в радости ушел.

— Да что ж за радость такая! — моментально взбунтовался Саша. — Что ты мелешь?

Он понимал, что этот мужик вправе упрекнуть его в том, что он ни разу не соизволил навестить своего закадычного друга — во всяком случае таковыми их считали в деревне, — поэтому заранее оцетинился неприязнью. Он видел не раз, как мужики подсмеиваются над этим простоватым баптистом, и не испытывал никакого желания выслушивать его проповеди. Не хватало еще, чтобы он поучал тут.

— У людей горе, а вам, баптистам, радость на каждом углу мерещится.

— Горе это, конечно, — согласился Савельич. — Как не горевать, когда уходит твой лучший друг? Тут я понимаю тебя, Саша. Всем близким горе. И, в первую очередь, жене его с ребенком.

Саша отметил, что он не упоминает себя, и немного растерялся: все же именно он все это время находился с Иосифом. А гость продолжал:

— Но у всех этих людей должна быть радость, оттого что он успел покаяться перед Богом. А значит, он спасен и

Господь принял его в Свои обители. Разве нет от этого радости, Саша? Нет? — он внимательно смотрел на Александра.

— Ну, так это... — теперь Саша был уже явно смущен, — почему же...

— Иосиф много мне рассказывал о тебе, — не замечал его состояния Савельич. — Говорил, ты первый, кому он доверял свои стихи. Вроде как редактор. Он тебе очень благодарен. Говорил — мечта у вас какая-то общая есть.

Саша глотнул подкативший к горлу ком и мысленно продолжил за гостя: «А я, идиот, даже не пришел к нему. Ты прав в своем упреке, Иван Савельич. Прав. Козел я. И машина под рукой, и времени поболее твоего, а ни разу не удосужился заглянуть. Даже попрощаться не успел». Но Савельич и не думал его упрекать, и у Саши отлегло от сердца.

— У нас была мечта издать его книгу, — сказал он. — Но он не очень-то торопился.

— Во-во, — как-то виновато улыбнулся гость и вытащил из своей сумки сложенные пополам листы. — Чуть не забыл. Это он мне диктовал, когда в сознание был. Сказал — показать тебе. Это его последние, и они о Боге, Саша. Он не хотел, чтобы ты жалел про те, прежние. Здесь все записано. Если ты, конечно, разберешь мои каракули.

— Разберу, — Саша взял листы. — И все? Больше он ничего не просил?

— Просил, — опять виновато, будто просит для себя, улыбнулся гость. — Знаешь, то ли он понял, что не выкарабкается, то ли просто на всякий случай сказал мне... — он сбился, — вроде ты однажды сказал ему, что он выглядит, как истинный поэт, да? А ни у него самого, ни у жены его нет ничего приличного для погребения. — Савельич засуетился, достал какие-то деньги: — Мы тут с ней собрали немного, Саша. Потом еще подсоберем, ну, костюм вроде ты ему подбирал, дак это...

Так и обдало жаром Сашу, вспыхнул он, словно спичечный коробок:

— Что ты, что ты, Иван Савельич! Неужели я уже настолько идиот, что ты так мог подумать? Какие деньги, если это его костюм, и туфли, и рубашка. Вот оно все тут. Как же ты...

И Савельич увидел, как ошибся в этом парне. Он причинил ему боль. Неосознанно, но причинил. И испугался, что тот обидится:

— Прости, Саша, не так мне надо было. Прости, не обдумал я.

— Да все путем. Что еще можно подумать о том, кто кидает друга в беде? Правильно ты, Савельич, меня на место поставил. Не в обиде я.

— Я рад, что ты сам понял. Но все равно, прости. Послезавтра похороны. Поедешь со мной?

— Поеду. Но вещи его ты забери. Я удивляюсь, как их вообще еще не сперли. Меня же столько дома не было.

— Ну, пока на двери есть замок, наши деревенские не переступают этой черты. Другой вопрос, сколько это еще продлится. В районе уже лезят и по квартирам.

— С собой что-нибудь брать? — Саша изобразил в воздухе ладонь с оттопыренными пальцами.

— Нет, Саша. Похороны по-христиански. Без всякой выпивки. Это и его было желание, и жена его со мной согласилась.

— Да какие же они тогда христианские, если не помянуть?

— Помянем его словом Божьим. Это и есть радость, что раб Божий к Отцу своему Небесному пошел. А выпивка — это когда люди радуются поводу выпить и повеселиться. Нет там никакого горя, Саша. Это то, с чего мы наш разговор начали.

— Да ладно, мне-то что. Просто подумал, что все-таки Еська любитель был выпить. И немалый любитель. Вот

сомнение и берет: пил он почем зря, а все же к Богу пошел, так? Твои слова, между прочим.

— Ну да.

— Значит, по жизни можно и без Бога обойтись. А к смерти ближе — покаяться — и всех делов-то!

— Прожить без Бога можно, Саша. Умирать без Него тяжело. Так тяжело, что ты даже не представляешь, как велик страх перед уходом из жизни. И совсем по-другому, светло, с уверенностью и надеждой на встречу с Богом уходят нашедшие Его. Поверь мне, я посмотрелся на последние часы и тех, и других. Если бы Еська не призвал Его в свое сердце, вряд ли написал бы то, что написал в последние свои часы. Ты слышал, чтобы кто-то, страдая от физической боли, славил жизнь? Вот то-то и оно. А он ее славил, потому что был уже от Бога! Почитай его стихи — и поймешь. Но все равно: это хорошо, что ты открываешь в себе пророка.

— Какого еще пророка?

— Ну, как же. Ты ведь пророчишь себе глубокую старость без всяких там неожиданностей. Значит, будущее тебе известно до са-амого-самого.

— Да какой там! После того, как меня чуть не отправили на тот свет в славном городе Красноярске, мне ясно одно: жизнь — это рулетка. Сегодня ты жив, а завтра... — Саша присвистнул, — завтра — труп.

— Тогда я не пойму, как ты узнаешь, что нужно покаяться? Вдруг то «завтра» не наступит?

— А, об этом лучше не думать, — махнул рукой Саша. — Оно спокойнее.

— Ну-ну, тебе виднее. Так как договоримся? Забегать за тобой?

— Да, железно. Завтра только Курбану скажу. Работы все одно нет.

События, случившиеся в день похорон Иосифа, тяжелым камнем легли на сердце Александра. Именно события, а не сами похороны, которые прошли в необычной для него обстановке. Нет, все было, как полагается: и траурная процессия по кладбищу, и прощальное слово Савельича о Царстве Небесном, вызвавшее в Саше противоречивые чувства. И слезы: сдержанные, но искренние слезы Еськиной супруги. В них Саша, как ни старался, не услышал фальши. И он вдруг почувствовал страшные угрызения совести: он стал нещадно обличать сам себя. Ведь это по его инициативе Еська покинул город и, если бы не... Многочисленные эти «ах, если бы не...» и «может быть, тогда бы...» привели его в такое удрученное состояние, что его охватило неодолимое желание как можно быстрее оставить это печальное место. Бросив свою горсть земли в могилу друга, он подошел к его жене, невнятно пробормотал необходимые слова соболезнования и, еще невнятнее буркнув: «Это вам для дочки», — сунул ей в руки пакет с деньгами. Затем поспешно, не дожидаясь окончания похорон, удалился.

Чувство вины перед Еськой и его семьей усиливалось с каждым шагом, но по мере удаления от кладбища зарождалось в душе хоть и слабое сначала, но оправдание: «А в ЛТП он и того бы не протянул. Шутка ли — цирроз! Да был уже ему приговор, чего там». Постепенно утешительные нотки привели его мысли в более спокойное русло. И вот он уже

казнил себя за то, что согласился прийти на похороны. Просто надо было передать деньги с Савельичем — и все дела. И никому бы от этого его отсутствия плохо не было. Все легко и никаких проблем. Ноги между тем сами несли его в каморку Доцента. Надо обязательно сообщить ему о Еське. Там, за бутылочкой, можно будет и по душам поговорить, и добрым словом, не на «сухую», помянуть бедолагу. Все же в духовном отношении Доцент с Еськой были родственными душами.

Дверь ему открыл мужик с такой испитой рожей, что даже Саша, выдавший виды, содрогнулся и откатнулся в защитной реакции от смрада, дохнувшего на него из глубины квартиры. Заныло сердце в нехорошем предчувствии: такой сорт людей Густав в квартиру не пускал. «Синюшник» — так величают любителей одеколона и палитур — долго и тупо обозревал гостя, потом, что-то смикитив, широким жестом пригласил его в апартаменты:

— Есть че-нибудь вмазать?

— Доцента позови! — рявкнул, выйдя из себя, Саша. — Густава.

— Пошел ты! — понял отказ «синий» и попытался закрыть дверь, но Саша успел схватить его за шиворот, и он, взвизгнув, сразу сориентировался: — Да нету его давно, помер он.

— Как помер? — остолбенел Александр, отпустив мужика.

— Молча, — донеслось уже из-за двери. — И вали отседа, пока цел.

У кочегарки его окликнули. К нему, приветливо улыбаясь и широко расставив руки, шел «предводитель бомжей всея Сибири» Митя Коршун. Саша уважал этого неординарного мужика. Это, конечно, не Доцент, но поговорить с ним можно. И потом, при этом парне можно было не опасаться других

бомжей, у которых к тому времени уже появился вкус к грабёжам сильно подвыпивших граждан. Раньше они этого себе не позволяли. Пали, так сказать, нравственные принципы у этой группы населения.

Коршун и обрисовал ему ту страшную картину самоубийства Доцента. А рассказывая, не скрывал восхищения его мужеством, даже вроде как завидовал. Потом похвастал своей «хавирой»²⁶, куда «ни один мент не сунется — боятся!», и как-то само собой получилось, что на эту хавиру они и пришли. И начались «нормальные» поминки безвременно усопших друзей. Домишко находился недалеко от вокзала, и слух о том, что прибыл Сашка-бомж — этой кликухи он удостоился еще при первой встрече с Коршуном, — распространился со скоростью звука.

И очень скоро компания выросла так, что жаждущие встречи с ним едва уместались в тесной комнатенке. Каждый вновь прибывший считал своим долгом восхититься известной всем Сашиной щедростью, и он не обманывал их надежд: именно что щедро, одного за другим посылал гонцов за «бормотухой». Оказался вскоре здесь и тот «синюшник», но теперь он уже не вызвал у Саши того неприятного чувства: мужик как мужик. Правда, тот благоразумно старался держаться в тени, помня, что угрожал ему. Да, здесь Саша чувствовал себя, как Зевс на Олимпе. Мановение руки, подкрепленное ассигнацией, — и очередной гонец бежит марафонскую дистанцию за «священным напитком». Как правило, вермут. Или, если повезет, — портвейном №11, а то и №12. Водка у этого люда не в чести. Дорого, да и с ног сразу сшибает — толком поговорить не успеешь.

Выбрался он из той хавиры лишь на следующий день. Правда, как выбрался и как добрался на электричке до своего разъезда, покрыто тайной непроницаемой. Факт, что

добрался, и то ладно. А поздним вечером, аккурат когда он скреб в затылке от подсчитанных убытков и злился на себя, явилась Кира. Явилась с большими претензиями, в которых сквозила ничем не прикрытая ревность: дескать, где тебя черти носили? Саша сильно удивился и в свою очередь огрызнулся, что, мол, там же, где тебя саму носило двое суток. И еле успел увернуться от запущенной в его большую голову грязной тарелки. Он скрутил разбушевавшейся подружке руки и так удерживал некоторое время, соображая, как лучше обезопасить себя от ее дальнейшего разбоя. Но, когда она обложила его таким многоэтажным матом, которого он еще не слышал даже от заядлых матерщинников, решил больше не искушать судьбу и быстренько поведал ей о похоронах. Кира перестала изрыгать проклятия и постепенно затихла.

— Что, не мог сразу так объяснить? Обязательно вывести человека из себя надо? — с укором, но мирно, как ни в чем не бывало, спросила воительница.

— Откуда ж я знал, что ты полоумная, — искренне признался Саша и ослабил хватку. — Ты ж мне череп могла раскроить, дура.

— Не могла. Я выше кидала. А хоть бы и раскроила — меньше где попало таскаться будешь, — и упредила, подняв руку: — Ты меня с собой не сравнивай. Сто раз тебе говорила: не поймешь ты женщину ни-ко-гда. Что я могу себе позволить, того не можешь ты, понял, прынец драный?

— Это почему же? — опешил от такого откровения «прынец».

— Потому что ты — мой, а я — ничейная, — серьезно сказала она.

— Это я — ничейный, — удивился Саша такой явной наглости. — А...

— Это тебе только так кажется, — не дала она ему договорить. — Пока я этого хочу, ты будешь нуждаться во мне. Вот так.

— Поясни, почему?

— Потому что ни одной бабе не дам к тебе даже приблизиться. Они меня знают, и ни одна из местных тебя не подпустит. Ну, и куда ты денешься?

— Ничего себе, стратегия. Неужели, правда, так бояться?

— А вот попробуешь от меня вильнуть, узнаешь. Ладно, че за голову держишься? Давай мировую, — на столе появилась бутылка.

Глядя, с какой готовностью Саша принялся отбивать сургуч с «белоголовки», она с неожиданной тоской в голосе произнесла:

— Нельзя тебе без меня, Сашок. Пропадешь. Сопьешься ты, мой милый, без меня. В два раза быстрее сопьешься, чем если со мной. Ничто уже тебя не удержит.

— Да с чего ты взяла?

— Вижу. Я далеко вижу, Саша...

Утром для Саши еще одна новость: собирает Курбан по Иосифу поминки. Приглашает всех, кто когда-либо работал у него, в том числе леспромхозовских. Об этом узнал Саша утром, как только отвез Киру на работу. Курбан просто так ничего не делает. Саша это прекрасно понимал, потому и спросил его прямо: для чего, мол, тебе мероприятие сие.

— Надо, — лаконично ответил Курбан. — Вся контора будет вместе с директором, понял, да? Хочешь речь сказать?

— Я уже наговорился, — отказался Саша. — Два дня назад.

— Ладно, других послушаешь. Повестка дня такая: сначала немножко с начальством посидим, потом все работяги соберутся. Чтобы поминки — как поминки, а? Как тебе идея?

— Хорошая идея, — согласился Саша. — Только я на начальстве не расположен светиться. С начальством пить — себе дороже.

— Почему так говоришь?

— Потому что потом отказаться от работы трудно.

— Эй, — расплылся в улыбке Курбан, — как ты догадался, слушай? Директор как раз и просил тебя поработать, раз мы свои вагоны кончили. Что ему сказать тогда, если на поминки не придешь? Будешь грузить?

— Буду. Раскрутили тут меня с деньгами, наверстать бы надо.

— Отлично! Моя личная благодарность тому, кто тебя крутил. Тогда я передам директору, что все в ажуре, да? Мне это важно, сам понимаешь. Да мне, мне — не тебе. Мне с директором и дружить, и пить немножко обязательно надо, да? А тебе, — Курбан хитро улыбнулся, — тебе, и правда, с ними пить не надо. Что, совсем не приедешь?

— Да почему это? Ты же сам сказал, что к вечеру своим составом соберемся. А со своими я с удовольствием. Так я поехал домой?

— Давай, дарагой. Отдохни до вечера, а то у тебя вид, будто на тебе всю ночь воду возили. — Курбан понимающе подмигнул: — Что, заездила тебя Кирка? Может, помощь нужна? Э-э-э, да пошутил я. У меня таких Кирок три с лишним города по Сибири. И все получше твоей. Пошутил я.

— Так и я пошутил, — отпустил Саша завернутые за спину руки Курбана. — Я это так, на будущее.

— На будущее, — проворчал Курбан, потирая плечо. По-медлил и понизил голос: — Я слышал от одного хорошего человека, ее мужик скоро выйдет из зоны. Который, не спросил я. У нее ж их два. Но пока вроде один. Когда второй выйдет — неизвестно. Учти, об этом еще ни одна душа в селе не знает.

— Ты это серьезно, Курбан?

— Железно. Я такими вещами не шучу.

— Ну, пока один — это уже хорошо, — как бы что-то прикидывая в уме, пробормотал Саша.

— Дурак ты, Саша, — с сожалением произнес Курбан. — Кругом столько незамужних, на что тебе с уголовниками связываться из-за... Ладно, ладно, не мое дело. Дуракам закон не писан. Езжай, отлеживайся.

Дорогой мой читатель, чтобы рассеять твое возможное недоумение по поводу значимости подобного мероприятия —

и вообще, зачем, мол, такому человеку, как Курбан, это надо, — поясню на очень коротком примере. Вы приезжаете в город Тайшет (Чуну, Братск, Усть-Кут и т. д.) и пытаетесь устроиться в гостиницу. Мест же, как сами понимаете, нет. Но оно для вас найдется сразу же, если у вас есть счастливая возможность шепнуть на ухо администратору, что вы от очень известного лица. Угадайте, какого? Правильно: Курбана, Файка, Карлена, Гоги, Арика, Хасана... Или у вас проблема с ГАИ. Ее нет, если у вас есть та же самая возможность. То есть в каждом районе свой Курбан. И теперь, надеюсь, вы поняли, зачем они иногда проводят такие благотворительные акции. Они должны быть на виду, и про них должны ходить слухи. Кои, конечно же, соответствуют действительности: именно от них кормится огромное число чиновников...

Отлежаться и отоспаться после бурной попойки и последней ночи Саше не удалось. Едва он расположился на кровати, как во дворе, где стоял кран, заурчал КамАЗ и через минуту к нему пожаловал Савельич в сопровождении леспромхозовского шофера Николая Ляхова. Саша его отлично знал: он был из этой деревни и один из самых надежных камазистов. А также один из немногих сельчан, имеющих свою легковую машину. Этот без дела не заедет и попусту не потревожит. А дело оказалось такое, что, по заказу Савельича, сварили Еське памятник, и директор послал этого Николая отвезти его в Тайшет. А ему и отказаться нельзя, и времени нет: жену надо в другую совсем сторону везти. Вот взбрело бабе в голову к родной матери в родное село ехать рожать. А, Саша?

Саша не то чтобы против, но вот как же с поминками-то? Курбан, он когда что-то затевает, то все знают — пир горой будет. Жалко пропустить. Те два дня сам вон как растратился, так хоть на этот раз на халяву погулять. А Николай свое гнет, что машину, мол, только тебе доверить можно сегодня,

потому что все мужики как раз и засобирались на эти поминки. А Савельич, мол, тут и подсказал, что только что тебя видел в центре. Так как, Саша?

— Мне бы на поминки Еськи успеть, — мнется Саша. — Друг-то мой.

— Так и памятник ему, — вступил Савельич. — На твои деньги, Саша, я его заказал. Ну, что ты Галине на похороны пожертвовал. Она и попросила. Да к вечеру-то мы уж пару раз обернемся, не только что.

Вскочил Александр, за одежду схватился. Дрожь по телу волнами.

— Что ж ты молчишь! А я еще кочевряжусь. Поеду я, Коля, поеду. Тебя завезти или как?

— Не-е, поезжайте. Я пеша, рядом тут. Ты права-то не забудь, а путевка вот, возьми.

В общем, пока суд да дело, пока памятник с Савельичем установили, пока к Галине заехали, пока вернулись... а времени оказалось еще часа два в запасе. Но усталость взяла свое, и прилег Саша с Еськиными стихами, а то в дороге неловко вышло: Савельич про них спросил, а он в них и не заглядывал. Вообще за эту короткую поездку много чего неожиданного и удивительного открыл он в этом невзрачном на вид мужике. И самое неожиданное, конечно, что живет он тут на поселении по выходе из зоны. Из обозначенных пяти лет уж скоро три, как прожил здесь.

Сколько ни старался Саша, а так и не смог представить Савельича в заключении. Ну, за какую такую провинность можно было посадить такого мирного мужика, в любую минуту готового прийти на помощь совсем незнакомому человеку? Нет, то, что он за веру в Бога сидел, — Саша усек, только непонятно, почему, если у нас свобода вероисповедания. Понятно было бы в том случае, если бы вера в Бога

была сопряжена с какими-то насильственными действиями. Но какое насилие мог совершить этот человек?

На ум и память сразу приходили те бурные дебаты, которые разгорались в каморке Доцента между его постоянными гостями по поводу всяких там прав человека, в том числе и религиозных. Но Саше было не до каких-то мифических прав, пока он не отстоит свои собственные, а про то, что людей сажают за веру, он, видимо, пропускал мимо ушей. Но чтобы пять лет зоны и еще пять на поселение — это не укладывалось в уме. Это похлеще, чем другому уголовнику.

Но больше всего поразило Сашу отсутствие неприязни Савельича ко всем своим обидчикам. А их по жизни встретил он немало. Сам он их в своем рассказе обидчиками как таковыми не выставлял, и уж тем более не осуждал. Все старался свести к своей жизненной платформе: Бог, мол, рассудит и каждому воздаст по делам его. И когда о друзьях говорил, и когда о недругах рассказывал — все едино: отдай суд Богу.

Это одновременно и поразило, и оттолкнуло Александра. Душой не мог принять всепрощенчества. Но в спор с Савельичем вступать побоялся. А ну, как вступишь, а он вдруг да и переубедит тебя. Знаем мы такие примеры. Тут только дай себя завлечь, так засосет — не вытянешь ноги. Куда засосет? Да кто его знает: то ли в болото мрака, то ли в трясины мракобесия. Говорят же, вон недавно один сильно известный своей стойкостью борец с «опиумом для народа», профессор, между прочим, так доборолся, что сам в итоге в проповедники пошел. Так это профессор!

Вот как охмурить может человека эта вера. Да что далеко за примером ходить — тот же Еська! Ушлые мужики, вроде Сени Гмыри, давно уже свой диагноз поставили: не брось бы Еська так резко пить — жил бы еще да жил-поживал. А он бросил именно резко. Потому, мол, организм

и смутился-спутался — подкормки-то привычной нету! — вот и крикнул мужик. Уж если бросать, то это постепенно надо, «чтобы привыкла организма, поняла, что к чему. А резко нельзя, не-ет». Так и с верой: послушать можно, но в разговоры не вступать. Лучше поостеречься. И как хорошо, что Савельич не лезет ему в душу с нравоучениями, а только дает ему повод для размышлений. Вот как сейчас.

Саша развернул листы и принялся за стихи. Прочитал и задумался. Так Еська никогда не писал. Не было того при-сущего ему набата, крушения всех авторитетов, когда речь шла о его позиции. Не было и той сентиментальной лирики в созерцании природы, которой он посвятил немало своих стихов. Да и Бог никогда не упоминался в его стихах. Саша вернулся к первому, в котором Еська писал о времени, и мысли его унеслись в далекий Нерюнгри. Вопреки Еськиному утверждению, он возвращал время. Но изменить в нем то, что однажды было сделано, невозможно даже умозрительно. А жаль, как жаль... Картины детства, юности сменяли одна другую и так захватили его, что Саша, в попытке возврата времени, о нем же и забыл напрочь, и не спохватился до самого утра.

Зато утром встал он с удивительно свежим, умиротворенным чувством, какого не испытывал уже давным-давно. Он как бы поздравлял себя с тем, что не поехал на поминки. Что нет нужды бежать к кому-то за похмельем. На душе было светло от сознания того, что Еська не обиделся на него за те последние дни и ушел с доброй о нем памятью. Он развернул стих, чтобы напомнить себе некоторые строчки, и тут Савельич принес такое известие, что хуже не придумаешь: Головатый приказал долго жить. Зарезали мужика. Потому как закончились поминки в тайге поножовщиной. Дракой-то никого не удивишь — дело обычное, а вот когда убийство — это уже из ряда вон.

Главное, что никто толком ничего не помнит и не знает, как все это случилось. В каталажку же пока засадили Сеньку Гмырю. Сам вроде признался, что зарезал бугра. Только сомнительно это: ну, какой он убийца, если в жизни даже курицы сам не зарезал? А тут, говорят, удар такой был, что Головатый скорее всего и пикнуть не успел, как на том свете оказался. И то, что взяли Сеньку, — это просто недоразумение. Теперь в милицию затаскают всех, кто был на поминках. Уже устанавливают, с кем он был в ссоре или просто в натянутых отношениях. У кого, в общем, был мотив.

И Саша порядком взволновался: совсем недавно он крупно повздорил с бугром из-за Еськи. Как же это чудно, что он не был там вчера.

Савельич, узнав об этом, вздохнул с облегчением.

— Устал сильно? — догадался он сочувственно. — Или приболел?

— Ни то и ни другое, — покачал головой Саша и показал на рукопись. — Стихами Еськи зачитался и уснул. Проснулся — утро.

Савельич некоторое время испытующе смотрел на Александра:

— И ты ничего не понял?

— Почему же? Нормальные стихи. Очень понравились.

— Я не о том, Саша. Я о том, что это Сам Господь через его стихи удержал тебя от этого соблазна. Ведь я помню, как ты рвался на эти поминки. Рвался? Почему же не пошел? Потому что на поминках ты уже был, и Господь остановил тебя от этой попойки. Она негодна Богу.

Саша в некотором смятении воззрился на собеседника. А ведь точно! Как боялся он опоздать с этим памятником, как досадовал на Савельича за его вот эту готовность услужить людям (и чего везде суется, больше всех надо, что ли?),

а потом вдруг все это ушло не на второй план, нет! — вообще из памяти выпало. Так размечтался, читая стихи, что даже и не вспомнил. Только сегодня и спохватился. И... обрадовался. Что это? Внутри его нарастало такое благодарное чувство, какое он вряд ли когда испытывал. Савельич же тихо продолжал:

— Господь все видит. Видел он и твое от души пожертвование вдове Еськи. Ты сделал доброе дело и сделал от всего сердца. И не восхитился им. Это то, о чем и говорит наш Бог: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его»*. И он, хлеб твой, вернется к тебе, Саша. У Бога ничего не остается неотплаченным. Только не противься Ему. Для начала тебе и этого хватит.

Много передумал в этот день Александр...

---

* Библия. Книга Екклесиаста (11:1).

Думаю, дорогой читатель, что мне стоит описать в общем-то обыденную картину таежной попойки. Таковую обыденную, что будь то праздник Первомайский или поминки — все едино. Как бы вы это заделье ни назвали. Начнем с того момента, как с вышеозначенного мероприятия удалилось начальство. Именно тогда и поехали желающие (а их оказалось много) «за туманом и за запахом тайги». Ну, то бишь допивать на природу. И, как водится, прихватили кое-кого из местных барышень.

И вот оказалась у Витьки Бульдога дама по имени Зина, которая совсем недавно делила тяготы семейной жизни с Головатым. Дня этак три подряд делила. Срок немалый, но потом чего-то они не поделили, и получился развод по-деревенски: стало быть, с укорами и названиями всякими, типа: «Не думал(а), что ты такой(ая)...» Дальше следуют эпитеты, самые безобидные из которых — шлюха и жлоб. То есть эпитеты, отражающие те качества, кои до этого один в другом не рассмотрел. Если еще короче, то полностью сошлись они характерами. Как емко и образно подметили бабы: «Один задержиха, другой неспустиха».

Вот с расстройства такого она, видать, и решила делить похожие тяготы с подвернувшимся под руку Виктором. В общем, ей-то было все равно, с кем их делить, а вот два мужика делить не пожелали. Еще в столовой, когда Головатый предложил выпить за то, чтобы Еське земля оказалась пухом, стал Бульдог

во всеуслышание язвить в его адрес. Типа того что если бы ты, мол, при жизни поменьше обдирал Еську на бабки, — и не только его, — глядишь, и речей бы не надо было произносить.

Промолчал бугор, но обиду затаил. При начальстве не стал себя зачинщиком ссоры выставлять. Но свое решение не ездить на деляну переменил. И поехал. А той Зиночке аккурат приспичило к Витьке подмазаться. Пристала прямо: возьми да возьми меня с собой. Вон же, мол, другие едут со своими краями. Взял. Бульдог, он парень росту хоть и небольшого, но с ручищами орангутанга и силы недюжинной. Тяжелый квадратный подбородок и широкий приплюснутый нос, а также обвислые губы в точности соответствовали его кличке. Работник, правда, из него был средненький, но аппетит — что до водки, что до еды — непомерный. Совершенно замкнутый в трезвом виде, он по мере подпития раскрепощался и становился общительным малым. Но случись что-то не по его — угрюмым и свирепым. Тогда он начинал страшно кирчигать зубами, и это был сигнал, что его нужно либо успокоить подношением, либо, если нечем подсластить, слинять от греха подальше.

Его боялись все, кроме Саши, Еськи и Головатого. Саша с Еськой не боялись, потому что Бульдог уважал их грамотность и относился к ним с глубоким почтением, а бугор сам обладал огромной силой да еще на две головы выше был. Случайно или нет, но за длинным столом у вагончика они оказались друг против друга.

Мадам Зиночка беспечно заигрывала и с тем, и с другим, пока не услышала характерный скрежет зубов своего нынешнего обожателя. Не на шутку перетрусив, она мгновенно сориентировалась и со страху стала презентовать ему каждую свою порцию вина. Это на время успокоило Бульдога, но страшно и вполне справедливо разозлило его соперника.

Головатый выполнял обязанности разводящего и все это видел, но разборки до поры до времени не устраивал.

Вскоре за столом уже никто ничего не соображал: кто отключился прямо за столом, кто мешком свалился рядом в кустах, а некоторые с краями разбрелись по лесу. Пить остались только пара самых стойких мужиков да Зина, да Виктор с Головатым. Причем Бульдог, как сами понимаете, хлебал двойными порциями. Но как бы ни хлебал, а все же раньше отключилась та, последняя, пара мужиков. Вот тогда-то бугор, наполнив очередной раз стаканы, и вперился в Бульдога долгим, тяжелым взглядом.

— Ты что, умнее всех тут? — мрачно спросил он. — Чего жрешь в два горла? А тебя, шалава, если еще раз отдашь ему свой стакан, я привяжу к трелевочнику, и будешь бежать за ним до самого села, понятно? Не хочешь пить — не пей. А равенства тут не устраивай.

— Не слушай его, — не согласился Витька. — Это он от зависти, что ты не с ним. И Головатому: — А ты не суйся, куда тебя не просят. Кому хочет, тому и дает... — он запрокинул голову и счастливо заржал от удачной шутки. И так же резко оборвал ржание: — И вообще, заглохни. Я же не смотрю за тобой.

— Я предупредил, — грозно рыкнул бугор и встал.

— А я плевать хотел на тебя, — так же грозно приподнялся и Витька. И руку в карман сунул: — Давай, давай, Зинуля, не бойся.

Зиночка нерешительно стала подвигать ему свой стакан с вином, но Головатый ловко зацепил его и выплеснул содержимое в морду сопернику.

— На, залейся! — завис он всем своим огромным ростом над Бульдогом и рыкнул нехорошее для него слово: — Ну, что, отойдем, п...?

Этим он сам себе смерть пригласил. Если после выплеснутого вина можно было обойтись простой дракой, то такого оскорбления отсидевший пару сроков Бульдог не мог оставить без возмездия. Честь там у них какая-то не позволяет. Высвободил Витька из кармана руку — а нож — вот он, как тут и был! — и щелкнул кнопкой. А в следующую секунду выпрямился не успевший удивиться бригадир и осел медленно на скамейку, а потом ткнулся грудью о край стола и упал на него головою, сгребая руками стаканы, пустые бутылки и консервные банки в кучу. Да так и затих. Удар пришелся в самое сердце.

А Витька опрокинул пару близстоящих стаканов в глотку, отошел к печке железной и сел у нее, обхватив кудлатую голову. Раскачивается всем телом из стороны в сторону и мычит, словно бык на утренней зорьке. И тут вроде как дверь состукала где-то совсем рядом. Он моментально нож в печку, сам глазами — ну рыскать по сторонам. Да никого и ничего. Вскочил на ноги и к Зиночке, даже про нож забыл. А та как сидела, так и приросла к скамейке — бледнешенька, хоть сейчас в гроб. Завернул он ей лицо кверху за волосы, двумя пальцами в глаза нацелился:

— Пикнешь кому, стерва, без глаз останешься! И дочку твою на части порву. В машину, быстро!

Затолкнул Зину в «хозяйку», ГАЗ-66, и умчался в село. У ее дома остановился, грубо притянул к себе:

— Ну-ка, посалуй на прощание, — и прокусил ей губу до крови. — Это чтобы ты помнила: вякнешь — пиши пропало. У меня тут дружков много. Забудь все, что видела. Ну!

— Да забыла я, забыла, што ты, Витенька. Да я ниче и не видела.

— Вот так и говори, ежли че. Давай, выметайся!

И развернул газик в сторону опорного пункта милиции. Дескать, драка там в тайге. Как бы чего не случилось: мужики

больно пьяные все. Сильно рассмешил он обоих милиционеров. Они даже ненадолго в домино перестали играть. Да и правда что — нашел чем удивить! Вот если бы не передрались — это новость. А так — обычное дело. Текучка.

Но дело приняло другой оборот, когда и вернувшиеся из леса, и проспавшиеся сами обнаружили Головатого мертвым. Да еще и зарезанным. Кто? Как? Никто ничего толком не помнит. И прикатили мужики на «коробочке» ближе к полночи к смешливым милиционерам: так, мол, и так, вы — власть, вы и разбирайтесь. А в объяснительной ответственный, после Головатого, за пьян... пардон, за поминки Леша Кожух так и написал: «Посреди нас виноватых нету по причине не в состоянии совершить данное убийство. Думаю, что это Бульдог, потому что не оказался с нами, а куда-то делся».

Милиционеры, конечно, на дяляну. А там всеми забытый Сеня Гмыря только-только в сознание пришел и из вагончика выполз. И сразу ему нехорошо и боязно стало от тишины мертвецкой, от стального блеска луны да еще и от теней, устрашающе мятущихся по поляне. Сразу даже и не поймешь, что это деревья ветвями своими вырисовывают по земле фигуры таинственные.

Конечно, поэтам хорошо в тиши кабинетов стихи о всяком там лунном искристом свете слагать, а ему этот ответ лунный такие тени вокруг стана от вековых тех деревьев войском неприятельским выстроил, что они так и норовят схватить его щупальцами косматыми. Сеня на всякий случай обратно в вагончик нырнул. Тут ему под руку ружье бригадное и погодилось. Он схватил его и сразу смелый сделался. Выскочил, пальнул разок по лесу, и ну по стану бегать, и от страху одиночества ружьишком по разным сторонам целиться. А как не целиться, если аккурат из-за каждого кустика черти свои противные морды высовывают. Вот он их и пужал-отпугивал.

— Всех перестреляю! — орет. — Только подойдите, хвостатые!

— Ты кого стрелять тут собрался? — скрутили его дежурные по тайге.

— Всех, — говорит Сеня. — Вон они по кустам прячутся, — и, поскольку ружье уже отобрали, кулаком грозитя:

— У-у, рожи наглые! Не вышло вам Семена Ивановича на колени поставить! Не на того напали.

Ну, а как привезли в кутузку, да пару тумачков под дых получил, тут же и признался: убил, дескать, чего там. Эти тумачки даже лишние были, он и так бы с большим удовольствием признался, если бы сразу понял, в чем. Потому как тот Головатый для него и в самом деле первый черт был. Постоянно вредил он Сене, на работу не брал и развернуться не давал его широкой натуре. Он и Еську от него отваживал. Так что Сеня даже обрадовался, что самолично порешил врага.

Ну, а милиционерам это и хорошо. Они на том и закруглились. Быстро протокол сляпали, Сеня и подмахнул тут же: это же сколько людей узнает, какой он есть на самом деле отчаянный человек, Сеня Гмыря! А наутро они (дежурство сдал — дежурство принял) передали его с рук на руки сменщикам, а те районным следователям, оно и ладно. Для пущей важности прилагалось и ружье в качестве свидетельства агрессивности преступника: при задержании стрелял, мол, и угрожал, и такими своими действиями создавал опасность для жизни смелых оперативников. В общем, чего зря голову ломать, если сам убийца признался? Оно, конечно, по пьяной лавочке сознался, так ведь и убил не по трезвой. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке — эту аксиому еще никто не отменял.

У районного же следователя Чигрина сразу сомнение: этакий плюгавый Сеня на убийцу никак не тянул. А на вопрос о том, как же он умудрился грохнуть такого гиганта, неспросавшийся

еще герой ответил: «А очень даже просто. Взял да и стрелил с ружжа. А че мне, я не таких ишо валил!» Ну, следовательно сразу-то не стал его выгонять из каталажки: пусть, дескать, проспится, может, и правда чего путного скажет. А к местным «пинкертонам» вопрос, что где, мол, нож-то, орудие убийства? А нету ножа, не хватило у них тям²⁷ поискать орудие убийства. И сколько потом ни искали — безрезультатно. Надо сказать, что не нашел его и Витька. Он еще до них спохватился и на деляну смотался, чтобы, как говорится, «концы в воду» спрятать. Да концов-то как раз и не нашел, а вот нож — да, нож как в воду канул. Не было его в печке.

Неясное, но столь знакомое предчувствие тюремных нар охватило Бульдога, и затаился он в страхе ожидания и в бесильной злобе на самого себя. Куда же справа²⁸ могла деться? А как после первого же допроса следовательно взял с него подписку о невыезде, то и совсем запаниковал. Тот хоть и брал эту подписку со всех присутствовавших на поминках, но Витьке от этого не легче было на душе. И чтобы не искушать судьбу, он тихо-мирно слинял. А уж куда — только ему и ведомо. Тайга большая и тайны хранить умеет.

И, как выяснилось, слинял он вовремя. Потому что после допроса буквально ополоумевшей от страха Зиночки, с порога заявившей, что она ничего не видела, Чигрин укрепился в первом своем подозрении и приказал доставить Бульдога и закрыть в камеру. А нету уже Бульдога — исчез он, пренебрегши и следователем, и подпиской о невыезде вместе с ним. Не явился он ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день.

В общем, Витьку следовательно в розыск объявил, а Семена Гмырю отправил в Тайшет в «дурдом». Вернее, попросил медработников препроводить туда несостоявшегося героя дня. Что те и сделали с превеликим удовольствием и рвением.

Правда, решение это Чигрин принял после того, как на пятый уже после событий день к нему заявился вольный геолог Вениамин и выложил на стол нож-лисичку, который он обнаружил в золе в железной печке на деляне. Весь в спекшейся крови, с приставшей к ней золой. Это был тот самый нож.

Получилось так, что если бы хватило ума у двух тех дежурных сразу обследовать место преступления, а не спешить с арестом невменяемого Семена, то нашли бы они и еще кое-кого на деляне. Потому как в тот поминальный вечер в небольшой низенькой баньке, срубленной лесовиками на деляне неподалеку от вагончика, Веня как раз и изволил почивать. После обильного возлияния, разумеется, и в обнимку с припасенной «на опосля» бутылкой бормотухи.

И, однажды выбежав по нужде, увидел у печки мужика, который быстро в ней спрятал что-то и опасливо заозирался по сторонам. Потом этот мужик, в котором он признал Витьку, стал грозить Зиночке: «Пикнешь кому...» Веня, хоть лыка и не вязал, но слова те запомнил. Ну, а свидетелем семейной, как он подумал, сцены не захотел быть и бесшумно укрылся в своей обители, где благополучно допил неприкосновенный запас.

Ранним же утром, когда, как мы знаем, не спится только свиньям и алкашам, он сразу припомнил то видение, и природное любопытство заставило его обследовать печку на предмет обнаружения чего-то таинственного. Может быть, даже клада. Ведь что-то прятал же мужик, да еще и подругу стращал, чтобы не проговорилась. И, когда вместо золота обнаружил нож-лисичку, он, опытный геолог, осторожно взял его и обернул тряпицей до лучших времен. В то утро путь ему был на реку Тасею, и, не зная об убийстве, он безмятежно блудил в поисках своих камней по тайге да по речке. А как вернулся да услышал про друга Сенью — сразу сюда. И очень

жаль, что друг тот «погнал гусей». Не с кем теперь независимому геологу случайное время проводить.

Забегая вперед, скажем, что огромную пользу извлек Семен из принудительной командировки в «дом хи-хи». И вернулся через пару месяцев вовсе даже не похожим на себя, прежнего. Во всяком случае, сколько еще довелось Саше пробыть там, был Семен тихим и замкнутым, и в пьянстве ни разу больше замечен не был.

А довелось Саше пробыть там не так уж и долго. Все то время, пока шло следствие, он, как и обещал Курбану, работал в леспромхозе и каждый день со страхом ждал вызова к следователю. Это ведь смотря какой следователь. Другому что в голову взбредет, так может и привлечь его за нарушение паспортного режима. Ни прописки у него, ни самого паспорта — на птичьих правах живет. Курбан ему водительские права купил и на автокран права достать умудрился, а вот с паспортом что-то не получалось. А может, нарочно медлил: так-то Саша у него больше на крючке, а с паспортом может и слинять. В тот же леспромхоз.

Но никто его не вызвал, и, когда объявили Витьку в розыск и перестали таскать свидетелей по делу, он с облегчением перевел дух. Ну и, понятно, отметил это дело с друзьями. Вошла жизнь в свою привычную уже для него колею. Но не успел, как говорится, от одного оклематься, а тут же и другая причина для беспокойства. Прав оказался Курбан: муж Киры, Игорь, освобожден из мест заключения, и стычка Александра с ним, по мнению сельчан, была неминуема. И кто знает, чем она закончится. Похоже, так думали все, кроме самого Игоря. В этом Саша убедился сам, случайно столкнувшись с ним нос к носу у входа в контору леспромхоза. Просто так разойтись, сделав вид, что не знает о нем, Игорю нельзя было: престиж урки подорвешь. Да и девки конторские, как назло,

на крыльце судачат. Увидели ситуацию и тут же смолкли в зудящем любопытстве ожидания.

— Ты, что ли, Сашка-крановой? — спросил Игорь так, как говорит большинство уркаганов: слегка насмешливо и расхлябанно.

— Ну, — остановился Саша.

Он-то не имел чести видеть мужа Киры, но догадался как раз по этой манере и невольно отстранился, чтобы дать ему дорогу.

— Да ты не бойся, — неправильно истолковал Игорь это движение. — Я бить тебя не собираюсь.

— Почему я должен бояться? — разыграл недоумение Саша. — Я что, с тобой баранов пас? Ты обознался, приятель. Я тебя в первый раз вижу.

— Я муж Киры, — принял Игорь его поведение за чистую монету.

— Вот как, — вскинул брови Саша. — И что я должен делать? Радоваться?

Девчата поняли, что может произойти потасовка, и кинулись было между ними, но Игорь жестом успокоил их.

— Не мельтешитесь. Вы че, думаете, что я из-за своей бабы человека бить буду? Тогда мне, пожалуй, пришлось бы воевать со всеми близлежащими селами да еще с половиной Тайшета. Мне это надо? Она человек вольный, как и я. Слышали про свободную любовь? Ну, как-нибудь расскажу, если попросите.

И, махнув рукой, разрешил, глядя на Сашу:

— Живи, парень, спокойно, я не жадный. Только лучше для тебя будет, если я не услышу о вас чего лишнего. Понял?

— Нет, — сказал Саша. — Почему это санкции только против меня, если у нее пол-Тайшета? А как же другие?

— А ты борзый, однако. Поукоротил бы язык, паря.

— Хорошо. Только и ты сделай то же самое. О своей же бабе говоришь, не о моей.

— Ладно, договорим в другой раз, — без угрозы сказал немного смешавшийся Игорь.

— Договорим, конечно, какие наши годы.

Несмотря на не очень дружеский разговор, Саша понял все-таки, что Кира была Игорю «до лампочки». Да и как могло быть иначе, если она была у них одна на двоих братьев? И была ли она вообще нужна ему? Похоже, что нет. Саша отгадал его мотив: разговор с ним Игорь затеял только из боязни потерять имидж этакого разудалого урки, которому и «море по колено».

— Ошибаешься, парень, — не согласился с ним Леша Кожух, ставший на место Головатого. Он был здешним работягой и знал братьев с детства: — Это только первое время, что он такой мирный. Погоди, пару месяцев пройдет, и надоест ему эта пресная жизнь без решетки. Вот тогда держись, округа. Вор-то он высшей марки. Ну, а когда фарт пойдет, может и закапризничать, и натравить подельников на неугодного. А того хуже, если и Витька освободится. Вдвоем они — сила. Хорошо еще, что грабят подальше от дома. Так что ты, парень, не шибко расслабляйся.

Прошло два месяца, и поползли слухи, что снова Игорь «в деле». Походив это время по селу в непритязательной одежке, теперь, в лютую декабрьскую стужу, стал он щеголять в броской дорожке дубленке, не менее дорогой пыжиковой шапке и унтах. И приезжать в село стал не иначе как на такси или на приватной машине. Ну, кому-то понятно, что все это Кира ему достает-приобретает, а кто-то знает и другое. Но никакой зацепки нет: все шито-крыто. Он и жить тут теперь стал наездами. День-два побудет, и опять нет его. Видать, и Кире это по нутру приходится. Злые языки утверждали, что сбывает она краденое. Не тряпки, конечно, а кое-что посущественнее. Колечки, например, такие, что глаз не отвести. Колье да брошки, да заколки, да мало ли на свете

красивого и нужного, а главное, золотого, о чем женщина — не доярка, само собой, — только мечтать может. На что и деньги есть, а достать не так-то легко.

Видимо, Кира пообещала что-то мужу, коль даже в его отсутствие прекратила контакты с Александром. И Саша смирился с ее потерей. Даже повеселел, вроде как груз какой сбросил. Ну, веселел-то он в основном после работы и по другой известной причине, но вот то чувство, что он творит что-то несправедное, — оно прошло. И те угрозы Киры забылись, да и оказались уже неактуальными: у каждого теперь своя жизнь. Как-то само собой вышло, что в один из декабрьских предновогодних вечеров остался он после празднования дня рождения в доме именинницы. У той самой ее лучшей подруги, где они были в первое свое знакомство.

Зря это он так расслабился. Очень даже зря. Потому что через день такой тарарам устроила Кира в доме бывшей подруги, что слышно было на всю деревню. Правда, и Таня, подруга ее, оказалась не робкого десятка, так что, когда растащили их прибежавшие мужики, счет был ничейным: ну, по клоку выдранных волос с обеих сторон да морды друг дружке расцарапали, не более того. Диалог их не буду приводить из эстетических соображений: много чего они поведали миру в этот день друг о друге, что знали давно, но о чем предпочитали молчать. Ну, так подруги же.

А вечером, не таясь, прикатила она к нему на орсовском уазике, злющая до невозможности, и вместо приветствия зашипела грозно, аки змея подколотная (такой для себя вдрут увидел ее Саша):

— Я предупреждала тебя, соколик, а ты не поверил. Попробовал? Надеюсь, теперь убедился, что я слов на ветер не бросаю?

— Оставь меня в покое, Кира, — мрачно буркнул Саша. — У тебя есть муж, за ним и приглядывай.

— Ты меня не учи, за кем приглядывать. Муж... объелся груш. Надо будет, и его приструню. А ты не из храбрых оказался. Быстро тебя Игорек окоротил. Не бойся, пока я не захочу, он тебя не тронет.

— Вон даже как, — усмехнулся Саша. — Мне уже и бояться по твоей указке надо. Шли бы вы вместе с ним куда подальше, а? Никто меня не укорачивал. Наоборот, мирно поговорили и разошлись.

— Ишь ты, полюбовно, значит, поделили бабу? — немного сбавила пыл воительница. — И как? Договорились?

— Да кому ты нужна, дура... — вырвалось у Саши, но он и смягчил тут же: — Такая дура. Хватит с тебя тех, что и без меня делят.

— Ну-ну, продолжай, я послушаю, — снова потемнела Кира.

— Вот и слушай. Скажи, зачем тебе это все нужно?

— Чтобы видели, что на мое нельзя зариться.

— Да у тебя муж теперь под боком! Я-то зачем нужен?

Кира смерила его насмешливым взглядом:

— Вот ты и есть дурак, Сашка, а не я. Кто тебе сказал, что ты мне нужен? Ясно сказала же: на мое. Или слушай, что я тебе буду говорить, или... — она мучительно подбирала слово.

— Или что?

— Или убирайся отсюда подобру-поздорову. Здесь гулеванить я тебе не дам. Узнаю еще раз что — разыщу и сживу со света. И тебя, и подругу твою. Всех на уши поставлю!

Такое заявление, да еще выданное с таким апломбом, не могло не развеселить.

— Стра-ашно, аж жуть, — улыбаясь, пропел Саша. — Ну, ты даешь, Кира. Прямо как в пословице: грозилась синица море поджечь...

Но ответной улыбки его сравнение не вызвало.

— Это значит, ты — море, что ли? И ни с какого боку не поджечь? Гляди, соколик, не оплошай. Что сказала — сделаю. Будешь пайнкой — приду сама, когда посчитаю нужным. Не будешь — пеняй на себя. От любви до ненависти один шаг.

С этими словами Кира выскочила и так хлопнула дверью, что та слетела с петель. Ее это, конечно, не обеспокоило. Во дворе уже который раз шофер давил на клаксон: рабочий день кончился, а ему еще потом пилить да пилить. Узик взревел мотором, качнулся пару раз в обледенелой колее от крана и, выскочив из нее, умчался в сторону Тайшета.

Эта разборка двух подруг долго была предметом обсуждения досужих сплетниц как в деревне, так и в центре. И бесила не только Сашу. Это неблагоприятно сказалоь и на вернувшемся нехстате Игоре. Больно уж неожиданно для Киры обернулся он на этот раз из очередной своей «командировки». Ну и новость, ясное дело, не обошла его стороной. И то ли после выяснения отношений с женой, то ли по собственной инициативе, но однажды вечером, по темну уже, к недовольному жизнью Александру подкатил на частной «Ниве» не менее злой джентльмен-уголовник. Машинами этими сибиряки только-только начали обзаводиться, и в первую очередь директора предприятий. Их всего-то единицы и насчитывалось по всей области — диковинка прямо! И показатель престижа владельца. А пассажир той машины был и того диковинней. Впечатление, что навздевал Игорь на себя все, что можно было найти иностранного. А пальцы обеих рук — это без преувеличения! — увешал дорогими перстнями. По три на каждой руке. Ну, индийский раджа или персидский набоб — не меньше!

Вошел он к Саше без стука в сопровождении молодого человека в кожаной куртке, без шапки, бритоголового, с бычьей шеей и тупыми, ничего не выражающими глазами. Этот тип тут же бесцеремонно начал открывать дверцы шкафа, передвигать и

заглядывать в немудреную холостяцкую посуду. Что уж он там выискивал — непонятно. Скорее всего, косил под «крутого». Игорь же подошел вплотную к сидевшему за столом хозяину.

— Вот что, крановой, — начал он без всяких предисловий. — Ты мне перестал нравиться. Нельзя нам вдвоем оставаться не только в селе и деревне, а и в области, понял?

— Понял, — Саша, как мог, сдерживал нарастающую ярость. Ну, за что ему такая напасть? Сначала Кира, теперь и этот хлюст. Почему даже такой подонок считает возможным решать его судьбу? — Если тебя Кира прислала, то ты должен знать, что я тут ни при чем.

— Это другой вопрос, крановой. За это я с тебя спрошу отдельно. А пока я должен убедиться, что ты знаешь место, куда можно слинять.

— Да линия куда хочешь, — разрешил Саша и медленно процедил, глядя ему прямо в глаза: — И как можно скорее.

Бритоголовый так и застыл с крышкой от заварника в одной руке и самим чайничком в другой. Такая наглость застала врасплох и Игоря.

— Спокойно, — сказал он, жестом останавливая своего друга, хотя тот и не двинулся с места, и, демонстративно сунув руку в карман (ну, понятно, для чего), наклонился к Саше: — А ну, повтори.

— Вали отсюда, — еще тише проговорил Саша и вдруг яростно зарычал в сторону его напарника: — Поставь чайник на место, ублюдок, или я разможжу твою лысую башку!

Бритоголовый поспешно сунул чайник в шкаф, потом опомнился и угрожающе двинулся к столу. Но внезапный его страх не укрылся от Александра: такой сдаст своего «шефа» с первой попытки. Вот он остановился и наигранно, явно подражая расхлябанности Игоря, тоже склонил голову и спросил, не глядя на Александра:

— Шеф, кто-то что-то сказал или это нам показалось?

Саша выхватил из-под себя табуретку и со всей силы треснул ею по бритой башке. Табуретка разлетелась на части, и оставшейся в руке ножкой он в ту же секунду наотмашь рубанул Игоря по переносице. Тот выронил нож, вскинул руки к лицу и рухнул на пол. У бритоголового сначала подломились ноги. Потом он, медленно оседая, брякнулся с выпученными от страха и боли глазами.

Александр рывком поднял Игоря за отвороты дубленки и в испуге стал колотить его головой об стену. Он уже не контролировал себя. Волны ненависти и злобы на всех и вся, копившиеся втуне все это время, захлестнули его и лишили рассудка. Он, наверное, забил бы урку в иностранном одеянии до смерти, если бы вдруг сам не отлетел на середину комнаты и не пришел в себя, спеленатый сильными руками. Как в тумане, видел он перед собой Савельича и откуда-то издали слышал его голос:

— Тихо, Саша, тихо, успокойся. Нельзя так. Ты же убьешь его.

— Савельич, — бесцветным голосом пробормотал Саша, — достали они меня. За что это мне?

И обмяк всем телом. Савельич усадил его на оставшуюся табуретку и занялся сначала Игорем, который был без сознания. Его напарник уже сидел на полу, держась за голову. Его тошнило, и он отполз к тазику под умывальником.

— Живой, — констатировал, наконец, Савельич и прислонил Игоря спиной к стенке, прочность которой тот только что испытывал своим черепом. — Их обоих надо в больницу, Саша. Как можно быстрее.

Не понимая еще смысла сказанного, Саша вновь взвинулся:

— У них вон машина блатная. Пусть добираются.

— Они не в состоянии, Саша. Я могу их отвезти, но как же назад? Может, Кольку Ляхова позвать? — а в голосе надежда на Сашу.

— Не надо. Поедем сами. Я на кране, ты на их машине. — Саша начинал понимать всю серьезность положения. — Доживут?

— Давай быстрее, — Савельич сорвал с койки и расстелил на полу покрывало. На него уложили и отнесли в машину сначала Игоря, потом не перестающего мычать бритоголового.

— Савельич, — показал Саша на валявшийся в углу нож Игоря. — Может, взять? Мало ли что мне припишут.

— Ничего не припишут, — уверенно сказал тот, но все же завернул нож в бумагу. — Возьмем на всякий случай. Хотя тут и так все ясно.

В районке они сдали потерпевших в приемный покой. Оба уже несколько пришли в себя, и Игорь, а вслед за ним и напарник высказали слабое нежелание остаться в больнице. Претензий, мол, ни к кому у них нет. Конечно же, их не отпустили.

По пути назад Саша притормозил у дома Киры. В одном из окон горел свет. Он громко постучал.

— Ты! — что-то похожее на страх мелькнуло в ее глазах. — Что случилось?

— Зачем ты натравила Игоря на меня?

— Я никого на тебя не травила. Окстись!

— Уже окстился. Если хочешь проведать его, поспеши в больницу. Он там вместе со своим бритым кентом. Спешу, а то могут увезти в Тайшет.

— С Мариком? — нервно взвизгнула Кира. — Что ты с ними сделал?

— Я? Ничего. Упали они шибко где-то. Да ты иди, сама увидишь.

— Ну, если ты... — сверкнула глазами Кира, — я тебя в бараний рог... — накинула шаль и выбежала вперед его.

До полуночи засиделся Саша у Савельича. Уютно и тепло было в его неприязнительной избенке. Перестраивать он ее не собирался, так как были все основания полагать, что вскоре сможет досрочно уехать к семье. Вся его семья приезжала сюда, но дети, особенно малыши, часто здесь болели. Значит, не климат, решили они с женой, и она опять увезла их в Украину. И оказались правы. Ребятишки там сразу же перестали болеть. А у него такая вот надежда появилась. За него ходатайствовало даже районное начальство: и работник ценный, и нарушений никаких.

Саша долго и пристально всматривался в фотографии его жены и детей, которых Савельич не видел уже около года, и предстоящая их встреча наполняла его радостью, будто это будет его собственная встреча со своими родителями. Разница была в том, что встрече поселенца могли помешать не зависящие от него обстоятельства, а Сашинной — он сам. Незаметно они перешли от воспоминаний и того и другого к сегодняшней реальности. И тут гость спохватился:

— Слушай, Савельич, а как ты оказался у меня? Зачем-то ты же приходил?

— За тем и приходил, видать, чтобы ты людей не угрохал.

— Да нет, я серьезно.

— Так и я серьезно. Я после работы к Галине Иосифовой ездил. Ну, а как назад с электрички сошел, сразу к тебе и

направился. Привет передать. Сильно Галина просила. Уж так просила, будто я забыть могу. Ну, иду, вижу — машина стоит у дома. Интересно стало, что за важные гости у тебя. Ближе подошел и увидел, что дело серьезное — дальше некуда. Так что вот так, Саша, если бы не привет, не зашел бы. И время позднее, и сам устал.

— Если бы не привет, — задумался Саша. — Опять счастливая случайность. Что-то многовато их у меня.

— Это ты думаешь — случайность. Для меня их нет. Все в жизни каждого расписано Богом. Каждый день до последней минуты.

— Да я не спорю, Иван Савельич. Я просто знаю, что если Бог и есть, то до меня Ему дела никакого нет. Иначе не замыкались бы на мне все эти неприятности. Если не сказать слово похуже. Но что больно уж много совпадений — это факт.

— Как факт и то, что Богу до тебя, может быть, даже больше, чем до кого другого, есть дело. Странно, Саша, ты все видишь, все понимаешь, а принять Его в сердце не можешь. А ведь это уже второй раз за короткое время Бог через Еську и Галину к тебе говорит. А ну, скажи-ка им раньше, что они придут к Господу! Как Еська сказал, даже подумать об этом было страшно. А пришли. И вот уже Галина славит Бога, и легко ей с Господом. Когда она сама об этом говорит, для меня это радость неизреченная.

— Наверное, им было легче поверить и прийти к Нему, — вздохнул Саша.

— Ну-у, Саша! Тебе ли это говорить?! Ты же его лучше всякого другого знал. Сам же и говорил, что грешники вы одинаковые. Говорил?

— Говорил, Савельич, говорил. Сложно все это. Я вот никак не могу понять, как ты успеваешь везде, — перевел

Саша разговор в другое русло. — Взять хотя бы сегодня. И на работе отработал, и в Тайшет съездил, и еще меня развести с урками успел. Я, вон, на кране, а никуда не поспеваю. Что, тут тебе тоже Бог помогает?

— А как же! Я же с самого утра Его прошу быть со мной.

— То есть?

— То есть молюсь об этом. В Библии написано: «Непрестанно молитесь»*. Вот, кто следует этому, тому и Он помогает. А если ты просить не будешь, как же Он тебе поможет? Это к слову, что ты говоришь: трудно тебе прийти к Нему. Проси, и Он откроется тебе. Только искренне проси.

— Может быть, и придет время, что попрошу, — сказал Саша. — Только не теперь.

И сам же вспомнил, сколько раз повторял эти слова, и немного смутился. Но Савельич виду не подал.

— Пора тебе, Саша, подумать о том, чтобы вернуться в родной дом. Ну, что ты скитаешься по тайге, прожигаяешь жизнь? Годы-то идут. Не успеешь обернуться, а уже немолодой. Глядь, а молодость-то прошла. Еська, по-моему, такое в одном своем стихотворении написал.

— Да, — подтвердил Саша и заторопился: — Пойду я, Савельич, а то тебе рано вставать. А домой я скоро поеду. У Курбана деньги за полтора месяца заберу и поеду. Он вот тут мне кое-что сегодня выдал, остальное на днях пообещал. Ну, и на хате у меня запас есть. В общем, есть с чем домой возвратиться. Не с голыми я теперь руками. Только бы не захомотали за сегодняшнее. Как ты думаешь?

— Не захомотают. Ты же защищался в собственном доме. И я тому свидетель. Да до этого дело вряд ли дойдет. Уверен, что они о тебе и слова никому не скажут. А вот отомстить

---

* Библия. Первое послание к фессалоникийцам (5:17).

постараются. Так что ты будь осторожен, пока здесь. Можешь ко мне перейти, все веселее жить будет.

— Спасибо, Савельич. Я уже там привык. Так я пошел?

— С Богом, Саша. Я о тебе молиться буду. Ты, главное, Ему не противься.

— Ты каждый раз это повторяешь, — улыбнулся Саша. — Зачем?

— Не забыл? — улыбнулся и Савельич. — Это уже что-то значит. Ну, храни тебя Бог.

Легко и свободно на душе от таких простых слов. И вообще, с завтрашнего дня все у него будет по-другому. «Я готовлюсь в обратный путь!» — пела душа, и кран, поскрипывая на неровностях, согласно покачивал стрелой, дескать, да, да, в обратный. Давно пора.

Выбравшись из распадка, разделяющего деревню на две части, он тут же увидел впереди огромное зарево. Пожар! И екнуло сердце: еще не видел, но догадался — горит его хата. Он даже не прибавил скорость, а потихоньку подъехал к огню. Деревня спала, и его дом, пластавший²⁹ на отшибе огненными языками и уносящимися ввысь снопами алых искр, никого не тревожил. Хорошо горел дом, споро. Ну, так древний же да пересохший весь. Саша уронил голову на руль и заелозил лбом по его оплетке.

Из груди его вырвался сдавленный стон, который тут же усилился надрывным автомобильным гудком. Он остервенело давил на клаксон, отдавая приютившему его дому последние почести. Потом мимолетное отчаяние сменилось тоскливым равнодушием. «Папка, мама, простите, наше свидание откладывается. Наверное, так должно быть, — и уж в который раз: — За что же это? Почему все это происходит именно со мной? Почему беда гонится за мной повсюду? Где, в каких краях искать счастья? Или хотя бы, чтобы никто не трогал?»

Он горько усмехнулся: «Савельич уверяет, что все, что ты копишь на земле, воры подкопывают и крадут. Это подтвердилось. Но правда и то, что те сокровища, которые на небесах, не смогут заменить мне средств к существованию. Как только Еська мог увлечься такой утопией?»

Чуть поодаль он заметил одинокую фигурку. Он знал, кто это. Вылез из кабины и подошел к ней. Спросил глухим, осипшим голосом:

- Зачем тебе это надо было?
- Чтобы ты ушел от Таньки.
- Я был у Савельича.
- Все равно. Завтра бы пошел к ней.

Она не смотрела на него. Она, как замороженная, следила за пламенем. И его отблески метались в ее огромных, с распушенными ресницами, красивых глазах, казавшихся сейчас бездонными. И сумасшедшими. Они были чуть увлажненными, и отсвет пламени вовсю старался, но не мог пожрать застывшие в них слезы. Саша не сводил с нее взгляда и в душе жалел расставаться с ней. Но оттягивать время — глупо и себе дороже.

— У меня там было все, — сказал он.

— Я знаю, — все также не глядела она на него. — Все твои вещи и деньги. Ты хотел уехать?

— Да. Куда ж я теперь? С ними я бы что-то значил. Без них я никто.

— Вот и я почувяла это. Теперь не уедешь.

— Нет, Кира, уеду. Прямо сейчас. Через двадцать минут тут на разъезде товарняк будет ждать встречного. Минут пять. Я все ночные расписания на память заучил.

- И ты на нем? — в голосе недоверие.
- Мне не впервой. Выполнишь мою просьбу?
- Скажи.

— Передай Курбану ключ зажигания от крана.

— Может, останешься? Игоря теперь посадят. Чигрин сказал, что тебе медаль надо за него дать. Он, идиот, ювелира бомбанул и половину его перстней на руки навешал. Передо мной порисоваться захотел. А снять не успел. По твоей милости.

— Из-за этого ты меня и подожгла?

— Нет. Просто доказала тебе, на что способна синичка. А ты никакого не море. Если синичка любит, ей это море по колено. А уж сжечь его — без проблем.

— Считаю, что ты выполнила свою задачу. Передашь ключ?

— Послушай сюда, Саша!

— Передашь?

— Хорошо. Ты только прости меня.

— Да мелочи это. Видать, так надо было.

— Кому надо-то?

Саша чуть помедлил. Потом скрипнул зубами:

— Всем. Богу в первую очередь. Гонит Он меня от Себя. Так и Савельичу скажи, если увидишь. Выдумали они все про милосердие. Нету его и в помине, чувства этого. Человек человеку — волк. Вот где истина.

Он рывком обнял ее и тут же отстранился:

— Все, прощай, Кира. Поезд вон.

— Ты вернешься, — уверенно сказала она, отпуская рукав его фуфайки. — Я подожду, и ты вернешься. Потому что пропадешь без меня.

Саша отрицательно покачал головой:

— Не-а. Я пропал из-за тебя, а без тебя попробую начать снова. Может, без тебя я... воскресну, — повернулся и побежал к разъезду.

Вскоре состав громыхнул содрогнувшимися вагонами и, медленно набирая скорость, зашпешил в неизвестность...

Александр у почему-то казалось, что в любом леспромхозе его «оторвут с руками» и он наверстает утраченное. Но очень скоро понял, что ошибся. Во-первых, потихоньку ужесточалось соблюдение паспортного режима, и его нигде не брали на «постоянку»; во-вторых, крановщиков теперь было побольше, и если его куда-то и брали временно, то лишь на подсобные работы. А при расчете даже с госорганизацией, не говоря уже о «воруйках», таких бомжей, как он, так обдирали, что случавшиеся ранее недоплаты Курбана и поборы Головатого казались теперь детской забавой по сравнению с ними.

Перебираясь с места на место, не один раз пожалел он, что погорячился и уехал отсюда. И перестал жалеть об этом, только когда случайно встретил в очередной «воруйке» близ Чуны Лешу Кожуха. Много нового тот поведал ему. Например, что для местной-то милиции Саша, конечно, удачно сработал, но если бы остался, то, не далее как дня через два, никакой Чигрин его уже не спас бы. Туда такое начальство милицейское понаехало — век не видывали. Не из-за Игоря, там вопрос ясный и решенный, а из-за того бритоголового сосунка, который был с ним. И которому Саша сделал с башкой ваву.

Так вот его папа чуть не снял с должности следователя Чигрина за ненадлежащий досмотр за людьми без определенного места жительства. Ну, да, теми самыми «бомжами», которых вообще-то в стране нет, но иногда они есть. Потому

что как же теперь папины человеки будут искать-разыскивать бандита Сашу, если непонятно, где он живет, и даже его фамилии толком никто не знает. Ни ведомости на него не осталось, ни наряда какого-нибудь завалящего. Ищи-свищи. Бомж, одним словом. Шибко гневался папа в погонах звездных, пока ему не донесли, что на него донесли, что он, мол, доносит всяким нехорошим врагам плохие новости про советскую власть. И, распространяя их, порочит ее незаслуженными высказываниями. И слова, мол, те у какого-то ушлого упыря на пленку записаны, и тот готов продать эту запись за... скажем так, скромные деньги. А не то, мол... Папа сразу успокоился, похвалил Чигрина за службу и укатил в известном всем направлении. Даже о Саше забыл.

Ну, что еще? Саше, конечно, интересно про Киру, так она теперь приютила второго брата, Виктора. Насколько? Да кто ж может такое прогнозировать? Но Сашу до сих пор жалеет. То ли за то, что вместе с домом не спалила, то ли потому, что уехал. Курбан «воруёку» прикрыл, технику продал, а сам время от времени возит дыни, арбузы для поднятия жизненного тонуса сибирского люда необходимыми витаминами. А когда и цветы для ублажения их же духовных потребностей, которые случаются быть в праздничные дни.

Саша тут же вспомнил о Кериме и удивился, как все же люди друг друга повторяют. Один от леса к арбузам и цветочкам притулился, другой наоборот: надоели цветы — занялся лесом. Да, собственно, и с ним происходит то же самое: вчера вон ломом землю ковырял, сегодня уже бревна катает. А Васька, тот наоборот: вчера на бревнах «отдохнул», сегодня землю долбит. Что это? Закон людской природы или сохранения природной занятости? Саша напрягал-напрягал мысль, пытаясь растечься умом по древу, на котором сидел на перекуре, — никакого путного обозначения дать не может.

Видать, так уже умом растекся, что и думать отучился. Тоже ведь усилия прилагать надо. А зачем? Главное, к вечеру пару пузырьков бормотухи раздобыть. Или готовым продуктом «под карандаш» у продавщицы в магазине, или, если набрал уже «под завязку», клянчить взаймы у соседей да коллег по работе.

Вот где напряжение ума происходит! Тут, брат, чтобы выклянчить «пару шмелей» (рублей, значит) до получки, такую артистичность и смекалку надо проявить, настоящий артист обзавидуется! И это дело Саша уже довольно сносно освоил. Справедливости ради, стоит заметить, что, поскольку он отдавал исправно, ему пока и занимали безотказно.

И все же, несмотря на более или менее успокоительный тон, рассказ Леши о тех событиях понудил Сашу еще раз удариться в бег. А ну, как по возвращении домой проговорится он там, да все те папы и их человеки захотят с ним познакомиться. Не-е, береженого Бог бережет, а волка ноги кормят. Эти поговорки давно уже стали для него житейским принципом.

И в который уж раз подался Саша все дальше на север. На этот раз на Богучаны. Не столь и далеко, а край уже другой — Красноярский. Значит, и милиция другая, что немаловажно для бомжа. По слухам, там вообще полно свободных людей. В смысле, необремененных документами. А работы — о, работы завались! И деньги там а-агромадные всем платят, невзирая на лица. Клондайк*, в общем, российский.

В какой-то степени это оказалось правдой: и с документами не очень строго, и деньги, хоть и не столь большие, но хорошие. Да и с пьянкой поутихло: где возьмешь огненный напиток, если лес валили в такой дремучей тайге, что на сотни

---

* Золотоносный район на северо-западе Канады в бассейне одноименной реки.

верст ни одного жилья? Разве уж когда чего шофера привезут — так это на всех такой мизер, что ни дух не поднимешь, ни душу не насытишь. Растрava одна, лучше и не приниматься. Зато вновь посвежел, на человека стал похож, мысли всякие хорошие стали на память возвращаться. Но совсем недолго в людях походил. Уже через полгода свернули проект строительства Богучанской ГЭС — и нету работы.

Ну, мужики тут же кто в Кежму подался, кто — их больше было — в Усть-Илимск. Там, мол, еще хорошо платят — город все-таки. И с одной из последних машин уехал туда и Саша, и на работу устроился сразу же. Только вот, если бы Александру предложили экзамен на наличие памяти в этот отрезок жизни, вряд ли он сдал бы его на «отлично». А может, наоборот, сдал бы? Экзамен-то — легче не придумаешь. Ведь дни были столь похожи один на другой, что различий — ищи не ищи — не найдешь. Об одном в двух словах расскажи — вся жизнь тутошняя и получится.

Дни складывались в месяцы, месяцы в годы. Годы беспроблемного пьянства, когда на работу он уже, предварительно не опохмелившись, не ходил. Где бы ни приходилось работать. Будь то стройка или пилорама, сплав леса или вылов топляка в водохранилище. А никто сильно-то и не требовал. Ну, пришел, значит, пришел. И не пришел бы, тоже большой беды не было. Строили-то не что-нибудь, а коммунизм*, где и сами все равны и всем всё всё равно. По барабану то бишь всем всё. Таким вот, значит, образом формировались демократические принципы его строителей.

Страшновато, правда, было по вечерам ходить поодиночке по Усть-Илимску. Вдруг нечаянно попадешь в руки таким принципиальным строителям — побьют обязательно. Но не

---

* Все большие стройки Сибири во времена СССР назывались коммунистическими.

более того. Били друг друга просто так, от скуки. Жизнь, она здесь до того серая, а побьешь кого — какое-никакое, а развлечение.

После одного такого развлечения Саша, придя в сознание, не досчитался трех верхних передних зубов по левой стороне. Но ничего: разорванные губы в больнице заштопали, корни зубов, наоборот, выдернули через какое-то время, и стал он шепелявить всю оставшуюся в Усть-Илимске жизнь. А вот спроси его на том экзамене, сколько это он там прожил, — ого! Сильно бы задумался Саша и попросил бы другой билет, дескать, спросите что-нибудь полегче. А то вопрос нашли: человек толком не знает, какой вообще на дворе год идет, а ему сразу — сколько тут прожил? Сезоны-то легко различить: зиму с летом не спутаешь. А года попробуй, если за днями не следишь. Трудно это. Если умом поднатужиться, так вроде в год Олимпиады приехал сюда, то есть как Богучаны прикрыли. Да, так вроде. А вот уже и Чернобыль жажнул.

Об этом событии даже Саша знал. В том году он и к Гоге попал. Вообще-то это фамилия его была такая — Гогия, а звали Назар, но никто по имени к нему никогда не обращался. Гога — и все тут. Да он и не против был. Случилось так, что встретил Сашу в общаге и тут же признал один мужик с той еще, курбановской, бригады и отрекомендовал Гоге как высококлассного кранового. А Гога аккурат в большой удаче: неожиданно-негаданно приобрел здесь кран на базе «Урала». Ну, чем не фарт для лесовика! Так вот как раз бы отогнать его надо за Усть-Кут до Улькана. Того, что на Лене, не на Киренге. По «железке» больно долго платформу ждать, да и мороки не оберешься. Того и гляди по дороге «облегчат» и «разуют». Время пошло уж больно ненадежное. А тут — не просто человек, отогнать согласный, а еще и крановщик. Вот как кстати другой раз человек может погодиться.

Саша и погнал кран с превеликим удовольствием. И с того дня — тоже ведь вежа! — стал он работать в «воруйке» Гоги. Поменял порожистую, многократно перекрытую разными ГЭС Ангару на величавую, ничем не спеленатую Лену. Как доставил кран с напарником Володей в целости и сохранности к месту назначения, так и остался у Гоги. Больших изменений в самой размеренности жизни это не принесло: все по той же наклонной упрямо катилось время. И все так же упрямо, с завидным постоянством, достойным лучшего применения, не замечал это время Александр. Вот уже и о нем стали говорить так, как когда-то говаривал он о других: со смесью ужаса и восхищения. Что-де, вот крановщик, так крановщик: подает последнее бревно на «шапку» и мертвым вывалится из кабины. Преувеличение, конечно, но не так чтобы и большое.

Только невдомек было, Кто же хранит его от страшного случая. И чикеровщики, и верховики работали с ним без опаски. Почему-то уверены были, что ничего не произойдет. А ведь и правда ни разу не произошло беды. Забегая вперед, скажем, что потом, много лет спустя, то и дело вздрагивал он от страха за те свои действия. И передергивало, и корежило от ужаса воспоминаний: каждый подъем бревна мог завершиться трагедией. Особо памятные моменты он переживал вновь и вновь, не переставая благодарить Бога за то, что Он отводил беду.

За весь тот период одно только событие, отличное от повседневной рутины, и осталось в памяти. Оно ему напомнило о той, первой, ступени приведшей его в никуда. И случилось это в Братске, куда его однажды по весне взял с собой Гога. Работы в связи с распутицей не было, и они решили развезаться. Не просто так, а с размахом. Большого общего размаха не получилось, потому что сам Гога на следующий же день встретил земляков и укатил с ними еще дальше, оставив Александра в номере «люкс» гостиницы «Братск». Была суббота, и половина братчан находилась, конечно же, на крытом рынке. Вообще, Братск, как и все другие города Союза в то смутное время, напоминал собой одну большую барахолку.

И Сашу вдруг повлекло в это многолюдство. Побродив по пустым улицам, он безошибочно вышел к рынку, где всю гремела музыка и какой-то идиот заунывным голосом усиленно упреждал: «Пацаны, пацаны, вы держите штаны, от девчонок держите штанишки!» Повинуясь призыву, Саша на всякий случай потуже подтянул ремнем свои и в надежде на чудо ступил на территорию рынка. Чудо должно было явиться в образе пивной бочки: Саша просто бредил кружкой пива, которого не видел столько лет. Ему не хотелось ни вина, ни водки — только пива. И тут он его рассчитывал вкусить. Да, бочка была. Настоящая пивная цистерна с надписью «Пиво». Но людей около бочки не было. Как и самого пива.

Саша уже повернулся уходить, как вдруг заметил около одной из будок звукозаписи танцующую женщину. Мужчины, если они были без жен, приостанавливались и бросали на нее оценивающие взгляды, женщины же отпускали в ее адрес едкие замечания. Но она не обращала внимания ни на тех, ни на других. Она танцевала сама с собой, причем теперь под какую-то сумасшедшую латиноамериканскую музыку, то извиваясь, прыгая и скача, то кружась, как в вальсе, но не выпадая из ритма. Конечно, она была нетрезвой, но в ее точной фигурке и в движениях не было того вульгарного вызова, или, лучше сказать, призыва обратить на нее внимание, что всегда присутствует в амбициях пьяного человека. Скорее всего, она была чокнутой, и ей наплевать, что думают о ней зеваки. А может быть, она просто забыла, что находится на виду. Так одиноко в многолюдстве бывает не каждому человеку. Саша не сводил с нее глаз.

И всколыхнулась память видением: поезд, купе, Гоша, Никитич и крик Милы: «Не трогайте его! Человек ведь!» Первым побуждением было подскочить к ней, схватить за космы и вытряхнуть душу: «Где подельники, гадина?» Но удержал себя. «Оно тебе надо?» Подзабытая жажда мщения, мгновенно воспламенившись, торкнулась было в сердце, но тут же и угасла под накатившей волной равнодушия. И Саша понял, что выхолостился. Не волнует его не только любовь, но и ненависть. К чему ненужные, а тем более бесполезные потрясения? Что они могут дать, кроме новых проблем?

К месту или нет, но зачем-то вспомнилась история о премудром пескаре*, который долго прожил только потому, что

---

* Персонаж сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ни во что не впутывался и жил своим мирком. Именно такой мирок Саша создал себе, и тут, при закрытых дверях, ему было уютно. Он повернулся, чтобы уйти, и бросил на нее прощальный взгляд. Женщина что-то почувствовала. Она внезапно остановилась и безошибочно уставилась на него. Сделала шаг, другой:

— Саша! Это ты?

Он отрицательно покачал головой. Но и она точно так же качнула своей и подбежала к нему.

— Не ври! Это ты, — и требовательно, но почему-то шепотом спросила: — Ты в Братске? Где тебя найти?

— В гостинице «Братск», — против воли выдавил Саша пересохими губами и назвал свой номер. — Никитич твой тоже здесь?

— Я к тебе приду, — вместо ответа сказала она. — Жди. А сейчас ни на что не обращай внимания. Уходи отсюда. Только ни во что не встречай.

— Мила, э! — озабоченно окликнул ее от входа рынка черноусый и чернобровый джигит, сверкнув золотозубым ртом. — Иды сюды, да? Смотри! — поднял он перед собой две полные сумки. — Всо готово.

— Иду, — откликнулась Мила. — Саша, я тебе все расскажу, жди меня вечером.

Джигит услужливо открыл дверцу новенькой «девятки» бордового цвета, и она скрылась в ее салоне, ни разу не оглянувшись.

«Ага, так ты и пришла, держи карман шире, — усмехнулся Саша. И тут же раздвоился. Один внутренний голос похвалил его: молодец, что не озлился. Похоже, целая компания азербутов ее сопровождает. Ввязался бы — мало не показалось бы. Да и на что она тебе теперь? И где-то в тайниках души другой, робкий, голос заканючил и обличил

несмело: да ты просто струсил. Раз получивши по зубам, разве хочется повторения? Заяц!»

— А пошел ты! — вслух послал критика Саша.

— Че-о? — оторвался от горлышка распечатой бутылки вина кудлатый, явно неспросавшийся мужик лет тридцати. — Ты кого это так?

Саша непонимающе уставился на него.

— Глотнуть хочешь? — догадался тот и протянул ему бутылку. — Ну на, глотни. Только всю не выдуй. А то одному другу дал тут — оставил на доньшке, глотка луженая, — обругал он неведомого друга. — Да бери, бери.

Саша не отказался и отпил немного.

— Вообще-то я искал пива, — сказал он, возвращая бутылку.

— А-а, приезжий, — снова догадался мужик. — Пиво только в кабаке можно найти. Бутылочное. А этого, — кивнул он в сторону бочки, — давно уже нету. А че цистерну не увозят — непонятно. Возьмем еще по пузырю?

— Возьмем. Только в очереди полдня я не выстою.

— В очереди дураки стоят и у кого денег нет. У меня есть. Пойдем. Я — Сергей. Навроцкий Сергей, может, слышал? Нет? Ах, да. А ты?

— Александр. Саша, в общем.

— Или Шурик, — улыбнулся Сергей. — Так проще. Зубы в Афгане потерял?

— В Илимске. Мешок с кулаками просыпался. Плюс кастет.

— Говори: в Афгане, — посоветовал Навроцкий. — Так солиднее.

Где-то около центра города они подошли к огромной, тысячной, очереди, но давки у вождельного окошка, через которое выдавали водку и вино, не было: наряд милиции строго

наблюдал за порядком. Навроцкий подошел к милиционеру, постоял рядом с ним, поговорил, сунул ему что-то в руку и отошел.

— Пойдем ко мне, — сказал он. — Принесут домой.

— Как же я к тебе? Куда это? — засомневался Саша.

— Да тут рядом. Не бойся, баба на работе. Придет не раньше восьми вечера. Пару раз проспать успеем.

Квартира из двух комнат, красиво и со вкусом обставленная, оказалась на первом этаже, и новоявленные друзья уселись за журнальный столик перед аквариумом. Саша уже и забыл, как выглядит такой вот семейный уют, и вслух искренне позавидовал Сергею. Тот довольно вытянулся в удобном кресле:

— Это все Светка моя. Мне-то это все не нужно. Я, как из рейса приду, погужую неделю — и опять в рейс. И так уже пятый год.

В дверь позвонили. Оказалось, принесли вино. Сергей выставил из сумки пять бутылок.

— Для затравки хватит, а там посмотрим. Да не гадай, ничего сверхъестественного. Тот мент — Светки моей брат двоюродный, вот и весь секрет. Ну, и заработать не дурак. Не бесплатно же доставил. Я ему еще раз заказал. Вот только бы сестре своей не сболтнул. Она у меня... — он призадумался, подыскивая слово, — ох, и шепутная баба. Даром что от горшка два вершка, а как включит сирену, — Сергей выкатил глаза, — би-и-и. Только бегством и спасаюсь другой раз. Не страшно? Погоди, может, еще оценишь, какой я смелый мужик.

Сергей был дальнбойщиком и прекрасным рассказчиком. Ходил он и в Монголию, и в Китай, и рассказать ему было что. Они пили дрянное вино, но вкупе с созерцанием изумительных рыбок в аквариуме оно казалось им, по меньшей мере,

коллекционным бургундским, и вскоре они уже наперебой приглашали друг друга к себе на работу. Приглашали так, словно каждый был директором своего предприятия.

Время летело незаметно и прервалось только один раз, когда свояк Сергея донес очередную партию не совсем заграничного вина. Тут Саша сильно обиделся, что Сергей не хочет взять его денег. Тот, в свою очередь, обиделся, что он посмел их предложить. Сошлись на том, что завтра Сергей будет гостем Саши в гостинице. Александр вытащил свою визитку, чтобы вспомнить, в каком он номере живет. Номер вспомнил, а визитку так и оставил лежать на столике.

На самом пике их дружеских признаний в дверь вдруг требовательно позвонили, и они оба смолкли в недоумении. Женский голос громко выразил негодование по поводу потемок в подъезде, и снова раздался звонок и звук ключа, вставляемого в скважину замка.

— Полундра! — присвистнул Сергей. — Светка. А еще и четырех нет. Неужели мент, подлец, заложил?

И заозирался по сторонам в поисках потайного места, чтобы спрятать оставшиеся три бутылки. Потом его осенило, он поспешно составил их в холщовую сумку и сунул ее Александру:

— Твои, понял?

Его растерянность передалась и Саше:

— Что я должен делать?

— Говори, что ты меня только что приволок, понял? — трусливо зашептал Навроцкий. — Не-вме-ня-е-мо-го, понял? Этим ты спасешь и меня, и себя от моей мегеры. — Брякнулся мешком на пол и затих.

— Да ты что там, уснул, что ли? — дверь распахнулась, и в комнате появилась миниатюрная, похожая на девочку-подростка, женщина. Она же — мегера.

— Это еще кто тут? — грозно спросила она, настороженно разглядывая Александра. — Ты что тут делаешь?

— Вот, — строго соблюдая наказ Сергея, показал Саша рукой на ее мужа. — Только что приволок. Прошу любить и жаловать.

Пока еще он не раскрывал рта, у нее были какие-то сомнения. Теперь же, расслышав, с каким трудом мужику дается русская речь, мадам сориентировалась мгновенно:

— А ну, пошел отсюда, пьянь беззубая! И где он только откопал такого уroda? — пнула она под зад скрючившегося на полу мужа. — Ну, охламон, только таких еще не водил домой. — И Саше: — Куда сумку поволок?

— Мое это, — пробормотал тот и шустро рассовал бутылки по карманам.

— Собрал? А теперь дергай, пока я милицию не вызвала!

Саше и без этой угрозы два раза повторять не стоило, но он замешкался у двери, не в силах сообразить, как ее открыть: сильно много замков было на ней.

— А ну, стой, — неожиданно мягко остановила его Света, и он, в предчувствии еще большей беды, обернулся. Она протягивала ему визитку. Само собой, визитка была не на его имя, а на гражданина Назара Гогия. — Твоя, что ли?

— Ну, моя. Наша...

— Ты... Вы... Вы что, с Назаром у нас в гостинице? Он здесь?

Назаром, как уже было сказано, Гогю называли только очень близкие ему люди. И Саша, какой бы пьяный ни был, это быстро смикитил.

— Здесь, здесь, — проворчал он, забирая визитку. — Могу передать привет. Открой-ка мне дверь. Не разберешься в людях, а туда же — милицию вызову.

— Так он водит кого попало, как тут угадаешь? — настолько виновато заюлила Света, что Саша совсем оправился от испуга. — Погодите, щас все исправим. Вот бугаина, растележился, не пройти, не проехать, — походя обругала она мужа. — А чего ж он к нам в ресторан не зашел? Назар, Назар, говорю, чего не зашел? Давно уже не был...

Тут и вскочил на ноги огромной глыбой Сергей и взревел страшным голосом, перемежая литературную речь ненормативной лексикой:

— Какой-такой Назар, так твою растак? А ну, признавайся, пока дух из тебя не вышиб! — И, прежде чем успела она что-нибудь сообразить, легко, как пушинку, усадил ее на верх шифоньера. — Давай, Саша, закончим чинно и благородно нашу трапезу. Не обращай на нее внимания, пусть верещит. Пока не узнаю, кто такой есть Назар, не ссажу с вышки. Поняла?

— Сними сейчас же, дурак набитый. А то хуже будет!

— Хуже будет, если сниму, — резонно возразил Сергей, разливая вино по стаканам. — Признаешься — помилую. Признание — половина наказания, так, по-моему, менты нас учат. Давай, Сашок, на посошок.

— Да Нинкин это Назар, Нинки нашей, охламон.

— Метрдотельши, что ли?

— Ну.

— А что, звучит. Охламон Нинки метрдотеля — правда звучит, Саша!

— Да охламон-то ты, охламон. А он нам всем такое достает, чего ты в жизни не достанешь. Снимай сейчас же! — вскоре Света перешла с командного тона сначала на визг, а потом и вовсе в голос просочились просительные нотки: — Ну, Сережа, а то голова уже кружится.

— Сниму, сниму. Вот только гостя провожу. Ты извини, Сашок, — перехватил Сергей взгляд гостя, — это она пока

там сидит — такая ласковая. А попробуй ее сними, живого места на мне не оставит. Так что давай, закруглимся.

— Да я уже насовсем круглый, — признался Саша. — Мне бы дойти.

— Дойдешь, какие твои годы. А завтра я к тебе зайду. И привет твоему Назару. Кстати, кто это и где это?

— А я тебе уже говорил: Гога это и есть Назар. Он тут дня на два к друзьям укатил. Работаем мы вместе.

Схитрил Саша. Не сказал: «шеф это мой», но сказал: «работаем вместе». Ну, так марку ведь тоже иногда держать надо. Он ведь тоже что-то да значил.

Благополучно добравшись до гостиницы — это самое высокое в то время здание в городе было видно отовсюду, — Саша в обмен на визитку получил ключи и с почетом был препровожден в свой номер. В причине столь повышенного внимания к своей персоне он не обольщался и ясно понимал, кому в действительности предназначалась сия любезность. В номере он первым делом обозрел себя в большое, в рост, зеркало в прихожей. В голове накрепко застряли обидные слова Светы «беззубая пьянь» и «урод». Неужели это так отчетливо бросается в глаза, что она, не успев даже рассмотреть его, тут же обозначила этим нелестным сравнением.

К великому сожалению, пришлось констатировать, что так оно и есть. Нет, конечно, время от времени себя он видел в огрызок зеркала при бритье, но это случалось так редко, что не стоит и упоминать. Да и особо рассматривать себя не было нужды. Теперь рассмотрел. И увидел запитого алкаша, с землистым лицом и запавшей верхней губой. Он почему-то думал, что «наличие отсутствия» зубов видно только при разговоре: ан, нет, оказывается, для установления этого дефекта раскрытия рта не требовалось. И даже несмотря на приличный костюм, это видение вполне можно было назвать бомжем. Неужели он так сжился с этой кликухой, что уже и физически воплотился в эту ипостась? Духовно-то он им стал уже давно, смирился и признал это. Но все еще нет-нет да и

кичился своей силой и статью. Да той же ловкостью. Редко кому он проигрывал борьбу на руках. А теперь вон че в зеркала: гриб сушеный из породы сморчков.

Сильно огорчился Саша таким откровением, а потому и поторопился забыться с помощью стаканчика принесенной с собой от Сергея бормотухи. Полегчало немного, но тут же некстати вспомнилась Мила. А ну, как и правда придет? Теперь, обнаружив, что он давно уже не тот Саша, он совсем не хотел ее видеть. Пропади они все пропадом вместе с Никитичем, Гошей и иже с ними! Ни до кого мне нет дела. Сам я по себе, пескарь премудрый: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Вот так! На такой мудрой ноте он и отключился от размышлений о превратностях брэнного мира.

И лезли в этот раз в его голову самые неожиданные образы. От сморщенной заплесневелой старушки на метле до грозного косматого чудища, которые по очереди тянули его каждый в свою сторону. И он в страхе визжал так, что сам себя испугал и проснулся в совершенно очумелом состоянии. Наглотавшись воды, немного успокоился, но стоило приклонить голову, как видения, сменяя друг друга, снова тащили его в какую-то невидимую, но вполне им ощущаемую бездну.

«Спал как убитый» — определение не для алкоголиков, потому что кошмары спать не дают и человек все время находится в пограничном состоянии между сном и реальностью. И часто путает одно с другим. Вот старушенция слетела с шифоньера и сильно надавила на дверной звонок. Звонок заверещал так, что Саша не выдержал и запустил в нее подушкой. А это вовсе не старуха, а Света. Старуху не боялся, а тут сразу сдрейфил. Она звонок этак со стенки р-раз — и себе на шею. И сама уже коровой оказалась и головой мотает, и колокольчик-бубенец тот звоном трезвонит. Все ближе,

ближе Светка-корова подкрадывается, лижет его языком и мычит: «М-м-мегера».

Вскочил Саша в страхе неведомом, а это телефон разрывается. Пока очухался да понял, где находится, он и смолк, окаянный. Тьфу ты, напасть, не иначе как Гога звонил. Больше-то некому. Жалко. Узнать бы, когда он вернется, да назад в тайгу умотать. Тут обстановка непривычная и воздуху нет таежного.

Еще когда только приехали в Братск, такую повсюду вонь почуял, все нутро залихотило³⁰. Гога видел это и хохотал радостно. Ничего, мол, Саша, привыкнешь. Люди же, вон, не обращают внимания. А нос зажимай не зажимай — не поможет. И разъяснил, что это от БрЛПК (Братского лесоперерабатывающего комбината) такой смрад день и ночь стоит. Озоном, мол, тут особо не разживешься. Только когда ветерок от города в сторону комбината дует, тогда и дышишь полной грудью. А так все больше — дыхание украдкой.

В общем, списал Саша и головную боль, и кошмарики на «несъедобный» климат, пошел и облился под душем. Вроде полегчало, но встал вопрос: чем заняться, если времени еще и десяти нет. На люди твердо решил больше не показываться: сильно видом своим беззубым огорчился. И вздрогнул от телефонного звонка. Гога! Он поспешно схватил трубку.

— Кого? — недоуменно переспросил он, но потом дошло. — Не-е, не треба³¹. Почему, почему? Старый я уже и безмозглый, потому и не треба.

Он бросил трубку, но на том конце провода, видимо, думали иначе и позвонили снова. И опять предложили: девочки молодые, и недорого, и не сомневайтесь — все со справками. Полный ажур и полное обеспечение. Саша отказался чуть покрусче. Но не обругал. Снова звонок.

— А идите-ка вы вместе с вашими девочками! — рассви-
репел он и тут же понял, что посылает не того, кого надо бы.

— Саша, — сказала Мила. — Это я. С кем это ты так
воюешь? Можешь спуститься вниз?

— Нет, я не в форме, — не соврал Саша.

— Понятно. Тогда я поднимусь. Не удивляйся, я не одна.

— А с кем? Постой! — крикнул Саша, но в трубке уже
плакали гудки.

Он кинулся к зеркалу, пытаясь отыскать хоть какую-то
симпатичную черту в своем облике, и ему еще сильнее захо-
телось в тайгу. Досада на себя и возрастала, и удручала его, и
он с размаху плюхнулся на диван. «На кой ляд я сюда прита-
ракинул? Откуда она взялась? Да еще с кем-то? Что ей
нужно? Мало мне было Красноярска, что ли...» Досада пе-
реходила в знакомое возбуждение и злость уже на себя. Снова
охватила неодолимая жажда мести. Он встал, открыл двери
и сел за столик во второй комнате: «А, будь что будет. Бу-
дем посмотреть, как говорит Гога».

В номер вместо Милы вошли двое дюжих молодых и,
не обращая на него внимания, стали проверять все ниши и
туалет с ванной.

— Вы че тут потеряли, мужики? Может, помочь поискать?

— Заглохни! — походя бросил ближний к нему парень. —
Будешь говорить, когда дадут слово, понял?

— Не-а, — Саша взял бутылку за горлышко.

— Тихо-тихо, без эмоций, — в комнату шагнул еще один
мужчина и махнул рукой обоим парням. — Давайте, свобод-
ны. Не обижайся на них, Саша, они на службе. Ну-ну,
спокойнее, чего тебя так трясет? Своих друзей не узнаешь?

— Свои у меня давно кончились. Как говорят, избавь меня,
Боже, от друзей, а от врагов я сам как-нибудь избавлюсь.

Свои — они опаснее. — Саша напряженно вглядывался в лицо незнакомца. Нет, он его не знал.

— Может, ты и прав, — согласился гость. — Присядем? Я вижу, ты не вспомнишь меня. Да и я тебя вряд ли бы узнал. Все же лет этак десять-двенадцать прошло, как я тебя из больницы на вокзал подвозил.

— Володя! Мареев! — вскочил Саша. — Вот это да, так да.

— Вот видишь. Так что, принимать будешь или избавляться?

— Да это ж совсем другое дело. Это же... как снег на голову.

— А разве я не говорил, что встретимся еще? Мне помнится такое.

— Так и я был уверен. Только больно уж много прошло. А ты все-таки в органы пошел, как я понял?

— Смотри, он и это даже запомнил! Ну и память у тебя.

— Да какая там память, — пожал плечами Саша. — Впрочем, щас я еще и адрес твой вспомню. Постой-постой, — и назвал улицу и номер его дома.

— Ого! — присвистнул Володя. — Да ты просто феномен. Пойдешь ко мне работать?

— Ментом? Вот так по углам шнырять, как эти двое?

— Да нет, Саша. Я по другой, по деловой части. Бизнес у меня, можно сказать. А те парни — охрана моя. Ладно, не будем об этом. Ну что, нашел своих обидчиков? Или и не искал?

Саша покачал головой и как-то сразу сник.

— Не нашел, значит. Извини, я не должен был с этого начинать, — сказал Володя. — Подозреваю, в жизни у тебя не совсем все сладилось. Даром, что в люксе поселился.

— Это не мой номер. Мои номера в тайге, Володя. Когда в общаге, когда и вагончиком обходимся, а когда и того нет.

А это шефа моего — Гоги. Он меня на недельку с собой взял. Крановым я в его «воруйке».

— Да-а, вот как, значит, судьба повернула. Зря ты тогда не согласился на мою помощь. Глядишь, и вычислили бы их.

— Я забыл об этом. Постарался забыть.

— Получается, что я напомнил. Но уж так вышло, извини. Мила мне сегодня рассказала о той вашей одиссее. Надеюсь, на нее ты зла не держишь?

— Она тут ни при чем. У меня было время все сопоставить, и я понял, что она пыталась спасти меня. Во всяком случае, предупредить пыталась.

— Хорошо, Саша, что ты хоть это вспомнил. Ей легче будет с тобой разговаривать. Сними ты с ее души этот груз, убеди, что она ни в чем не виновата. Понимаешь, — Володя помедлил, глядя в глаза Александра, потом покрутил пальцами у виска, — заходи у нее. Так вроде все ничего, а нет-нет да и начнет «гнать гусей». Периодами, в общем. Так как?

— Я и без тебя бы ей это сказал. Последнее, что я слышал тогда, был ее крик, чтобы меня не трогали. Только у тех жлобов другого выхода уже не было. Потому что я узнал Никитича. Если ты только за этим пришел, считай, что все в ажуре.

— Ну, не только за этим. Хотел удостовериться, об одном ли и том же человеке речь с ней ведем. Все же такого рода совпадения бывают один на миллион. — Владимир удивленно покачал головой: — Надо же так... Вот и хотел бы принять посильное участие в твоей судьбе. Может, хватит по тайге мотыляться? Получишь у меня приличную должность и заживешь приличной жизнью.

— Я один раз уже погнался за этим приличием, — усмехнулся Саша. — Как видишь, не очень удачно. Чертов узбек соблазнил легкими деньгами.

— Это другое дело, Саша. Тогда у тебя был выбор, теперь его уже нет.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты был молод, здоров, мог учиться дальше. А что сейчас? Ты когда на себя последний раз в зеркало смотрел?

— Перед твоим приходом, — развеселился Саша. — Как ты догадался?

— Тут и гадать нечего. Думаешь, тебя первого такого вижу? Жизнь и не таких ломает. Выбор у тебя теперь только один: или — он посмотрел на свет бутылку с портвейном — сгореть от суррогата, или идти ко мне работать, где не возражается выпить немного коньяку после удачной сделки. Скажу честно, Саша: кроме меня, тебя уже никто не возьмет на такую работу.

— А как же мой вид?

— Не проблема. Завтра же начнешь вставлять зубы.

— У меня, если помнишь, так и нет никаких документов.

— Сложнее, но и это уладим. Не с луны же ты свалился. Сделаешь зубы, запечатлеешь ослепительную голливудскую улыбку на фото — и вперед, к новой жизни. Ну, что, уговорил?

— А получится? — Саше страстно захотелось вернуться в жизнь.

— Все зависит от тебя. Пьешь помногу или уже стакашки хватает?

— Да ну. Другой раз вообще пьешь, как воду. Башка только потом разламывается.

— Немудрено, — Владимир снова посмотрел бутылку на свет. — Говорят, американцы таким вот нашим пойлом вьетнамцев на войне опрыскивали. И те дохли, как тараканы от дуста. Сам завязать сможешь?

— Думаю, что да.

— Ну, тогда тем более обо всем договорились...

— Володя, если бы кто другой предложил бы мне такое, не стал бы даже слушать. Потому что не поверил бы. Тебе верю.

— Понял. Можешь на меня положиться. А будущее зависит от тебя.

— Еще вопрос. Кто тебе Мила?

— Ну... в общем, не жена, врать не буду. Но самый дорогой мне человек. Достаточно?

— Вполне. Вопросов больше нет.

— Сейчас она к тебе придет. Не забудь мою просьбу. А потом жду вас в кабаке. Да нет, не поздно, время нас не касается.

В комнату вошла Мила, он нежно обнял ее и показал на Александра:

— Мы обо всем договорились, Мила. Он согласен. Я оставлю вас. Чао! — он шутливо откозырял.

Долгое время они смотрели друг на друга, и каждый в уме прокручивал ту последнюю сцену в поезде. Оказалось, что она могла быть последней для обоих. Как рассказала Мила, ее тут же заперли в купе, пригрозив, что она лишится башки, если только вздумает пикнуть. При этом заверили, что с Сашей ничего страшного не случится. Очухается, мол, в дежурке у ментов, они его и пересадят на другой поезд. В доказательство того чемодан унесли вместе с ним, дескать, все при нем останется. И она поверила. А еще она знала, что Никитич, который вовсе и не Никитич, а Арнольд, способен выполнить угрозу в отношении ее, поэтому забилась в угол и тихо скулила, пока Гоша не увел ее уже совсем в другой вагон.

— Могу сообщить, Саша, — жалобно продолжала она, — если тебя это хоть немного успокоит: ни одному жлобу эта

операция не принесла столь желанного счастья. Арнольд закончил свои дни в инвалидной коляске. Его сбросили с поезда подельники — Вадик со товарищи. Это когда обнаружилось, что в дипломате всего-то около тысячи рублей, и все рублями да трешками. Остальное — кой-какое барахло да никому не нужные договора. Они заподозрили, что он их кинул. Потом, когда узнали от Стеллы правду, избили Гошу до полусмерти за фальшивую наводку. И всех их, включая официанта Вадика, сняли и судили уже в Омске. За Гошу, за Арнольда, за разбой, но не за кражу дипломата. Это только потом всплыло. Вроде как по запросу красноярского следователя. А правда была та, что Керим всех обвел вокруг пальца. Еще в Северобайкальске он сдал наличку в банк и выписал чеки, которые и таскал у себя в нагрудном кошельке. Представляешь?

Саша представил. Только теперь он понял, почему так беззаботно Керим оставлял «мешок с деньгами». И даже умудренный следопыт Сафдар не смог догадаться и попался на эту удочку. Век живи, век учись. Нет, что ни говори, а молодец узбек. Словно угадав его мысли, Мила продолжала:

— Это Керим Стелле уже перед отходом поезда в Новосибирске сказал. Он в их байку, что это ты с дипломатом смылся, и не думал верить. Но вид такой сделал: возмутился, грозился из-под земли достать. В Стеллу же он влюбился по уши и уговаривал ее бросить эту компанию. А как отказалась с ним уехать, при расставании выложил все как есть. Зря, мол, твои кенты Никитича (Арнольда, значит) извели, вот они, денежки, где. И чеки те показывал, и горы золотые обещал. Только поедem, мол, со мной. Не соблазнил: поняла Стелла, что его бояться надо больше, чем всех тех мошенников, вместе взятых. Но он и тут, так сказать, на прощание, все правильно подрассчитал, чтобы они перегрызлись между

собой. Стелла все тут же парням передала, а те на Гоше и отыгрались. Одного он не предполагал: что ты во всей этой истории крайним окажешься. И жалел сильно. Сам так сказал Стелле на прощание.

— А может, и предполагал, раз такой ушлый, — тоскливо сказал Саша. — Тьфу ты, черт, все эти годы терзаю себя, что деньги его не сохранил, а оно вона как! Это ж я у него вместо ширмы был. Громоотвод. Вот лапоть, так лапоть. Одно утешение, что не один я такой дурак оказался. И больше его не видела?

— Нет. И слава Богу, что нет. Саша, послушай меня!

Мила наклонилась к нему через стол, и он увидел, как неспокойно заматались ее глаза. Потом вся она как-то нервно засуетилась и заоглядывалась по сторонам, хотя никого в номере, кроме них, не было. Саша насторожился. Наверное, это было то, что Владимир назвал «заходами». Наконец она отыскала его глаза и уже не сводила с них своих:

— Если ты захочешь, все у тебя будет теперь по-другому. Я нашла людей, которые верят в Бога и никогда ни на кого не держат зла. Ты ведь веришь, что Бог есть?

Саша растерялся. Что ей ответить? В этом ее «ведь» — страстная надежда на положительный ответ. Но фальшивый она почует. И он ушел от прямого ответа:

— Что это за люди, Мила?

— Это прекрасные люди, Саша. Я знаю, что Володя считает меня чокнутой, особенно сейчас, когда я стала ходить к ним. Может, он и тебе сказал об этом? Нет? А я как раз теперь только и стала понимать реальность. Да, после потери ребенка у меня были проблемы с психикой, но сейчас их нет. Потому что я здорова, как никогда раньше. Все дело в прощении. Если ты искренне, от всего сердца просишь Бога простить тебя — Он прощает. И освобождает от всех грехов.

Тогда тебе становится так вольно, что никакие заботы уже не в тягость и не надо никаких богатств этого мира.

«Ну, вот, та же старая песня, — скептически усмехнулся Саша. — И эта туда же. Нажилась, накупалась в богатстве (вон охрана-то и сейчас за дверьми ждет), а потом его уже не надо. Может, просто приелось? А мне хочется попробовать хотя бы с месяц так пожить, тогда и о свободе не грех поразмышлять. Свобода, воля. Свободу имеет тот, кто имеет деньги! Это известно каждому дураку». Как бы в подтверждение его мыслей, дверь чуть приоткрылась, и в проеме появилась голова охранника:

— Мила, пора идти. Шеф уже вернулся и ждет.

— Сейчас, сейчас, подожди еще две минуты, — спохватилась она. — Я совершенно забыла о времени.

Снова повернулась к Саше и зашла в горячем шепоте:

— Саша, это Бог сделал так, что я увидела тебя. Чтобы я примирилась с тобой, понимаешь? Чтобы ты на меня не таил зла... — она положила свою руку на его, — тогда я могу спокойно идти к своему Небесному Отцу.

— Что ты, Мила, что ты, — невольно подскочил Саша. — Какой Отец Небесный, если я на тебя и не думал держать обиды? Я уже говорил об этом Володе и тебе это же говорю. Ты пыталась спасти меня, и я это слышал. Никто мне не виноват...

— Я верю тебе, Саша, — на лице Милы полное умиротворение.

Прикрыв глаза, она что-то еще беззвучно прошептала в пустоту и поднялась:

— Пойдем, пожалуй. Володя страшно не любит ждать. У нас тут не очень далеко есть свое укромное заведение. Подалее от чужих глаз.

— Все в ажуре? — встретил их в полумраке пустого зала Володя и сам же ответил, бросив внимательный взгляд на Милу: — Вижу, что полный порядок. Я на вашу встречу и рассчитывал. Ну, пройдем, Саша. Мила, ты иди к женщинам, я потом подойду.

За двумя сдвинутыми столами сидело человек десять-двенадцать мужчин и женщин, и Володя в полушутливой форме представил им Александра как своего друга детства. Но совершенно серьезно заключил:

— Александра малость потрепала жизнь, но мы вернем ему былой лоск, и он займет в нашей фирме подобающее место.

После этого Саша с удовольствием констатировал, что никто им особо не интересуется; атмосфера была простой и непринужденной, а не «деловой», как он ожидал это увидеть, отчего и комплексовал. Впервые за столько лет он почувствовал свою ущербность. Не только физическую, что из-за отсутствия зубов было вполне естественно. Отсутствовало чувство собственной самодостаточности, которому худо-бедно всегда находилось место в его жизни в кругу рабочих в лесу. Где бы он ни работал, его ученость замечалась простыми работягами, и по многим вопросам он становился непререкаемым авторитетом. А здесь он был ноль. Но понемногу расслабился и уже более спокойно прислушивался к разговорам за столом, избегая вступать в них. Если к нему обрацались, обходился краткими «да» или «нет»

или просто пожимал плечами. И только пропустив пару рюмок коньяку, забыл, что он тут «новенький». Но в разговоре так и не принял участия. Перед прощанием Владимир подсел к нему:

— Ничего, Саша, потихоньку войдешь в колею. Все рассосется и будет как надо. Главное, во всем надеяться на себя, а не на доброго дядю. Пусть это будет даже Сам Бог. «На Бога надейся, а сам не плошай» — должно стать твоим кредо. Человек сам творец своей судьбы и в достижении цели должен использовать все имеющиеся средства. Нравственные принципы важны, но хороши они лишь до тех пор, пока не мешают достижению этой цели. Вот, смотри, Мила сегодня прямо ожила, да? Благодаря чему? Благодаря вашей встрече. Твое появление напомнило ей о днях минувших. То есть, о том времени, когда, мягко говоря, эти принципы не всегда соблюдались. А результат сказался сегодня. Как раз вопреки тем нравственным принципам. Короче, благодарность тебе.

— Я здесь ни при чем. Слушай, она много говорит о каких-то людях, о их всепрощении, о Боге. Это у нее серьезно?

— Ах, это пройдет. Она кидается из одной крайности в другую. Мы потеряли с ней ребенка. Дочку. И это чуть не стоило ей рассудка. Теперь я, кажется, могу сказать, что все позади. Слава Богу!

— Слава Богу?

— Да. Ну, это я так, на всякий случай. А вдруг Он действительно есть где-то там? — Володя покрутил пальцем над головой. — В нашем деле любая помощь желанна. Тем более такая.

— Резонно. А в каком это «вашем деле», Володя? Я, сколько ни пытался, не мог уловить, чем вы занимаетесь. Что у вас за бизнес, как теперь говорят?

— Ты что, на вечеринке хотел узнать о делах? — с шуточной укоризной взглянул на него Владимир. — Ну и замшелый же ты, Саша. Не торопись. Завтра все увидишь, все узнаешь. Да, не забудь приготовить и записать все свои данные, чтобы запросить копию твоего свидетельства о рождении. Где, что, когда — да? Мила утром заедет. Не волнуйся: через неделю все будет готово, и паспорт тебе гарантирован. Настоящий, без дураков. А ближе к обеду за тобой заедут те два парня и отвезут к зубному технику. Он тебе такие поставит — все девки твои! Выберешь себе подругу и заживешь счастливой семейной жизнью, а? Каково? Ну, а теперь пока, до завтра. И привыкай к нашему бешеному ритму. Во сколько бы ни лег спать, к девяти на работу. — Он взглянул на часы: — У-у, еще только три, уйма времени, чтобы хорошо выспаться. Надеюсь, вечер не расстроил тебя?

— Ну ты даешь! Конечно, нет. Только у меня зуд нетерпения. Хочется побыстрее войти в эту вашу колею...

— Это хороший зуд, Саша. Я не ошибся в тебе. В гостиницу тебя отвезут. Пока.

Долго не мог уснуть в ту ночь Александр. Обстоятельства давали ему очередной шанс выкарабкаться из болота пьянства. «Неужели на этот раз я вытацил из колоды жизни своего долгожданного туза? Володя, конечно, демагог, — что он там набуровил про нравственные принципы, не расхлебать, — но, видимо, такие люди и добиваются чего-то в жизни. Главное, он честно предупредил: у меня это последний шанс. Кому нужен на работе коллега-алкоголик? Да, но я ведь еще и не пробовал завязывать. Кто сказал, что у меня нет силы воли? Вот прямо сейчас и завяжу!»

Он брезгливо повертел в руках бутылку портвейна, хотел вылить содержимое в раковину, но потом передумал и поставил ее в мусорное ведро.

— Может, кому-то и пригодится, — глубокомысленно рассудил он.

Ему показалось, что он только-только закрыл глаза, а Мила уже позвонила снизу. Было уже одиннадцать часов, и солнце заполонило своим радостным светом всю комнату. Саша вскочил и быстро оделся. Вместе с Милой в номер зашли и вчерашние парни. Теперь они уже дружески пожали ему руку, перебросились парой ничего не значащих фраз и тут же вышли в коридор. Не задержалась долго и сама Мила. Она была радостно возбужденной и без умолку щебетала. Сейчас Володя едет на БрАЗ (Братский алюминиевый завод) заключать договора, и это его прихоть, чтобы она была с ним. А ей почему-то совсем не хочется торчать там куклой и изображать из себя деловую женщину. Но куда не денешься — так хочет босс. Ребята же вот эти вернутся за Сашей к обеду, как и было оговорено. Забрав запись его данных, она тоже заспешила.

— Ах, вот, чуть не забыла, — спохватилась она уже в дверях и вытащила из сумочки какую-то коробочку. — Саша, это Володя тебе передал. Тут станок и импортные лезвия. Брейся — и до вечера!

Все! Если еще ночью, да и вот только что, сейчас, были сомнения, что что-то может помешать началу его новой жизни, то теперь они полностью исчезли. Саша глубоко вздохнул и сел прямо на пол. В дверь тихонько стукнули, и в номере, не дожидаясь приглашения, появился Сергей.

— Ты че это на полу? На другой бок опохмелился?

Улыбаясь, Саша покачал головой:

— А че? «Гусей погнал»? Че лыбишься-то? Тут у человека трубы горят, а он веселиться изволит. Непорядок это, Саша. Слушай, а эти двое гавриков с женщиной не от тебя вышли?

Саша кивнул.

— От тебя? — Сергей сразу стал серьезным. — А что у тебя с ними? Если не секрет, конечно.

— Да ничего особенного, садись рядом, — похлопал по коврику Саша. — Не хочешь, ну тогда я встану. Садись на стул, я долго рассказывать буду...

— Так мы что, и не выпьем? — озаботился Сергей, послушав о переменах в жизни нового друга. — Я, конечно, понимаю твоё состояние, Саша, но должен тебе сказать: будь осторожен. Если не ошибаюсь, видел я этих субчиков в Красноярске. На алюминиевом заводе. Я там под погрузкой целый день стоял. В общем, там случилась довольно криминальная история. Тогда на моих глазах повязали несколько человек. То ли по подложным накладным грузились, то ли ещё что. Но этим-то в наше время, когда все друг у друга воруют, никого не удивишь. А вот у двоих, сильно похожих на этих твоих гостей, с боем отобрали оружие — это уже событие! Не помог им и прибежавший какой-то тип, доказывавший, что они-де охрана, сопровождающие и все такое. Он и документы показывал. Голый вассер! Все у них отобрали и буквально уволокли с территории. Но, может, и обознался я. А ситуация сейчас, сам знаешь: где закон, а где криминал — не отличишь. Грабят и по закону, и без. По закону грабят даже больше. Самый паршивый мент может тебя ограбить на всю катушку, и ничего ты не докажешь. Бардак, одним словом. В общем, Саша, желаю удачи, но будь начеку. Башка у тебя, как я уже понял, варит, сам увидишь, что к чему. Жалко, выпить мне напоследок снова не с кем. Мне завтра в рейс, а это ж, сам понимаешь, опять сухой закон минимум на полмесяца. Ну, я тебе после обеда звякну. Может, если все будет в ажуре, так и не грех будет, а?

— А если не в ажуре, то тем более? — рассмеялся Саша.

— Ну, это уж само собой. С горя тогда...

Сергей ушел. Саша сходил вниз в столовую и уже больше никуда не выходил из номера. Время приближалось к обеду, а парни не появлялись. Не появились они и много позже обеда, и Сашу снова начали терзать сомнения. На это его натолкнул рассказ Сергея. И сами собой напрашивались параллели: там, в Красноярске, алюминиевый завод, и сейчас Володя с парнями на таком же заводе в Братске. Там двое парней охраны и тут похожая охрана. Наконец в четыре часа зазвонил телефон. Саша рывком снял трубку.

— Саша, — сказал Сергей. — Не объявились твои парни?

— Нет, Сережа. Не знаю, что и думать.

— А у тебя ни одного их телефона нет?

— Откуда? Я даже и не подумал об этом. А что, Сергей?

— Похоже, я прав оказался. Утром по дороге на БрАЗ какие-то братки взорвали машину с тремя мужиками и женщиной. Криминальная разборка. Весь Братск гудит: что-то, мол, не поделили братки. Подождем, когда скажут, кто там был. Или мне прийти сейчас? Я тут уже и пошло приготовил.

Саша все понял.

— Приходи, Сережа, — тихо сказал он и положил трубку.

«Концерт окончен. Тут тебе и ослепительные зубы, и паспорт, и должность, и семейное счастье. В который раз все прахом, — прошептал он и бессильно опустился на стул. Страшная, ни разу до этого не приходившая в голову мысль сразила его: — А ведь я приношу несчастье. Густав, Еська, Игорь с Кирой, теперь Мила с Володей. Да ведь я проклят! Страшно-то как, Господи-и», — зачем-то вспомнил он Бога, и через все его тело при этом прошла судорога.

Он съежился, будто ожидая откуда-то удара, и вдруг с облегчением обнаружил, что давно уже стоит около мусорного ведра. Нагнулся и извлек из него бутылку. Все

правильно. Это и есть его предназначение. Так было суждено от рождения. А то придумал: Бога вспоминать...

Тут и Сергей, легок на подъем, появился.

— Ну, вот и порядок! — обрадовался он приготовленному для него стакану. — А то должности всякие сомнительные: да там ни побазарить, ни выпить по-людски. Еще неизвестно, чем бы для тебя все это могло кончиться. Эта публика не для нас, Сашок.

Он сбрыкал бутылками в сумке.

— Гуляй, рванина, от рубля и выше. Радуйся жизни, пока есть здоровье. И я буду пить за твое, пока не пропью свое, идет?

И, не очень искренне пособлезновав по поводу несостоявшейся карьеры друга, предложил выпить за упокой... Потом за здоровье. Потом за расставание: на завтра Сережа уходил в рейс.

А на следующий день Саша, не дожидаясь Гоги, укатил поездом в Усть-Кут, а оттуда с погодившимся в порту бригадным К-700 — к себе на лесосеку. Пропади они пропадом, все эти города с их многолюдством, ненасытной дележкой всего и вся и жестокой сварой между людьми, готовыми перегрызть горло друг другу.

...В декабре того же года подвернулась Александру возможность съездить в Тайшет. Собственно, кроме него, туда и послать-то некого было, а Гога еще и знал, что для Саши Тайшет, как дом родной. Приторговал там по случаю Гога списанный вояками КрАЗ, а он еще вполне ничего себе: лес будет таскать за милую душу. Ну, получил Саша машину, расписался, где надо, все путем, да еще и прицеп ему навесили. Просто так, впридачу. А это уж совсем везение получается: за это ему ба-альшой бакшиш от Гоги полагается. Не

поленился Саша, и хоть и не совсем по пути, а сделал крюк и заехал-таки посмотреть те места, где «враги сожгли родную хату»*. Его хату. Снежищу навалило в тот год — не разгрести, и осиротелыми скелетами так и стояли чуть видные из сугробов обуглившись, но уцелевшие столбы стайки, единственные свидетели того пожара. Постоял Саша, повздыхал горестно (много все же тут было наряду с плохим и хорошего) и уж тронулся было в путь, а тут с электрички мужик к нему бежит. На ходу падает, да бежит.

— Саша, — орет, — постой! Постой, Сашок!

Пригляделся Саша, а это Веня-геолог. Неужто он не все еще камни собирал тут в тайге по речкам? Оказалось, что он и живет теперь здесь, да еще и кооперативом при леспромохозе командует. Как не отметить встречу? Да разве ж это можно, тем более что и Степанида все еще в твердой памяти и добром здоровье. Не-е, хороший самогон у Степаниды, кто что ни говори, а хороший. Все про всех прознал Александр у нее за столом: и что Кира уехала куда-то далеко, и Савельич в свою Украину подался, и Курбана давно тут нет, зато других таких же, как он, «азербутов» полно. Только на следующий день, прихватив самогона на дорожку, откочевал Саша из бывших родных краев в края, ставшие родными теперь. Откочевать-то откочевал, да заблудился малость в дороге. Они, дороги эти, и так-то все, как близнецы, одна на другую похожи, а когда в душе и теле веселье сильное — так и вовсе не различишь. Вот и угодил в обрыв у речки Чуны.

---

* Строка из одноименной песни композитора М. Блантера на стихи М. Исаковского.

А теперь, дорогой мой читатель, вернемся на лесосеку, где Саша и предавался своим размышлениям. Теперь он слышал, как аккуратно за свороткой на их деляну, тяжело вздохнув, остановился КамАЗ. Вздохнул так, словно высвободил легкие от долго тяготившего их груза. Раз, другой хлопнули дверцы, послышался говор споривших о чем-то людей, и вот они уже показались из-за деревьев, идя от вывозки к вагончику не по дороге, а напрямки, через кустарник. Будто не в первый раз ходили здесь. Их было трое и по виду явно геологи: небритые, в штормовках с башлыками, брезентовых штанах и тяжелых ботинках. У самого молодого на плече болтался карабин. Саша привстал им навстречу.

— Бог в помощь! — приветствовал его младший из прибывших, в котором мой читатель сразу узнал бы Юрия Мабутина, главаря заседавшей в ресторане гостиницы «Братск» тройки.

Среди своих он был больше известен как «Мобуту». Ну, это уже он получил за свой цыганский загар и по созвучию своей фамилии с фамилией небезызвестного африканца.

— Зови, дед, начальника партии. Мы за вагончиком, за оборудованием, за всяким там шурум-бурумом приехали.

— Привет, мужики, приземляйтесь. Только партии тут никакой нет.

— Как нет? Ты че, дед, темнишь?

— Так и нет. Вам надо было раньше сворачивать. Да приземляйтесь вы. Успеете еще обернуться. А я давно вас жду.

— Это как это ты нас ждешь? — искренне удивился гость.

— Да я вас еще от речки слышал. Тут же все, как поднесено, слышно. А как на Ключи не свернули, то и понял, что к нам пожалуете. Другой-то дороги нет.

— Мы что, Ключи уже проскочили? — всполошились они все разом.

— Давно, — пожал плечами Саша. — Километра за два до последнего подъема. Вы что, указатель не видели?

Мужики в недоумении уставились друг на друга.

— Куда ж ты, Миша, глазел? — упрекнул Юрий коренастого, почти квадратного мужика с копной темных курчавых волос и вытянутым лицом, заросшим до самых глаз густой растительностью. — Эх ты, водила.

— Я ни-ка-кого указателя не видел, — обиделся шофер, мотая головой. — Может, его сбил кто?

— Да и я не видел, — поддержал его третий, самый крупный мужик.

— А, — махнул рукой молодой, — видели не видели — какая теперь разница. Главное, своротку проворонили. Давайте передохнем тут, да двинем назад, раз уж так вышло, — здраво рассудил он. — Деляна-то чья будет, дед?

— Гоги бригада, — улыбнулся Саша. Парень был лишь чуть моложе его, но он не обижался, что тот так его называет. Выглядел он действительно на все семьдесят.

— Да ты что! — чуть ли не подпрыгнул гость. — Назара? Вот те раз! А ну, зови его сюда. Или как вы — в рельс бьете? Давай, давай, дед, вызывай моего кацо, моего генацвали. Скажи, Витас Борода здесь, собственной персоной! Это ж надо, — повернулся он к своим мужикам, — своего давнего кореша

встретить в такой глуши. Кому скажи — не поверит. Ну, что ты медлишь, дед? Звони в колокола, за приятную весть премию от Гоги отхватишь.

— Я не медлю. Нет его сейчас здесь.

— А кто есть? Гвария, Костя Мулат, Витька Цыган? Зови, кто есть.

Саша облегченно вздохнул. Все названные мужики были самыми давними членами бригады Гоги. Закравшееся было подозрение улетучилось: свои люди, таежники.

— Да нет никого, — развел он руками. — Один я тут.

— А куда ж они подевались? — удивился Борода. — И когда будут?

— Может, дня через три вернутся, а то и позже. Вот уж пару дней будет, как в Илимск на свадьбу укатили.

— Узнаю Гогу. Гулять так гулять — это у него не отнимешь. Его принцип. А жених-то не он, случаем?

— Да ну, его в такое мероприятие на аркане не затащишь.

— Эт точно. Ну, а ты что отстал? Или стар для гулянок, а, дед?

— Да не дед я тебе.

— А кто: добрый молодец? — Юрий по-свойски подмигнул Саше.

— Был добрый. Теперь уже не совсем. Искорежило меня немного в аварии. Так что на ремонте я. Ну, а поскольку запчастей для меня еще не придумали, жду, когда свои собственные нарастут. Думаю, мы с тобой почти ровесники. — Саша протянул руку: — Александр.

— Вон оно как, — понимающе кивнул Юрий. — Ну, тогда извиняй, брат. Неловко вышло. А это — Анатолий Глыбин или просто — Глыба, это — Михаил, ну и я, Витас. Хочешь, Бородой называй. Ну, и извиняй, брат.

— Извиненьем тут не обойдешься, — пробасил Анатолий. — Давай-ка за знакомство вздрогнем да подрумянимся. Миша, тащи НЗ.

— А чичас я, махом, — с готовностью крутнулся низенький и споро побежал к машине.

— Это что же, всего-то, чем Гога располагает? Не густо, — обвел рукой поляну Юрий, имея в виду сломанную технику на стане. — Только газончик вон вижу из новья. Так на старье допотопном и перебиваетесь? Трелевочнику вчера сто лет было, однако. По-моему, я еще на нем работал. А, Саша? Что-то не вижу, чтобы развернулся Гога.

— Да нет, конечно, это же на приколе. Вот запчасти подвезут, подшаманим и в работу, — откликнулся Саша, немного задетый за живое таким пренебрежительным выводом. — А новье вон там, у ручья. КамАЗ и Т-170 со всеми причиндалами. Оба с иголки. Только-только пригнали. Трактор так и не работал еще.

— Иди ты! Вот это уже похоже на Гогу. Можно взглянуть? — Борода виновато улыбнулся: — Что поделаешь, техника — моя слабость.

— Че ж нельзя, взгляни. Только смотри, Витас, тут у нас гостья повадилась, росомаха. Дама, не сказать, чтобы очень доброжелательная.

— Ерунда, пусть испробует судьбу, — отмахнулся тот и поправил карабин. — Я тебе ее шкуру тогда подарю. Ну, вы тут подрумяньтесь пока без меня. Но и мне не забудьте оставить.

— О, тушенка! — расплылся в улыбке возвратившийся с двумя бутылками водки Миша. — Ну, блин, прямо царский закусон.

На Сашу вид бутылок произвел магическое действие. Враз забылось все, в чем признавался себе и каялся. Он был как витязь на распутье: слово, которое он только что давал Богу

и самому себе, противилось и напоминало ему о последствиях, кои могут произойти в его неокрепшем организме. «Не прикасайся к спиртному!» — жгло слово и взывало к его совести. А он изо всех сил пытался загнать эту совесть в дальний угол вполне, как ему казалось, убедительными доводами: «Я же только чуть-чуть за уважение. Люди издалека, неудобно, даже неприлично отказаться в такой ситуации. Это же будет обидно для них. Выпьем и разоидемся, и уж тогда — никогда больше!» Он ловко открыл пару банок тушенки, нарезал хлеб и выставил кружки, весело балагурия с гостями.

Его настроение передалось и им. Они переглянулись, как бы говоря: «Все нормально, обойдемся без таблеток: мужик — законченный алкаш».

Михаил разлил бутылку на четыре кружки, огляделся и сказал нетерпеливо:

— Витаса че-то нет. А семеро одного не ждут. Подняли? Ну, хозяин! — оба гостя крякнули и выпили, занюхивая рукавом.

— Да вот же, вот же, закусывайте, — заторопился Саша.

Желая угодить гостям, он подвинул тушенку к ним поближе и локтем нечаянно опрокинул свою кружку. Саша огорченно вскинул глаза, и... они открылись. Коренастый злобно оскалился, и он узнал в нем того крысятника с Красноярского вокзала. Если его побрить... Да нет, и без того портрет был на все сто! Он даже услышал тот скрипучий голос: «Шарик круглый, свидимся ишо!» Вот и свиделись. Без сомнения, это угонщики. Трал прихватили, значит, хотят угнать и трактор. Тот, молодой, что Витасом назвался, пошел на разведку. Саша застыл в оцепенении. В какой уже раз Господь предостерегает его от опрометчивого шага, а он просто силком сует свою голову в петлю. Как же он так быстро забыл свою молитву к Богу?

— Что ж я наделал? — вслух прошептал он горестно.

— Ниче, ниче, парень, бывает, — успокоил его Глыба, приняв слова сокрушения на счет разлитой водки. — Цас мы тебе восстановим.

Но Саша не реагировал. Чуть покачиваясь, он продолжал смотреть в одну точку.

— Ты че, парень, привидение увидел? — еле сдерживаясь, процедил Миша. — Че с тобой?

— А, нет, ничего, — опомнился наконец Саша и сел. — Водку жалко.

— Да говорю ж тебе: восстановим, — попытался придать голосу дружеские нотки Анатолий. — Поддай-ка бутылку, Миша.

«Надо за чем-нибудь пойти в вагончик и взять ружье, пока не вернулся молодой. Но пойти так, чтобы они не заподозрили. О Господи, помоги мне». Саша не мог унять дрожь в руках, и это не ускользнуло от их внимания.

— Да не переживай ты так-то, — снизошел до улыбки Миша. — Не оставим тебя без причастия. Если надо, найдем еще. Бог велит пополам делить.

— Ты веришь в Бога? — оживился Саша. — А у меня есть Библия. Хочешь, покажу!

— Хто-о? Хто у тебя есть? — прищурился Глыба. — Библия? А шо воно такэ? Ни разу нэ бачил. А ну, принеси.

Саша будто того и ждал и слишком поспешно рванулся из-за стола к вагончику. Эта поспешность насторожила их, и последовавший за ним Михаил уже у дверей придержал его за локоть. Но в объемном куске зеркала, прикрепленного к простенку вагончика у дверей, Саша успел увидеть, как тот, второй, бросил в его кружку таблетку. Ну вот, все встало на свои места. И Саша почувствовал вдруг, что волнение покинуло его.

— Да ладно тебе с Библией, Саша, — жестко сказал Миша. — О Боге надо на трезвую голову говорить, а не за столом с выпивкой.

Саша высвободил локоть.

— Ты прав, Чучундра, — согласился он. — За столом не место.

— Откуда ты меня знаешь? — просверлил тот его глазами, сильно стиснул локоть и повел к столику.

— Да Витас же тебя так называл.

— Даже так? — сощурил Михаил и без того узкие глаза и поднес кружку к его лицу. — Пей. Это я за тобой ухаживаю, чтобы ты во второй раз не пролил, понял?

— Не, Миша, не буду я пить.

— Это почему же? Не пойму я тебя: то переживал до смерти, что пролил. Боялся, что больше не подадут. Теперь дают — не берешь. Случилось что?

— Случилось. Богу я зарок давал, что не буду пить, да забыл и чуть было не нарушил тот зарок. Спасибо, ты о Нем напомнил.

— Э, ты че темнишь? Когда это я тебе напоминал?

— Постой, Миха, — остановил его Толик. — Поставь кружку, я с ним поговорю. Че ты заартачился, друг Саша? Мы к тебе всей душой, а ты... Нехорошо это.

— Против Бога пойти — и того хуже будет. Я всю жизнь против ходил — больше не хочу.

— Да ты Его где видел-то, Бога? Что ж Он, если Он есть, тебя так разукрасил в такие-то годы, а? Ты хоть посмотри, что Он с тобой сделал! А то — Бо-ог!

— Это я сам с собой все сделал, мужики. А Бог меня всю жизнь от этого отваживал. И на этот раз вытащил с того света. Потому что Бог есть любовь. Любит Он всех людей, понимаете?

— Да нужен ты Ему, как телеге пято колесо, — встрял Михаил, все внимательнее приглядываясь к Александру. — Ну, был бы ты какой-нибудь молельник в пустыне или поп — толоконный лоб, тогда другое дело. А то такой же, как и я, и вдруг бы Он тебя зауважал, да? Меня, значит, нет, Толяна — нет, а тебя зауважал. Ты смотри, какой кендибо-бер нашелся!

— Христос всех любит. В том числе и вас обоих. Он за нас умер.

— Вот тут-то я тебя и ущучил! — усмехнулся Глыба. — Ишь ты, какой хитромудрый. То у тебя Бог всех любит, теперь Христос. Что ж ты нам кружева плетешь, дорогой друг? Врал бы уж одно что-то: или тот, или другой. Я люблю про Бога слушать, но тут ты маху дал. Давай-ка лучше подрумянимся, да споем, «отчего деньги не ведутся». А потом и о Боге нам расскажешь — с удовольствием послушаем. А, Саша, правда, давай!

— Христос и есть Сын Божий. То есть... — Саша смешался.

Объяснить доходчиво не получалось, и он почувствовал это. Он помнил, как хорошо объяснял ему это Савельич, потом тетя Маша, но мысли путались и не выстраивались в логическую цепочку: — В общем, Христос и есть Бог, понимаешь?

— У-у, теперь ты меня совсем запарил. Без поллитры не разберешься. — Толик взялся за кружку. — Давай, Сашок, приголубь. Потом договорим. Потом я тебя, сколь хошь, слушать буду. А то неромнако³² у нас выходит: мы подрумянились, а ты тверезый.

— Вы уж извините. Правда, не могу я. Пейте сами.

— Э-э, у нас так не принято. Не можешь — научим, не хочешь — заставим, — осклабился Михаил.

И, уловив движение Александра к столу, встал на пути и схватил его за грудки.

— Не-а, не выйдет. Что, гнида, Красноярск вспомнил? По роже вижу, что вспомнил. Ты, тварь, думал, не встретимся боле? А вот и встретились. Я тогда предупредил тебя. Ты думал, что если бородой оброс, так я тебя в бороде не узнаю? Припомнил я тебя, припомнил. Ну, что, выпьешь сам, голуба, или как? Мы ведь и в глотку залить можем. — И кивнул растерявшемуся Глыбе: — Сильно навредил он мне однажды, Толя. Сильно. Кончай с ним.

И чуть подтолкнул к нему Александра. Саша, отступив назад, ответить не успел. Как не успел и увернуться от удара. Он ждал его от Толика, а получил от Михаила. Удар страшной силы. И отлетел ровно настолько, чтобы удариться спиной и затылком о березу. И мешком сполз на прелую листву.

— Ты че, Миха? — Толик побелел от испуга. — Мужик и так на ладан дышит. Говорил же Юрка — не трогать. Теперь базар поднимет.

— А ты не говори, зачем ему знать, — огрызнулся Чучундра. — Этот падла меня ментам чуть не сдал однажды, понял? Думаешь, отчего он пить отказался? Потому что признал меня и струсил. Черта-с-два бы он выпил, — он приподнял Саше голову и тут же брезгливо отдернул руку.

— Готов, череп треснул, — констатировал он, вытирая кровь об Сашину рубаху. — Ну, и ладно, без ножичка обошлись.

— Полегше надо было, — снова пожалел Глыба. — Пусть бы пожил. Слушай, Миха, мне даже худо стало. Не надо было так-то.

— Да брось ты. В самый раз. Вон сколько времени отнял, пустозвон. Давай, вон туды его в кусты отнесем. — Он подsunул руки под плечи Александра. — Тартай³³ его за ноги, Толя, ну! Да хорош рассусоливать. Эка невидаль: одним

живым бомжем меньше в тайге будет. Зато трупом больше. Закон сохранения природы, понял?

С противоположной стороны поляны из-за трелевочника показался Юрий. По его довольному виду можно было догадаться, что разведка прошла успешно. А когда он увидел, что мужики поволокли бомжа в лес, вообще расплылся в улыбке: «Глотнул, мужичок, огненной водички. Все по плану!» Он подошел к столу, взял рукой тушонки и, крикнув, оушил положенную ему кружку.

— Ну, че, орлы, все в ажуре? — крикнул он подельникам. — Пошарьте в карманах, нет ли там ключа. Да и вообще, зачем вы его туда потащили? Лежал бы здесь и лежал, пока не очухается. Давайте сюда.

— Идем, идем, — откликнулся Чучундра. — Ключ есть, только он от газона. Надо бы еще в вагончике пошарить. А у тебя, Юрок? Все путем?

— И даже лучше, — весело рассмеялся Юрий. — Давайте, мужики, быстро разворачивайте трал, и пусть там стоит. Задом сюда за час не заедешь. А я трактор пока заведу. Там все чики-чики. Да и с КамАЗом вроде хлопот не будет. Разберемся. Действуйте, — Юра поправил карабин на плече и ходко, чуть ли не вприпрыжку, пошел к ручью.

— Толя, — окликнул напарника Чучундра, поочередно заглянув во все кружки. — Толя, ты не выливал ту водяру?

— Не-ет, — сразу дошло до того. — А ты? Слу-ушай, неужели Юрка шарахнул? — и дернулся, чтобы позвать Юрия.

— Тихо... — прошипел Михаил, — зачем лишний понт? Ниче ему не сделается. А отключится — без него управимся. До Улькана-то еще десять раз очухаться успеет. Пошли, с тралом че попробуем сделать. Тут замучишься крутиться с ним. Бутылку-то початую прихвати.

Крутиться и правда пришлось немало, но все же вырулил Чучундра в обратном направлении и весь взмокший и злой вылез из кабины.

— Чтоб ты пропал, — ругнулся он, — больше часа вертелся, как вошь на гребешке.

— Все равно ты молодец, Миха, — похвалил его Глыба, тоже набегавшийся по ориентирам. — Я уж думал, ничего не выйдет. Ну, давай теперь тот пузырек да вспрыснем это дело. В бардачке он, в бардачке.

Михаил достал бутылку, и они тут же, не отходя от машины, глотнули прямо из горлышка.

— Не идет из головы у меня этот парень, — вздохнул Толик и потер грудь рукой. — Сердце не на месте.

— Тьфу ты, напасть, — презрительно сплюнул Чучундра. — Ну, и слабак же ты, паря. Даром, что большой. Тебе бы не машины угонять, а раздавать милостыню.

Толик не обратил внимания на насмешку:

— Может, он ишо живой, а, Миха? Пойти посмотреть, что ли...

— Ша! — хвастливо оскалился Чучундра. — Я бью два раза: первый раз в рыло, второй — по крышке гроба. Сбоев не бывает.

— Ну, тогда че, к Юрке пойдём? Что-то трактора его я не слышу. Вроде схватывал пару раз.

— Схватывал, — подтвердил и Михаил. — Щас поглядим, че у него там. — Он посмотрел на небо. — Успеть бы дотемна.

— Успеем теперь. Ты в вагончике ключ от КамАЗа пошарь, а я к нему.

Чучундра полез в вагончик, а Толик направился в сторону ручья, как вдруг из-за трелевочника услышал резкий окрик Юрия:

— Стоять, духи! Выходи по одному с поднятыми руками. Ну!

— Ты че, Мобуту? — рассмеялся Толик. — Афган свой вспомнил?

— Руки сказал, руки за голову! — и тут же раздался выстрел, и Глыба, охнув, закатался по земле, оглашая тайгу отборной руганью.

Чучундра выскочил из вагончика на крик и тоже заорал во всю глотку, взывая к Юрию. Это спасло Толика, оказавшегося на виду у стрелка. Тот замешкался, и он успел закатиться за березу до второго выстрела. Михаил же, сообразив, что Толик ранен, брякнулся на землю и быстро заполз за вагончик. И очень даже вовремя. Продолжая отдавать команды воображаемым моджахедам, Юрий сразу же перенес внимание на вагончик и следом грохнул второй выстрел. Пуля чиркнула по металлическому уголку аккуратно над Михаилом.

— У-у, скотина! — взвыл Чучундра и распластался по земле с неодолимым желанием вкопаться в нее с головой. Больше он не подавал голоса.

— Миха, мать твою! — громко ругался Глыба, — все из-за тебя, козла... — Тут же раздался выстрел, и рядом с ним шлепнулся отстреленный кусок бересты.

— Мама родная, — затрясся он всем телом, — уокошит афганец чертов.

И, морщась от боли, уже тихо и жалобно проронил:

— Миха, подай голос, ты же в укрытии. Он на голос стрелят. У него там пять патронов в магазине осталось. Он тебя не достанет. А может, очнется. Подай...

— Да пошел ты! — рывкнул неумный Чучундра и тут же вжался в землю от пропевшей высоко над головой пули.

— Окружают! — кричал кому-то разбушевавшийся во-яка. — Смотри: вон, слева.

И снова выстрел — зеркало на простенке вагончика вдребезги и торжествующий крик Юрия:

— А-а, духи долбаные! Дух-то я из вас из всех повышибаю.

И выстрелы: еще и еще. Но теперь уже вразброс, куда попало. Стрелок явно терял ориентацию.

— Миха! Миха! — вполголоса умолял Толик. — Щас восьмой будет. Как только стрелит, кидайся к нему, пока он магазин будет перезаряжать. Один раз его по чану, и он готовый. Слышь, Миха? Если перезарядить успеет — хана нам обоим. Во, давай, пошел! Ну, что ты ждешь, жлобина? Беги быстрее. Если бы не твоя дурацкая башка, Юрка бы не...

— Заткнись, придурок! — рявкнул Чучундра. — Я тебе не Александр Матросов. Сам беги, если жить надоело. Чтоб я хоть раз еще связался с такими жлобами, как вы, тьфу!

— Ну, ладно, — пробормотал Толик, и ничего хорошего для себя в этом бормотании Чучундра не услышал. — погоди, заяц.

И в ту же секунду с той стороны раздался протяжный стон и следом дикий вскрик. И все стихло.

— Юра! Юра! — позвал Толик.

Тишина. Тогда он, морщась от боли, приподнялся, держась за березу, и пошел, скрутившись на правый бок, к трелевочнику. Михаил обогнал его, когда он уже был на середине стана, и, ни слова не говоря, заскочил за трелевочник, и остановился как вкопанный. Глыба увидел, как он развернулся и бросился назад.

— Что? Что там, Миха? — попятился Анатолий. — Что с ним?

— Щас я, щас, подожди меня, — успокаивающе помахал рукой Чучундра на ходу и, добежав до газика, запрыгнул в кабину. И в одно мгновение, как говорят с полуоборота, завел его.

«Че задумал? Че задумал?» — терялся в догадках Толик, но, когда газик взревел мотором, все понял.

— Стой, собака! Кинуть хочешь, крыса подлая? — взвыл он от злости и, забыв о ране, дернулся наперехват. И перед глазами сначала все поплыло радужными кругами, потом закружилась и понеслась земля, меняясь местами с небом, и закружило-завертело его самого, и полетел он куда-то в тартарары, и рухнул на траву посреди поляны, посылая проклятья бывшему коллеге «по бизнесу». Вряд ли стоит повторять за ним все то, чем он его называл.

Преодолея боль, Глыба поднялся и, шатаясь, пошел на дальний конец стана. Юра лежал за корягой в неглубокой выемке, которую, видимо, принял за окоп. Он лежал в неестественной позе с перекошенным от боли лицом и методично, словно делая гимнастическое упражнение, приподнимался и бился затылком о стенку «окопа». Обеими руками он мертвой хваткой сжимал карабин. Все внутри Толика оборвалось.

«Припадок! С этой бедой-то его и комиссовали из Афгана. Теперь нам обоим каюк». Он попробовал выволить карабин, но сил разжать пальцы стрелка не было. Толик понял, что вообще ничего не может сделать ни для себя, ни для Юрия, все тело которого свело судорогой. Он встал на колени, поднял голову к небу и заскулил: протяжно, жалобно, безнадежно. Скулеж постепенно перерос в самый настоящий вой. Никогда еще за всю свою жизнь не чувствовал мужик такой безысходности.

Красноречием он явно не обладал, потому в перерывах между завываниями вырывалось единственное и безадресное: «За что? За что?» И вдруг: «За что, Господи?..» Это произошло само собой, помимо его на то воли, и он смолк оторопело. «Господи?» Теперь, когда это обращение обрело определенный адрес, сразу же последовал и ответ. И звучал тот ответ вопросом: «Как за что? А кто убил этого немощного деда, который вовсе и не дед, а молодой еще мужик?»

Который только-только выкарабкался было с того света, а вы его отправили в обратный путь. И ты спрашиваешь: за что?» Толик съежился. В вопросе он как бы слышал свой собственный голос. Да, это его собственный голос обличал его! И явственно обозначилась неотвратимость наказания: «Не рой другому яму, сам в нее упадешь!»

— Что же я наделал? — в отчаянии шептал он к небу. — А может, он еще живой? Бог, если Ты есть, сделай чудо, ведь я-то, я... Ты же видел, что я не хотел его убивать! И, как заведенная кукла, стал повторять в экстазе: — Сделай чудо, сделай чудо!

— Че, припадок? Ну-ка, давай посмотрим, — произнес кто-то у него над ухом.

Толик инстинктивно качнулся влево, не удержался на коленях и свалился набок. И первое, что пришло в голову: «Миха вернулся!» Однако в томном отблеске догорающего заката он угадал какого-то незнакомого мужика и отрешенно кивнул головой.

— Помоги ему, а то у меня проблемы, — постарался он выговорить как можно внятнее.

— Щас, щас, — пробасил незнакомец.

Он присел на корточки, ловко повернул Юрия набок и, скинув со спины вещмешок, подsunул ему под голову. Затем, опустившись на колени, стал что-то манипулировать с лицом пострадавшего.

— А ты молись, молись, друг, и мы щас это дело исправим. Сообща, так сказать, — не переставал повторять он, и буквально через минуту Юрий издал облегченный вздох и затих, вытянувшись во всю длину своего роста.

— Порядок, — констатировал лекарь и, глядя на Толика, отрекомендовался: — Кузьма, лесник. Пальбу слышал — и сюда. Че вы тут расстрелялись-то? Новенькие у Гоги?

Приподнявшись на локте, Толик застонал, и лесник разглядел рваную рубаху и расплывшееся по ней огромное пятно крови.

— Э-э, брат, да ты никак ранен? — присвистнул он и насторожился.

И, высвободив карабин из ослабевших рук Юрия, предусмотрительно положил его около себя:

— Аль не поделили че?

И, поскольку раненый молчал, лесник взял карабин в руки:

— А где Сашка-бомж? Не нравится мне все это. Ну-ка, говори, где Сашок?

— Плохо с ним стало, — слабеющим голосом произнес Глыба. — Выпил с нами, ну и схудился³⁴. Кто ж знал, что ему нельзя пить? Ну, а потом сдурел да башкой об дерево.

— А тебя кто? Тоже сам схудился?

— Не-е, Юрка вон... то есть Витас, с копылков скатился. По ошибке колеса водкой запил... Вот и палил почему зря. Случайно меня и зацепил.

— Погоди-ка, какие колеса? Ты че буровишь? — привстал лесник.

— Ну, таблетка это такая, что с ног сшибает.

— Та-ак. А Сашка, значит, сам схудился? Или как? Правду говори, я ведь по обличью вижу, что врешь.

Глыба ответил не сразу. Буря эмоций отразилась на его лице.

— Нет, не сам, — выдавил он наконец. — Мишка его на тот свет отправил. А теперь и мне кранты.

— Как же ты тогда молился? Ты же, я слышал, чуда у Бога просил.

— Помрачение вышло, вот и просил. А чуда не бывает. Нету Бога. — Толик уронил голову и бессвязно забормотал: — Чучундра, крыса подлая, убог. На газончике удрал.

Теперь за все с меня спрос. Сдохну... Дай воды... Все на меня. Я не хотел... Перевяжи.

— Щас я, щас, — приподнял его за плечи лесник. — Где Сашка-то?

— Вон там, за березой, — прохрипел Толик и смолк.

Позади хрустнула сухая ветка, и Кузьма резко обернулся. К ним, прикрывая одной рукой разбитые губы, другой удерживая колун, подходил Саша с глазами, горящими двумя красными угольями. Насчет его намерений сомнений быть не могло.

— Э-э, Саша! Саша! — упредил его лесник. — Это я, Егорыч.

Похоже, эти слова привели Александра в чувство. Он остановился, и взгляд его понемногу обрел осмысленность. Он посмотрел на распластавшегося Юрия, на скорчившегося Анатолия, на колун, потом на лесника, снова на колун и сипло проговорил:

— А где третий, Кузьма Егорыч?

— Третий? Слышь, друг, где третий? — встряхнул лесник раненого.

Но голова того лишь бессильно мотнулась, как у утки с перебитой шеей, и он осторожно уложил его на землю.

— Вот, потерял сознание. Он все какую-то крысу упоминал, что, мол, удрал вместе с газончиком.

Саша огляделся: газика не было. А при выезде на вывозку стоял «гостевой» КамАЗ с тралом. Ясно: подготовились угнать трактор.

— Та-ак. Ушел, подонок Чучундра сделал ноги, — Саша со злостью отшвырнул колун.

— Во, во, именно так он и сказал.

— Что же у них произошло?

— Это я хотел бы у тебя спросить, Саша.

Лесник разорвал рубаху Глыбы и, осмотрев рану, покачал головой:

— Плохо дело. Там у вас, в вагончике, должна быть аптечка. Можешь принести?

— Попробую.

Аптечка нашлась, и лесник со знанием дела начал обрабатывать рану пострадавшего. Саша присел рядом, сжимая голову обеими ладонями.

— Здорово он его грохнул, — бормотал Кузьма. — Прямо как на фронте.

— А кто это его?

— Сказал, что вон тот, — кивнул лесник назад. — Сглотил, мол, по ошибке таблетку и пальнул в него.

— Ага! Это которую они мне приготовили, — просто сказал Саша.

— Вон оно как! — присвистнул Кузьма. — Значит, припадок-то его из-за этой таблетки и шарахнул? Ну что ж, сам себе яму вырыл. М-да-а, выходит, Сашок, ты в рубашке родился.

— В ней. Только все она мне тесна. Я ведь такую таблетку, Егорыч, уже однажды съел, а ума не набрался. Хотя мне аккурат хватило ее на всю жизнь. Вторую бы я уже не пережил. Господь не дал такому случиться.

— Господь, это, конечно, хорошо, Саша. Но как же Он тогда допустил, чтобы тебя опять так разукрасили? Неувязка получается.

— Насчет неувязки — это у меня, а не у Бога. Когда-нибудь расскажу. Что делать будем с ними, Егорыч?

— Да молодой-то сам, когда очухается, тогда и очухается, а этого в больницу бы надо. Он хоть и здоровый бугай, но рана опасная. Хотя по-хорошему-то, обоих бы прибить надо. Или просто бросить где-то здесь.

— Надо, — машинально согласился Саша. — Но мне главное — найти бы того, третьего. Сдается мне, он далеко не убежит. Предчувствие такое.

— Найдешь, значит. Но, что мне удивительно, Саша, так это, что он молился. Бугай вот этот.

— Как молился? — опешил Саша. — Вот этот молился? Че-то не то-о.

— Да я и сам удивляюсь. Слышу, бормочет, что пошли, мол, Бог чудо, если Ты есть на белом свете, чтобы он живой остался. То ли себя имел в виду, то ли тебя. Никогда бы не подумал.

И Александру вспомнились слова тети Маши: «Жить без Бога можно, помирать без Него страшно. Любому человеку страшно!» Милая, добрая тетя Маша, как ты была права. Даже такой вот бандюга-великан вспомнил о Нем в трудную свою минуту. Как же вовремя сказал об этом лесник, чтобы не ожесточил Саша сердце свое. И сразу пришло решение вопроса. И удивительное, благословенное тепло разлилось по всему телу. И голос внутри ободряющий: «Так, именно так, Саша. Дерзай, и Я помогу тебе!»

— Спасибо, Егорыч. Я теперь ожил. Теперь и я все понял.

— Что, что ты понял?

— Что надо везти обоих в Усть-Кут.

— А каким образом? — развел руками Кузьма. — Кто повезет? Я, кроме телеги, ничем управлять не научен. Придется тебе подождать, пока я к геологам смоताюсь. Тут напрямки-то километров пять, не более.

— Не надо ходить. Я отвезу. Вы мне только их погрузить подсобите.

— Да ты что, Саша. Тебя самого везти надо. Я ж просто молчал, чтобы не расстраивать тебя: ты ведь на себя не похож. Не-не, даже и не думай. Через пару часиков геологи

тут будут. А твоим крестникам за это время ничего не делается.

Словно услышав его заключение, громко застонал и за метался раненый Толик.

— А если сделается? — тихо сказал Саша. — Егорыч, там их КамАЗ стоит. Пойдем, отцепим трейлер, и я подгоню его сюда. Раз они готовились, ключ должен быть в замке. Да и не проблема, если его там нет. Помоги их загрузить. Я довезу.

— Саша...

— Егорыч, если смогу зарулить сюда, значит, смогу и по прямой потом ехать. Давай попробуем.

— Ну, смотри, Сашок. Вообще-то я рад за тебя. Как говорят: пошел бы с тобой в разведку. Пошли.

Ключ оказался на месте, и Саша без особого труда заехал на стан. Но, чтобы затащить в кабину первого мужика и разместить его там, потребовалось намного больше усилий. И от этих усилий у Саши закружилась голова. Он ухватился за борт машины и виновато улыбнулся.

— Щас я, щас, Егорыч, — пробормотал он. — Чуть передохну только.

— Давай лучше смотаемся к геологам, раз уж ты так хочешь, Саша. Все быстрее будет. Второй-то и вовсе неподъемный. Не осилим мы его, — Кузьма попробовал приподнять Толика за плечи. — Вон че тяжести в нем. Не, не осилим.

В ту же секунду раненый застонал, открыл глаза и мутным взглядом обвел поляну. Пытаясь приподняться, он различил склонившегося над ним Егорыча:

— А-а, лесник. Ты все еще тут? Ну что, плохи мои дела?

— Да хорошего немного будет, — посмотрел ему прямо в глаза Егорыч. — Давай-ка, соберись с силами. Сможешь сам в КамАЗ залезть? В больницу надо ехать.

— А надо ли? — тускло спросил Глыба, а в голосе надежда.

— Надо, надо. Давай я тебе пособию. Не сомневайся, я на фронте потяжелше тебя с боя выносил. А напарника твоего мы уже в кабину определили, — упредил лесник вопрос раненого. — С ним рядком и сядешь. Ну, давай, с Божьей помощью...

Справились. Примостился Толик рядом с Юрием и, обхватив его левой рукой, сам приник головой к боковому стеклу. С другой стороны открылась дверца кабины, и какой-то мужик уселся за руль.

— Ехай осторожней, — напутствовал его лесник. — И не беспокойся, если самого положут в больницу. Я тут когда-нибудь присматривать буду.

— Спасибо, Егорыч, — шофер тронул машину с места: — С Богом!

Только тогда разглядел Глыба Александра. Их глаза встретились.

— Саша, ты? — необычно обыденно спросил Толик, отвернулся и тихо проронил: — Значит, сделалось все-таки чудо?

— Ты же хотел, чтобы я тебе рассказал о Боге: вот оно и сделалось.

— Я просил Бога, чтобы ты был живой.

— Я знаю.

— Чучундра утаракавил на газике.

— Я знаю.

— Если выживу, я тебе его на аркане приведу. Клянусь.

— Не надо клясться, — покачал головой Саша. — Лучше молись, чтобы нам доехать до Усть-Кута.

— Я не умею молиться.

— Ты же просил Бога за меня?

— Да.

— А теперь проси, чтобы Он нам помог в пути. Это и будет наша, твоя и моя, молитва.

— А как не доедем?

— Доедем, Толик. Господь мне знак дал, чтобы я с тобой ехал. Значит, доедем. Только молись...

Поначалу все шло хорошо, но, когда совсем стемнело, Саша то и дело останавливал машину, чтобы посидеть некоторое время с закрытыми глазами, потому что их застигало какой-то летающей паутиной. Особенно опасно это было при затяжных спусках и подъемах, которыми так богата эта местность, и тогда он вел машину прямо-таки шестым чувством. Глыба то заговаривал, подавая признаки жизни, то замолкал надолго, и только его стоны говорили о том, что он еще живой. Юрий же скорее был похож на неподвижное чучело, чем на человека. Как бы там ни было, а добрались они до больницы. Саша еще дошел до приемного покоя.

— Там, в машине... Я привез... — сказал он медсестре. Это были его последние слова. После них он тихо, без паники сполз по стенке на пол да так и затих, прислонясь к ней спиной. Словно в бездну какую провалился.

Ну, и ночка же выдалась для персонала больницы. Сначала один пациент наделал переполоху, в беспамятстве свалившись прямо в коридоре, потом другой, наоборот, в себя пришел. Да так пришел, что лучше бы не надо. Молодой красивый мужик лаялся таким загогулистым отборным матом, что даже выдавшие виды сибирские медсестры качали головами. И все порывался кого-то окружить, куда-то бежать. А по отрывистым его командам, в том числе и с набором чужих слов, поняли, что перед ними бывший воин из Афгана. В общем, пришлось скрутить бедолагу, сделать укол и только потом ввести ему капельницу. Еще немного поорав, парень затих, а перед утром очнулся и... не узнать вояки: смиренный да вежливый, словно и не было той ночной бучи. И весь день провел тише воды, ниже травы.

Только поздним вечером, уже совсем оправившись и, видимо, сознавая, что много чего мог накуролесить, с виноватым видом начал допытываться у дежурной сестры, что, мол, где это он находится и как сюда попал. Ну, и сильно встревожился, когда словоохотливая женщина кое-как втолковала ему все это в подробностях. Того, мол, мужика вашего с пулевым ранением сразу же прооперировали, и он сейчас в реанимации. С ним вроде все нормально. А вот тот, третий, который привез их обоих... Тут дело хуже. Довезти-то, мол, довез, да сам тут же и свалился без сознания. Остается,

мол, только удивляться, как он с такой черепно-мозговой травмой смог вести машину. Похоже, что этот третий-то ее интересовал больше всего. Дело в том, что при нем нашли конверт с адресом, и это единственное, что пока о них всех известно. И вкрадчиво так поинтересовалась, что, мол, не Александр ли он Говоров, если письмо его к Говоровым, в Беркакит, в Якутию?

— Да я понятия не имею, о ком речь, — искренне признался Юрий, что, в общем-то, соответствовало действительности. — У меня какой-то провал полнейший в памяти. Ничего не помню. Ни с кем был, ни кто меня привез. Мне бы взглянуть на них обоих. Что там за друзья по несчастью? Может, и вспомню что.

Все это было похоже на правду, и сестра, немного посомневавшись, все-таки разрешила ему зайти в палату. На посту, кроме нее, никого, да и вреда от этого никакого не будет. Но только, мол, чтобы одним глазком.

Дверь в реанимационную палату заменяла лишь занавеска, и тусклая лампочка чуть освещала две кровати. На одной из них был тот самый Саша, на другой Юра увидел Толика. Тот словно ожидал его и в двух словах обрисовал известные моему читателю события. Главное, что уяснил Юра: он чуть не уробил товарища. И еще: карабин теперь у лесника.

— Идиот, — простонал Юрий, схватившись за голову. — А Чучундра?

— Увидел, что я ранен, и бросил нас обоих. Сбежал на газике.

— Идиот! — выругался и по его адресу Юрий и заспешил. — Толя, для благородства нет времени, сам понимаешь. Теперь мне надо делать ноги, другого выхода нет. Если Гога не сегодня-завтра вернется и обнаружит меня, то нам туго придется. Ему же сразу станет ясно: кто, что и зачем. А без меня —

попробуй, докажи. Да, надо еще успеть вызволить трал и карабин. Не проблема, если поторопиться. А пока ты для всех потерпевший и можешь намолотить им все, что угодно, не мне тебя учить. Главное, мы с тобой незнакомы. А этот... — Юра кивнул в сторону Саши, — этот парень уже ничего не скажет. Значится, так: вы как раз с ним случайно и подобрали меня. В тайге, без сознания. Понял, да? А я все решу и через пару дней вернусь за тобой, можешь быть уверен.

— Ага, вернешься. Не вздумай садиться за руль, Юрчик. У тебя еще соображалово не работает. Вон глаза-то, как у бешеного таракана. «Кум на МАЗе, я на КрАЗе. Жмэм. Глянув я на спыдомэтр: до столба остався мэтр. Бэм!» Так и у тебя. Ходка будет до первого столба. Подожди до вечера.

— Брось, Толик. Главное, опередить Гогу. Че мотаешь головой, не веришь, что вернусь, что ли?

— Верю, — еле слышно прошептал Толик. — Только ворочаться не надо, Юра. Я без этого парня, — он глазами указал на соседнюю кровать, — никуда не поеду. Он мне жизнь спас. И тебе, между прочим.

— Потом его отблагодарим, Толя, потом. КамАЗ, говоришь, здесь?

— Здесь, прямо у больницы под окнами. Ключ — сам знаешь, где. Сашка в замке его оставил, я и припрятал. Не ворочайся за мной, Юра. Я в другую жизнь решил заглянуть. Вот с этим парнем — к Богу. Я загадал: если доедем, значит, Бог ему помогает. Он доехал. Больше мне доказательств не надо.

— Это блажь, Толя. Она пройдет вместе с болью. У меня в Афгане было такое. А рана зажила, прошла и блажь. Бога не было и нет, а жить как-то надо. Я вернусь, и мы еще поработаем на свое собственное благо. Ты же знаешь, что я друзей не бросаю.

В это время послышались шаги медсестры, и он приставил палец к губам.

— Все, Толя, до побачення. Придержи ее тут подольше, — и вынырнул из палаты, бормоча: «Глянув я на спыдомэтр: до столба остався мэтр».

— Ну, что? — нетерпеливо спросила сестра. — Признал кого из них?

— Нет, — покачал головой Юрий. — Этот говорит, что они меня в тайге подобрали. А что у них самих там произошло — не мое дело.

Пациент в палате громко застонал, и сестра поспешила к нему. Юра прошел в гардеробную, спокойно забрал одежду из шкафа и вышел. Через минуту Толик услышал знакомый рокот мотора и перестал стонать.

В тот день инженер предприятия «Алданзолото» Екатерина Маслова была уже свободным от работы человеком. Двухнедельная командировка в Усть-Кут закончилась, и билет на поезд настраивал на приятные размышления. Вообще-то уехать она могла еще вчера, но задержалась по просьбе своей младшей сестры Анны, которой выпало дежурство в больнице на выходные дни. А ей непременно хотелось проводить Катерину прямо до поезда. Ну, как же: столько лет не виделись, и не проводить? Хотя как раз эти-то два дня и тянулись медленнее всего. Знакомых в городишке, кроме Анны, не было, а заняться здесь буквально нечем, и большую часть времени она провела в доме у Анны за чтением Библии, поскольку из гостиницы уже выписалась.

В этот же прощальный день телефонный звонок разбудил ее довольно рано. Звонила Аня, и голос у нее был взволнованный:

— Катюша, не могла бы ты прийти ко мне? Да, прямо сейчас. Тут один пациент поступил, понимаешь... Вообще-то их трое прошлой ночью поступили, и один даже успел удрать. А вот с этим незадача. Он в коме. Но мы у него нашли конверт с подписанным адресом. И знаешь, куда письмо? В Беркамит Говоровым.

— Кому? — сердце Кати бешено заколотилось. — Как ты сказала?

— Говоровым. Вот я и подумала... — в трубке раздались короткие гудки. — Катя, Катя!

Но Катя уже мчалась со всех ног в больницу по центральной улице Усть-Кута. Единственной, протянувшейся через весь город и зажатой между горами и красавицей Леной. Благо это не так уж и далеко от дома.

— Ну, Катюша, ты метеор прямо, — встретила ее Аня. — Успокойся и приведи себя в порядок, пока я поговорю с Евгением, чтобы пустил тебя в реанимационку.

Вскоре она вернулась с врачом. Евгений провел ее в палату и указал на лежащего под простыней худого небритого мужчину.

— Вот этот. Дело в том, что он сам приехал в клинику на КамАЗе да еще и двух друзей с собой привез. Сейчас один из них уже пришел в себя. Да так пришел, что даже сбежал. Другой, — Евгений кивнул на соседнюю кровать, — тоже пока ничего путного сказать не может. После операции он. Ну, а письмо у этого обнаружили. Аня, как заступила и увидела адрес, не могла утра дожидаться, чтобы вам позвонить. Но я вижу, он вам незнаком?

Катя с сомнением качала головой. Сердце, до этого готовое выскочить из груди, забилось ровнее. Нет, не он. Больно уж старым и изможденным казался человек, который бы мог оказаться ее Александром. Слишком старым для его неполных сорока. Впальный, из-за отсутствия передних зубов, рот, шрамы на лбу и на всю правую щеку, жидкие, с обилием седины, слипшиеся волосы... Нет, не он. И уже просто из сострадания к незнакомому человеку провела по его щеке рукой и откинула со лба волосы, отчего его лицо чуть-чуть повернулось набок. И застыла мумией: Саша! В профиль в этом не было никаких сомнений. Она жадно вглядывалась в него, и постепенно в его лице вырисовывались все те родные

черты, которые она помнила, и сомнения ее таяли. Вот они, эти не растающие в кожу мочки ушей, над которыми подтрунивали все его друзья, да и он сам не раз прохаживался на этот счет. «Да, уши ослиные, — весело смеялся он, — зато и слышу за версту!» Похоже, только их и не тронуло время. Катя стояла изваянием перед кроватью и нежно касалась пальцами этой мочки. Потом машинально взяла ее в щепоть и скрутила, чуть сдавливая пальцами. Точно так, как это было много-много лет назад. В дни их благословенной любви. И уже ни-ко-гда более, после того как неожиданно эта любовь оборвалась. И вдруг пациент открыл глаза, неосмысленно повел ими, задержался на Кате и чуть потянулся рукой в ее сторону.

— Теть Маша, вы опять меня нашли, — виновато, но в очевидной радости произнес он слабым голосом и снова отключился от суеты мира.

Евгений быстро схватил его руку, нащупывая пульс.

— Это уже кое-что, это уже что-то, — радостно повторял он.

Катя опустила на колени перед кроватью и закрыла лицо руками. Она ничего не говорила, но ее худенькие плечи подрагивали от сдерживаемых рыданий. Слишком долго ждала она этой встречи, рисовала ее себе в различных вариантах, но никогда при таких вот обстоятельствах. «Шурик, Шурик, что же ты с собой сделал?» — шептала она горестно. Евгений оставил больного и тихо вышел. И тут же в палату вошла Анна. Вид согбенной сестренки вызвал в ней прилив жалости.

— Что, Катюша, он? — положила она ей руку на голову.

Катя молча кивнула и подняла на нее глаза, полные слез.

— Он выживет?

— Все может случиться, — уклончиво сказала Аня, хотя, если судить по радостному настроению Евгения, дела у пациента оказались не так и плохи.

Ох, уж этот пациент. Катя много раз писала ей об Александре, и она, конечно же, представляла его себе совсем другим. Этаким... М-да, каким? Ну, во всяком случае, достойным ее сестры. Теперь же она увидела обыкновенного замухрышного бродягу, и в ней против воли росла досада. Досада больше на Катю, чем на него: загубить столько лет... Да было бы из-за кого! Правду говорят: любовь зла — полюбишь и козла. Она тяжело вздохнула:

— В общем, пока ничего определенного. Ты, как я понимаю, не полетишь?

— Я останусь с ним.

— Я так и знала, — еще горше вздохнула Аня. — Но сейчас тебе придется уйти. Евгений пошел за главным. Пойдем, моя дорогая, пойдем.

— Анечка, ты мне поможешь?

— Конечно, — снова глубокий вздох сожаления. — Думаю, никаких проблем не будет. Главврач согласится.

— Ты догадалась о моей просьбе?

— Да что ж тут гадать, если у тебя на лице написано? Возьмут тебя, Катюша, в сиделки, возьмут.

— Спасибо, Аннушка. Ты у меня добрая и умная.

— Умная — это правда, а вот насчет добра... Насчет добра, я бы повременила. Посмотрим, чем оплатит тебе твой герой. Если за все твои слезы ожидания этот субчик, кроме того что он бродяга, окажется еще и женатым подлецом, тогда... В общем, такое добро мне ни к чему.

— Да ну, какой он женатый, — уверенно возразила Катя. — Если б он женился, он сообщил бы об этом родителям. Нет, Аня, просто он самый несчастный человек, который платит по счетам за свою гордость. Теперь все будет иначе. Я не дам ему умереть. Я его вымолила у Бога и буду дальше просить о нем. Он ведь даже не знает, что у

него есть Сашка. А ему, между прочим, уже двенадцать, и все еще ждет папу.

— Ну и глупая же ты, Катя. Даром, что старше меня, а глупая. Ничему так и не научилась в жизни.

— Еще научусь, — сквозь слезы улыбается Катя, в первый раз за утро.

Обе они не заметили, как жадно ловил каждое их слово пациент на соседней койке. И, судя по увлажнившимся глазам, что-то понимал.

Чучундра, подстегиваемый животным страхом, гнал газик, не всегда успевая увилывать от колдобин на дороге. И когда попадал в такую, то прыгал на сиденье до самой крыши кабины. «Во-яки! Развоевались, — в бессильной злобе скрежетал он зубами. — Сами все завалили, а Чучундра им виноват. Нет чтобы сразу бомжа по тыкве. Без всяких таблеток. Придурки! Геологи на эту пальбу нагрянут, как пить дать. А мне под статью чичас никак нельзя. За разбой — червонец, да еще трояк условный привесят, вот и выйдешь к старости. Не-ет, лучше по карманам промышлять. На кой ляд мне эта канитель с угонами?! Мне руки не на то дадены».

Он постепенно успокаивался и уже тщательнее стал выбирать дорогу. «Мобуту выкрутится. Очухается и выкрутится. Даже если его геологи или еще кто там застукает. Как же: офицер, герой Афгана. Он и Глыбу отмажет. А мне, если бы остаться, одна дорога в тюрьму. Вот и пусть сами выбирают, а я сам по себе. Газончик ништяк, за штуку уйдет. А там видно будет».

Вдали, прямо по курсу, по холмам разметалась громада соснового бора, и солнце, уходя за горизонт, просеивало свои лучи сквозь верхушки деревьев. Они то и дело вспыхивали навстречу мимолетными бликами, и дорога, блестящей лентой спрямляясь далеко на видимое расстояние, помогала им слепить шоферу глаза. Здесь же, справа и слева от дороги,

раскинулась пустошь: только справа на ней один мелкий кустарник, а налево, на ней же, перелески, где посреди кустарника и совсем молодой поросли то тут, то там редкими ориентирами высились оголенные стволы чахлах деревьев.

В какое-то мгновение ему показалось, что спустило заднее колесо, и он, приоткрыв дверцу и придерживая ее левой рукой, на секунду высунулся посмотреть. С колесом все было в порядке, но в этот момент что-то живое, неприятно скользкое и холодное, коснулось его шеи. Он непроизвольно крутнул руль влево, и газик выскочил на пустошь. Еще не выпрямившись, он бросил дверцу и схватился рукой за шею. Ощувив что-то гладкое, скользкое и мягкое, взбросил глаза и заорал диким голосом: со спинки сиденья к нему сползла змея и норовила нырнуть за ворот рубахи. Не помня себя от страха, Чучундра инстинктивно отшвырнул ее и пулей вылетел из кабины...

Газик уже вовсю мчал по пустоши, а он так со всего размаху и впечатался в осину, стоявшую в гордом одиночестве. Сама же машина проскочила мимо, и, подминая под себя кустарник, ловко славировала между попавшимися поодаль деревьями, и остановилась метрах в ста от катапультировавшегося водителя. Места здесь хоть и глухие, но ягодные, так что, если бы кто и увидел машину посреди пустоши, вряд ли забил бы тревогу. Что особенного: то ли пьяный, то ли ленивый любитель ягод заехал на ягодное место. Ну, и собирает где-то поблизости лесные лакомства. Стоит машина аккуратно: дверцы закрыты, все чин-чинарем.

И шибко удивлялись мужики, случайно обнаружившие Чучундру лишь через двое суток. Да и как тут не удивиться, если в радиусе тридцати-сорока метров растет лишь кустарник да мелкая поросль, а бедолага умудрился вписаться в одно-единственное дерево?! «Вписался» сам, а машину не

затронул! Это ведь, если даже и специально захочешь, не сделаешь. Что подвигло мужика свернуть с дороги на большой скорости? Газончик-то вон еще сколько проскочил! Разгадка пришла, когда открыли машину и на водительском сиденье обнаружили безмятежно почивавшую змею, в которой признали безвредного ужа. Воистину: «Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил: злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя»*.

Несчастный еще подавал признаки жизни, но изуродован был если не на все сто, то на девяносто процентов — уж точно. Со всеми предосторожностями свезли его в больницу Усть-Кута...

И вот поздним вечером, когда Катерина находилась в реанимационной палате уже в качестве санитарки, туда после длительной операции привезли еще одного пациента в тяжелейшем состоянии. Множественные переломы после аварии. На нем, как говорят, живого места не было. Толик услышал это из разговора двух сестер, и в душе его все оборвалось. «Юрка! Ведь говорил же! Ах ты, мать честная!» И когда вновь прибывшего мужика переложили с каталки на койку, он приподнялся на локте, чтобы рассмотреть его. И тут же увидел наколки на тыльной стороне ладоней обеих рук, покоившихся на простыне: усатые кошечки и корявые, в разбег буквы «не забуду мать родную» и «не забуду слово родного отца». Ну, и обязательное сердце, пронзенное стрелой. «Чучундра!» — Глыба со стоном откинулся на подушку. В забинтованном с ног до головы вновь прибывшем он узнал своего поделщика Мишку. Значит, и этот хлюст не избежал наказания. Анатолий почувствовал почти мистический ужас.

— Боже мой! — невольно вырвалось у него. — Боже мой!

---

* Библия. Псалтирь. Псалом 7:16–17.

Катя озабоченно взглянула в его сторону:

— Боли? Где?

— Ниче, ниче, пройдет. Да прошло уже. Голова закружилась.

— Что, твой знакомый?

Толик неопределенно пожал плечами.

— Хотел, чтобы было не так, — пробормотал он чуть слышно.

— Ты верующий? — с затаенной надеждой спросила она.

На лице пациента буря эмоций, словно он стоял перед выбором. Катя терпеливо ждала и не сводила с него глаз.

— Кажется, да, — неуверенно сказал он наконец, а потом уже твердо. — Да, верующий. И хотел бы поговорить с тобой.

— Тебе это нетрудно? Разговаривать нетрудно?

— Я уже в полном порядке, Катя. Тебя ведь так зовут?

— Да, — она подала ему руку, и Анатолий с благодарностью пожал ее.

— Я тем утром все слышал, — сказал он. — Говорун из меня никудышный, но тебе признаюсь, как на духу. Ты из тех женщин, которые ждут своих мужей. Таких сейчас очень трудно найти...

— Неправда, нужно просто хорошенько оглянуться...

— Может быть, может быть. Но я тебе хочу сказать, что этот твой Саша — настоящий мужик. Я не знаю, что там у вас произошло, но он стоит того, чтобы его ждали.

Пациент приподнялся на локте и понизил голос:

— Катя, то, что он нас сюда привез... Понимаешь... Получается, это в благодарность за то, что мы его чуть не убили. Мы, все трое: и я, и тот, что уже сбежал, и вот этот изувеченный. Этот больше всех постарался. В общем, мы напали на него. Вот так. Я не боюсь тебе об этом говорить, потому что слышал от тебя то же, что и от этого твоего парня. Он мне тоже о любви Христа рассказывал, когда меня полуживого

вез. Хотя сам был не живее. И я молился вместе с ним. Впервые в жизни молился. Теперь суди меня, как хочешь.

Он встретился с ней взглядом, и в ее глазах увидел слезы.

— Человек не вправе судить другого, — взволнованно сказала она.

— Вот и ладно. Ну, а Бог нас всех троих уже осудил и наказал.

— Бог не наказывает. Он лишь указывает на наши грехи. Чтобы мы их признали и покаялись перед Ним. И, если это искренне, Он все простит.

— Нет, Катя. От этого не уйдешь. Вот он я, вон он мой подельник. Еще вчера мы были здоровыми людьми, сегодня — оба инвалиды.

— Разве в этом виноват Бог?

— Наверное, нет. Я должен разобраться. Видишь, если бы твой Саша грохнул нас в тайге — а у него была такая возможность, — или просто бросил бы нас там подыхать, все было бы правильно и понятно. Вот этот же наш кореш так и сделал, когда увидел, что нам с Юркой каюк приходит. Просто взял и смылся. Друг — смылся, а тот, кого мы чуть не отправили на тот свет, — спас! Вот оттого-то у меня в башке и сплошной этот шурум-бурум, как говорят «азербуты». Он мне кое-что успел сказать о Христе. Я хочу знать больше. Вот и прошу... Катя, ты плачешь? Прости, я что-то не то говорю...

— То, Анатолий, самое что ни на есть, то. Ты даже не представляешь, какую весть ты мне сейчас принес! Для такой радости стоило ждать его. И за то слава нашему Иисусу! Ты продолжай. Что ты хотел спросить?

— Я не знаю, что будет со мной дальше. Не знаю, что будет с твоим Сашей. Он сказал, что не держит на нас зла, и тут я спокоен. Только ведь есть другие люди, которые вряд ли спустят нам за то, что мы хотели сделать. Как только они

прознают про эту историю, мне мало не покажется. Так что придется исчезнуть раньше, прежде чем они застанут меня здесь. Но, что бы ни случилось... Где я буду его искать? Я обязательно хочу еще раз встретиться с Александром.

— Теперь это будет означать — с нами, — улыбнулась Катя и быстро набросала адрес на листке блокнота. — Вот где ты найдешь нас. Потому что я его больше ни на шаг от себя не отпущу.

Толик пробежал глазами написанное.

— Ого! Якутия! Вы что, оба из тех краев?

— Там живут его родители со своим внуком. С моим... то есть нашим, конечно же, нашим сыном.

— Про которого Саша даже еще не знает, как я слышал?

— Нет, — Катя поправила подушку Александру. — Мы оба еще не знали, что у нас будет ребенок, когда ему пришлось бросить институт и уехать из Читы. Знай он об этом, может быть, все было бы по-другому. А твои все где, Анатолий? Уж больно ты на южанина похож.

— А я и есть с юга. Хохол я из Симферополя.

— А что ж тут, в тайге, потерял? За длинным рублем погнался?

— Срок я тут мотал. А потом не вернулся. Зачем характеристики детям портить? Да и кому нужен уголовник?! А деньги я им сразу же, как появляются, перевожу. Не должны бы вроде на меня в обиде быть.

— А жена что?

— А что жена? Не знаю, что жена. Может, давно замуж вышла. Ничего не знаю, — помрачнел Анатолий.

— Да как же так? — растерялась Катя. — Не знаешь и даже не попытался узнать? А если ждет не дождется, тогда как?

— Я, Катя, только сейчас над этим и задумался, когда услышал, что ты своего уже двенадцать лет ждешь. Не

услышал бы своими ушами — ввек не поверил бы, что такое может быть. Я о бабах другого мнения держался. Разбередила ты мне душу.

— Так напиши ей. Прямо отсюда напиши. Что, не можешь?

— Не выходит у меня, — с тоской в глазах сказал он. — Детям пытался написать — и то не вышло. Не писака я. Двух слов связать не могу. Да и о чем? Пять лет в зоне, день ото дня не отличишь, потом вот уже третий год то тут, то там, как неприкаянный... Все куш посolidнее сорвать пытался. Вот тогда, думал, и объявлюсь. Этаким фон-бароном с мешком денег. Теперь все... Теперь я пас.

— Хочешь, я напишу ей? Хочешь?

— А сможешь, а? — теперь он уже не спускал с нее глаз в ожившей надежде. — Все вот так описать... И что о Христе узнал... Сможешь?

— Смогу. Только адрес скажи, куда ей ответ давать.

— Братск, до востребования. Другого адреса пока не приобрел.

Анатолий резко выпрямился и сморщился от пронзившей боли в плече. Катя бережно уложила его обратно на подушку.

— Ну вот, видишь? А ты бежать собрался. Лежал бы здесь, пока рана не заживет. Сам молись, и я буду молиться, чтобы отвел Господь от тебя беду. А вместе и за Сашу помолимся, а? Будешь?

Не дожидаясь ответа, она встала на колени у койки и услышала его отрывистый шепот:

— Буду, Катя, буду. Я теперь верю в Его чудеса. Раз Он не дал мне сгинуть там, в тайге, значит, поможет и здесь. А больше всего хочу просить Его за Александра. Ты молись, я за тобой повторять буду...

Заслышав монотонный говор, остановился у палаты хирург Евгений. Он отодвинул занавеску, отделявшую палату от

коридора, и застыл в проеме, пораженный увиденным зрелищем: двое незнакомых друг другу людей в полном смирении просили Бога о заступничестве. Не нарушая их единения с Богом, не замеченный ими, врач в недоумении удалился.

Глубоко убежденный, что верить в Бога есть удел недалеких и малограмотных людей, он был сбит с толку увиденным и услышанным. Ведь эта женщина, родная сестра Аннушки, была ведущим специалистом огромного предприятия, и он знал это. Во время ее пребывания здесь им довелось часто встречаться и беседовать на различные темы, и он испытывал к ней большое уважение. Ну, ладно, тот первый пациент оказался вроде бы как ее без вести пропавшим мужем: тут, куда ни шло, еще что-то можно понять. Стресс, эмоции и прочее. Тут и взмолиться не грех. Но молиться за этого мордоворота, ну просто явного бандита, да еще и вместе с ним, да еще и совсем не зная его, — тут уж извините. Это уже ни в какие ворота! И, вернувшись в свой кабинет, задумался Евгений о противоречивости бытия: вот ведь как оно бывает! А не дали ли они маху, разрешив ей быть сиделкой в палате? Не посоветоваться ли с главным, пока никто об этом не узнал? Однако, вспомнив одухотворенное, так не вязавшееся с образом бандита лицо пациента, его закрытые в умиротворении глаза и крупные слезы, сбегающие по небритым щекам, решительно отверг все сомнения.

Поживем — увидим. Пока что ее присутствие в больнице ничего, кроме пользы, не принесло. Ведь это при ее непосредственном участии появилась надежда на выздоровление ее мужа или кем он там ей приходится. Может, от нее какой-то живительный импульс исходит, как знать? Если это так, то и порадуются оба. И очень даже скоро порадуются...

Назавтра Анатолия перевели в общую палату. А уже ночью он исчез. Тихо, незаметно, ни с кем не попрощавшись. Даже с Катериной.

Катя закрыла Библию и повторила для себя в который уж раз читаное-перечитаное из пятой главы апостола Иакова: «И молитва веры исцелит больного, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему. Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного». И снова, и снова, словно в забытье, посылала она свои молитвы к Богу, чуть раскачиваясь на стуле и прикрыв лицо руками. И скорее почувствовала, чем услышала легкий вздох — вздох облегчения! — и увидела, что Саша открыл глаза и долго, слишком долго, не мигая, смотрит в потолок. Потом он стал усиленно тереть глаза казанками пальцев: так, как это делают маленькие дети, прежде чем зареветь. И снова смотрит в потолок и по сторонам в явной растерянности. И взгляд... отсутствующий. В сильном волнении Катя склонилась над ним, но он не замечал ее.

— Саша! — тихо позвала она, и он, вздрогнув, вскинул к ней глаза.

— Кто здесь? Теть Маша, вы? — в вопросе не было уверенности, а в хриплом голосе не было той очевидной радости, как в тот первый раз, когда он на мгновение приходил в себя.

Катя в страшной догадке провела ладонью перед его глазами. Саша никак не прореагировал, и все в ней оборвалось: он ничего не видел! Дрожащей рукой она откинула волосы с его лба.

— Кто это? — голос его дрогнул, и он беспомощно вытянул перед собой руку. — Кто? Почему я ничего не вижу? Я ослеп?

Катя закусила губу и, взяв его руку, прижалась к ней своей щекой.

— Почему я ничего не вижу? — в отчаянии шептал он. — Скажите мне, почему? И... кто вы?

Она почувствовала, как он весь напрягся. Не в силах больше сдерживаться, она уронила голову ему на грудь и пальцами затеребила мочку его уха.

— Катя! — дернувшись, выдохнул Александр и судорожно вцепился в ее руку. — Катя!

И тут же сник в сомнениях и стал ощупывать самого себя:

— Наваждение... Бред... Не может быть.

— Не бред, Саша. Я это, я. А это — ты, — заплакала Катя и прильнула к нему. — Где же ты был так долго?

Она все повторяла и повторяла эти слова, а ему в них слышался рефрен: «Что же ты наделал, Саша?» Сказать, что он лишился дара речи, — значит, не сказать ничего. Шок был настолько велик, а происходящее столь невероятно, что он был близок к новой потере сознания, и только нежные прикосновения рук Кати успокаивали и удерживали его в реальности. Все смешалось в нем: не поддающаяся описанию радость от встречи с Катей и огромное чувство вины перед ней. Последующее время прошло в безмолвии, замешанном на горькой смеси этой самой вины, жгучего стыда за свой ущербный вид и беспощадного самобичевания. Если он и хотел встречи с Катей, то — ах! — уж конечно же, не в таком беспомощном состоянии.

Мечта, которую он последнее время все же лелеял в самых укромных уголках своей души, сбывлась не ко времени. Где же его шляпа, белоснежная рубашка и черный, с иголочки, смокинг? Где кабриолет и музыканты, играющие для Кати марш

Мендельсона? В который уж раз в своей жизни Саше нестерпимо захотелось исчезнуть, провалиться в тартарары, только бы не являть собой столь жалкое зрелище. Ну почему судьба свела их именно в такой момент? Любая другая ситуация была бы намного приемлемей для этой встречи. Но тихой, благословенной мелодией коснулась его сердца молитва Катерины, славящей Христа, и осознал он, понял наконец всю тщету и суетность своих помыслов: да ведь это же перст Божий! Божий промысел! Так надо было! Так усмотрел Христос.

И наполнилось сердце трепетным восторгом, и любовь Христова победила надуманную, никому не нужную, ничемную гордость, и утонули они оба в празднике столь долгожданной встречи. То был праздник Божьей любви и всепрощения: не проронив больше ни слова, они молитвенно просили у Иисуса одного — именно этого прощания. А еще — благословения. Судя по их одухотворенным, заплаканным счастливыми слезами лицам, все это они получили. Во всяком случае, так подумал врач, деликатно нарушивший их единение с Богом. Только теперь они оба вспомнили о беде, свалившейся на Александра. И, как оказалось, именно этим больше всего был озабочен Евгений.

— Видит? — чуть отстранив Катю от Александра, беззвучно, одними губами, спросил он.

Катя печально покачала головой. И в это время Саша вскрикнул:

— Катя, Катюша, я вижу свет!

Евгений тут же склонился над ним:

— Что, что ты видишь? Меня видишь?

— Н-не знаю. По-моему, вижу. Очень мутно, но вижу.

Слабый голос Александра дрожал от волнения. Два стресса подряд: такое могло для него печально закончиться. И Евгений понял это.

— Отлично, закрой глаза и не напрягайся. Я к главврачу, и пригласим еще офтальмолога. Катя, не утомляйте его долгой беседой. Хотя я все, конечно, понимаю, но все же попытайтесь придержать эмоции. И переведите его в палату напротив. Здесь ему уже делать нечего...

Врачебный консилиум определил то, что Катя знала уже сама: Сашу нужно срочно везти в Иркутск. Пациент был признан транспортабельным, ну, а вопрос, кто повезет его туда, на повестке дня не стоял. Тут все было ясно.

А на следующий день за какой-нибудь час до отправки их в аэропорт в больницу буквально ворвался Назар Гогия в сопровождении лесника Егорыча. Не обращая внимания на довольно слабые протесты дежурной сестры (так, для виду: на самом деле Гога всегда был здесь желанным гостем), они зашли в палату к Александру. Катя как раз помогала ему одеваться.

— Пойди, погуляй, сестричка, — довольно небрежно кивнул ей Гога.

— Отставить, Назар, это моя Катя, — узнав его голос, сказал Саша и не совсем в правильном направлении протянул руку для приветствия.

— Катя? Та самая твоя Катя? — Гога смешно округлил глаза. — Ты бредишь дарагой, откуда ей тут взяться?

Потом догадался, что Саша не видит его, и смолк в замешательстве.

— Та самая и есть, — грустно улыбнулась Катя. — Но я вас все-таки оставляю: мне как раз за сопроводительными документами надо.

Вернулась она, когда они уже обо всем переговорили. Она лишь услышала последние слова Гоги. Звучали они немного торжественно:

— Я тоже считаю себя верующим человеком, Саша. Православным. Поэтому обещаю тебе: я найду тех жлобов.

Клянусь мамой, я найду их, и им придется очень туго. Стоит только найти ментов, которые продались им и забрали трал и карабин у Егорыча. Остальное — дело техники. Они еще будут ползать у тебя в ногах. Если ты, конечно, еще сюда вернешься.

— Ничего этого не надо, Назар, — недвижно глядя прямо перед собой, сказал Саша. — Они сами себя уже наказали. Больше, чем достаточно.

— Ну, это тебе не надо. А мне надо.

— И вам это не надо, — тихо сказала Катя. — Саша их простил, потому что так велит наш Господь. Простите их и вы.

— А-а, Катя. Простить, говорите? Ну, это уж извините, — усмехнулся Назар. — Они меня чуть по миру не пустили, а я их прости! Мне намного веселее будет, когда эти шакалы получают по заслугам. А то как-то не по-божески получается. Хм, простить... Придумала, тоже мне...

— Прощать — это как раз по-божески и есть, — мягко возразила Катя.

— Может быть, не спору. Только такие архары этого не поймут. У меня другой разговор: тот, который они понимают. Вот этот, — Гога потряс в воздухе кулаком, — он отбивает всякую охоту поживиться за чужой счет, клянусь мамой. А кто думает по-вашему, тот пусть и прощает. Тогда они сядут на его голову. Мне это не подходит.

Гога помедлил, достал что-то из своей спортивной сумки:

— Вот, возьмите, здесь деньги: это не все, что Саша заработал, но я же не предполагал, что он улетает сегодня. Остальное я переведу на ваш адрес. За это можете не волноваться.

Он взял Катю за руку и с некоторым пафосом закончил:

— Но знайте одно: сколько бы я ни перевел, я в неоплатном долгу перед Сашей.

— Да ладно тебе, Назар, — смутился Саша. — Делов-то куча. Тем более что я с тобой еще за прошлое не рассчитался.

— Я знаю, что говорю, Сашок. И не хочу, чтобы ты обо мне плохо вспоминал. Ты ведь знаешь, что с другом я готов поделиться последним, что у меня есть. Сниму последнюю рубашку, если нужно. А врагу не спущу и отниму все, что он имеет. Так, по-моему, написано в Библии?

— О, нет, — в голос воскликнули Саша с Катей, и от этого оба улыбнулись.

— Там написано немного по-другому, — продолжила уже одна Катя. Ей было ясно, что Назар, если и не читал Библии, то что-то от кого-то все-таки слышал.

— Ну-ну, подскажите, как? — хитро прищурился Гога.

— «Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его...»*

— Ну, а я о чем?! — обрадовался Назар за свою осведомленность.

— Все правильно, Назар. Только вот еще один стих. О врагах твоих. Слушаешь?

— Давай, давай, — беседа его явно заинтересовала.

— «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божьему. Ибо написано: „Мне отмщение, Я воздам“, — говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его...»** Понимаешь теперь? Только Бог вправе воздавать за зло, а не человек.

— Э, не-ет, так не пойдет, — решительно запротестовал он. — Пока дождешься, когда Бог за тебя воздаст, сам вперед в ящик сыграешь. Это не для меня. Это для слабаков, клянусь мамой. И потом, те козлы, что напали на Сашу, они ведь действовали по собственной воле, а не по воле Бога. Вот

---

* Библия. Книга пророка Исаии (58:7).

** Библия. Послание к римлянам (12:19–20).

пусть сами и ответят. Кстати, тот мужик, что угнал газик, он живой еще?

— Да. Он уже в сознании и немного реагирует на окружающее. Но он в реанимации, а туда нельзя, — сказала Катя.

— Мне можно, — успокоил ее Гога, да она и сама уже поняла, что этому человеку здесь все можно. — Проведите меня к нему, Катя, я хочу взглянуть на него. Так, одним глазком и на одну минутку.

Очень осторожно, на цыпочках, они прокрались в реанимационку, и Гога подошел к кровати Чучундры. Тот сразу почувствовал их присутствие и чуть-чуть приоткрыл глаза. В них явственно читалось полнейшее равнодушие к происходящему.

— Живой, — удовлетворенно произнес Назар. — Слышь, братан, ты выживай поскорее. Это я тебя прошу, Гога, за счет которого ты хотел разбогатеть. Выживай, да поедем с тобой твоих подельников отлавливать. Поможешь, тогда им будет хуже, чем тебе. Это я тебе обещаю. Согласен?

По мере того как больной слушал Назара, его глаза все шире открывались, и теперь Катя увидела в них такую неприкрытую ненависть, что невольно отшатнулась. Еще в них отразилось огромное физическое страдание, превосходящее которое, Чучундра сложил из трех пальцев известную фигуру и чуть шевельнул рукой поверх простыни. И, когда убедился, что Гога увидел ее, облегченно вздохнул и бессильно прикрыл глаза.

— Ладно, посмотрим, такой ли ты будешь герой, когда оживешь, — с не меньшей ненавистью процедил Гога, и Кате стало страшно от этих слов. Страшно за этих двоих людей. За их озлобленные души. Доведись сейчас Чучундре быть здоровым, они бы разорвали друг друга в клочья. Она вдруг поняла, в каком мире ее Саша крутился все эти годы. Не исключено, что и ему приходилось быть таким же. И немудрено,

что он забывал о ней. Но вот ведь коснулся же Господь его сердца и удалил из него ненависть. Этот самый Чучундра и есть виновник его наступившей слепоты. Но еще вчера Саша стоял перед его койкой на коленях и просил за него Бога. И на какой-то миг ей показалось, что Чучундра дрогнул. Во всяком случае, тогда в глазах его не было той ненависти, что сегодня. Как же велик и долготерпелив наш Господь, если до конца очерстневшему человеку возвращает способность к принятию милосердия! В своем раздумье Катя, молитвенно сложив руки, славил Христа и совсем забыла о Гоге. Из этого состояния ее вывел его голос:

— Катя, ходите, скажите главному, что я на своей машине отвезу вас в аэропорт. Пусть отпустят свою «коробочку». Моему другу не к лицу ездить в таком гробу. Да и мне интересно продолжить наш разговор о Боге.

Он снова приветливо улыбался и казался милейшим парнем. Как же могло в нем сочетаться это искреннее стремление к добру и необузданное жестокосердие? Как в нем уживались эти две противоположности? И какая из них была больше ему присуща? Катя поймала себя на том, что уже чувствовала некоторое раздражение против этого человека, то и дело выказывавшего повадки этакого богатого мецената. И застыдилась самой себя. Да, легче всего было бы отказаться сейчас от его предложения, чтобы не искушать себя предстоящей с ним беседой, но это значит упустить шанс свидетельствовать ему о Боге. Вера от слышания. Это единственное, что может сделать верующий человек для спасенного — дать ему услышать о Боге. Само же спасение — от Господа. И если Его принял не менее озлобленный на весь мир Анатолий, которого этот самый мир загнал в угол, то почему не может произойти то же самое и с преуспевающим Назаром? Конечно, богатому труднее войти в Царство Божие, но и в этом случае решение

принадлежит Господу, и никому больше. И она, подготовив Сашу в дорогу, пошла к главврачу.

...Весь путь до аэропорта Саша слушал оживленный разговор Кати с Назаром. Каждый день и час он с удивлением и радостью открывал для себя новую Катерину. Да, это только благодаря ей он поборол в себе пораженческое настроение и избавился от сомнений в их будущем. Самое трудное испытание его ожидало при встрече с сыном Сашенькой: он одновременно и жаждал этой встречи, и страшился ее. Но Катя нашла нужные слова, подкрепленные горячей молитвой к Господу, и теперь осталось только одно — нетерпеливое, неумное, страстное желание предстоящей встречи с сыном. Ах, поскорее бы пройти курс лечения в Иркутске.

Главврач, после разговора по телефону с областной больницей, сказал, что у него есть надежда на возвращение зрения. А Катя постоянно ободряла его, говоря, что усиленная молитва поспособствует полному выздоровлению. И Саша ни на минуту не прекращал молиться Богу: он шептал молитвы беззвучно, как заклинание, и, собственно, поэтому-то и не участвовал в разговоре. Да и прекрасно сознавал, что не мог бы так обстоятельно и четко отвечать на вопросы Гоги. Аня же, сестра Кати, сидела впереди, рядом с Назаром, и время от времени напоминала ему о том, чтобы он все-таки обращал внимание еще и на дорогу. Не особо вникая в суть разговора, она так же, как и Саша, удивлялась той уверенности, с какой ее сестра растолковывала Гоге непонятные места в Библии. А тот, надо сказать, прямо-таки наседа на нее с каверзными вопросами. Нет, она, конечно, знала, что Катя верующий человек; да и сама она тайком носила крестик на шее (когда его можно было скрыть), но Библии в руках никогда не держала, считая это прерогативой служителей церкви. Зачем простому-то смертному знать все эти заветы-заповеди, если для этого есть

поп-батюшка. Ну, знаешь, что убивать и красть нельзя — того и хватит верующему человеку. Кажется, там еще любить людей велено, так это каждый и так знает. Без Библии.

На очередном повороте Назар едва справился с управлением. «Ниву» занесло, и он сразу же сбросил скорость.

— Шибко-то не гони так, — укорила его Аня, — о себе не думаешь, так о них подумай. Им еще в Иркутск лететь надо. Побойсь Бога, парень!

— А че нам Его бояться? — разулыбался Гога, сверкая золотыми зубами. — Вон же с нами Его представители едут: слышала, что Катерина сказала: «На Тебя, Господи, уповаю...» Как там дальше, Катя? Ага. «Ибо Ты каменная гора моя и ограда моя!»* Слышала, да? Ну, так Он что, Своих обидит, что ли? Да мы уже и приехали. Один только спуск-подъем остался.

— Быстро мы, — сказала Катя. — Не успели и глазом моргнуть.

— Потому что добрая беседа в пути — большое дело, — поддержал ее Гога. — Даже жалко, что путь до аэропорта такой короткий. Хотя я кой-чего не совсем понял и много с чем не согласен, Катя, но я бы послушал вас еще. Меня трудно чем-то удивить, но от этой беседы я получил огромное удовольствие. Может быть, мне стоит почитать Библию?

— Очень даже стоит, Назар. Если ты это сделаешь, поверь, никогда не пожалеешь.

— Уговорили, — улыбнулся он. — Завтра же закажу своим орлам, чтобы привезли мне Библию. И обещаю вам, что начну читать. Клянусь мамой.

— Хороший ты парень, Назар, — улыбнулась в ответ и Катя, — но позволь дать тебе один совет. Он тоже из Библии.

---

* Библия. Псалтирь. Псалом 30:2, 4.

— Какой именно?

— «Не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землей, потому что она подножие ног Его... Ни головой твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным»*. Так Господь сказал человеку. А значит, от себя добавлю, и своей мамой клясться не стоит. Ты ведь ее любишь, а получается — размениваешь по всякому поводу.

— Да это и не клятва, в общем-то, — смешался он. — Так, поговорка. Но совет очень хороший, клянусь... Ну, вот, привычка, говорю же. Я надеюсь, мы еще встретимся с вами. Так-нет, Саша?

— Думаю, что так.

Через какой-нибудь час серебристый Як-40 уносил их в Иркутск.

---

* Библия. Евангелие от Матфея (5:34–36).

Прошло пять лет. Дело шло к развалу Советского Союза. Это было смутное время. Время людей беспринципных, наглых, потерявших всякий стыд, а вернее, никогда не имевших его, ибо нельзя потерять то, чего не имеешь. Понятие же морали и нравственности приобрело архаический оттенок и стало чем-то вроде предмета или повода для насмешек. И, как и подобает при любой смуте, отовсюду, словно тараканы из щелей, вылезли полчища ясновидцев, колдунов, магов, чародеев, не известных дотоле простому люду «ученых» с мудреным названием «парапсихолог», своими действиями больше похожих на параноиков, и вся, вся, вся... — чему в русском языке есть емкое и четкое определение — нечисть. А еще это называется безвременьем. И в той мутной воде безвременья каждый из перечисленных мошенников стремился поймать как можно больше рыбки, то бишь урвать, прихватить, выбить, объегорить. В обиходе простого обывателя все эти деяния стали ассоциироваться с новыми для него словами, как то: бизнес, бартер, нал и тому подобное. И в период полного безвластия большинство населения стремительно нищало, а вот деятельная его часть — та, что имела доступ к рычагам распределения госимущества, нажитого всем народом, — столь же невиданными темпами обогащалась. Между этими двумя крайностями постепенно образовывалось среднее звено: не слишком богатое, но уже и не бедное.

Как раз такой вот бизнесмен средней руки, уже знакомый нам Юрий Мабутин, прибыл зимой девяностого года самолетом в Иркутск из Алма-Аты. Там он довольно прибыльно сбыв пару вагонов стирального порошка, приобретенного в Казани. Куда, в свою очередь, отправил из Братска вагон пиломатериалов. Вот такой вот оборот. И хоть и пришлось порошок сдать оптом, но прибыль была столь значительной, что он не удержался от соблазна и закатил с друзьями прощальный банкет в одном из алма-атинских ресторанов. В связи с чем уже на следующий день перед самым отлетом получил информацию, что некоторые заинтересованные лица, прознав про его «нал», уже сообщили об этом в Братск. А значит, там, по дороге из аэропорта, его могут «кинуть».

Редкостью такие случаи уже не были и часто заканчивались трагически для бизнесменов. Юра обругал себя за глупую показуху и в Иркутске, уже пройдя регистрацию и не сдав билет на Братск, незаметно слинял на такси на железнодорожный вокзал. Купейных билетов на фирменный поезд «Ангара» не было, и, как он ни бился, сколько ни предлагал солидный «бакшиш», пришлось довольствоваться плацкартным вагоном. О чем, впрочем, он потом не пожалел. Во-первых, вагон был полупустой, а во-вторых, в нем было тепло, что по тем временам, если еще учесть сибирские морозы, уже было приятным фактором.

В общем, Мабутин с комфортом и с ощущением полной безопасности расположился в пустом купе. Его даже не стошнило вид бравого казака, который в качестве представителя охраны поезда несколько раз профланировал по вагону. Молодой, лет двадцати двух, в синих галифе с лампасами и хромовых сапогах, гимнастерке цвета хаки, с португеей через плечо и щегольской нагайкой в руках, он вовсе старался казаться подтянутым и стройным, как кипарис. Но чересчур

толстый зад и даже сквозь гимнастерку угадывавшиеся складки жира выдавали в нем далеко не бравого вояку. Плюс сей герой слегка покачивался и отнюдь не из-за хода поезда. Остановливаясь против какого-нибудь пассажира, он доверительно сообщал, что, пока он несет дежурство, они могут спать спокойно. Ну, то есть враг, мол, не пройдет. Юра только сплюнул ему вслед, но настроение его не испортилось. За окнами вагона давно уже сплошной черной стеной летит тайга, его родной дом. А дома, как известно, и стены помогают.

«Утро вечера мудренее», — философски размыслил он и, расстелив постель, принесенную проводником, парнем лет тридцати, завалился спать. Не забыв поставить внутрь багажной лавки то, из-за чего он и сменил комфортабельный часовой полет за облаками на восемнадцатичасовой перестук колес по рельсам. То есть свою спортивную сумку с тем самым «налом».

Ранним утром в Тайшете в вагон зашло много пассажиров, и один из них остановился около Юрия. Тот давно уже сидел у окна, разглядывая скучный, в тусклых отсветах вокзальных фонарей, тайшетский перрон.

— У вас свободно? — вежливо осведомился вновь прибывший, присел на лавку напротив, положив в ногах вещмешок, и продолжил, как бы оправдываясь: — А то у меня без места. Ну, в билете не указано.

— Сиди, чего там, — не очень дружелюбно отозвался Мабутин.

С первого взгляда он понял, что перед ним деревенский мужик. Скорее всего, подался куда-нибудь к родне на крещенские праздники. И добавил чуть мягче:

— Вагон-то почти пустой. Кому надо будет — попросят.

— Что попросят? — не понял мужик.

— Место освободить тебя попросят. Да ты не тушуйся. Говорю же, вагон пустой, — Юра уставился в окно, давая понять, что разговор закончен.

— А, ну да, это да, — согласился попутчик и также затих. Похоже, что он даже заснул, привалившись спиной к стенке.

На следующей станции прямо напротив них у бокового окна с шумом расположился высокий сибиряк, в драной шапке с одним оттопыренным ухом и в потертом, бывшем когда-то белым, а теперь напрочь засаленном полушубке с прорванными локтями. В вагоне уже посветлело, и он, сняв шапку, зорко стрельнул глазами по обоим пассажирам.

— Мужики, — без предисловий начал он вместо приветствия, — у меня беда. Не могли бы вы... — и тут же схватился за шапку и сорвался с места. Только его и видели.

— Чего это он? — удивился сосед Юры, но тот не успел ответить. В проходе замаячила фигура бравого станичника. Положив локти обеих рук на верхние лавки, он мрачно уставился на них. Одного он уже видел, а вот второй, видимо, показался ему чем-то подозрительным.

— Билет есть? — грозно выдохнул он таким сивушным перегаром, что даже Мабутин отодвинулся подальше к окну. Сосед же вроде как и не почуял запаха.

— Имеется, — добродушно улыбнулся он и протянул билет.

— А тот, что щас сбежал, с тобой?

— Шутить изволите, товарищ военный, — учтиво проронил мужик с иронией, которую тут же оценил Юрий, но принял за подобострастие добрый молодец. Он расправил плечи, гордо распрямился — орел!

— Ну-ну, смотри у меня, — погрозил пальцем и двинулся дальше.

Мабутин с любопытством смотрел на соседа. Не-ет, это явно не наш деревенский мужик. Наш или дал бы в рыло,

или, правда, перепугался бы казака. Гонору-то в нем, казачке то бишь, что ни говори, целый пуд.

— Что ж ты его так? — с улыбкой спросил он. — Парень ведь и впрямь подумал, что нагнал на тебя страху.

— Да думать-то пусть бы и думал, — озабоченно ответил сосед. — Боюсь, что он уверен в своей безнаказанности. Такой фанфарон может натворить бед.

— Не натворит. Щас он там еще опохмелится и спать заляжет. А там уже и Братск. Ты ведь до Братска, как я понимаю?

— Да, — кивнул попутчик, — в Братске меня... О! — не договорив, он вскинул руку, — смотри, наш старый знакомый. Интересно...

Юра наклонился к проходу и увидел того мужика, который недавно так неожиданно их покинул. Теперь он разместился через два купе от них также у бокового окна. И тут же завел разговор с сидящими там пассажирами о какой-то беде, случившейся с ним.

— Бомж, похоже, — предположил он и вернулся к своему окну. — Сейчас их много расплодилось.

— Бомжами не рождаются, — возразил сосед. — Бомжами людей делают другие люди. Более приспособленные к жизни, чем сами бомжи, так как имеют хоть какое-то отношение к власти.

— О! — удивился Юра. — И какие именно?

— Вроде вот этого казачка, который считает себя суперменом. Вон он, смотри, что сейчас будет.

Мабутин опять пересел к проходу и увидел казака, нависшего своим грузным телом над бомжем. Очевидно, тот заговорился и не успел в этот раз улизнуть от стража порядка.

— Ну что, добегался? — злорадно рычал станичник, поигрывая нагайкой по сапогу. — Вставай, когда я с тобой разговариваю!

И, когда тот привстал, неожиданно для всех с силой двинул мужику под дых. Тот так и согнулся за столиком, хватая ртом воздух.

— Я тебя, гада, научу, как бегать! Ты у меня будешь свободу любить.

Юрий видел, как с другой стороны тут же выскочили мужчина с женщиной и перебежали в другое купе. Короткое замешательство — и он сам шмыгнул к окну. И оправдание своей трусости тут как тут: «Оно мне надо? Ну, еще не было бы бабок с собой, вступился бы. А то пока разберешься, а сумки тю-тю: поминай, как звали...»

Он взглянул на соседа и увидел его ироничную, с упреком, улыбку.

«Да кто ты такой, чтобы упрекать!» — хотел крикнуть ему Мабутин, но только отвернулся, сцепив зубы. Совсем неожиданно для себя он ни за что ни про что возненавидел этого незнакомца.

— Люди, что же вы все смотрите? — слышался плачущий голос бомжа. — Вы что, не видите, что он убивает меня? Позовите начальника поезда или хоть проводника.

Как бы в ответ на его слова, проводник, появившийся в конце вагона, поспешно развернулся и скрылся в своем купе. И еще трое пассажиров из ближайших купе переместились подальше от места события. И только одна старушка подала голос в защиту бедняги:

— Ты што ж делаешь, ирод? Не видишь, он болезный, — прошамкала она беззубым ртом. — Побойся Бога.

— А ну, заглохни, старая карга! — рявкнул страж порядка, угрожающе взмахнув рукой в ее сторону.

Старушка испуганно спрятала лицо в ладони, но не сдалась.

— Креста на тебе нет, ирод, — выкрикнула она.

Но это только придало вояке самодовольства. Он растегнул ворот гимнастерки и показал ей крестик на шее.

— У меня-то он есть, дура, — и развязно, на блатной манер, проорал уже так, чтобы слышно было на весь вагон: — Я тут начальник, понятно? — И снова шаррахнул бомжа по шее. — Я тебе и начальник, и проводник.

Юрий чувствовал взгляд соседа и, не выдержав, повернулся к нему:

— Да не касается это меня, не касается. Что ж сам-то не идешь, не заступишься? Слабо?

— Нет, — качнул тот головой и встал. — Не слабо. Просто тебя ждал. Ждал, что ты на это скажешь, Юра.

Саша — а это был он — вскочил с лавки, быстрым шагом подошел к казаку и, перехватив занесенную для острастки нагайку, ловко вывернул ее из руки казака. Тот в недоумении обернулся, и глаза его блеснули еще большей злостью. Да этот же субчик только что трясся перед ним от страха! И, разделяя каждое слово, процедил:

— Тебе чего, жить надоело? Да я тебе ща-а...

— Сейчас разберемся, кому что надоело, — спокойно сказал Саша. — Ты почему позоришь форму казака?

Страж порядка опешил так, что потерял дар речи. Такого вопроса он не то что не ожидал, — ничего подобного никогда не приходило в его не обремененную ненужными размышлениями голову. Бомж, воспользовавшись его замешательством, тут же слинял без оглядки.

— А ты кто тако-ой? — овладел собой наконец казак и уже не так уверенно, но перешел в наступление. — А ну, кажи, какие есть при себе документы? — с ударением на «у» набычился он.

— Документы? — с тем же ударением переспросил Саша. — А зачем тебе документы? У тебя самого-то есть

документ, удостоверяющий, что ты можешь требовать такой с меня, а?

— Чи-и-во-о? — распрявился станичник. — Повтори.

— Повторяю, — спокойно сказал Саша. — Настоящий казак себе такой подлости не позволит. Усваиваешь? Ты запятнал честь казацкого мундира, и я скажу атаману, чтобы на круге тебя наградили нагайками так же, как ты сделал с этим беззащитным человеком. И если ты мне сию же минуту не представишь документ на ношение этой формы, которую ты позоришь, я тебя на первой же станции сдам милиции, понял? Что, вспомнил меня?

Доблестный казак осоловело тарашил глаза и, кажется, понял всю серьезность угроз незнакомца. Видел он его или нет, неизвестно, но все одно страшновато: сильно мужик в себе уверенный. Хмель моментально выветрился из его головы, и он стал белее снега на обледенелом окне.

— Да я же... Он же без билета... Нагайку бы мне...

— Давай-ка, чтобы духу твоего тут не было! Иди и доложи обо всем начальнику поезда. Вот ему я и верну твою нагайку. Стой! Извинись перед старушкой. Громче! Вот так-то оно лучше. А теперь иди и не попадайся мне на глаза, пока не протрезвишься.

Словно побитая собака, поплелся казак, втянув голову в плечи. И те же самые люди, которые только что прятались от него по вагону, теперь сильно осмелели и безбоязненно выказывали вслед ему свое презрение. А вот поблагодарить заступника догадалась опять же только та старушка, осенив его крестным знаменем. Что касается бомжа, так он удрал, как уже было сказано, при первой же заминке казака.

Мабутин долго изучал вернувшегося незнакомца: нет, он никогда не встречался с ним. Несмотря на то что он по достоинству оценил поступок попутчика, чувство враждебности не покидало его. А теперь прибавилось еще и чувство собственной неполноценности. Но, может, ему только почудилось, что тот назвал его по имени.

— А ты, я вижу, не из робкого десятка, — начал он разговор. — Ты что, сам из казаков?

— Да нет. Просто я недавно гостевал у них и знаю их уклад.

— Ты назвал меня по имени. Ты что, знаешь меня?

— Знаю, Юра. Так знаю, как не хотелось бы. И ты меня знаешь.

— Но я тебя даже приблизительно вспомнить не могу. Хотя с памятью вроде полный порядок. Слушай, — подмигнул Юрий и достал сумку, — давай освежим ее, нашу добрую светлую память. Тут у меня классный коньячок есть. А, как ты на это? А то мне неловко перед тобой за себя. Надеюсь, за труса меня не держишь?

— Нет. Но угощения не приму. Во-первых, не пью, а во-вторых...

— Что во-вторых? — у Мабутина отчего-то гулко забилося сердце.

— Во-вторых, ты меня уже угощал... однажды. Правда, тогда ты Витасом назвался. Но Бог удержал меня от того угощения, и я выжил.

Обхватив голову руками, Юра бесстрастно и пристально вглядывался в попутчика, и только желваки скул, подрагивая, выдавали его волнение.

— Не может быть, — невнятно выдавил он после долгой паузы. — Саша-бомж? Не-ет, ты гонишь, паря. Я знал от

Анатолия, что тот парень выжил. Выжил — да, но не переродился же? Тот был искалеченный старик, древний и беззубый, как две старухи разом.

— И тем не менее, это я, — впервые открыто улыбнулся Саша и провел пальцем по верхнему ряду зубов. — Вот они, видишь, хоть и искусственные, но вполне себе. Постарались техники по первому разряду.

— И что ты ждешь от меня? — глухо произнес Мабутин. — Покаяния?

— А почему ты решил, что я от тебя чего-то жду? Разве это мне нужно твое покаяние? Покаяние нужно тебе: и не передо мной, а перед Богом.

— Да оставь ты Бога в покое. Сам-то ты, случись такая возможность, не задумываясь, отомстил бы мне: скажешь — нет?

— Скажу — нет. Мне очень жаль, что ты так думаешь. Только Бог может воздавать человеку за дела его. И вот от этого-то ты никуда не уйдешь, Юра. Рано или поздно придется каяться перед Богом в грехах своих.

— Не рисуй из себя милостивого да жалостливого. Не шибко-то ты сердобольный. Вон казачка-то как приструнил.

— Казачок в данный момент только это и мог понять. Потому что в пьяном угаре человеком сатана управляет. А когда очухается, может, и поймет или хотя бы побоится и дальше строить из себя сверхчеловека. Человеку нужен страх Господен. И этот страх пред Богом у них, у казаков, в православные традиции заложен. Другое дело, кто как их понимает и соблюдает. Иной, вот как этот, думает, что вся вера состоит в том, чтобы повесить крестик на шею. А дела, которые он творит, для веры не имеют значения. Но «вера без дел мертва» — так учит Слово Божье. Старушка пристыдила его, но ты слышал, как он отреагировал на упоминание о Боге.

Такой казак, как этот, скорее редкость, чем правило. Но теперь ему придется задуматься. А ты думай о себе. Тебе, Юра, есть резон задуматься.

— Над чем, если не секрет? — криво усмехнулся Мабутин.

— Над нашей встречей. Не обманывай себя: ты очень, просто очень долго будешь корить себя за сегодня. За то, что не вступился за бомжа. Тебя это уже сейчас грызет, только ты виду не подаешь. Я ведь достаточно знаю о тебе от Толика.

— Слушай, давай оставим гадания о моем будущем на потом, — поднял руки Мабутин. — Ты лучше скажи: ты что, совсем не держишь на меня зла? Ну, признайся: совсем нет желания хотя бы набить мне морду?

Саша в недоумении посмотрел на собеседника, потом искренне расхохотался. Смеялся долго и настолько заразительно, что невольно заулыбался и Юрий. И вот уже не выдержал и рассмеялся и он сам. И почувствовал, как легко и просто стало у него на душе. Недаром ведь говорят в таких случаях: «будто камень с души свалился». Не помешало их веселому настроению и появление начальника поезда.

Тот принес извинения за молодого казака, наговорил пассажирам кучу любезностей, заручился обещанием, что никто ничего не узнает и, прихватив нагайку, постыдно оставленную бравым воякой «на поле брани», удалился. После его ухода исчезло и остававшееся еще некоторое напряженное ожидание возможных последствий инцидента, и попутчики полностью расслабились.

— Слушай, Саша, — вспомнил что-то Юрий, — та женщина... Мне Толик рассказывал о ней... Ну, та, что нашла тебя в больнице Усть-Кута, — она так и осталась с тобой?

— Да, это моя жена, Катя. Нашему сыну уже семнадцать лет. Можешь представить, что это для меня, бывшего бомжа,

значит? А тогда она меня, почти слепого, увезла в Иркутск. Там мне зрение возвратили. И вот мы уже пять лет вместе. У нас еще и две дочурки трех и двух лет имеются. И все это, Юра, по милости Божьей. Вот сейчас мы с ней в отпуске, — а он у нас, ни много ни мало, два с половиной месяца, — и я проехался по местам своей, так сказать, «славы». В кавычках, конечно. Там, где я начинал свою «карьеру» бомжа. Начиная с Красноярска и далее, везде. Навестил всех, кто когда-то оставил мне свой адрес. Сейчас вот был в Тайшете и в районе.

— А в Братск к кому едешь?

— Есть там у меня один друг из дальнобойщиков.

— А Катя? Ты сказал: «мы с ней в отпуске». Я этого не вижу.

— Катя? Ну, она... Ты о Толике что знаешь?

— Да почти ничего. Я ведь его, после того как вывез из больницы, всего-то раза три только и видел. Когда он выздоровел, не получилось у нас больше друг с другом общаться. Обоюдное, так сказать, желание было. Он в вашу веру ударился, я в бизнес. Непонимание пошло. Потом он сказал, что письмо от жены и детей получил. Больше я его не видел. Уехал, говорят, в свой Симферополь.

— Это Катя написала его жене письмо и таким образом вернула в семью, — сказал Саша. — Катя с сыном и старшей дочуркой как раз и гостят сейчас у них в Симферополе. За чем я их по своим закуткам таскать буду? Это память только моя и интересна только мне. Хотя, честно признаться, ничего там интересного как раз и нет. Ну, а у Толика дружная семья, и живут неплохо. Это я не понаслышке говорю, сам понимаешь. Ну, а что в последнее время тяжелее жить стало, так оно по всей стране теперь так. А ты бизнес, говоришь, открыл? Какой, если не секрет, конечно.

— Да какой там секрет: купи-продай — вот и весь бизнес. Попробовал вот эту самую перепродажу — куда как с добром пошло дело. Угонами-то я больше и не промышлял — не всегда ладно выходило, да и таких надежных друзей уже не стало.

— Как Чучундра?

— Как Толик. Чучундра скурвился, за то и поплатился жизнью. Да нет, не смотри так, я тут ни при чем. За ним, конечно, много кое-чего числилось, да и похлеще, чем наши делишки, но не настолько, чтобы кто-то хотел его убрать. Нет. Счеты с жизнью он свел сам. Какие-то идиоты привезли ему «каликов»³⁵ прямо в больницу. По его просьбе, конечно. Вот он их наглотался — и отбросил лапти. Сжалились, видать, бывшие кенты, чтобы не мучился всю жизнь полным калеккой. Но что не жилец он был на белом свете — это уж точно... Так что, может, они и не такие уж идиоты.

— Они хуже, Юра. Они взяли на себя право решать судьбу человека. А это право только Бога. Я после аварии был переломан не меньше его...

— Я знаю. Я о тебе все справки тогда навел, прежде чем с «визитом» нагрянуть. И что, у тебя не было желания... Ну, того-этого...

— Руки на себя наложить? Было. Только мне Бог послал для свидетельства Своих вестников, а Чучундре сатана подсунил своих бесов. Ты говоришь, «по его просьбе». Может, и была у него минутная слабость, но надежды у него все равно было больше. В каждом из нас до последнего вздоха живет надежда. Катя говорила, что видела слезы в его глазах, когда мы с ним мирились.

— Ты мирился с Михай?³

— А чем я лучше его? Страданий своим близким я принес, наверное, не меньше, чем он. Но они простили мне, потому

что мне простил Бог. Главное для человека — примириться с Ним. Все остальное приложится. Вполне возможно, что этого хотел и Михаил — почему нет?

Наступило долгое молчание, и отчего-то не хотелось нарушать его. Поезд, добрых полчаса отстоявшись в Вихоревке, тронулся в последний для них отрезок пути до Анзеби, а они так и молчали. Под мерный перестук колес каждый из них обдумывал те трагические события и их столь очевидные последствия.

— Да-а, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, — проронил наконец Юрий. — Как-то не приходило мне в голову сравнить его с тобой. А ведь очень похоже: в тебе, как мне говорили, железяк тоже было больше, чем костей. Прямо один к одному, как у Мишки.

— Так оно и было.

— Но тогда получается, что Бог твой, Саша, избирательно действует. Одного милует, другого наказывает. Почему Он не послал ему такого же человека, как тебе?

— Как это не послал! Разве моя Катя не свидетельствовала ему о Боге?

— Ну, хорошо, послал. Тогда вообще ничего непонятно. Почему же Он не уберег его, как тебя? Ты же говоришь, Бог всех любит одинаково.

— Конечно. Но чадом Божьим становится тот, кто, услышав Благою весть о Нем, принимает эту любовь и Самого Христа в свое сердце. То есть человек встает перед выбором. И делает его по своей воле.

— Понял: или Христос, или сатана, так? Третьего не дано?

— Нет.

— Но это неправильно. Человеку нужно время, чтобы все взвесить. Обдумать все эти «за» и «против».

— Именно это я и советую тебе сделать, Юра. Причем не откладывая в долгий ящик.

— А куда мне торопиться? Особенно сейчас, когда людям вовсе не до Бога. Первейшая забота сейчас у каждого из нас — не помереть с голоду. Не дать себя затоптать. Абы выжить. Вот выживем — там и посмотрим. Разве ты не видишь, что творится вокруг! Не-е, Саша, не до Бога сейчас людям, не до Бога. Каждый о себе думает и на того, кто чуть удачливее, зуб точит. Знаю по себе. Попробуй вон заикнись о Нем перед теми, кто сейчас без работы и без денег остался! — Мабутин криво усмехнулся: — Хотел бы я посмотреть, что они тебе ответят. Может случиться, что и ноги не успеешь унести.

— Нормально ответят, Юра, зря ты так себя настраиваешь. Я ж сказал, что проехал уже достаточно много за это время и везде свидетельствовал о Господе нашем Иисусе Христе. И, как видишь, цел и невредим. Вот как раз сейчас, когда не на кого надеяться, до человека и доходит, что спасти его может только Бог. Это и есть истина.

— Утопия это, а не истина, Саша, — с той же кривой усмешкой и уже более заметным раздражением пробормотал Юрий. — А ты, как я вижу, неисправимый фантазер. Знаешь, что я тебе скажу? Вот если бы еще хоть один человек, как ты говоришь, «засвидетельствовал» бы мне о Боге... — он снисходительно и даже с некоторым превосходством посмотрел на Александра. — Да?

— Ну-ну. И что тогда?

— То даю слово, я бы поверил. Ну, во всяком случае, задумался бы немедленно.

— А так — нет, да? Мне одному не веришь? — улыбнулся Саша.

— Так один же в поле не воин, — самодовольно улыбнулся в ответ Юрий и начал загибать пальцы. — Смотри, на какую тысячу км ты один. Да еще где-то за тридевять земель твоя Катя. С Толяном впридачу. В общем, раз-два —

и обчелся. А кто слушает вас? Те же два-три старика. Несolidно получается. Но повторяю: встречу еще одного такого чудика — задумаюсь.

— Не слишком ли опрометчиво, Юра? А вдруг?

— Я свое слово сказал. Но никаких «вдруг» не будет. Я, брат ты мой, не меньше твоего помотался по стране, всякого повидал. И ничего похожего никогда не встретил. А пока что, — Юра посмотрел в окно, поднялся и перекинул сумку через плечо. — Пока что мы приехали: Анзеби. «Мы долго ехали и наконец приехали», как сказал Чебурашка.

Они вышли из вагона и остановились у деревянных перил лестницы, ведущей на пригорок к крохотному привокзальному рынку. Там пять или шесть бабушек, притопывая на морозе, без всякого оптимизма зазывали пассажиров купить их немудрящую снедь: домашние пирожки, сметану, вареные яйца. Но немногочисленный людской поток игнорировал их призыв и спешил к стоянке автобуса у невзрачного здания вокзала. Юра принялся шарить по всем карманам якобы в поисках сигарет, на деле же он внимательно оглядывал окружающих. Вроде все нормально. Цепким взглядом окинул он и стоявшие у вокзала такси и пару автобусов. Один рейсовый до Братска, второй — служебная «коробочка». Только после этого закурил: ничего подозрительного.

— Я рад, Саша, что встретил тебя. Все же нет-нет, да не давала мне покоя та наша драма. Теперь на душе будет спокойней. Пойдем, я возьму тачку и отвезу тебя, куда тебе надо.

Он взял было Сашу под локоть, но задержал руку на полпути и насторожился. Шедшие от первых вагонов к вокзалу два мужика остановились рядом с ними. Они явно кого-то высматривали, и один из них, повыше ростом и постарше, что-то объяснял попутчику и все время оглядывался назад, будто что-то или кого-то там оставил. Другой, обладатель

аккуратных черных усов и бородки, лишь изредка подавал реплики, все время пряча лицо в шалевый воротник дубленки. Лицо его показалось знакомым, и Юрий тут же почувал неладное.

— Саша, — вполголоса сказал он, — я, пожалуй, вернусь в вагон. Проскочу до Гидростроителя. Не хочешь со мной? Или погоди. Сделаем так: если увидишь, что эти двое последуют за мной... Или нет, давай так... — он что-то лихорадочно прикидывал в уме.

Саша все понял. То, что Юрий везет с собой большие деньги, он вычислил еще там, в вагоне, когда тот не вступился за бомжа и поминутно проверял, на месте ли сумка под лавкой, хотя никого, кроме них, в купе не было. В памяти мгновенно всплыли те аналогичные моменты, когда он сам метался по купе, подозревая всех подряд в злом умысле.

Наверное, это закономерно. Когда все помыслы человека обращены на то, как уберечь деньги, им овладевает мания преследования. И тогда кажется, что все без исключения знают, что за багаж ты везешь, и только и думают, как тебя ограбить. Такова плата за деньги. Ему стало жаль Юрия за его тотальную подозрительность ко всему окружающему. Как объяснить человеку, что он уже у той черты, когда спасать надо не деньги — собственную душу? Ибо за этой чертой бездна, мрак вечной тьмы: переступишь — и навеки раб богатства, этой «мзды неправедной». «Кто кем побежден, тот тому и раб»*.

— Постой, Юра, не торопись, все будет путем, — положил он ему руку на плечо и повернулся к мужчинам:

— Я вижу, у вас какие-то проблемы. Нужна помощь?

---

* Библия. Второе послание Петра (2:19).

Те не успели ответить. Сверху по лестнице спорхнула стайка совсем молоденьких девчат, которые быстро окружили мужчину, отрезав их от Александра с Юрием. И тот, что постарше, с улыбкой развел руками, дескать, извините, но помощь уже пришла. Девчата просто, без всякого благочи- ния, но очень сердечно, как и подобает родным людям, при- ветствовали эту пару, и Юрий облегченно вздохнул: обычная встреча обычных людей. Вот только в голосах их слышалась такая неподдельная радость от встречи, будто не виделись они целую вечность. А именно так и высказалась самая младшая на вид девчонка, что, мол, с тех пор как вы уехали, так целая вечность прошла.

Чем-то далеким повеяло на Юрия от этих слов. Далеким, но не забытым. И в этом далеке Юрий вспомнил что-то хо- рошее о себе и улыбнулся своим мыслям. «Там» все было так прекрасно! «Ах, молодость! Максимализм во всем. Чуть что, сразу — вечность! Впрочем, в этом возрасте порой и день кажется вечностью», — грустно подумал он.

Словно подслушав его мысли, тот, которого девчата на- зывали Леонидом Николаевичем, громко уточнил, что от- сутствовал он чуть больше запланированного, то есть больше недели. Зато и вернулся, мол, не один, а с Артуром, братом из Германии. Бородач смущенно заулыбался и стал знако- миться с каждой из девушек, пожимая им руки. В общем, все как полагается при встрече, и совсем успокоившийся Мабутин взялся уже за поручни лестницы, когда услышал голос одной из девочек:

— Давайте поблагодарим Господа за ваше благополучное прибытие.

Юрий оглянулся, да так и застыл на месте. Вся группа склонила головы в молитве благодарения Богу. Прилюдно, прямо на перроне!

— Ну вот. А ты говоришь, я один на тысячу километров, — шепнул ему Саша и также сложил руки на груди, прислушиваясь к молитве.

Юрий ошеломленно переводил взгляд с одной девочки на другую, потом на Сашу, снова на девочек и растерянно улыбался. Только что он давал обещание задуматься над смыслом жизни, если встретит хотя бы одного верующего. Давал, потому что был убежден: увидеть их можно разве что в глухих сибирских деревнях. Ну, встретятся тебе какие-нибудь две-три древние старухи, не больше того. Но чтобы молоде-ежь! Да еще чтобы та молодежь прилюдно молилась! Это уж извините. И что же? То, чего он не мог допустить даже в мыслях, происходило на его глазах. Действие это было для него столь неожиданно, что он не сразу осознал его значимость. Да, слишком много информации обрушилось на него сегодня. Неожиданной и... достоверной.

— Непостижимо, слушай, — бормотал он. — Это ж как специально...

После короткой молитвы Леонид, увидев участие в ней Александра, сделал жест в их сторону.

— Христос любит вас, дорогие братья!

— Слава Ему за все! — в нахлынувшем волнении ответил Саша, и девочки тут же стайкой окружили их с Юрием, наперебой пожимая им руки. Сердце его исполнилось глубокой благодарности Богу.

— Это нам добрый знак от Господа, — улыбались они.

— Воистину так, — радовался и Леонид. — Не успели мы приехать, как повстречали здесь христиан.

— Пусть Он хранит вас, дорогие друзья, — голос Саши дрогнул, и он взглянул на попутчика. — Ведь это Он послал вас нам... А, Юра? Нам?

Юрий неопределенно пожал плечами: растерянность не покидала его. И многоопытный Леонид мгновенно оценил ситуацию.

— Вы тоже нам очень кстати погодились, — улыбнулся он и показал рукой в том направлении, куда постоянно оглядывался. — Там наш с Артуром багаж. А он слишком тяжел для моих девчат. Поможете? Четыре чемодана, аккуратно по одному на брата. Погрузим во-он в ту «коробочку» у вокзала. Кстати, и поедем вместе: места на всех хватит.

— Какой разговор! — с готовностью согласился Юрий и вместе с Александром споро двинулся следом за ним. Столь противоречивые чувства громоздились в его душе, что он нуждался хотя бы в кратковременном их осмыслении. И общение с этими людьми должно было помочь ему в этом. Он схватил перетянутый ремнями чемодан, рассчитывая одним махом поставить его себе на плечо, но только крикнул от удивления: чемодан словно примерз к снегу. Совершенно машинально он сбросил свою сумку одной из девчонок и уже двумя руками со второй, более тщательной попытки, взвалил его на плечо.

— У вас там что, кирпичи? — шутливо спросил он.

— Книги, — коротко ответил бородатый Артур, берясь за другую чемодан. — Много книг. — Он пошел рядом с Юрием.

— Библии? — догадался тот.

— Да. И не только. Есть и религиозная литература. Стихи, ноты.

— И откуда все это?

— Из Германии. Теперь мы везем это свободно. Раньше и одну книгу провезти было проблемой.

— Ты возил и раньше? — Юрий даже приостановился. Девчата, семенившие рядом, тоже встали. Этот разговор явно увлек их.

— Да, возил, — просто ответил Артур.

— Слушай, за это же сажали. Не боялся? — Юра отлично знал, какой это был риск и как жестко власти пресекали попытки провоза такой литературы. Несмотря на это, такие вот гонцы умудрялись доставлять ее даже в Афган. Он с любопытством оглядел этого довольно молодого еще мужика. И снова пришло ощущение, что он его где-то видел.

— Боялся, — пожал плечами Артур. — Но с нами, как и сейчас, был Бог.

Все это время девчата тщетно предлагали им свою помощь: они от нее героически отказывались. Юрий первым поднялся по скрипучим ступенькам лестницы и повернулся в ожидании следующих чемоданосцев. И, когда Артур поравнялся с ним, засыпал его вопросами:

— А что — Бог? Бог давал тебе гарантии, что тебя не заловят? Вселял в тебя уверенность? Или ты сам знал наперед, что все будет в ажуре? Ну, наработанные связи там, маршрут...

Он видел, с каким нетерпением все ждут, что ответит его собеседник. И еще увидел, как тот расплылся в широкой улыбке.

— Да, все это дает Бог, дорогой брат. А связи... Конечно. Как же без связей! Ты даже не представляешь, сколько у Бога связей. Весь мир! Куда бы ты ни приехал — даже впервые! — везде Его люди. Вот я впервые приехал сюда — и что? Кроме тех, кто должен был встретить меня, оказались и вы с братом во Христе. Вот тебе и новые связи.

Они сгрузили чемоданы в раскрытые задние двери «коробочки», и Артур сделал несколько круговых движений головой, разминая затекшую шею.

— Так было всегда, — раздумчиво сказал он. — Хотя маршруты были другие... совсем другие. Тяжелые были маршруты.

Все! Мабутин вспомнил. Его словно ударило током.

— Афган! — выдохнул он. — Ты был в Афгане!

Теперь настал черед удивиться Артуру.

— Да, был, — недоуменно глядел он на Юрия. — Как тебе знать?

А Мабутин уже мыслями был там, в далеком Афганистане. Афган! Вот где он видел Артура. Однажды ему довелось участвовать в перехвате, как тогда говорили, контрабандной литературы. Правда, начальство выдавало операцию за обычный перехват партии наркотиков. И они славно выполнили приказ: чтобы выявить всю цепочку, «вели» контрабандистов от самого Саланга и накрыли их прямо в Кабуле при передаче «товара».

Но, к великому недоумению и досаде оперативников, вместо запрещенной литературы в КамАЗе оказалась самая обыкновенная «гуманитарка» да две-три стопки книг для библиотеки военного госпиталя. Сколько ни искали, а ничего так и не нашли. Тем не менее сотрудника миссии, сопровождавшего машины (а был им вот этот самый Артур), два дня допрашивали в особом отделе. Но — увы и ах! — пришлось отпустить, да еще и извиниться перед ним.

Потом Юрий понял, что он их тогда обвел вокруг пальца. Между прочим, майор, руководивший операцией, умолял начальство оставить ему еще на пару дней «этого типа» — и результат, мол, будет. Он еще тогда был на все сто процентов уверен, что тот провез «контрабанду». Что, кстати, совершенно случайно и подтвердилось через месяц-два после их отъезда: у одного умершего от ран солдата обнаружили в подушке Новый Завет. А сколько их всего завезли, оставалось только гадать. Послали, конечно, отношение на нехорошего гражданина, да кому оно, отношение это, надо было тогда? Тут с коррупцией да наркотой полный аншлаг в «ограниченном контингенте»: не до разборок мелких. Так что кто знает, чем дело кончилось.

— Признал я тебя, Артур, — сказал Юрий. — Видел я тебя, когда ты гуманитарку в Кабульский госпиталь привозил. Ты-то меня не видел, не напрягайся. Я, так сказать, за кадром был.

Все сгрудившиеся у «коробочки» с интересом поглядывали на обоих «афганцев» и ловили каждое их слово.

— Было дело, было дело, — немного смутился таким вниманием Артур и поспешил в автобус. — Слушайте: давайте по дороге поговорим, если кому интересно будет, — предложил он, упрямая распросы друзей. — Честно говоря, я уже замерз. Здесь у вас далеко не Ташкент, из которого мы и «ходили» в тот раз в Афганистан.

Юрий поискал глазами Александра, и махнул ему рукой, что, мол, едем вместе, и полез в автобус. За рулем уже сидела одна из девушек.

— Вы в какой район? — спросил он ее.

— К дворцу металлургов.

— Годится. Остановишь мне у «Тайги». Аккурат напротив гостиницы.

— Будет сделано, — улыбнулась она и протянула ему его сумку. — Ваши вещи, а то вы уже забыли про них.

Так же машинально, как и отдавал, Юрий взял сумку и вдруг понял, что действительно забыл о ней. Столько времени трястись над ней — и забыть?! И сейчас, ощущая ее в руках, он не испытывал того, ставшего уже привычным, возбуждения: да и не совсем возбуждения, а обыкновенного липкого страха за ее содержимое. На ум даже не пришла мысль хотя бы заглянуть внутрь на предмет проверки наличия. Таким свободным и раскрепощенным Юрий давно себя не чувствовал. И когда все они, перед тем как тронуться в путь, опять стали молиться, чтобы Господь сохранил их в пути, он уже мысленно присоединился к этой просьбе. Без иронии. Еще не понимая,

что с ним произошло, он поверил, что, если о чем-то просить Бога, — все сбудется. Странно, но теперь он по-настоящему желал общения с этими милыми людьми, и не просто для того, чтобы осмыслить случившееся. Он трепетно ожидал чего-то большего и совершенно беспричинно радовался жизни, как радоваться уже давно забыл.

И вот, уступая просьбам, в том числе и Артура, Юрий первым рассказал про ту «операцию», когда они, постоянно подменяя друг друга в колонне, не спускали глаз с предмета наблюдения. И все же где-то проворонили исчезновение литературы.

— Выходит, тогда я следил, чтобы отобрать и уничтожить те книги, а сегодня сам помог тебе их нести? — в полной растерянности подытожил он, вызвав добрую и светлую улыбку у слушателей. — Ты хоть теперь признайся, где были те книги?

— А что тут признаваться? — пожал плечами Артур. — Там в колонне и были. Только не в той машине. Просто мы все сделали для того, чтобы следили за машиной, где был я. Моя с напарником излишняя суетливость, подозрительность, постоянные «ныряния» в кузов и перестановки предметов под тентом, все это должно было, по замыслу, показать нашу перестраховку. И это сыграло. Все внимание уделялось нам. На ту машину, где водителем был самый молоденький безусый солдатик, внимания никто не обратил. А именно там и были книги. Я думаю, теперь ты на меня не в обиде. Или все так же досадуешь, что не выполнил задание?

Юрий медленно покачал головой.

— Наверное, я выполнил его сейчас, — сказал он. — В том самом смысле, что сам нес эти книги.

Он полуобнял Сашу и в который уж раз повторил:

— Непостижимо.

— А ты говорил, что я один на тысячу км, — напомнил Саша.
— Я помню мои слова, — тихо пробормотал Юрий.

Автобус легко и плавно мчался по укатанной заснеженной трассе, а девочки чистыми задушевыми голосами запели гимн. В припеве в их стройный лад органично вплетались мужские голоса Артура и Леонида. С первых же слов у Саши защемило сердце: «Христос — это имя мне дорого!» Этот гимн когда-то предотвратил его гибельный шаг, удержал на самом краю пропасти. Он бросил быстрый взгляд на Юрия и понял, что тот переживает точно такое же состояние души. Все эмоции столь явно отражались на его лице, что не увидеть это было нельзя. И Саша стал благодарить Господа за услышанную молитву. По правде сказать, он был не менее Юрия ошеломлен этим каскадом один за другим нахлынувших на них благословений.

Песня закончилась, и сквозь монотонное гудение мотора они услышали придушенные всхлипывания Юрия. Обхватив голову руками, он уперся в спинку переднего сиденья, и все его тело чуть заметно подрагивало.

— Лизонька, останови машину, — взволнованно крикнул Леонид и нагнулся к нему. — Что, Юрий? Что? Говори, не держи в себе.

Юрий поднял голову. Он был бледен, и губы его дрожали.

— Я помню свои слова, — повторил он. — Люди, я понял, Кто побудил меня их сказать. Что-то подсказывает мне, что я нашел то, что мне нужно. — Он обвел всех увлажнившимися глазами, и голос его сорвался: — Саша, друзья, если бы вы только знали... Что мне нужно делать?

Автобус уже остановился. Леонид с Юрием вышли из автобуса, и все последовали их примеру. Там, на снегу, они все и встали на колени.

— Говори, Юра, говори, — шептал Леонид. — Христос слышит тебя. Ведь Он уже открылся тебе. Расскажи Ему

все свое наболевшее. И проси принять тебя. Расскажи...
И проси... Он ждет тебя.

* * *

— Глянь, глянь, чего это они? Че это там за куча-мала? — пробасил водитель рейсового автобуса своему напарнику. — Что-то стряслось, раз посыпались, ровно саранча.

— Где, где?

— Да во-он впереди.

Микрофон не был отключен, и, поскольку рассмотреть что-то через обледеневшие стекла салона было невозможно, пассажиры, те, кто полюбопытнее, тут же сгрудились у водительской кабины. Представшая взору картина вызвала у них прямо противоположные мнения: перед самой развилкой стояла одинокая «коробочка», и из ее распахнутой двери один за другим выходили люди. Перебравшись через отвал обочины, они вроде как падали на снег. Судя по густому сизому дыму из выхлопной трубы, мотор продолжал работать, и клубы дыма устремлялись ввысь, и, светлея на лету, растворялись там без следа.

— Че это они, че это? — раздалось удивленные голоса.

— Может, угорели в кузове-то? — предположила старушка. Она так и прилипла к заднему стеклу кабины. — Вона как дымит, зараза.

— Нормально дымит, бабка, — оборвал ее дед в облезлом колушке и такой же древней шапке с подвернутыми вовнутрь ушами, отчего она походила на рыцарский шлем с рогами. — Не суй свой нос, где не толкуешь.

— Ты много толкуешь, — обиделась она. — Видишь, падают. Угорели, как есть, угорели.

— Вот ведь заладила свое: угорели, угорели. То бы я не разобрал, что угорели. Хорошо, видать, поддали за встречу, вот и вся разгадка. Умеют радоваться люди.

Тем временем автобус поравнялся с «коробочкой», и все отчетливо увидели, что эти люди, в основном молодые девчата, стоят на коленях.

Шофер, притормозивший было около них, тут же дал газу.

— Молятся... Туды твою растуды, — невнятно выругался он. — Расплодилось их тут...

— Тю-ю, нашли место, — презрительно протянул и дед. — Сидели бы по домам тихосенько, никому бы не мешали. Нет, обязательно на люди надо.

Реплика показалась нелепой даже его спутнице.

— А здесь кому помешали? Тебе, пень ты болотный? — укорила она его и передразнила: — «Рази бы я не разобрал». Вот и не разобрал, потому что одна пьянь на уме. А люди перед Богом каются.

И она совершенно неожиданно для всех поставила общий диагноз:

— Все мы согрешили перед Богом. Всем нам надо теперь каяться. Пока не поздно.

Пассажиры, уже занявшие свои прежние места, постарались не расслышать этих ее слов и с отсутствующим видом стали разглядывать узоры на обледеневших окнах. Бабка вернулась к своему потускневшему деду. До самой автостанции никто больше не проронил ни слова. Пронзительная по смыслу картина: люди, стоявшие на снегу и взывавшие к Богу, — не сразу изгладилась из их памяти. Старушка, сама того не подозревая, заронила семя сомнения в их души словами апостола Павла: «...Все под грехом, как написано: „Нет праведного ни одного; нет разумющего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного“ ...Все согрешили и лишены славы Божией»*.

---

* Библия. Послание к римлянам (3:9–12, 23).

Конечно же, это было смутное время. Но именно им и закончилось величайшее со времен потопа отступление человека от Бога. Да не отступление — восстание против Него, сравнимое разве что со средневековой инквизицией. Разница была лишь в несоизмеримо большем, чем в годы инквизиции, количестве жертв. Да еще в том, что на этот раз мракобесы уже не прикрывались именем Христа и не рядились в овечьи шкуры, а открыто гнали Церковь Христову. Ведь главной задачей пособников сатаны было полное уничтожение даже самой памяти о Боге. Не получилось. Восстание человека завершилось полным его поражением, и на смену отрицанию Бога пришло пробуждение народа. Ни на минуту не прекращавшееся тайно, стало теперь открытым и доступным миссионерское движение вестников Христа и в Советском Союзе. В противовес колдунам всех мастей они несли людям слово Бога, дающее надежду и покой обремененным сердцам. И люди пошли в театры и на стадионы, чтобы слушать слово Бога. «...Вера — от слышания, а слышание — от Слова Божьего»*. Им, словом этим, все это было предречено: «И будет в последние дни, — говорит Бог, — изолью от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих, и на рабынь Моих в те дни изолью от Духа Моего, и будут пророчествовать... И будет: всякий, кто призовет имя Господа, спасется»**.

И вершилось чудо. Шло великое покаяние народа... Пусть будет благословенна миссия вестников Христа везде и всюду. Аминь.

---

* Библия. Послание к римлянам (10:17).

** Библия. Деяния апостолов (2:17–18, 21).

ПРИМЕЧАНИЯ

- С. 9 ¹ **С т а й к а** — помещение для скота, хлев.
- С. 10 ² **М о к р е ц** — очень мелкая неуловимая мошка, которая неприятно кусает кожу лица, в основном под глазами и на щеках. Активен только пока не подсохнет роса.
- С. 36 ³ **К и р ч и г а т ь, з а к и р ч и г а т ь** — скрежетать (заскрежетать), угрожающе скрипеть (заскрипеть) зубами.
- С. 37 ⁴ **М а н г у л и т ь** — физически тяжело работать.
- С. 49 ⁵ **С л я м з и т ь** — ловким движением руки схватить и спрятать что-то.
- С. 52 ⁶ **Л и н я т ь** — незаметно исчезнуть, скрыться из виду.
- С. 66 ⁷ **Б у р о в и т ь** — нести околесицу; молоть вздор, чепуху.
- С. 76 ⁸ **П о ч у т к о й** — то же, что и чуткий, сторожкий.
- С. 121 ⁹ **Р а з в е с т и** — обвести вокруг пальца, надурить.
- С. 122 ¹⁰ **С б а г р и т ь** — сбывать с рук. Здесь: сдать в милицию.
- ¹¹ **Х о д к а** — здесь: деловая поездка.
- ¹² **К е н т** — хороший знакомый, товарищ.
- С. 143 ¹³ **П о г о д и т ь с я** — вовремя оказаться в нужном месте, под рукой.
- С. 152 ¹⁴ **Ф у ц а н (или фофан)** — недотёпа, лох, лопух. Блатной жаргон.
- С. 154 ¹⁵ **П р о п у л ь** — мгновенная передача другому уворованной вещи; своевременный сбыт с рук улики. Блатной жаргон.
- ¹⁶ **С п у л и т ь** — мгновенно (пулей) передать что-то уворованное «подельнику». Блатной жаргон.
- С. 157 ¹⁷ **В а л ь т ы в р а з л е т е (или вальты в побеге)** — совершение неадекватных действий. Здесь: не все дома. Блатной жаргон.

- С. 169 ¹⁸**Скорешиться** — сдружиться (от «кореш» — сердечный друг). Блатной жаргон.
- С. 170 ¹⁹**Крытка** — тюрьма с ее полным отсутствием свободы. В «крытке» допускаются только разрешенные прогулки по тюремному двору.
- С. 172 ²⁰**Скукурзниться** — съежиться, сжаться.
- С. 174 ²¹**Чимчиковать** — шиковать.
- С. 177 ²²**Обремкавшаяся** — вконец изношенная (одежда); рванье.
- С. 211 ²³**Распадок** — небольшая ложбина, узкая долина между горами, холмами.
- С. 233 ²⁴**Жиган** — задиристый хулиган, в противовес «баклану», т.е. трусу.
- С. 242 ²⁵**Обмишулиться** — попасть впросак, опростоволоситься.
- С. 249 ²⁶**Хавира** — квартира; место проживания.
- С. 266 ²⁷**Тям** — ум, разум, понимание. «Не хватило тямю» — не догадались.
- ²⁸**Справа** — холодное оружие: финка, заточка. Блатной жаргон.
- С. 281 ²⁹**Пластать** — полыхать с треском и невероятным размахом.
- С. 301 ³⁰**Лихотить, залихотить** — тошнить (затошнить), чувствовать тошноту.
- ³¹**Треба** — нужно, есть потребность.
- С. 325 ³²**Неромнако** — неодинаково, не на равных.
- С. 326 ³³**Тартать** — тащить, волоочь, нести.
- С. 334 ³⁴**Схудиться** — «слететь с катушек» от выпитого, одуреть, сдуреть.
- С. 381 ³⁵**Кáлики (или колеса)** — наркотики в форме таблеток.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	57
Глава 9	61
Глава 10	70
Глава 11	87
Глава 12	102
Глава 13	108
Глава 14	118
Глава 15	126
Глава 16	134
Глава 17	142
Глава 18	150
Глава 19	163
Глава 20	172

Глава 21	186
Глава 22	195
Глава 23	208
Глава 24	215
Глава 25	228
Глава 26	237
Глава 27	247
Глава 28	252
Глава 29	260
Глава 30	269
Глава 31	278
Глава 32	284
Глава 33	290
Глава 34	299
Глава 35	310
Глава 36	318
Глава 37	332
Глава 38	341
Глава 39	345
Глава 40	350
Глава 41	358
Вместо эпилога	369
Примечания	397